ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

СЕРИЯ:

ИСТОРИЯ РОССИИ

Май 2026 Том 25 № 2

Специальная тема номера:

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ

Приглашенный редактор ***М.В. Ходяков***

Научный журнал
Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY

VOL. 25 NO. 2 MAY 2026

Special Theme of the Issue:

FAR EASTERN CROSS-BORDER OF RUSSIA

Guest Editor ***Mikhail V. Khodyakov***

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2026-25-2

http://journals.rudn.ru/russian-history

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)
Published four times a year in February, May, August, November.
Languages: Russian and English.
Indexed in White List (RCSI), Scopus, Web of Science Core Colletion's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): http://publicationethics.org

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at **http://journals.rudn.ru/russian-history**

E-mail: **rushistj@rudn.ru**

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 2026

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)
4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.
Языки: русский, английский.
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.
Публикует статьи по трем научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.
Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: http://www.ulrichsweb.com).
Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, индексируются в Белом списке (ЕГПНИ) РЦНИ, Scopus, Web of Science Core Colletion's Emerging Sources Citation Index(Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): http://publicationethics.org

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: **http://journals.rudn.ru/russian-history**

E-mail: **rushistj@rudn.ru**

Подписано в печать 20.05.2026. Выход в свет 27.05.2026. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 19,6. Тираж 500 экз. Заказ № 546. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2026

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF
Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*
DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF
Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*
EXECUTIVE SECRETARY
Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Dasbol S. Baigukanov, *Farabi University, Almaty, Kazakhstan*
Alexander Y. Bendin, *independent researcher, Minsk, Belarus*
Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
Alexander V. Chernykh, *Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Perm, Russia*
Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*
Denis N. Gergilev, *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*
Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*
Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*
Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*
Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*
Natalia L. Pushkareva, *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*
Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*
Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin
Translation Editors T.V. Dugina, Jonathan Sicotte
Layout Designer Tatiana N. Selivanova

Address of the Editorial Board:
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:
10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia
Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Байгунаков Д.С., *Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан*
Бендин А.Ю., *независимый исследователь, Минск, Беларусь*
Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*
Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*
Гергилёв Д.Н., *Институт российской истории РАН, Москва, Россия*
Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*
Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*
Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*
Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*
Пушкарева Н.Л., *Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия*
Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*
Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*
Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*
Черных А.В., *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия*
Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редакторы перевода Т.В. Дугина, Джонатан Сикотт
Компьютерная верстка: Т.Н. Селиванова

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

FAR EASTERN CROSS-BORDER OF RUSSIA

Guest Editor of the column is Dr. Habil. History, Professor ***Mikhail V. Khodyakov***

FAR EASTERN CROSS-BORDER OF RUSSIA

Dmitrieva N.V. Formation of Ussuri Region Civil Railway Infrastructure during the Early 20th Century 218

Yanchenko D.G. Ussuri Railway in the Government Plans for the Far East Development 235

Khodyakov M.V. "Railway Traffic Manager" of the Chinese Eastern Railway: Engineer A.K. Hinze's Actions from 1906–1917 254

Ablazhey N.N., Zhanbossinova A.S. Kazakh-Xinjiang Section of Soviet-Chinese Border in the Second Half of the 1920s – the First Half of the 1930s: Border and Passport Regimes, Illegal Migration and Economic Practices of the Population 268

Datsyshen V.G. Russian Émigrés in Manchuria during the Period of the CER Joint Soviet-Chinese Administration in the 1920s 284

Aktamov I.G. Cross-Border Educational Cooperation of Russia, Mongolia and China: Historic Basis and Current Trends 303

SOCIO-POLITICAL AND ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

Shagidanova K.I. Armenians' Entrepreneurial Activities in the Context of the Economic Policy of the Russian Empire during the 18th – 19th Centuries 319

Antoshkin A.V. Activities of the Main Administration for Producers' and Consumers' Cooperatives in the Bashkir ASSR in 1946–1950 329

HISTORY OF RUSSIAN CULTURE

Imasheva M.M. Muslim Parishes in the Astrakhan Governorate during 18th – Early 19th Century 342

Amanzholova D.A. Role of the Communist University of Workers of the East in Training Managers for the RSFSR Autonomous Regions during the 1920s 356

Bogoliubov E.A. The Fate of the Palaces of the Royal Family in Soviet Times: The Palace of the Emir of Bukhara in Zheleznovodsk 373

Sinitsyn F.L. 'Buridan's Ass' of Soviet Language Policy: Attempt to Reform Korean Writing System during the 1930s 386

SOURCES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH

Drobotushenko E.V. Project of General Commissariat of the Russian Empire in Manchuria during the Early 20th Century in the Collection of Manuscripts of Tsarskoye Selo Palace 400

Seleznev F.A. Outbreak of World War I According toemoirs of N.N. Shebeko, Russian Ambassador to Austria-Hungary 410

SCHOLARLY LIFE

Belov, V.I., Savichevab E.M., Hossein, E. Fourth Biennial Conference on Iranian Studies, Tehran, October 27–28, 2025 426

СОДЕРЖАНИЕ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ

Приглашенный редактор рубрики – доктор исторических наук, профессор ***М.В. Ходяков***

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ

Дмитриева Н.В. Имперская интеграция в условиях трансграничья: формирование гражданской железнодорожной инфраструктуры Дальнего Востока в начале XX века 218

Янченко Д.Г. Уссурийская железная дорога в правительственных планах освоения Дальнего Востока 235

Ходяков М.В. «Руководитель движения» на Китайско-Восточной железной дороге: деятельность инженера А. К. Гинце в 1906–1917 годах 254

Аблажей Н.Н., Жанбосинова А.С. Казахско-синьцзянский участок советско-китайской границы: пограничный режим и приграничные практики населения во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов 268

Дацышен В.Г. Русская эмиграция в Маньчжурии в период совместного советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы 284

Актамов И.Г. Трансграничное образовательное сотрудничество России, Монголии и Китая: исторические основы и современные тенденции 303

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Шагиданова К.И. Предпринимательская деятельность армян в контексте экономической политики Российской империи XVIII–XIX веков 319

Антошкин А.В. Деятельность Главного управления по делам промысловой и потребительской кооперации в Башкирской АССР в 1946–1950 годах 329

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Имашева М.М. Мусульманские приходы Астраханской губернии в XVIII – начале XIX века 342

Аманжолова Д.А. Роль Коммунистического университета трудящихся Востока в подготовке управленцев для автономий РСФСР в 1920-е годы 356

Боголюбов Е.А. Судьба дворцов царствующих особ в советское время: дворец эмира Бухарского в Железноводске 373

Синицын Ф.Л. «Буриданов осел» советской языковой политики: попытка реформы корейской письменности в 1930-е годы 386

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Дроботушенко Е.В. Проект Генерального Комиссарства Российской империи в Маньчжурии в начале XX в. в коллекции рукописей Царскосельского дворца 400

Селезнев Ф.А. Начало Первой мировой войны по воспоминаниям российского посла в Вене Н.Н. Шебеко 410

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Белов В.И., Савичева Е.М., Эбрахими Х. Четвертая международная конференция по иранским исследованиям, Тегеран, 27–28 октября 2025 года 426

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 218–234
http://journals.rudn.ru/russian-history

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ
FAR EASTERN CROSS-BORDER OF RUSSIA

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-218-234
EDN: MZMRZH

Научная статья / Research article

Имперская интеграция в условиях трансграничья: формирование гражданской железнодорожной инфраструктуры Уссурийского края в начале XX века

Наталья Валерьевна Дмитриева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
natalia.dmitrieva@spbu.ru

Аннотация: Исследуется история формирования гражданской железнодорожной инфраструктуры Уссурийского края в начале XX в. Показано, что трансграничное положение Приамурского генерал-губернаторства, его максимальная удаленность от имперского центра создавали уникальные условия, которые требовали значительной адаптации апробированных на других окраинах управленческих и организационных практик. Проанализирована сложная система взаимодействия местных властей с Управлением дороги, выявлены конфликтные зоны, стратегии адаптации общеимперских практик управления в условиях трансграничья. Автор приходит к выводу, что наиболее интенсивно развивались населенные пункты вдоль Уссурийской железной дороги (УЖД), обеспечивавшей до 1916 г. трансфер материальных и людских ресурсов из Владивостока через Северную Маньчжурию в европейскую часть России. Особенно это сказывалось на развитии городов и поселков вдоль Никольской железнодорожной ветки, которая соединяла УЖД с Китайско-Восточной железной дорогой. Увеличение численности их населения приводило к развитию гражданской инфраструктуры (строительству больниц, церквей, торговых учреждений, жилых кварталов и т.п.), в создании которой участвовали акторы различного уровня.

Ключевые слова: Российская империя, Дальний Восток, фронтир, железнодорожное строительство, трансграничье, интеграция

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия», https://rscf.ru/project/23-48-00004/

Для цитирования: *Дмитриева Н.В.* Имперская интеграция в условиях трансграничья: формирование гражданской железнодорожной инфраструктуры Дальнего Востока в начале XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 218–234. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-218-234 EDN: MZMRZH

© Дмитриева Н.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Formation of Ussuri Region Civil Railway Infrastructure during the Early 20th Century

Natalia V. Dmitrieva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
✉natalia.dmitrieva@spbu.ru

Abstract: The author in their article examines the process of railway construction in the Far East during the late 19th – early 20th century. The difficulties of this project demonstrated that the cross-border location of the Amur Governorate-General and its extreme remoteness from the imperial center, which created unique conditions that required significant adaptation of management and organizational practices which had been tested in other outlying regions. The complex system of interaction between the local authorities and the Railway Administration is analyzed in their article; conflict zones and strategies for adapting imperial management practices in cross-border conditions are identified. The author concludes that it was the settlements along the Ussuri Railway, which developed most intensively. They ensured the transfer of material and human resources from Vladivostok through Northern Manchuria to European Russia until 1916. This particularly affected the development of towns and settlements along the Nikolskaya railway line, which connected the Ussuri Railway with the Chinese Eastern Railway. The increase in their population led to the development of civil infrastructure (the construction of hospitals, churches, commercial establishments, residential areas, etc.), a development in which actors of various levels participated.

Keywords: Russian Empire, Far East, Ussuri Region, civil infrastructure, railway construction, cross-border, integration.

Authors' contributions: Author contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: This research was supported by the grant no. 23-48-00004 "Chinese Eastern Railway as a trans-border socio-cultural system: studying its history, reconstructing and modeling mechanisms of cultural heritage protection" of the Russian Science Foundation, https://rscf.ru/project/23-48-00004/

For citation: Dmitrieva, N.V. "Formation of Ussuri Region Civil Railway Infrastructure during the Early 20th Century." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 218–234 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-218-234 EDN: MZMRZH

Введение

Актуальность обращения к вопросам развития гражданской железнодорожной инфраструктуры в условиях дальневосточного трансграничья в начале XX в. обусловлена необходимостью изучения полученного российскими властями опыта по интеграции отдаленных территорий в единое административное и социокультурное пространство империи. Специфика региона, неустойчивые средства коммуникации, столкновение внутри- и внешнеполитических интересов приводили к трансформации уже апробированных на других окраинах управленческих практик. Особое влияние на реализуемые центральным руководством мероприятия оказывали вооруженные конфликты начала XX в. Неудачная Русско-японская война изменила приоритетные направления в освоении дальневосточного региона, акцентировав внимание на развитии транспортной инфраструктуры внутри страны. Активные боевые действия на западных границах империи в ходе Первой мировой войны повысили значимость заграничных поставок через Владивосток по железной дороге в европейскую часть России. Существенное влияние на вырабатываемые стратегии оказывало соседство с Китаем, формы взаимодействия с которым претерпевали существенные изменения в течение всего рассматриваемого периода. Железная дорога, оставаясь в начале XX в. наиболее быстрым способом транспортировки пассажиров и грузов, привлекала повышенное внимание руководства обоих государств. Рост численности населения, необходимость удовлетворения его не только социально-экономических,

но и культурных потребностей приводили к формированию особой социокультурной системы вдоль ключевых путей сообщения российско-китайского трансграничья.

Степень изученности проблемы. В историографии вопрос о путях имперской интеграции дальневосточных территорий разрабатывается в рамках отдельных сюжетов, связанных с дискуссиями об основных направлениях и формах усиления военно-политического присутствия Российской империи на Дальнем Востоке[1], управленческой организацией внутрирегионального пространства[2], историей железнодорожного строительства и влиянием новых транспортных путей на развитие региона[3], формированием военной и гражданской инфраструктуры вдоль КВЖД и УЖД[4], их ролью в обеспечении транспортных перевозок[5]. В качестве отдельных направлений можно выделить проблемы формирования российско-китайской границы[6], ее функционирования в контексте фронтирного взаимодействия[7], положения

[1] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008; *Авилов Р.С.* Русский город в Маньчжурии глазами военного министра: посещение А.Н. Куропаткиным Харбина в 1903 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 354–369. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-3-354-369 EDN: XKMJYA; *Авилов Р.С.* Город Дальний глазами русского военного министра Алексея Куропаткина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. № 4. С. 1118–1133. DOI: 10.21638/spbu02.2022.406 EDN: PXWBJQ; *Кротова М.В.* Из Европы в Азию: КВЖД как часть транзитного пути // Новое прошлое. 2023. № 4. С. 270–279. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-4-270-279 EDN: JHMJZW

[2] *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004; *Dukes P.* Russia in Manchuria. A Problem of Empire. London: Routledge, 2022; *Marks S.G.* Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asia Russia, 1850–1917. Ithaca, NY, 1991.

[3] *Шенк Ф.Б.* Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016; *Нилус Е.Х.* Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги 1896–1923 гг. Т. 1. Харбин, 1923; *Дмитриева Н.В.* Между двух империй: железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в позднеимперский период // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 1. С. 254–267. DOI: 10.15826/qr.2024.1.877 EDN: ELKJEG; *Лисицын А.А.* Дальневосточная железная дорога в период ее становления (1891–1917). Хабаровск, 2017.

[4] *Авилов Р.С.* Оборонительное строительство на КВЖД накануне и во время Первой мировой войны: проблемы финансирования // Новый исторический вестник. 2024. Т. 80. № 2. С. 6–27. DOI: 10.54770/20729286_2024_2_6 EDN: AAZVKT; *Базилевич М., Ким А.* Первые архитекторы и инженеры Уссурийска (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2023. Т. 13. № 4. С. 685–708. DOI: 10.21638/spbu15.2023.405 EDN: JGSBYH; *Глатоленкова Е.В.* Архитектурные особенности станции Никольск-Уссурийский в конце XIX – первой четверти XX века // Урбанистика. 2024. № 3. С. 82–99. DOI: 10.7256/2310-8673.2024.3.71365 EDN: ADHCEA

[5] *Бояхчян А.Г.* Направления и объемы перевозок грузов по Уссурийской ж.д. в начальный период эксплуатации (в начале XX века) // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 4 (36); *Буркова В.В.* Дальневосточная (Уссурийская) и Харбинская (Китайско-Восточная) железные дороги // Железнодорожный транспорт. 2012. № 2. С. 68–73. EDN: OXVRBN

[6] *Paine S.* A history of the Sino-Soviet border, 1858–1924. Ann Arbor: UMI, 1993; *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. Хабаровск, 1997; *Ткаченко Б.И.* Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах, Владивосток: Уссури, 1999; *Янченко Д.Г.* Пограничье России и Китая позднеимперского периода в контексте пересмотра торгово-экономических отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 317–333. DOI: 10.21638/spbu02.2023.202 EDN: GOADEP; *Старовойтова Е.О.* Реорганизация дипломатических представительств Российской империи в Северо-Восточном Китае в начале XX века: по материалам АВПРИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 484–495. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-3-484-495 EDN: VRFAGW; *Дацышен В.Г.* Русские в Особом районе Восточных провинций Китайской Республики. Проблемы русско-китайских отношений на Китайско-Восточной железной дороге в 1920–1924 годах // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 3. С. 636–656. DOI: 10.21638/spbu24.2024.307 EDN: VAJXBA

[7] *Урбански С.* За степным фронтиром: история российско-китайской границы. М.: НЛО, 2023; *Янченко Д.Г.* Колонизация русско-китайского фронтира и пограничья в современных исследованиях // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 2. С. 520–530. DOI: 10.21638/spbu24.2024.216 EDN: KLZJRG; *Paine S.* Imperial Rivals: China, Russia, and their Disputed Frontier. Armonk, NY, 1996; *Wolff D.* To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford, 1999.

иностранных подданных на российском Дальнем Востоке[8]. Вместе с тем в дальнейшем изучении нуждаются вопросы о роли железнодорожного строительства в формировании инфраструктуры населенных пунктов вдоль путей сообщения, когда Российская империя вынуждена была преобразовывать новые пустынные территории и осваивать их не только на военном и административном, но и социокультурном уровне в условиях интенсивно развивающейся трансграничной зоны.

Источниковая база исследования. Исследование в заданном ракурсе с применением методов case studies позволяют реализовать материалы, сохранившиеся в центральных и региональных архивах. Так, отчет о сооружении Никольской железнодорожной ветки УЖД, хранящийся в фонде Государственной канцелярии Государственного совета (Ф. 1162) Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), содержит сведения об использованных типовых проектах станционных зданий, а также изменениях, которые в них вносились инженерами КВЖД. В фонде Управления железных дорог Министерства путей сообщения (Ф. 273, РГИА) представлены доклады и отчеты о состоянии УЖД, справки об ее эксплуатации, а также переписка с местными органами власти по вопросам, касавшимся дороги в казенный период. Документы о дальнейшем развитии гражданской железнодорожной инфраструктуры в Уссурийском крае, после передачи УЖД в аренду КВЖД, отложились в фонде Правления Общества КВЖД (Ф. 323, РГИА). В отчетных материалах Управления КВЖД, находившегося в Харбине, представлена информация о модернизации железнодорожных поселков накануне Первой мировой войны (Ф. 6081, Государственный архив Российской Федерации).

Данные центральных архивов, часто имеющие обобщающий характер, дополняются сведениями из документов, отложившихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). В них сохранились свидетельства о проблемах, с которыми часто сталкивались отделения различных служб УЖД и КВЖД в Уссурийском крае при реализации планов центральных органов власти, в частности в фондах «Управление Уссурийской казенной железной дороги» (Ф. 31) и «Уссурийское отделение службы пути и сооружений КВЖД» (Ф. 75).

Сложности взаимодействия региональных органов власти с институтами местного самоуправления в процессе имперской интеграции, приводившей к столкновению общероссийских и локальных практик, нашли отражение в бумагах канцелярии Приамурского генерал-губернатора (Ф. 702, РГИА ДВ). Ряд документов из фонда заведующего переселенческим делом в Уссурийском крае (Ф. 1) Государственного архива Приморского края позволяют оценить степень взаимосвязи и взаимовлияния железнодорожного строительства и переселенческого дела в рамках освоения империей новых территорий. Таким образом, совокупность перечисленных разноуровневых свидетельств дает возможность проследить не только стратегии выработки управленческих решений на высшем административном уровне, но и практики их адаптации на Дальнем Востоке.

Изменяя пространство: железнодорожное строительство в условиях трансграничья

В конце XIX – начале XX в. Российской империей был реализован беспрецедентный по масштабам железнодорожный проект, главной целью которого стало связать Петербург с недавно присоединенными дальневосточными территориями.

[8] *Лор Э.* Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М., 2017; *Позняк Т.З.* Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 2004. EDN: QOVXDH

В 1891 г. строительство Транссибирской магистрали было начато с прокладки Уссурийской железной дороги (1891–1897 гг.) из Владивостока в Хабаровск. Дорога строилась на государственные средства, ее управление находилось в ведении Министерства путей сообщения (МПС)[9]. С 1892 по 1900 гг. сооружались практически одновременно сразу три ветки Транссиба на западе: Западно-Сибирская, Средне-Сибирская и Забайкальская дороги, также подчиненные МПС. Необходимость соединения западных и восточных линий Великого Сибирского пути была очевидной, но сложной задачей. В силу целого ряда причин, как природно-климатических, так и политико-экономических (в том числе и международной обстановки), имперскими властями было принято решение сократить путь из Читы во Владивосток постройкой железной дороги по территории Северо-Востока Китая. Несмотря на то, что сооружение КВЖД (1897–1903) осуществлялось формально частным Обществом, специально для этого созданным, финансирование и управление дорогой осуществлялось Министерством финансов Российской империи и курировалось лично С.Ю. Витте из Петербурга[10]. Таким образом, на Дальнем Востоке важные для России железнодорожные транспортные пути оказались не просто подчинены разным ведомствам, но они находились на территории двух государств. Сооружение соединительных веток от Транссиба к КВЖД – Западной – Кайдаловской (от Читы до станции Маньчжурия[11]) и Восточной – Никольской (от Никольск-Уссурийска до станции Пограничная (Суйфунхе)[12]) рассматривалось современниками естественной необходимостью. Без них весь грандиозный план по сокращению пути, а также экономии средств терял смысл. Обе ветки были официально сданы в эксплуатацию в 1901 г. и подчинялись МПС, однако управление пограничной станцией Маньчжурия на Кайдаловской линии осуществлялось совместно Забайкальской железной дорогой (ЗЖД) и КВЖД. В 1906 г. вся УЖД вместе с Никольской соединительной веткой была передана в аренду до 1931 г. Обществу КВЖД и выведена из категории казенных железных дорог[13].

24 декабря 1909 г. В.М. Верховской, представитель МПС в Правлении КВЖД по делам УЖД, подготовил на имя министра путей сообщения С.В. Рухлого справку о значении железнодорожного сообщения для развития российского Дальнего Востока. В ней особо подчеркивалась важность транзитной функции Никольской соединительной ветки, объединявшей две дороги, а также в целом регион с империей в те-

[9] Подробнее см.: *Лисицын А.А.* Дальневосточная железная дорога в период ее становления (1891–1917). Хабаровск, 2017.

[10] В историографии очень подробно рассмотрена история строительства КВЖД. Подробнее см.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008.

[11] См. подробнее: *Ходяков М.В.* Станция Маньчжурия в начале XX в.: проблемы организации управления на железной дороге // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. Т. 64. № 4. С. 97–106. DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-97-106 EDN: SLUZMI; *Дмитриева Н.В.* На пути к КВЖД: финансовая составляющая истории строительства Кайдаловской железнодорожной ветви // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4. С. 861–874. DOI: 10.21638/spbu24.2023.410 EDN: IAFFAZ

[12] См. подробнее: *Дмитриева Н.В.* Между двух империй: железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в позднеимперский период // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 1. С. 254–267. DOI: 10.15826/qr.2024.1.877 EDN: ELKJEG

[13] См.: подробнее: *Ходяков М.В.* Документы Российского государственного исторического архива о передаче в начале XX в. Уссурийской железной дороги в управление Обществу КВЖД // Отечественные архивы. 2024. № 3. С. 47–56. EDN: OBMFHA; *Ходяков М.В.* Модернизация Уссурийской линии Китайско-Восточной железной дороги: Никольская ветвь в 1906–1919 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24. № 8: История. С. 111–122. DOI: 10.25205/1818-7919-2025-24-8-111-122 EDN: QQJAIG

чение последних восьми лет. Путь насчитывал всего 115 верст. В свою очередь, отрезок УЖД от Никольска-Уссурийского до Хабаровска по протяженности превышал его более чем в три раза (615 верст), однако обслуживал лишь местное движение[14]. Общая пропускная способность участка Пограничная (последняя станция КВЖД на территории Китая) – Владивосток составляла 12 поездов ежедневно, что было в два раза выше остальной части УЖД. Большинство из этих поездов (8 из 12) являлись военными[15]. Строившаяся в этот период на российской территории альтернативная КВЖД Амурская железная дорога (АЖД) должна была изменить ситуацию. С открытием по ней движения предполагалось, что Никольская ветка сохранит только свое коммерческое значение в отношениях двух государств. Однако построенная Обществом КВЖД на деньги из российского бюджета Никольская ветка существенно превышала УЖД и по своим качественным характеристикам. При ее сооружении были использованы рельсы типа КВЖД в 24 фунта на пог. фут. В свою очередь, главный путь УЖД был уложен легковесными рельсами – 18 фунтов на пог. фут.[16] Все это способствовало сохранению Никольским транзитным путем своей актуальности вплоть до запуска в 1916 г. АЖД, привлекая в регион значительное количество переселенцев и способствуя развитию Приамурского региона.

В ходе строительства Обществом КВЖД соединительной Никольской ветки от китайской границы до Никольска-Уссурийского прокладывались не только рельсы, также строились и оснащались необходимым оборудованием здания для железнодорожных служащих. В октябре 1899 г. министром путей сообщения князем М.И. Хилковым и министром финансов С.Ю. Витте «было признано возможным принять в эксплуатацию» этот участок пути и чтобы Общество КВЖД передало его казенной УЖД[17]. 1 января 1900 г. началось движение поездов от Владивостока до станции Гродеково (последней на территории Российской империи)[18]. Однако в течение первого полугодия эксплуатации взаимодействие по обустройству станций между коммерческим Обществом и Управлением казенной железной дороги продолжилось. МПС было выявлено, что депо на конечной станции российского отрезка пути передано без инвентаря, как и водокачки всех трех станций ветки (Галенки, Хорватово и Гродеково) без соответствующего оборудования. Расчет стоимости недостающего оказался внушительным: для оборудования депо Гродеково начальником УЖД полковником Н.И. Кремером запрашивалось 4 381 руб., для оборудования водокачек – 7 999 руб. 83 коп.[19] И если вторая сумма не вызывала сомнения у инженеров КВЖД[20], то стоимость оборудования депо подталкивающих поездов и дежурной комнаты была ими снижена вдвое. В прилагаемой к письму ведомости обращает на себя внимание перечень обязательного инвентаря: помимо кроватей, спальных принадлежностей и бытовых предметов, были указаны иконы в количестве 4 штук (как для станции Владивосток) общей стоимостью 15 руб. и лампады в количестве 3 штук (как для станции Хабаровск) на сумму 7,25 руб.[21] Обе указанные в качестве примера станции были II класса, а не III, каковой являлась Гродеково, что, в том числе позволило Обществу КВЖД сократить свои затраты[22].

[14] РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 283. Л. 138.
[15] Там же. Л. 138об.
[16] Там же.
[17] Там же. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 23. Л. 4 об.
[18] Там же. Ф. 273. Оп. 6. Д. 283. Л. 6.
[19] Там же. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1776. Л. 134.
[20] Там же. Л. 121.
[21] Там же. Л. 127.
[22] Там же. Л. 123.

Сложность строительства железной дороги для связи удаленной окраины с европейской частью России определялась не только расстояниями и бюрократическими перипетиями. Особые природные условия, сезоны дождей и высокий уровень разлива рек вносили свои коррективы в эксплуатацию дороги, сказываясь на скорости и объемах поставки товаров, перевозки гражданских пассажиров и перемещении войск. Инженерами КВЖД был допущен ряд просчетов в сооружении Никольской ветки. Первоначально на отрезке между станциями Хорватово и Гродеково были построены железнодорожные мосты через реки с отверстиями в 3 саж. Их разрушило наводнение 1904 г. Вместо них уже после передачи УЖД в эксплуатацию Обществу КВЖД на 80 версте был построен мост с отверстием в 5 саж., а на 81 – в 25 саж. Казалось, что этого будет достаточно. Наводнение 1914 г. разрушило и их[23]. Нарушение движения по единственному связующему железнодорожному пути между портом Владивостока и европейской частью России в условиях Первой мировой войны (ПМВ) грозило катастрофой. Кроме того, именно по Никольской соединительной ветке в Главные Харбинские мастерские в 1915 и 1916 гг. доставлялись для сборки закупленные в Северной Америке паровозы. Проекты восстановления постоянных мостов инженерами КВЖД были рассчитаны по двум вариантам – с изменением направления ветки и без него – на сумму 423 тыс. и 376 тыс. руб. соответственно[24]. Получить в Министерстве финансов подобные суммы в условиях ПМВ не представлялось возможным, что подтверждает длительность обсуждения вопроса. 24 марта 1916 г. правлением Общества КВЖД было принято решение о срочном сооружении временных свайных мостов с отверстием в 40 саж., стоимость которых составляла 40 000 руб.[25] Несмотря на все сложности, транспортные перевозки продолжали осуществляться.

Движение на Восток: переселенческая политика и развитие гражданской железнодорожной инфраструктуры

Присоединение к России по Пекинскому договору 1860 г. Уссурийского края положило начало деятельности имперских властей по заселению этих территорий выходцами из европейской части страны. В первую очередь, речь шла о крестьянах для сельскохозяйственной колонизации и казаках, которые могли совмещать колонизацию с несением воинской службы. Выбор районов для переселения определялся наличием плодородной земли и ее количеством, а также удобными путями коммуникации. Центральные и региональные власти рассматривали этот процесс как возможность для Российской империи закрепиться на обозначенной территории. В 1902 г. генерал для поручений при командующем войсками Приамурского военного округа А.А. Трусов в докладе Приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову отмечал, что «вновь сажаемое русское население предназначалось обыкновенно для оживления пустынных местностей страны, для внесения и упрочения в них русской жизни и для борьбы против прилива в наши пределы чуждых народностей, что в особенности имеет место для Приамурского края, где культурная борьба с могучим соседом представляет вопрос большой важности»[26].

По данным Переселенческого управления, представленным генерал-губернатору 29 августа 1902 г., с 1883 г. по 1892 г. морским путем из Одессы в Уссурийский

[23] РГИА ДВ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 347. Л. 113 об.
[24] Там же. Л. 113.
[25] Там же. Л. 174 об., 183.
[26] Там же. Ф. 702. Оп. 5. Д. 611. Л. 35 об.

край были переселены не более 16 774 чел. в составе 2 634 семей[27]. Столь низкие показатели объяснялись доставкой в регион совместно с гражданским населением военнослужащих[28]. В течение последующих пяти лет до 1897 г. включительно численность переселенцев увеличилась вдвое по сравнению с периодом 1888–1892 гг. (6 848 чел. обоего пола в составе 1 069 семей[29]) и составила 14 443 чел. (2 138 семей). Одновременно в Амурскую область из Сибири шло перемещение населения внутренним сухопутным путем. За 15 лет (с 1883–1897 гг.) этим способом переселилось 27 405 чел. в составе 4 618 семей[30].

Строительство Уссурийской железной дороги способствовало интенсификации переселенческого дела. Вместе с крестьянами в регион прибывало рабочее население, расширялись возможности для подрядчиков, участвовавших в сооружении путей, создавались железнодорожные поселки с новыми рабочими местами и гражданской инфраструктурой, рядом с ними возникали крестьянские и казачьи поселения. Положительно сказывалось строительство и на выявлении наиболее пригодных для земледелия районов. Начиная с 1894 г. по указанию МВД и подготовительной комиссии Комитета по строительству Сибирской железной дороги Приамурским генерал-губернатором С.М. Духовским для выделения крестьянских наделов были направлены межевые техники, производилась разведка новых территорий[31]. За неполные пять лет (с 1 января 1898 г. по 1 августа 1902 г.) в Уссурийский край переселилось 40 354 чел. в составе 5 442 семей, а в Амурскую область по внутреннему Сибирскому пути (где уже функционировала ЗЖД) прибыло еще 13 909 чел.

Ввод в эксплуатацию 1(14) июня 1903 г. КВЖД способствовал ежегодному притоку переселенцев из европейской части России. Еще весной 1902 г. в связи с открытием временного движения по дороге Н.И. Гродеков инициировал в ограниченных размерах перевозку первых «переселенческих партий» в Приморскую область по железной дороге[32]. Соответствующие пункты были организованы на пограничных стыковочных станциях Маньчжурия (на западе между Забайкальской железной дорогой и КВЖД) и Гродеково (на востоке между КВЖД и УЖД). В феврале 1908 г. Технический отдел службы эксплуатации Общества КВЖД сообщал заведующему переселенческим делом Приморской области, что в регион через станцию Маньчжурия за 1907 г. было перевезено 42 606 взрослых и 19 929 малолетних, а всего – 62 549 душ и 793 вагона с кладью и живностью[33].

Растущий ежегодно поток переселенцев через территорию Китая, непривычные для переселенцев из европейской части России природные условия Уссурийского края, а также интенсивное перемещение по железным дорогам региона войск требовали со стороны местной администрации мер по усилению санитарной безопасности. На транзитной Никольской ветке больницы и приемные покои располагались на станциях III класса Гродеково и Никольск-Уссурийский[34]. Опыт эксплуатации

[27] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 246. Л. 2 об.

[28] Там же. Л. 4.

[29] Там же. Л. 5.

[30] Там же.

[31] Там же. Л. 5 об.

[32] Там же. Л. 50.

[33] ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 194.

[34] Более подробное описание больничных зданий на станциях Никольской ветки см.: *Дмитриева Н.В., Богомазов Н.И.* Архитектура железнодорожных поселков российско-китайского пограничья в конце XIX – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2025. Т. 15. № 2. С. 240. DOI: 10.21638/spbu15.2025.207 EDN: AOVNHX

показал недостаточную их оснащенность санитарным оборудованием для приема переселенцев.

По запросу Переселенческого управления строились дополнительные здания, закупался необходимый инвентарь. Отмечая высокую значимость станции Гродеково с точки зрения обеспечения санитарной безопасности Приамурского края, Управление предлагало начальнику УЖД Н.И. фон Кремеру возвести изоляционные бараки, помещения для аптеки, кухни, теплые бараки для семей задерживаемых заразных больных и т.д. на общую сумму 15 190 руб.[35] На совещании по рассмотрению сметных предложений переселенческой организации в Приморской области на 1908 г., проходившем 26–30 мая 1907 г., заведующий Никольским подрайоном В.И. Рубинский сообщал, что в Никольск-Уссурийском пункте имеется только небольшая больница на 8 кроватей, размещенная «в малоприспособленном для больничных дел доме, подвергнутом к тому же воздействию разрушительного древесного грибка и нуждающаяся потому в постоянном ремонте»[36]. Аналогичная ситуация сложилась и со станционной железнодорожной больницей, которая была временной и располагалась с левой стороны от путей рядом с локомотивным депо и складом угольного топлива. В случае расширения паровозного здания часть больничных помещений подлежала сносу. По этим причинам Управляющим КВЖД, посетившим станцию весной 1910 г., был поднят вопрос о переносе больницы на правую сторону от дороги на территорию уже достаточно разросшегося железнодорожного поселка[37]. Согласно первоначальному плану, под новую больницу предполагалось отдать одно из зданий бывших казарм (современный адрес – г. Уссурийск, ул. Блюхера 5А и 7А), что обошлось бы дороге в 30 512 руб.[38] После долгой переписки с Правлением Общества КВЖД и службой путей и сооружений дороги от него отказались, т.к. оба здания не удовлетворяли требованиям по площади и предполагали разбор нескольких ротных сооружений и деревянных построек при жилых домах. Для организации новой больницы было отдано здание столовой батальона с прилегающей к нему территорией[39].

Строительство велось подрядным способом. В перечень работ вошли переделка 1 этажа – 22 030,5 руб., пристройка лестницы и дезинфекционной камеры – 2 746 руб., надстройка второго этажа – 37 340 руб., барак для заразнобольных (новый) – 8 718 руб., часовня и покойницкая (новая) – 2 200 руб., забор и наружный водопровод – 5 000 руб. Итоговая сумма составила 78 034,5 руб., ассигновали 78 200 руб.[40] Договор на работы по постройке больничных зданий на станции Никольск-Уссурийский был заключен с подрядчиком С.К. Гурским 31 марта 1913 г. на сумму 76 000 руб.[41] Больница строилась с паровым отоплением и электрическим освещением. Работы подрядчиком были выполнены в полном объеме, новая больница начала свою работу в годы Первой мировой войны[42].

[35] ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 99–101.

[36] Там же. Д. 33. Л. 32.

[37] РГИА ДВ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 120. Л. 16.

[38] Там же.

[39] Там же. Л. 2.

[40] Там же. Л. 6.

[41] Там же. Л. 12.

[42] На момент натурного осмотра в июле 2025 г. основной корпус больницы находится в аварийном состоянии и выставлен на продажу. Запланированный к строительству в 1913 г. новый блок для заразных больных был продан частному инвестору и находился в 2024 г. в аварийном состоянии, на момент осмотра в июле 2025 г. полностью реконструирован с сохранением внешнего исторического облика. Оба здания не включены в ЕГР ОКН РФ.

В условиях российско-китайского трансграничья активное сооружение железнодорожных путей и застройка прилегающих к ним поселков привлекало в регион большое количество рабочих из соседних густонаселенных районов Китая. Этому способствовал в том числе запрос на их труд со стороны частных подрядчиков, т.к. он обходился дешевле. Пытаясь регулировать количество китайских подданных в регионе, российское руководство начало вводить ограничения по привлечению иностранцев на железнодорожные работы. 15 июня 1892 г. был издан секретный циркуляр Временного управления казенных железных дорог, согласно которому предлагалось отказаться от заключения договоров с иностранными подданными; в исключительных случаях допускалось привлекать их к производству на дорогах каких-либо простых работ (например, бурение колодцев, устройство сигнализации и т.п.), но для этого требовалось «испрашивать каждый раз особое разрешение министра путей сообщения»[43]. Однако начало Русско-японской войны и сокращение числа российских рабочих потребовали официальных разъяснений о возможных границах применения указанного документа. 10 марта 1904 г. начальникам и управляющим казенных железных дорог был разослан новый циркуляр, в котором сообщалось, что

> управлениям железных дорог не возбраняется отступать от точного применения циркуляра в тех случаях, где вступление в договорные отношения с иностранцами представляется безусловно необходимым <…> также отступление допустимо по отношению поставки иностранцами материалов по вагоностроительной части, краткосрочной аренде железнодорожных земельных участков и т.п.[44]

Согласно ежегодным представлениям военного губернатора Приморской области численность китайского, корейского и японского населения Владивостока за период с 1900 по 1908 гг. увеличилась с 14 820 чел. до 34 845 чел. Аналогичная тенденция прослеживается и в Никольске-Уссурийском: с 5 050 чел. в 1900 г. до 12 327 чел в 1908 г. Особой интенсивностью отличались 1906, 1907 и 1908 гг.[45], что можно объяснить возросшим значением Владивостока после завершения русско-японской войны, ремонтными работами на УЖД и транзитной ролью Никольской соединительной ветки, которая связывала через Северо-Восток Китая европейскую Россию с портом на Тихом океане.

Новую попытку ограничить использование иностранной рабочей силы на государственных работах российское правительство предприняло 21 июня 1910 г., когда был опубликован закон, запрещавший в Приамурском и Иркутском генерал-губернаторствах и Забайкальской области «сдачу всем лицам, состоявшим в иностранном подданстве, казенных подрядов и поставок»[46]. По подсчетам Э. Лора, в 1911 г. 46 % из 31 566 работников на государственных предприятиях в Приамурье были выходцами из Азии (преимущественно китайцами)[47]. Попытка оказалась неудачной. Динамичное развитие Приамурского края, в т.ч. строительство АЖД, вынуждали российское правительство делать исключения.

Рост численности китайского населения в населенных пунктах вдоль железной дороги актуализировал не только вопрос об увеличении русского населения Уссурийского края, но и об усилении культурного влияния Российской империи в регионе.

[43] РГИА ДВ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 115.

[44] Там же. Л. 115 об.

[45] Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 340. Л. 2–8 об.

[46] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 30. 1910 г. № 33858. СПб., 1913. С. 825.

[47] *Лор Э.* Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М., 2017. С. 152.

Существенная роль в этом вопросе отводилась церковному строительству[48]. До начала прокладки УЖД, по данным Переселенческого управления, в Южно-Уссурийском округе насчитывалось 22 церкви и 6 часовен. Из них в 1890 г. были построены 5 церквей и 4 часовни. Такое незначительное количество храмов отрицательно сказывалось на интенсивности освоения новых земель. Как отмечалось в отчете Переселенческого управления за 1891 г., «новоселы, привыкшие на родине к близкому соседству храма, стараются приписываться к селам и избегают местности вдали от церкви»[49]. Сооружение железной дороги активизировало строительство новых культовых сооружений. Финансирование осуществлялось преимущественно из средств Фонда имени императора Александра III, а также Комитета Сибирской железной дороги (СЖД). В отчете С.С. Шилкина об осмотре в 1901 г. церквей и школ, сооружаемых на средства Фонда при станциях УЖД и ЗЖД, сообщалось, что «большинство железнодорожных храмов в отношении внешней и внутренней отделки являются значительно более законченными и благообразными, нежели сельские церкви». Объяснялось это тем, что «руководство и технический надзор за их постройкой лежали на начальниках участков строительства железной дороги… в распоряжении железнодорожной администрации всегда были более опытные мастера и рабочие… на сооружение станционных церквей отпускались значительно большие суммы»[50]. Общие затраты на постройку одной церкви и трех школ-церквей при станциях УЖД в 1901 г. составили 40 173,49 руб., из которых 31 тыс. руб. выделил Фонд, 7 тыс. руб. перечислил Комитет СЖД, остальная сумма была получена в качестве процентов на строительные кредиты и пожертвования[51].

В населенных пунктах, образованных при железнодорожных станциях, часть затрат на сооружение храмов могло брать на себя местное население. В мае 1910 г. Гродековской поселковый сход казаков принял решение «об отведении мест под ломку камня, песок, под кирпич и для извести, где признается удобным и годным материалом» при сооружении каменной церкви в поселке при станции Гродеково взамен ранее построенной деревянной. Кроме того, общество взяло на себя расходы и на внутреннее украшение храма: иконостас и иконы, утварь и колокола[52]. С использованием подобной кооперация в период с 1900 по 1917 гг. близ железнодорожных станций, в селах и станицах было возведено 70 церквей и часовен, основано 4 монастыря, построено 6 экипажных храмов[53].

Контактная зона: дискуссии по земельному вопросу вдоль Уссурийской железной дороги

Открытие железнодорожного сообщения по Никольской ветке УЖД превращало расположенные вдоль нее населенные пункты в активную контактную зону не только на межэтническом и межгосударственном уровне. Расширение территории

[48] Более подробно об этом см.: *Магазинер Н.А.* Железнодорожные храмы Транссибирской магистрали (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2016; *Охотникова Ю.В.* Православное храмовое зодчество юга Дальнего Востока России: середина XIX – нач. XX вв.: автореферат дис. ... кандидата архитектуры. М., 2011. EDN: YUHTZZ; *Ходяков М.В., Чжицин Ч.* Строительство церквей в Забайкалье и Китайско-Восточная железная дорога: Кайдаловская ветвь на рубеже XIX–XX веков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 8. С. 100–111. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-8-100-111 EDN: EUUGRX

[49] ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 74–75.

[50] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 266. Л. 405.

[51] Там же. Л. 405 об.

[52] Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 32. Л. 14.

[53] *Охотникова Ю.В.* Православное храмовое зодчество... С. 10.

поселений, изменение в связи с этим их статуса приводило к столкновению земельных интересов местной администрации и железной дороги. Дискуссии о правах на прилегающие к станциям участки разворачивались между различными административными структурами и создавали прецеденты не всегда удачного взаимодействия городского самоуправления со сложной государственной бюрократической машиной.

В ходе строительства соединительного пути между УЖД и КВЖД были образованы три новые станции, одна из которых (Галенки) была основана возле одноименного селения, а две другие (Гродеково и Хорватово) – в незаселенной местности. Но после завершения строительства ветки при обеих станциях образовались казачьи станицы[54].

Начальным пунктом для пути к китайской границе стала станция Никольское (впоследствии Кетрицево и Никольск-Уссурийский), возникшая при одноименном селе в 1893 г. и после организации при ней Никольских железнодорожных мастерских. Отдаленность населенного пункта от УЖД вызывала сложность по поиску жилья для всех ее служащих и мастеровых. Одновременно администрация дороги стремилась создать более устойчивый контингент работников путем сдачи им в аренду земельных участков под постройку собственных домов вблизи места службы на льготных условиях. Сочетание этих двух факторов вызвало в 1896 г. ходатайство начальника УЖД перед генерал-губернатором Приамурского края С.М. Духовским об отводе из собственных казенных земель, прилегающих к станции Никольское, площади в 100 дес. для частичного строительства служащих дороги[55]. В свою очередь, С.М. Духовской на основании высочайше утвержденного 5 июля 1895 г. «Положения комитета Сибирской железной дороги об образовании железнодорожных поселков» предложил военному губернатору Приморской области Д.И. Субботичу сделать распоряжение об отводе просимого участка земли при станции Никольское путем отмежевания соответствующего числа кварталов по плану, составленному для уже предположенного здесь городского поселения[56]. Правилами, утвержденными генерал-губернатором, предусматривалась возможность включения образовавшихся железнодорожных поселков в состав городских поселений и устанавливалось, что подчиняться они в таком случае должны существующим законоположениям относительно городов. Кроме того, те части отведенных под поселки участков, которые в течение трех лет со времени учреждения городов не будут заняты под дворовые и усадебные места, должны были поступить на общем основании в непосредственное ведение городских управлений[57].

3 апреля 1898 г. село Никольское преобразовали в город с утверждением первоначального плана, из которого было выделено несколько кварталов в восточной его части под железнодорожный поселок. На этом основании городской староста в 1902 г. возбудил ходатайство о передаче поселка в ведение города. Управление дороги предложило уступить лишь оставшиеся незастроенными 24 участка, настаивая на необходимости сохранения за дорогой ближайших к линии четырех кварталов, предназначавшихся под постройку зданий Управления дороги в случае перевода последнего из Владивостока в Никольск, что предполагалось накануне русско-японской войны. Городские власти такое предложение не устроило, и они безуспешно продолжал настаивать на передаче всей территории поселка, который к 1 января 1906 г. разросся

[54] РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 3378. Л. 4 об.
[55] Там же. Д. 1639. Л. 1.
[56] Там же. Л. 1 об.
[57] Там же. Л. 2.

до 183 участков. К этому времени в нем появились трактиры, виноторговли, пивные, мясные и бакалейные лавки[58].

Важной составляющей в населенных пунктах, образованных при железнодорожных станциях, являлось обеспечение общественного и административного порядка, а также санитарной безопасности. Железнодорожная полиция располагала весьма незначительным числом служащих, что не позволяло ей установить даже наружные полицейские посты, а Управление УЖД требуемых для решения этого вопроса средств не имело. Передача всей застроенной части железнодорожного поселка городу давала ему возможность получать средства на благоустройство из арендной платы за земельные участки под частными застройками. Кроме того, это освобождало Управление УЖД от ответственности за возникавшие в поселке беспорядки и устраняло нежелательную двойственность в управлении населенным пунктом. Несмотря на всю кажущуюся выгодность сделки, отдавать значительные земельные участки городу Общество КВЖД не планировало, т.к. вопрос о расширении станции Никольск-Уссурийский был поставлен фактически сразу после передачи УЖД в аренду [59].

Уже 7 февраля 1907 г. начальник эксплуатации дороги инженер А. Гинце напоминал управляющему УЖД, что на станции требуется переустройство путей

> в виду того, что при настоящем расположении стрелок этой станции и довольно интенсивном движении, участок от Пограничной до Владивостока забивается вагонами[60].

Поспешность в реализации плана переустройства станции определялась также ближайшими планами по увеличению движения по Никольской ветке, т.к. ожидалась «значительная отправка мяса в войска, расположенные в Приамурье и с Хабаровского участка лесных строительных материалов во Владивосток для экспорта»[61]. Затягивание решения вопроса о расширении станции Никольск-Уссурийский, как и в большинстве случаев, было связано с согласованием затрат, необходимых для осуществления работ. В 1909 г. общая расценочная ведомость работ по развитию станции Никольск-Уссурийский была составлена на сумму 265 500 руб. без учета административных расходов[62].

Проводимое переустройство находилось под постоянным контролем службы пути и сооружений КВЖД. 8 июня 1910 г. начальником ее Уссурийского отделения была получена телеграмма, подписанная ревизором движения и начальником станции Никольск-Уссурийский о несоответствии реализуемого проекта действительным требованиям[63]. Основной задачей виделось расширение Никольских железнодорожных мастерских в связи с планируемым увеличением проходящих поездов после завершения строительства АЖД. Для подготовки проекта необходимо было сделать съемку местности, прилегавшей к существующим Никольским мастерским за пределами территории отчуждения в сторону Хабаровска, имея ввиду что площадь всех крытых помещений мастерских планировалась в 9 740 кв. саж. Помимо этого требо-

[58] РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1639. Л. 2 об. – 3.

[59] Подробнее об этом см.: *Ходяков М.В.* Документы Российского государственного исторического архива... С. 47–56.

[60] РГИА ДВ. Ф. 75. Оп. 1, Д. 59. Л. 14.

[61] Там же.

[62] ГАРФ. Ф. 6081 Оп. 1. Д. 145. Л. 14.

[63] РГИА ДВ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 59. Л. 47.

валось выяснить на месте вероятную стоимость отчуждения земли, требующейся под мастерские и стоимость сноса построек как частных, так и железнодорожных[64].

Планы по расширению Никольских главных мастерских вернули Общество КВЖД и городские власти Никольска-Уссурийского к вопросу о переподчинении железнодорожного поселка. Собрание городских уполномоченных 16 сентября 1909 г. постановило, что в случае передачи железнодорожного поселка городу, для нужд КВЖД будут сохранены его два ближайших к дороге квартала, а также еще четыре выделены из городской территории на безвозмездной основе[65]. После продолжительных согласований между Министерством финансов, МВД и МПС Общество КВЖД 21 марта 1911 г. уведомило собрание городских уполномоченных, что Правление согласно на передачу поселка в ведение города, но с тем, чтобы были переданы еще два дополнительных квартала[66]. И дискуссия продолжилась.

До начала Первой мировой войны вопрос не был окончательно решен. В новых условиях увеличение пропускной способности УЖД и КВЖД особенно актуализировалось. Связано это было с возросшим импортом товаров через Владивосток, в т.ч. заказанных в Северной Америке вагонов и паровозов, доставлявшихся в разобранном виде[67]. Для их выгрузки и сборки требовались портовые площади и мастерские с высокой пропускной способностью. 21 февраля 1915 г. в телеграмме Правлению КВЖД Д.Л. Хорват сообщал, что «Главные Харбинские мастерские могут организовать сборку от сорока до пятидесяти вагонов в сутки»[68]. Работу по товарным вагонам, которой занимались в Харбине, предполагалось передать частично в Никольские мастерские[69]. 24 апреля 1915 г. на заседании специально созданной по этому вопросу комиссии представитель КВЖД Н.С. Кругликов отмечал, что рабочая сила для сборки «по всей вероятности будет набрана из китайцев» и поэтому «ее легче иметь в Харбине, из местных жителей, во Владивостоке пришлось бы их выписывать и устраивать поселки»[70]. На это замечание товарищ министра внутренних дел Н.Л. Щукин заметил, что

> 40 % стальных вагонов будут собираться во Владивостоке, для сборки каковых все равно придется иметь китайцев, почему вопрос о перенесении работ по сборке части вагонов в Харбин отпадает[71].

И даже ранее упомянутый закон о запрете использования труда китайцев на железнодорожных работах не мог стать препятствием, так как речь шла о трех-четырех месяцах[72]. Л.Н. Щукин телеграммой от 28 апреля 1915 г. сообщил товарищу председателя Правления Общества КВЖД А.Н. Вентцелю, что предложено заказать 400 паровозов и что сборка лишь части их может быть произведена в Харбине, остальные же паровозы должны собираться во Владивостоке во избежание бесполезной перевозки частей их от Владивостока до Харбина. Однако уже на втором совещании комиссии, проходившем 17 мая 1915 г., было принято решение: ввиду срочности заказа и невозможности в короткий срок оборудовать временные мастер-

[64] РГИА ДВ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 59. Л. 58.

[65] РГИА. Ф. 273. Оп. 15. Д. 16. Л. 43.

[66] Там же. Л. 45об.

[67] Подробнее об этом см.: *Богомазов Н.И.* «Рельсовый голод» на российских железных дорогах в годы Первой мировой войны и попытки борьбы с ним // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 2. С. 272–290. DOI: 10.21638/spbu24.2023.201 EDN: JQVDPG

[68] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 36. Л. 49.

[69] Там же. Л. 49 об.

[70] Там же. Д. 30. Л. 7 об.

[71] Там же.

[72] Там же. Л. 8

ские во Владивостоке сборку паровозов производить все-таки средствами Харбинских мастерских КВЖД на предложенных ею условиях[73]. Остававшиеся на довоенном уровне ввиду нерешенности земельного вопроса и невозможности расширения Никольские железнодорожные мастерские рассматривались только в качестве вспомогательной площадки.

Заключение

Интенсивное строительство Российской империей железных дорог на Дальнем Востоке, призванное усилить связь между центром и окраиной, одновременно оказывало влияние на объединение географически, политически, экономически и социально фрагментированного пространства в единую трансграничную социокультурную систему. Основу ее составляли населенные пункты, возникавшие вдоль железнодорожного полотна. Их привлекательность для растущего числа переселенцев из европейской части России обеспечивалась развитием гражданской инфраструктуры. Организация на станциях переселенческих пунктов, строительство больниц, торговых учреждений, церквей давало возможность вновь прибывшим российским подданным обосноваться на новом месте.

Близость границы с Китаем и строительство на его территории российским правительством КВЖД создавали условия для транзитного перемещения людей и грузов на Дальнем Востоке. После русско-японской войны и до 1916 г. этот путь оставался единственной железнодорожной артерией, связывавшей коммерческий порт Владивостока с центром России, что способствовало росту его значения и привлекательности не только для представителей торгово-промышленного капитала. Увеличение числа иностранных подданных вынуждало российские власти законодательно регулировать возможности применения их труда при выполнении государственных заказов.

В этом контексте важной составляющей колонизации российского Дальнего Востока являлся земельный вопрос. С одной стороны, администрация УЖД по инициативе региональных властей оказывала посильную помощь в ходе разведки новых территорий, пригодных для ведения переселенцами сельскохозяйственной деятельности. А с другой – ограниченный размер полосы отчуждения, выделенной дороге на начальном этапе строительства, создавал сложности для расширения станций при увеличении интенсивности перевозок. Не всегда удавалось решить их на местном уровне, а подключение центральных ведомств грозило серьезными задержками в получении конечного результата. Это, в свою очередь, приводило к новым сложностям, что особенно проявится в кризисных условиях Первой мировой войны.

Поступила в редакцию / Submitted: 01.10.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 4.03.2026
Принята к публикации / Accepted for publication: 12.03.2026

References

Avilov, R.S. “Russian City in Manchuria through the Eyes of the Minister of War: A.N. Kuropatkin’s Visit to Harbin in 1903.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (2023): 354–369 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-354-369

Avilov, R.S. “The Russian City Dalnii through the Eyes of the Minister of War Aleksei Kuropatkin.” *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 67, no. 4, (2022): 1118–1133 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.406

[73] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 30. Л. 14.

Avilov, R.S. "Construction of Defenses on the Chinese Eastern Railway on the Eve of and during the First World War: Problems of Financing." *The New Historical Bulletin* 80, no. 2 (2024): 6–27 (in Russian), https://doi.org/ 10.54770/20729286_2024_2_6

Bazilevich, M.E., and A.A. Kim "The First Architects and Engineers of Ussuriysk (the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century)." *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 13, no. 4 (2023): 685–708 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu15.2023.405

Bogomazov, N.I. "Rail Crisis on the Russian Railways during the First World War and Efforts to Overcome It." *Modern History of Russia* 13, no. 2 (2023): 272–290 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.201

Boyakhchan, A.G. "The Freight Steams and Volume of Ussuri Railroad in the Beginning of its Exploitation (The Beginning of XX Century)." *Modern Research of Social Problems* 36, no. 4 (2014) (in Russian), https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-4-3

Burkova, V.V. "Dal'nevostochnaya (Ussuriiskaya) i Kharbinskaya (Kitaisko-Vostochnaya) zheleznye dorogi." [Far Eastern (Ussuri) and Harbin (Chinese Eastern) Railways] *Zheleznodorozhnyi transport*, no. 2 (2012): 68–73 (in Russian).

Glatolenkova, E.V. "Arkhitekturnye osobennosti stantsii Nikol'sk-Ussuriiskii v kontse XIX – pervoi chetverti XX veka [Architectural features of Nikolsk-Ussuriysky station in the late 19th – first quarter of the 20th century]." *Urbanistika*, no. 3 (2024): 82–99 (in Russian), https://doi.org/10.7256/2310-8673.2024.3.71365

Datsyshen, V.G. "Russians in a Special Area of the Eastern Provinces of the Republic of China: Problems of Russian-Chinese Relations on the Chinese Eastern Railway in 1920–1924." *Modern History of Russia* 14, no. 3 (2024): 636–656 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.307

Dmitrieva, N.V. "Between Two Empires: Railway Construction in the Far East in the Late Imperial Period." *Quaestio Rossi*ca 12, no. 1 (2024): 254–267 (in Russian), https://doi.org/10.15826/qr.2024.1.877

Dmitrieva, N.V. "On the Way to the Chinese Eastern Railway: Financial Aspects of the History of Kaidalovo Line Construction." *Modern History of Russia* 13, no. 4 (2023): 861–874 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.410

Dmitrieva, N.V. and N.I. Bogomazov "Architecture of Railway Settlements on the Russian-Chinese Border at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries." *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 15, no. 2 (2025): 227–250 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu15.2025.207

Krotova, M.V. "From Europe to Asia: CER as Part of the Transit Route." *The New Past*, no. 4 (2023): 270–279 (in Russian), https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-270-279

Lisitsyn, A.A. *Dal'nevostochnaya zheleznaya doroga v period ee stanovleniya (1891–1917)* [The Far Eastern Railway in its Formation (1891–1917)]. Khabarovsk: Press-prem'era Publ., 2017 (in Russian).

Lohr, E. *Rossiiskoe grazhdanstvo: ot imperii k Sovetskomu Soyuzu* [Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017 (in Russian).

Lukoyanov, I.V. *"Ne otstat' ot derzhav…": Rossiia na Dal'nem Vostoke v kontse XIX– nachale XX vv.* ["Keeping Up with the Powers...": Russia in the Far East in the Late 19th – Early 20th Centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoria Publ., 2008 (in Russian).

Magaziner, N.A. *Zheleznodorozhnye khramy Transsibirskoi magistrali (konets XIX – nachalo XX v.)* [Railway Temples of the Trans-Siberian Railway (Late 19th – Early 20th Century)]. St. Petersburg: Renome Publ., 2016 (in Russian).

Nilus, E.Kh. *Istoricheskii obzor Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi 1896–1923 gg.* [Historical Review of the Chinese Eastern Railway, 1896–1923]. Vol. 1. Harbin: Tipografiya KVZhD i Tovarishchestva "Ozo" Publ., 1923 (in Russian).

Okhotnikova, Yu.V. "Orthodox Church Architecture in the South of the Russian Far East: Middle 19th – Early 20th Century." PhD diss., Pacific Ocean University, 2011 (in Russian).

Poznyak, T.Z. *Inostrannye poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [Foreign Nationals in the Cities of the Russian Far East (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2004 (in Russian).

Myasnikov, V.S. *Dogovornymi stat'yami utverdili. Diplomaticheskaya istoriia russko-kitaiskoi granitsy XVII–XX vv.* [Approved by treaty articles. Diplomatic history of the Russian-Chinese border from the 17th to the 20th centuries]. Khabarovsk: [S.n.], 1997 (in Russian).

Tkachenko, B.I. *Rossiia – Kitai: vostochnaia granitsa v dokumentakh i faktakh* [Russia – China: the eastern border in documents and facts]. Vladivostok: Ussuri Publ., 1999 (in Russian).

Remnev, A.V. *Rossiia Dal'nego Vostoka: imperskaia geografiia vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russia in the Far East: Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 2004 (in Russian).

Starovoytova, E.O. "Reorganization of Diplomatic missions of the Russian Empire in North-East China During the Early XX Century: Based on Materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 484–495 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-484-495

Urbanski, S. *Za stepnym frontirom: istoriia rossiisko-kitaiskoi granitsy* [Beyond the Steppe Frontier: The History of the Russian-Chinese Border]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023 (in Russian).

Khodyakov, M.V. "Documents of the Russian State Historical Archive on the Transfer of the Ussuri Railway to the Governance of the Kvzhd Society at the Beginning of the XX Century." *Otechestvennye Arkhivy*, no. 3 (2024): 47–56 (in Russian).

Khodyakov, M.V. "Modernization of the Ussuri Line of the Chinese Eastern Railway: Nikolskaya Branch in 1906–1919." *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 24, no. 8: History (2025): 111–122 (in Russian), https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-8-111-122

Khodyakov M.V. and Zhao Zhiqing "Church Construction in Transbaikalia and the Chinese Eastern Railway: Kayda- lovskaya Railway Branch at the Turn of the 19th – 20th Centuries." *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 22, no. 8 (2023): 100–111 (in Russian), https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-8-100-111

Khodyakov, M.V. "Manchuria Railway Station in the Early 20th Century: Problems of Organization of Management on the Railway." *Lomonosov History Journal* 64, no. 4 (2023): 97–106 (in Russian), https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-97-106

Schenk, F.B. *Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznykh dorog* [Train to Modernity. Mobility and Social Space in Russia in the Age of Railways]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016 (in Russian).

Yanchenko, D.G. "The Russian-Chinese Borderland in the Late Imperial Period in the Revision of Trade and Economic Relations." *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 68, no. 2 (2023): 317–333 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.202

Yanchenko, D.G. "Colonization of the Russian-Chinese Frontier and Borderland in Contemporary Studies." *Modern History of Russia* 14, no. 2, (2024): 520–530 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.216

Dukes, P. *Russia in Manchuria. A Problem of Empire*. London: Routledge, 2022.

Marks, S.G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asia Russia, 1850–1917. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.

Elleman B.A. and S. Kotkin, eds. *Manchurian Railways and the Opening of China: An International History*. Armonk, NY: Routledge, 2009.

Paine, S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia, and their Disputed Frontier*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1996.

Paine, S.C.M. *A history of the Sino-Soviet border, 1858–1924*. Ann Arbor: UMI, 1993.

Wolff, D. *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Валерьевна Дмитриева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; natalia.dmitrieva@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0002-3720-7932; SPIN-код 1656-6362.

Natalia Valerievna Dmitrieva, PhD in History, Associate Professor of the Department of Russian History of the Institute of History, St. Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya naberezhnaya Str., St. Petersburg, 199034, Russia; natalia.dmitrieva@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0002-3720-7932; SPIN-код 1656-6362.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 235–253
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-235-253
EDN: NMXYMR

Научная статья / Research article

Уссурийская железная дорога в правительственных планах освоения Дальнего Востока

Янченко Денис Геннадьевич

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉d.yanchenko@spbu.ru

Аннотация: Рассматривается вопрос о ведомственной принадлежности Уссурийской железной дороги, который был поставлен перед правительством после Русско-японской войны в специфичных условиях думской монархии. Показано, что во Владивостоке как крупнейшем русском порту в Азии сталкивались интересы разных ведомств империи. Перераспределение «активов» затрагивало и торгово-предпринимательские круги. Формально частное предприятие – Китайско-Восточная железная дорога, поглотившая Уссурийскую линию, подчинялась финансовому ведомству. Позиция де-факто управлявших Китайско-Восточной дорогой чиновников формировалась на основе оценок, поступавших с мест, личных впечатлений и сложившейся политики Министерства финансов. Элементы конкуренции между Управлением железных дорог Министерства путей сообщения, военными в лице генерал-губернаторов, наместника, военных губернаторов областей и Министерством финансов, руководившим деятельностью Китайско-Восточной дороги через ее правление, оказывали влияние на экономическое развитие участков всего Транссиба. Речь шла о модернизации всех линий, включая Уссурийскую железную дорогу, и связанной с ней портовой структуры Владивостока. Автор приходит к выводу, что правительственный компромисс по вопросам обороны и администрирования Дальнего Востока был достигнут благодаря корректной с точки зрения финансов и управления эксплуатации дороги до Первой мировой войны. К 1914 г. во многом благодаря Уссурийской и строящейся Амурской магистрали уже сформировалось единое экономическое пространство, возросли возможности для дальнейшей колонизации Приамурья и развития региональной инфраструктуры.

Ключевые слова: Русско-японская война, пути сообщения, порт Владивостока, дальневосточный фронтир, экономическая история, транспортная инфраструктура

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия». URL: https://rscf.ru/project/23-48-00004/

Для цитирования: *Янченко Д.Г.* Уссурийская железная дорога в правительственных планах освоения Дальнего Востока // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 235–253. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-235-253 EDN: NMXYMR

© Янченко Д.Г., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ussuri Railway in the Government Plans for the Far East Development

Denis G. Yanchenko

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
✉d.yanchenko@spbu.ru

Abstract: The author in their article examines the question of departmental affiliation of the Ussuri Railway, which was posed to the government after the Russo-Japanese War under the unique circumstances of the Duma monarchy. It demonstrates that in Vladivostok, as the largest Russian port in Asia, there was a clash the interests between various imperial departments. In addition, the redistribution of "assets" also affected commercial and entrepreneurial circles. Formally the Chinese Eastern Railway, a private enterprise, which took over the Ussuri Railway, was subordinate to the Ministry of Finance. The position of the officials de facto managing the Chinese Eastern Railway was formed based on the assessments received from the field, personal impressions, and the established policies of the Ministry of Finance. The competition between the Railway Administration of the Ministry of Railways, the military represented by governors-general, the viceroy, and military governors of the regions, and the Ministry of Finance, which managed the activities of the Chinese Eastern Railway through its board, also influenced the economic development of the sections of the entire Trans-Siberian Railway. The question of the modernization of all railway lines, including the Ussuri Railway and the associated port infrastructure of Vladivostok remained at the core of this development. The author concludes that the government's compromise on defense and administration of the Far East was achieved thanks to the railway's correct operation in financial and administrative terms before World War I. By 1914, largely thanks to the Ussuri Railway and the Amur Mainline under construction, a unified economic space had already been formed and opportunities for the further colonization of the Amur region and the development of regional infrastructure increased.

Keywords: Russo-Japanese war, communication routes, port of Vladivostok, Far Eastern Frontier, Economic History, Transport Infrastructure

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: This article was supported by the Russian Science Foundation, project No 23-48-00004 "Chinese Eastern Railway as a trans-border socio-cultural system: studying its history, reconstructing and modeling mechanisms of cultural heritage protection". URL: https://rscf.ru/project/23-48-00004/

For citation: Yanchenko, D.G. "Ussuri Railway in the Government Plans for the Far East Development." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 235–253 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-235-253 EDN: NMXYMR

Введение

Актуальность. Политика центральных ведомств и местных военных властей (генерал-губернаторов и военных губернаторов областей) Российской империи позволяет говорить о достаточно осторожном, взвешенном подходе к осуществлению хозяйственного освоения Дальнего Востока Россией в начале XX в. Уссурийская железная дорога (УссЖД) проходила по пересеченной местности с множеством рек и водоразделов. Ее строительство шло быстро благодаря верным расчетам, хорошим инженерам, квалифицированным рабочим и своевременной поставке оборудования и стройматериалов. После поражения в Русско-японской войне правительству необходимо было выработать новую стратегию действий на Дальнем Востоке, изменить направление грузопотоков и пассажирского движения, сохранить русское влияние в Маньчжурии и усилить Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), обезопасить русские земли. УссЖД стала важным инструментом правительственной политики в регионе, изучение которого сохраняет актуальность в силу современной геополитической ситуации в мире и значимости Дальнего Востока для будущего России.

Степень изученности проблемы. О функционировании УссЖД в контексте государственной политики начала XX в. вышло не так много крупных работ. По мнению Н.В. Дмитриевой, изучение территорий, примыкающих к КВЖД «в качестве

единой трансграничной социо-культурной системы предполагает значительное внимание к роли железной дороги и ее инфраструктуры в объединении географически, политически, экономически и социально фрагментированного пространства»[1]. Не утрачивает значимости фундаментальная монография А.В. Ремнева[2], в которой вопросы железнодорожного строительства проанализированы в свете изучения феномена власти, управленческих практик и истории экономического развития Дальнего Востока. Истории железнодорожной транспортной политики России на Дальнем Востоке посвящена диссертация А.А. Лисицына[3]. Современные работы западных авторов чаще акцентированы на идее так называемой «желтой опасности» и националистическом дискурсе в России[4]. Зарубежными авторами развитие Приамурья рассматривается не через призму мирного заселения территории и масштабных проектов, а в контексте угроз со стороны Китая и Японии, которая «в значительной степени определяла понимание Дальнего Востока как одного из российских регионов»[5]. Исключение могут составлять общие работы по истории экономики, в которых тема данной статьи затронута фрагментарно[6].

Исследовательская группа из Санкт-Петербурга под руководством безвременно ушедшего от нас М.В. Ходякова в сотрудничестве с китайскими коллегами занималась изучением порядка и особенностей функционирования всех частей КВЖД на рубеже столетий, а также в первые годы советской власти, накануне и во время Гражданской войны[7]. В ряде работ рассматривается вопрос о передаче Уссурийской дороги Обществу КВЖД[8].

Автор статьи опирался также на исследования региональных авторов, всегда глубоко погруженных в историю родного края[9]. Они посвящены в том числе биографиям управленцев и строителей на Дальнем Востоке – русских инженеров

---

[1] *Дмитриева Н.В.* (Со)Хранить наследие: КВЖД и ее инфраструктура в трансграничном пространстве Дальнего Востока // Новое прошлое. 2023. № 4. С. 251. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-248-257 EDN: KINPOA

[2] *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. EDN: SUPXRL

[3] *Лисицын А.А.* Деятельность инженеров путей сообщения по реализации железнодорожной транспортной политики на Дальнем Востоке России (конец XIX в. – 1917 г.). Дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2011. EDN: QFFHQP

[4] *Glebov S.* Between foreigners and subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // Ab Imperio. 2017. № 1. P. 86–130.

[5] *Урбански С.* «Китайская чума»: синофобские дискурсы во Владивостоке, Сан-Франциско и Сингапуре в конце XIX – начале XX в. // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентативность, (на)значение: Коллективная монография. М., 2021. С. 274–275.

[6] *Томпстон С.Р.* Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. М., 2008.

[7] *Сунь Ичжи.* Коммерческое агентство Уссурийской железной дороги в Шанхае и создание прямого железнодорожно-водного сообщения между Шанхаем и Маньчжурией (1923–1926 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 156–170. https://doi.org/10.31857/S0131281224050113 EDN: RTOGXH

[8] *Ходяков М.В., Ичжи С.* Временное правительство и «китайский вопрос» в России в 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 45–56. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-45-56 EDN: RUOTTQ; *Ходяков М.В.* Документы Российского государственного исторического архива о передаче в начале XX в. Уссурийской железной дороги в управление Обществу КВЖД // Отечественные архивы. 2024. № 3. С. 47–48. EDN: OBMFHA

[9] *Романова Г.Н.* Роль транспортных коммуникаций Дальнего Востока России – Северо-Восточного Китая в развитии торговли // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 54–61. EDN: LASZSR; *Шильникова И.В.* Финансовые аспекты строительства Транссибирской магистрали: структура бюджетных расходов // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 2. С. 75–98. https://doi.org/10.7256/2454-0609.2023.2.40463 EDN: QQTVOE; *Ланцова Ю.Н.* Деятельность Коммерческой Части КВЖД в первой четверти XX в. // Записки Забайкальского отделения Российского исторического общества. 2022. № 2. С. 37–41. EDN: PJWDPJ

М.Е. Базилевича и Н.П. Крадина. Особая роль авторами отводится Н.С. Свиягину, который «руководил строительством магистрали на участке от ст. Никольская до ст. Мулин, по завершении которого железная дорога подошла к Тихому океану»[10]. Ученые отмечают также вклад в развитие дальневосточных путей сообщения Н.И. Прилежаева, в течение пяти лет (начиная с 1903 г.) работавшего на строительстве Бикинского, Никольского и Хабаровского участков УссЖД[11].

Цель исследования. В исследовании выявлен и изучен ряд проблем, с которыми сталкивались как местная администрация, так царское правительство при создании и использовании Уссурийской железной дороги, которая во многом стимулировала развитие административного центра – Владивостока и ускоряла процесс заселения Приамурья в целом. Решение этих задач и обращение к ранее не опубликованным источникам, позволяет четче охарактеризовать влияние УссЖД как отрезка Транссиба на правительственные планы и действия в регионе, политику в отношении КВЖД накануне и после Русско-японской войны.

Источниковая база. Основой исследования являются архивные материалы. Источники по истории неотъемлемых частей КВЖД, оставшихся на территории России, в т. ч. УссЖД, обширны, но слабо систематизированы. Значительная их часть сохранена в Российском государственном историческом архиве в фондах «Управление железных дорог МПС» (Министерства путей сообщения) (Ф. 273), «Планы и чертежи по строительству железных дорог и искусственных сооружений» (Ф. 350), «Комитет по заселению Дальнего Востока при Совете министров» (Ф. 394), «Особый комитет по делам Дальнего Востока» (Ф. 1337), в которых размещены документы КВЖД, ГУЗиЗ, Совета министров, Комитета по заселению Дальнего Востока. Существует уникальная подборка фотографий, альбомов фотографий, чертежей и иных документов, которая находится в Санкт-Петербурге, в Центральном музее железнодорожного транспорта[12].

Строительство и начало эксплуатации Уссурийской железной дороги

Решение «озаботиться соединением железною дорогою Владивостока с р. Сунгача (приток Уссури), так как без этого наш главный порт в Тихом океане явится отрезанным от удобных сообщений с остальной Сибирью и лишенным всякой базы»[13], было принято в июне 1887 г. С 1891 г. начальником 4-го участка по постройке Уссурийской железной дороги был Н.С. Свиягин, один из руководителей строительства Восточного участка КВЖД. К 1894 г. на Южно-Уссурийском участке были закончены основные строительные работы, построены путевые и станционные постройки, введен в эксплуатацию телеграф, привезен подвижной состав, открыто сообщение от Владивостока до Графской. Северный участок Графская – Хабаровск создавался достаточно быстро – с конца 1894 по 1896 гг. Как отмечает И.С. Сафронова, «на дороге построили много искусственных сооружений, в том числе мосты через реки Хор, Бикин, Иман, Уссури»; «основой такого успеха была хорошая инженерная подготов-

[10] *Базилевич М.Е., Крадин Н.П.* Инженеры путей сообщения на Дальнем Востоке (конец XIX – первая половина XX вв.) // Вопросы теории и истории в градостроительстве, архитектуре и дизайне. Новые идеи нового века. 2015. Т. 1. С. 17. EDN: TQSYVL

[11] Там же.

12 *Сапаров Д.Д.* Материалы фондов ФГБУК «Центральный музей железнодорожного транспорта» Российской Федерации по истории строительства Уссурийской и Амурской железных дорог // Filo Ariadne. 2016. № 2. С. 200–209. EDN: WKNHHP

[13] *Алексеев В.В.* Фронтирная модернизация в имперской России // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17. № 2. С. 10. https://doi.org/10.14529/ssh170201 EDN: YIRDJX

ка, своевременная доставка и сосредоточение всех материалов перед прибытием рабочих и специалистов-мостовиков»[14]. По замечанию А.А. Лисицына, «тяжелые заболевания и – высокая смертность среди технического персонала, сопровождавшие дорожное строительство, а также оторванность от дома – все это приводило к высокой текучести кадров, что отмечали в своих отчетах царю Приамурские генерал-губернаторы С.М. Духовской и Н.И. Гродеков»[15].

УссЖД – первая магистраль на Дальнем Востоке общей протяженностью 769 км, которая была принята в эксплуатацию в ноябре 1897 г., но полноценный ввод дороги на всем протяжении откладывался в связи с медленными работами на КВЖД. Расчетные технические условия эксплуатации линии «предполагали пропускную способность до трех пар поездов в сутки в составе 30 вагонов с войсками, 120 пар рабочих и 12 пар служебных поездов в год»[16]. В докладе Управления по сооружению железных дорог от 24 ноября 1899 г. за № 242, утвержденном министром путей сообщения, говорилось о принятии от Общества КВЖД

> построенного им участка Никольское-Гродеково <…>. Никольской ветви Уссурийской железной дороги в эксплуатацию означенной дороги и о передаче упомянутой ветви вместе с Уссурийской железной дорогой с 1 января 1900 г. в ведение Управления железных дорог[17].

Министерство финансов на это соглашалось, но следующий участок Гродеково – Граница (около 16 км), окончание строительства которого ожидалось летом 1900 г.,

> в виду неготовности смежного участка Китайско-Восточной железной дороги, по мнению Инженеров Кербедза и Юговича и полковника Келлера, разделяемому статс-секретарем Витте, желательно бы временно оставить в ведении Общества Китайско Восточной жел. дор.[18]

Таким образом, С.Ю. Витте, вероятно, заявлял свои «права» на строящуюся дорогу, исходя из своих «маньчжурских» интересов.

Строительство КВЖД усложняло отношения местной администрации с центром. А.В. Ремнев, исследовавший этот вопрос, обращал внимание на предложение генерал-губернатора С.М. Духовского в ноябре 1897 г. министру внутренних дел И.Л. Горемыкину по созданию особого органа для решения всех строительных, административных и торговых вопросов. Во избежание ведомственных споров влиятельные представители КВЖД (фактически МПС и Министерства финансов), по сведениям, переданным генерал-губернатору, также не хотели «нахождения в районе постройки железной дороги „ни консулов, ни других представителей наших властей“»[19].

В мае 1902 г. Департамент железнодорожной отчетности Государственного контроля запрашивал Управление железных дорог МПС о точных сроках объединения «Уссурийской железной дороги с общею сетью железных дорог, с установлением

---

[14] *Сафронова И.С.* Транссибирская железнодорожная магистраль // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 2. С. 127. EDN: SKBHIP

[15] *Лисицын А.А.* Инженеры путей сообщения в дореволюционной России и их деятельность на Дальнем Востоке // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 3. С. 232. EDN: OBUCEN

[16] *Вивдыч М.А.* Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. С. 40–41. EDN: OCSCYT

[17] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 273. Оп. 11. Д. 24. Л. 1.

[18] Там же. Л. 2.

[19] *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков… С. 361.

существующих на других русских дорогах порядка учета сборов»[20]. Известно, что ранее Управление «считало целесообразным распространить практику страхования пассажиров, которое осуществлялось страховым обществом “Россия” на частных ж. д. на казенные линии, начав именно с Уссурийской дороги»[21], то есть с русской земли. В ответной справке, направленной в Государственный контроль, предлагалось сохранить существовавший порядок учета сборов на Уссурийской дороге, использовав учреждения контрольного ведомства, поскольку не было понятно, «на каких основаниях войдет в прямое сообщение Китайская Восточная железная дорога, а вместе с нею и казенная Уссурийская»[22]. Определить размеры содержания и штаты дороги в сложившейся ситуации МПС было затруднительно.

Размещение прибывавших переселенцев вдоль линии УссЖД, безусловно, имело стратегическое значение для будущего всего Приамурья и привело к фактическому разделению Южно-Уссурийского края на два административных центра. Вместе с тем перспективы боевых действий на Дальнем Востоке вынуждали власть осторожно оценивать стратегию русской колонизации. Традиционной опорой русского военного присутствия в Сибири и на Дальнем Востоке считалось казачество, и без решения Военного ведомства местные власти в генерал-губернаторстве еще не могли сделать ставку исключительно на крестьянское переселение. Военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов писал Приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову 13 сентября 1901 г.:

> Что же касается вопроса о разграничении расположенных по долине р. Уссури казачьих и предназначенных к отводу переселенцам земель, то утвердительно ответить на это, в настоящее время, я затрудняюсь, так как этот вопрос положительно не решен и находится на рассмотрении[23].

Расходы на постройку соединительных ветвей к КВЖД, в частности УссЖД[24], определялись МПС, соединенным присутствием Комитета Сибирской железной дороги и Департаментом государственной экономии Государственного совета. «При этом, – пишет Н.В. Дмитриева, – допускалось увеличение единичных цен расчетных ведомостей для новых линий на 20 % с разрешения министра путей сообщения»[25]. По подсчетам И.В. Шильниковой, стоимость строительства на одну версту УссЖД не была самой высокой на участках Транссиба (она составляла 59 342,51 руб.), при этом «средняя стоимость версты на разных участках строящихся дорог могла также существенно различаться»; «например, для Северно-Уссурийской дороги расходы на версту составили в среднем 64 822,25 руб., а Южно-Уссурийской – 53 862,76 руб.»[26]. Перспективы быстрой колонизации берегов Амура и Уссури на начальном этапе не оправдались. Обеспечить войска, дислоцированные в крае, и поселения на Северо-Востоке региона, по мнению А.В. Ремнева, с опорой на местные ресурсы невозможно:

> Колонизационное влияние Сибирской железной дороги для Приамурья и Приморья стало ощутимым только после 1900 г., до этого же времени переселенцы из Европейской России предпочитали оседать в Западной Сибири[27].

---

[20] РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 24. Л. 18.

[21] Там же. Л. 16–16 об.

[22] Там же. Л. 20.

[23] Там же. Л. 25 об. – 26.

[24] Речь шла также о Кайдаловской ветви Забайкальской железной дороги – Д.Я.

[25] *Дмитриева Н.В.* На пути к КВЖД: финансовая составляющая истории строительства Кайдаловской железнодорожной ветви // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4. С. 864. https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.410 EDN: IAFFAZ

[26] *Шильникова И.В.* Финансовые аспекты строительства Транссибирской магистрали: структура бюджетных расходов… С. 79–80.

[27] *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков… С. 299.

В целом, до Столыпинских реформ задача крестьянской колонизации не являлась частью специальной правительственной программы, но скорость переселения на начальном этапе строительства и эксплуатации УссЖД впечатляла (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Прирост населения переселенцев в Южно-Уссурийском крае в 1896–1901 гг. / The increase in the population of settlers in the South Ussuri region in 1896–1901

Год / Year	Перевезено переселенцев (человек) / Number of transported settlers (people)
1896	3989
1897	9390
1898	12559
1899	30772
1900	61120
1901	85210

Источник: Составлено по рапорту Управления Уссурийской железной дороги составленной, на основании отчетов о перевозке пассажиров. См.: РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 24. Л. 34.

Source: Compiled based on a report from the Ussuri Railway Administration, compiled on the basis of passenger transportation reports. *See*: RGIA, f. 273, op. 11, d. 24, l. 34.

По мнению М.В. Ходякова, инициатором вопроса о присоединении к КВЖД участка Уссурийской дороги от станции Гродеково до Владивостока в 1902 г. был Владивостокский Биржевой комитет, поддержанный канцелярией Приамурского генерал-губернатора и рядом высокопоставленных военных Приамурского военного округа[28]. Эта мера должна была ускорить транзит «товаров, провозимых через Владивостокский порт, между Тихим океаном, Маньчжурией, Сибирью и европейской Россией»[29], решить проблему ведомственного подчинения дорог – Уссурийской и Китайско-Восточной, укрепить торговые позиции России на Дальнем Востоке. Военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов в рапорте Приамурскому генерал-губернатору от 7 ноября 1902 г. указывал, что соединение дорог, наконец, «уничтожит конкуренцию между г. Дальним и Владивостоком, конкуренцию крайне ненормальную и вредную общему делу, а между тем существующую и имеющую существовать в будущем, хотя бы Министерством финансов и сглаживались условия торговых отношений через Владивосток и через Дальний»[30].

Министр путей сообщения князь М.И. Хилков, наоборот, считал, что прошение «не может быть признано подлежащим удовлетворению», т.к. «нарушает существующий порядок эксплуатации дороги»[31]. Отношение М.И. Хилкова к предлагавшемуся слиянию дорог оставалось отрицательным. Правлению КВЖД коммерчески выгодно было поощрять доставку грузов к Дальнему и Порт-Артуру, а не к Владивостоку. М.И. Хилков справедливо писал, что распространение деятельности концессии «на казенные дороги и на пределы русской территории едва ли было бы уместным»[32]. Отмечалось, что Общество как частная компания «вряд ли согласится на сохранение существующего порядка эксплуатации Уссурийской дороги при посредстве железнодорожного батальона, каковой порядок в настоящее время признается военными необходимым»[33].

[28] *Ходяков М.В., Чжао Чжицин*. Строительство церквей в Забайкалье и Китайско-Восточная железная дорога: Кайдаловская ветвь на рубеже XIX–XX веков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 8. С. 103–104. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-8-100-111 EDN: EUUGRX

[29] РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 24. Л. 43.

[30] Там же. Л. 44–44 об.

[31] *Ходяков М.В., Чжао Чжицин.* Строительство церквей… С. 103–104.

[32] РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 24. Л. 52.

[33] Там же. Л. 52 об.

Военный министр генерал А.Н. Куропаткин 28 января 1903 г. сообщал М.И. Хилкову о том, что также считает «подобное присоединение нежелательным, как нарушающее военные интересы»[34]. Определенное значение в принятии решения о передаче дороги сыграла замена генерал-губернатора Н.И. Гродекова на Д.И. Субботича в ноябре 1902 г. и последовавшее в ходе Русско-японского конфликта ослабление политической позиции военных. М.В. Ходяков обращает внимание, что своего недовольства уже после войны «не скрывали генерал Н.И. Гродеков <…>, а также группа военных из его окружения»[35]. Помощник Приамурского генерал-губернатора генерал от инфантерии А.С. Беневский писал:

> Передача Уссурийской железной дороги Обществу Китайско-Восточной железной дороги, если таковая будет разрешена, должна во всяком случае иметь характер временный, на правах аренды, без нарушения существующего способа эксплуатации дороги посредством железнодорожного батальона и с сохранением за Правительством права регулирования железнодорожных тарифов[36].

В 1903 г. А.С. Беневский усилит свое влияние и войдет в Военный совет Военного министерства. К этому времени, вероятно, у самого Н.И. Гродекова появится известное критическое мнение о дальневосточной, в частности, маньчжурской политике правительства на КВЖД в целом.

В докладе начальника Окружного штаба Приамурского военного округа генерал-майора И.В. Холщевникова от 13 ноября 1902 г. командующему войсками Приамурского военного округа характеризовались стратегические преимущества Уссурийской дороги:

> 1) для подачи войск Приамурского округа с севера к Владивостоку и 2) для перевозки отрядов из Уссурийского края в Маньчжурию. Первую из этих задач Уссурийская дорога, в настоящее время, в состоянии выполнить в полной мере, вторую же условно – по причине невозможности быстро передать все перевезенные войска на Китайскую дорогу, пропускная, а главное, провозная способность которой стоит значительно ниже Уссурийской[37].

Объединение дорог с точки зрения И.В. Холщевникова было целесообразно только после завершения строительства КВЖД, обеспечения ее подвижным составом в соответствии с проектом. Генерал выступал против раздробления Уссурийской дороги и передачи КВЖД только участка Владивосток – Гродеково[38]. В докладе говорилось:

> Оставить в управлении Уссурийской дороги один только тупик Никольск – Хабаровск, значит совершенно подорвать коммерческое движение на этом участке и создать передаточную станцию в Никольске[39].

Интересы военного ведомства требовали бесперебойного движения поездов на всей линии. По мнению И.В. Холщевникова, без передачи всей дороги рушилась система взаимодействия с центральными ведомствами[40].

Экономические показатели – скорость обращения капитала и перевозок – по УссЖД в начале XX в. возрастали. На начальном этапе эксплуатации по современным подсчетам наблюдался «рост оборачиваемости без увеличения роста перевозок

[34] *Ходяков М.В., Чжао Чжицин.* Строительство церквей… С. 103–104.
[35] *Ходяков М.В.* Документы Российского государственного исторического архива… С. 51.
[36] РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 24. Л. 43 об.
[37] Там же. Л. 45.
[38] *Ходяков М.В.* Документы Российского государственного исторического архива… С. 49.
[39] РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 24. Л. 45 об.
[40] Там же. Л. 46.

грузов»[41]. Уссурийская железная дорога походила на большинство магистралей России: новые грузы «появлялись лишь через несколько лет после начала эксплуатации железной дороги ввиду строительства новых предприятий, активизации населения на прилегающей полосе, а в целом за счет повышения скорости обращения вложенных средств и улучшения путей сообщения»[42]. По подсчетам А.Г. Бояхчана, ввод дороги в эксплуатацию поднял скорость обращения капитала к 1901 г. «до 2,07 раз/год во Владивостоке и до 0,7 раз/год в Хабаровске», но основной рост перевозок пришелся «на послевоенный период, когда созданный железной дорогой потенциал был реализован, а скорость обращения капитала продолжила свой рост до уровня 4,5 раз/год и 2,2 раз/год во Владивостоке и Хабаровске соответственно»[43].

Открытие Транссиба снизило значение Добровольного флота, до 1903 г. являвшегося основным перевозчиком пассажиров и почты. Томпстон Стюарт Росс отмечал: «Без доходов от морского фрахта чайных грузов компания была вынуждена всецело зависеть от государственных субсидий и официальных грузоперевозок. Подобная ситуация, разумеется, не могла устраивать российское правительство»[44]. Конкурировать с Доброфлотом стало и Пароходство КВЖД – судоходная компания в Порт-Артуре с агентством во Владивостоке. Реальный ее собственник – Министерство финансов при С.Ю. Витте видело задачу компании в осуществлении основного почтового, пассажирского и грузового сообщения с Запада на Восток на порты азиатских стран – Китая, Японии и Кореи. К 1903 г. компания обладала 20 крупными пароходами общей стоимостью около 11,5 млн руб., причем около 500 тыс. руб. на каждый пароход были ассигнованы Министерством финансов[45]. Эта внутриведомственная конкуренция на территории России ограничивалась небольшим на тот момент портом Владивостока, где соседствовали пути УссЖД, КВЖД, пристани Доброфлота, военного и морского ведомств и где все заинтересованные стороны были вынуждены договариваться.

Техническое усиление Уссурийской железной дороги произошло в годы Русско-японской войны и было связано со спешной модернизацией Транссиба для военных нужд. В материалах Особого совещания об усилении КВЖД уделено внимание увеличению подвижного состава и модернизации рельсового пути. При этом в МПС исходили из технических возможностей магистралей, обеспечения их топливом и водой. В частности, ориентировались на закупку стандартных 8-колесных машин, способных работать на дровах, при одновременном укреплении полотна 24 и 22,5-фунтовыми рельсами. Усиление личного состава железнодорожных войск началось с обострением военной ситуации. При подавлении восстания Ихэтуаней 1899–1901 гг. солдаты Уссурийского железнодорожного батальона вместе с союзниками восстанавливали разрушенные пути на Пекин-Тяньцзыньской железной дороге. Кроме того, в годы Русско-японской войны для усиления охраны важнейших объектов (тоннелей, мостов, станций) увеличилась численность Уссурийской железнодорожной бригады[46].

С началом войны на линии обострилась топливная проблема. Чрезвычайными обстоятельствами было вызвано и введение по решению Особого совещания об усилении КВЖД должности уполномоченного чиновника, наблюдавшего за своевремен-

[41] *Бояхчян А.Г.* Освоение Русского Дальнего Востока и рост скорости обращения капитала в конце XIX – начале XX вв. // Интернет-журнал «Науковедение». Май-июнь 2014. Вып. 3.

[42] Там же.

[43] Там же.

[44] *Томпстон С.Р.* Российская внешняя… С. 86.

[45] Там же. С. 88.

[46] *Ковальчук М.А., Бобышев С.В.* Транспорт Дальнего Востока в вооруженных конфликтах первой четверти XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 34. EDN: VBCXVV

ным и целесообразным принятием мер для удовлетворения требований воинских перевозок. Основное преимущество УссЖД власти видели в возможности использовать сучанский каменный уголь, а значит, без ограничений привлекать технику отечественного и зарубежного производства. Не только дорога, но и Владивостокский порт являлись естественными потребителями угля, который до войны привозили из Японии и даже из Шанхая[47]. В марте 1904 г. на совещании под председательством Д.М. Сольского обсуждался вопрос о снабжении сучанским углем Владивостока. Заявления управляющего Морским министерством и военного министра убедили членов Особого совещания об усилении КВЖД в том, что «сооружение во время военных действий подъездного пути между Сучаном и бухтой Находка» невыполнимо, поскольку потребовало бы семь месяцев. Совещание признало, что доставка угля морским путем во Владивосток до окончания войны под угрозой, и «для удовлетворения означенной потребности Министерству Путей Сообщения надлежит немедленно принять меры к постройке от Сучанского рудника рельсового пути нормальной колеи на соединение с Уссурийскою дорогою»[48]. К сожалению, специальная ветка к угольному разрезу будет завершена только в 1907 г. Тем не менее, конечная цель – быстрое увеличение пропускной способности КВЖД и связанной с ней УссЖД после войны, как известно, признавалась достигнутой.

Подобные проблемы давали возможность новому министру финансов В.Н. Коковцову отчасти продолжать «виттевскую» политику и настаивать на передаче Уссурийской дороги под управление Общества КВЖД уже в «думский» период. После 1905 г., потери г. Дальний и части ЮМЖД до станции Куанченцзы, естественно, не шло уже и речи ни о каком Маньчжурском или Квантунском военном округе, равно как и включении какой-либо части Маньчжурии в состав Российской империи[49]. В то же время Министерство финансов могло распоряжаться своими ресурсами свободнее, не связывая себя оценками дальневосточной политики со стороны отдельных авторитетных представителей военной администрации, думских деятелей, региональных торгово-промышленных кругов. В справке финансового ведомства, подготовленной в мае 1906 г., утверждалось, что КВЖД – единственный орган, который может «содействовать осуществлению наших политико-экономических задач в Маньчжурии»[50]. 1 августа 1906 г. состоялась формальная передача УссЖД в ведение КВЖД. Б.С. Жигалов пишет, что это сделали вопреки мнению генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера и возражениям предпринимателей Приамурья, представителей Благовещенской городской думы[51].

Результаты Русско-японской войны пагубно отразились на состоянии КВЖД. Как пишет Р.С. Авилов, «после Китайского похода для военных уже было очевидно и то, что продвигаемая С.Ю. Витте система мирного проникновения в Маньчжурию без поддержки военной силой не работала»[52]. Ущерб, нанесенный Русско-японской войной, сказался на качестве доставки грузов и поставил перед властью вопрос о це-

[47] РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 1159. Л. 6.

[48] Там же. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 26. Л. 50.

[49] *Авилов Р.С.* Рельсы на Восток: от русского железнодорожного строительства до русско-китайского историко-культурного наследия // Новое прошлое. 2023. № 4. С. 263. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-258-269 EDN: EGSOTS

[50] *Жигалов Б.С.* КВЖД в дальневосточной политике России (1906–1914 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 1. С. 27. EDN: KDMPMR

[51] Там же. С. 30–31.

[52] *Авилов Р.С.* Русский город в Маньчжурии глазами военного министра: посещение А.Н. Куропаткиным Харбина в 1903 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 367. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-354-369 EDN: XKMJYA

лесообразности самой идеи использования дороги на чужой земле. Иное дело российская территория, хотя бы и с замерзающим портом. По мнению Ю.Н. Ланцовой, УссЖД по сравнению с виттевским полукоммерческим проектом «не имела такого развитого аппарата для ведения торговых отношений», «для решения этой проблемы Уссурийская железная дорога в 1906 г. сдана в аренду КВЖД. Ее деятельность также должна была регулироваться Коммерческой частью КВЖД»[53]. Во Владивостоке было открыто коммерческое агентство КВЖД, восстановлены представительства в Куанченцзы, Гирине, Цицикаре и др. на станциях Маньчжурия и Пограничная[54], широко использовалась портовая инфраструктура УссЖД во Владивостоке.

Уссурийская железная дорога, КВЖД и Владивостокский порт

При строительстве Владивостока различные ведомства и предприятия беспрепятственно занимали участки берега, наиболее отвечавшие их нуждам. Например, Морское министерство, бывшее пионером Владивостока, заняло всю прибрежную полосу в глубине бухты, по обе стороны так называемого Гнилого угла, протяжением в 3,2 км вдоль города и столько же в противоположной стороне бухты. Военное ведомство заняло почти весь полуостров Шкота, с прибрежной полосой по берегу бухты для пристаней Штаба Крепости и Артиллерийского ведомства. Участок, занятый пристанью Артиллерийского ведомства, отошел впоследствии к Обществу КВЖД, но частично по-прежнему использовался военными. Добровольному флоту был отведен небольшой участок на западном берегу Золотого Рога к югу от городского базара. Впоследствии участок был увеличен в два раза. Этот дополнительный участок, по объяснению управляющего Морским министерством, вице-адмирала П.П. Тыртова на заседании Комитета Сибирской железной дороги 2 апреля 1897 г., служил для складов угольного топлива, которым снабжалась и Тихоокеанская эскадра. Затем во временное пользование флота был отдан соседний к югу участок для устройства пристани для парохода Хабаровск, поддерживавшего северные рейсы (Охотского моря)[55].

При постройке УссЖД был временно предоставлен участок берега к югу от пристани Добровольного флота по направлению к мысу Эгершельд. Это разделение береговой территории произошло в то время, когда Владивосток был исключительно портовым городом, лишенным постоянного сухопутного сообщения с Центральной Россией. Город был конечным пунктом локальной Уссурийской дороги. Порт работал на морские перевозки местного значения, международный транзит сухопутных и морских грузов не осуществлялся. С началом строительства КВЖД оказалось, что во Владивостоке не хватало места для приема и хранения строительных материалов, прибывавших морским путем. Обществу КВЖД пришлось устроить пристани на участке у мыса Эгершельд «длиною по урезу воды 400 саж., который сначала, на основании Высочайше утвержденного 2 апреля 1897 г. Положения Комитета Сибирской железной дороги, был предоставлен Обществу во временное пользование, а затем Высочайшим повелением 25 августа 1906 г., по согласованию с Военным и Морским министрами был передан Обществу в постоянное владение»[56]. В общей сложности в бухте с береговой полосой в 10,6 км, 6,9 км принадлежали Морскому и Военному ведомствам, для коммерческих нужд оставалось 3,7 км, из которых примерно 1 км занимали дворы, сады домов коменданта, губернатора, Морского собрания и пр. Для нужд порта и железных дорог оставалось около 2,7 км берега.

[53] *Ланцова Ю.Н.* Деятельность Коммерческой Части КВЖД… С. С. 39.

[54] Там же.

[55] РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 1159. Л. 2.

[56] Там же.

Строительные работы в коммерческом порту были возложены на начальника работ по устройству порта, а после 1900 г. – на Управление Уссурийской дороги. Согласно последовавшему затем соглашению между МПС и Приамурским генерал-губернатором, в заведывание и эксплуатацию Уссурийской дороги поступила вся Коммерческая набережная и прилегавшая к ней территория, «впредь до полного окончания их оборудования»[57]. Вдоль береговой полосы от базарной площади до участка Общества КВЖД у мыса Эгершельд была расположена железнодорожная станция УссЖД, а на участке вдоль пристаней и пакгаузов – пути КВЖД. Участок УссЖД представлял собой узкую полосу шириною от 20 до 30 саженей, «зажатую прибрежной портовой территорией и горою, которая вплотную к откосу полотна застроена городскими постройками и зданиями военного Ведомства»[58]. Инспектировавший УссЖД в 1906 г. А.Н. Вентцель пришел к выводу, что количество станционных путей во Владивостоке недостаточно, распределение вагонов затруднительно, «что вызывает продолжительный, непроизводительный простой»[59].

Владивостокское крепостное инженерное управление в октябре 1905 г. обращалось к управляющему КВЖД с просьбой помочь с обеспечением Владивостокской крепости. Военное ведомство пользовалось участком берега, прилегающим к территории Добровольного флота и в полосе коммерческого порта; рядом с ним находились сортировочные товарные пути Уссурийской дороги, «устройство проезда через которые равносильно прекращению товарной работы станции»[60]. Пристань и прилегающие пути были одним из основных элементов снабжения всей линии. Тем не менее, в своей записке для Правления Общества КВЖД А.Н. Вентцель признавал:

> Пока дело распределения земель и заведывания коммерческим портом находится в современном неопределенном положении, подобные требования (со стороны военных. – *Д.Я.*) могут быть предъявляемы и с ними приходится считаться[61].

Совещание о нуждах Владивостокского порта приняло решение о модернизации и инфраструктурном переустройстве портовой набережной, а именно о строительстве путей с дековилевской колеей, погрузочных платформ на 60 вагонов, возвращении в порт плавучего крана, принадлежавшего УссЖД, и изъятому во время войны Морским ведомством[62]. Как видим, в самом Владивостоке военные чувствовали себя комфортно.

Вся линия УссЖД испытывала те же послевоенные проблемы, что и остальной Транссиб. М.В. Ходяков выделял не только субъективные факторы неудовлетворительного оценочного состояния дороги к моменту ее передачи в ведение КВЖД, но и технический износ. По его мнению, только «государственные ассигнования в предреволюционные годы позволили усовершенствовать состояние южного участка Уссурийской линии»[63], также как на КВЖД, были уложены дополнительные пути, заменены рельсы, отремонтировали эстакады, осуществлена перестройка деревянных мостов и разработка проектов. «Возведение нового железнодорожного вокзала во Владивостоке в 1909–1911 гг. свидетельствовало о верности принятого решения по объединению железных дорог, позволившего модернизировать Уссурийскую линию»[64].

[57] РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 1159. Л. 6 об. – 7.
[58] Там же. Л. 4 об.
[59] Там же.
[60] Там же. Л. 7.
[61] Там же. Л. 8.
[62] Там же.
[63] *Ходяков М.В.* Документы Российского государственного исторического архива… С. 54–55.
[64] Там же.

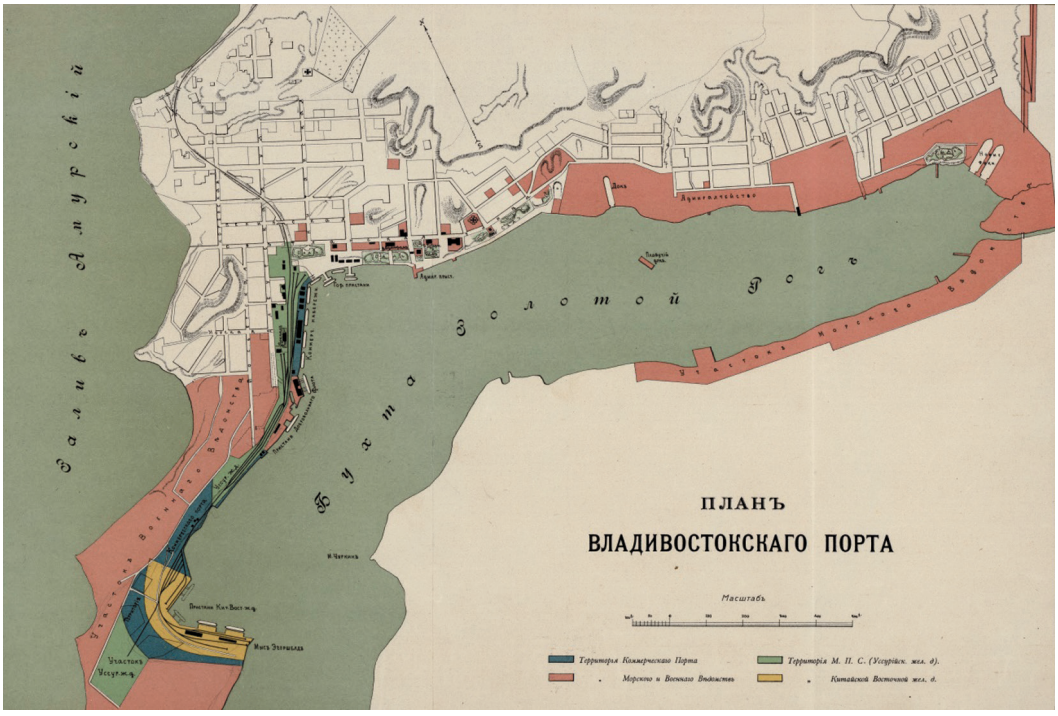

Рис. 1. План Владивостокского порта на 1904–1906 гг. с изображением участков УссЖД и КВЖД.
Источник: РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 1159. Л. 24.

Fig. 1. Plan of the Vladivostok port for 1904–1906 with images of sections of the UssR and CER.
Source: RGIA, f. 350, op. 19, d. 1159, l. 24.

Общество КВЖД содержало во Владивостоке специальное агентство для производства грузовых и пассажирских операций. Присоединенная к КВЖД УссЖД, также сохраняла свои пристани и технические устройства в пределах портовой территории. Руководство КВЖД и, в частности товарищ председателя Правления Общества КВЖД А.Н. Вентцель, стремилось вникнуть как в коммерческие, так и в технические проблемы порта и города. В 1908 г. во Владивостоке на мысе Эгершельд в преддверии отмены порто-франко была создана Транзитная свободная гавань для реэкспорта в Европу. Как считает Г.Н. Романова, для превращения города и порта «в крупнейший торговый и перевалочный центр в регионе правительство России приняло решение о передаче его из Министерства внутренних дел в Министерство торговли и промышленности»[65]. МТиП в 1910 г. составило «Проект расширения и оборудования торгового порта». К 1914 г. во многом благодаря объединению УссЖД и КВЖД, а также строящейся Амурской магистрали сформировалось единое экономическое пространство для русской колонизации всего Приамурья. Канцелярия генерал-губернатора констатировала, что движение хлебных грузов к собирательным пунктам Амурской области (Благовещенску, Алексеевску, Екатеринославке, Поздеевке, Поярково, Аркадие-Семеновску и др.) и для Уссурийского края (Никольску-Уссурийскому, Анучино, Полтавке, Камень-Рыболову, Гродеково, Черниговке, Ново-Покровке, Спасскому, Новомихайловке, Халкидону, Лучкам) «вполне установилось».

Препятствием для ускоренного экономического развития земледельческих районов Приамурья Междуведомственное совещание при генерал-губернаторе считало уже не отсутствие железнодорожных линий, а слабое развитие уездных

[65] *Романова Г.Н.* Роль транспортных коммуникаций… С. 55.

грунтовых дорог для «широкого сбыта хлеба и подвоза земледельческих машин и орудий для нужд крестьянского хозяйства, которое ведется здесь с обширным применением земледельческих машин»[66]. Региональная власть в лице Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти продолжила столыпинский курс по усилению русской аграрной колонизации вдоль железных дорог. В проблемном для Приамурья национальном вопросе на рубеже 1911–1912 гг. Н.Л. Гондатти допускал отвод земель корейцам на одинаковых основаниях с русскими переселенцами и даже принятие их в русское подданство наравне с зарубежными старообрядцами с одной существенной оговоркой. Генерал-губернатор считал необходимым исключить из района корейского заселения железные дороги «от Амура и на более 50–75, примерно, верст севернее магистрали, а также пространства, прилегающие к Уссурийской железной дороге и Посьетский участок»[67]. Таким образом, он хотел увести поток корейских переселенцев из пограничного Посьетского района в северные таежные местности, отдав распоряжение сократить наделение землей проживавших на этих территориях корейцев 15 десятинами на семью. Генерал-губернатор сообщал главе ГУЗиЗ А.В. Кривошеину о возможности наделять корейцев землей в пределах 5 десятин на душу мужского пола и 30 десятин на семью в пределах остальных частей Приамурья[68]. Гондатти прекрасно знал, насколько остро реагировали в Петербурге на проблему иностранцев на российских окраинах. С точки зрения высшей бюрократии, впрочем, и с точки зрения думских правых, на окраинах нужны были «обрусевшие инородцы, лояльные православию, имперской политике и верные царскому самодержавию»[69]. Корейцы, как и китайцы, не ассимилировались, а компактно селить их рядом со стратегическими дорогами, как показывал опыт Русско-японской войны, было рискованно.

По подсчетам Г.Н. Романовой, с 1908 по 1914 гг. «80–90 % грузов Северной Маньчжурии шло с КВЖД по Уссурийской железной дороге во Владивосток (непосредственно для России было привезено порядка 6 %) и только 10 % приходилось на Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД). Маньчжурский транзит до Первой мировой войны занимал 30–40 % общего грузооборота Владивостокского порта, а в 1917 г. – 85 %, при этом только экспорт бобовых составлял 90 % экспортных перевозок порта»[70].

В годы Первой мировой войны финансирование эксплуатации дороги немногим уступало довоенной смете КВЖД, составлявшей порядка 5 млн. бюджетных рублей, однако следует учесть обесценивание денег в 3,5–4 раза к концу 1916 г.

В 1917 г. в связи с завершение строительства Амурской железной дороги был поднят вопрос о создании двух самостоятельных железнодорожных управлений. Еще весной 1916 г. по инициативе А.Н. Вентцеля и заинтересованных членов Правления Общества КВЖД в Управлении железных дорог МПС созывалось рабочее совещание. М.В. Ходяков на основании документов КВЖД в РГИА считал, что

> новые политические условия, сложившиеся в России в годы революции, привели к кардинальному изменению положения КВЖД и Уссурийской дороги[71].

[66] РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 46. Л. 203.
[67] Там же. Л. 9–9 об.
[68] Там же.
[69] Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. М., 2022. Т. 1. С. 169.
[70] *Романова Г.Н.* Роль транспортных коммуникаций… С. 55–56.
[71] *Ходяков М.В.* Документы Российского государственного исторического архива… С. 55.

Таблица 2 / Table 2

Смета Уссурийской железной дороги на 1915 г. / Estimate of the Ussuri railway in 1915

Уссурийская железная дорога / Ussuri railway	**Сальдо на 1 января 1915 г. / Balance on January 1, 1915**		**Поступило в январе / Received in January**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	4415312,91	-	65837,36	83781,74
По переустройству / Reconstruction	138519,35	-	16330	17050
	Сальдо на 1 февраля 1915 г. / Balance on February 1, 1915		**Поступило в феврале / Received in February**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	4397368,53	-	43932,99	197244,38
По переустройству / Reconstruction	137799,35	-	20473	-
	Сальдо на 1 марта 1915 г. / Balance on Marth 1, 1915		**Поступило в марте / Received in Marth**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	4244057,14	-	745599,16	705801,55
По переустройству / Reconstruction	158273,32	-	300764,46	315750
	Сальдо на 1 апреля 1915 г. / Balance on April 1, 1915		**Поступило в апреле / Received in April**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	4283854,75	-	426851,62	292022,81
По переустройству / Reconstruction	143287,78	-	396162,32	2705594,60
	Сальдо на 1 мая 1915 г. / Balance on May 1, 1915		**Поступило в мае / Received in May**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	4418683,56	-	520882,62	262070,93
По переустройству / Reconstruction	-	2166124,50	559303,35	1039623,90
	Сальдо на 1 июня 1915 г. / Balance on June 1, 1915		**Поступило в июне / Received in June**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	4677495,25	-	468440,88	258786,74
По переустройству / Reconstruction	-	2646445,05	161838,30	3489,06
	Сальдо на 1 июля 1915 г. / Balance on July 1, 1915		**Поступило в июле / Received in July**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	4887149,39	-	705640,47	708126,50
По переустройству / Reconstruction	-	2488095,81	8824803,17	6396749,63
	Сальдо на 1 августа 1915 г. / Balance on August 1, 1915		**Поступило в августе / Received in August**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	4844663,36	-	696807,08	397648,13
По переустройству / Reconstruction	-	60042,27	450	-

Окончание табл. 2 / Table 2, ending

	Сальдо на 1 сентября 1915 г. / Balance on September 1, 1915		**Поступило в сентябре / Received in September**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	3183822,31	-	1982964,03	393813,11
По переустройству / Reconstruction	-	59592,27	303313,11	300000
	Сальдо на 1 октября 1915 г. / Balance on October 1, 1915		**Поступило в октябре / Received in October**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	6772973,23	-	578306,87	610174,40
По переустройству / Reconstruction	-	56279,16	1998522,69	266266,45
	Сальдо на 1 ноября 1915 г. / Balance on November 1, 1915		**Поступило в ноябре / Received in November**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	6741105,70	-	648562,32	683631,64
По переустройству / Reconstruction	1675977,08	-	600490,62	600000
	Сальдо на 1 декабря 1915 г. / Balance on December 1, 1915		**Поступило в декабре / Received in December**	
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	6706036,38	-	774487,16	694799,85
По переустройству / Reconstruction	1676467,70	-	894190,51	600000
	Сальдо на 1 января 1916 г. / Balance on January 1, 1916		**-**	**-**
	Дебет / Debet	**Кредит / Credit**	**Дебет / Debet**	**Кредит / Credit**
По эксплуатации / Exploitation	767021,07	-	-	-
По переустройству / Reconstruction	1122186,20	-	-	-

Источник: Таблица составлена Д.Г. Янченко по материалам РГИА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3438. Уссурийская жел. дор. 1915 г. 15 л.

Source: Table compiled by D.G. Yanchenko based on materials from the RGIA, f. 363, op. 1, d. 3438, Ussuri railway. 1915, 15 p.

Министр финансов Временного правительства М.И. Терещенко сообщал министру путей сообщений Н.В. Некрасову в марте 1917 г., что к 1918 г. обе дороги «не могут быть приведены в состояние должной законченности»[72]. М.И. Терещенко предлагал решить в дальнейшем дела УссЖД в Особом совещании в январе 1919 г. В условиях Гражданской войны и социально-политических изменений в России китайские власти пошли на принципиальное изменение статуса КВЖД в 1920 г., и «соглашение об объединении Уссурийской и Китайско-Восточной железных дорог, заключенное в 1906 г., прекратило свое действие»[73].

После окончания Гражданской войны планировалось создание альтернативного сообщения с китайскими портами, ключевым городом в котором должен был стать Владивосток в противовес японскому влиянию в Маньчжурии. Речь шла о перенаправлении торговли из Шанхая на КВЖД в Харбин через русский город-порт посред-

[72] *Ходяков М.В.* Документы Российского государственного исторического архива… С. 55.

[73] Там же.

ством УссЖД. По мнению китайского исследователя Сунь Ичжи, «восточное направление» рассматривалось советской властью как конкурент японского «южного направления» и средство восстановления торговых связей русского Дальнего Востока с внешним миром. Транзитные перевозки (экспорт и импорт грузов) между портами Японии и Китая через Владивосток давали до 70 % от общего дохода дороги[74]. Это привело к созданию отделения, а затем и Коммерческого агентства УссЖД в Шанхае[75]. Таким образом, советская власть во многом стала использовать методы, взятые на вооружение еще царским правительством в 1905–1906 гг. Инструментами влияния уже Советской России в Маньчжурии и Китае оставались УссЖД, КВЖД и их портовая инфраструктура во Владивостоке.

Заключение

Элементы ведомственной конкуренции между Управлением железных дорог МПС, военными в лице генерал-губернаторов, военных губернаторов областей и Министерством финансов, руководившим работой КВЖД через Правление этой формально частной дороги, безусловно, оказывали влияние на эксплуатацию составных частей дороги, в частности, УссЖД. С потерей Россией по Портсмутскому мирному договору, подписанному 5 сентября (23 августа по старому стилю), Квантунского полуострова Владивосток приобрел особую значимость как единственный коммерческий порт на побережье Тихого океана, являющийся выходом к морю, и в тоже время как конечный пункт Великого Сибирского Пути. Значительные ресурсы этого порта были отведены Уссурийской дороге, а с августа 1906 г. – сосредоточены под управлением Общества КВЖД.

Отметим, что определение всего направления железнодорожных дел на Дальнем Востоке преимущественно осуществлялось в столице, хотя ведомственная борьба и разногласия с генерал-губернаторами не приводили к кризису ни до Русско-японской войны, ни в думский период. После Портсмутского мира радикальная смена точек зрения на строительство и эксплуатацию КВЖД со стороны военных и чиновников высокого ранга, ответственных за реализацию дальневосточной политики, выглядит по меньшей мере неубедительно.

Транзит грузов из Маньчжурии по УссЖД постепенно превращал Владивосток в крупнейший российский порт Дальнего Востока. Проверенные механизмы железнодорожных тарифов позволяли Министерству финансов увеличивать экономическое влияние КВЖД и ее составной части – УссЖД на российской территории и в Маньчжурии. Правление КВЖД при этом через своих представителей и уполномоченных, таких как А.Н. Вентцель, пыталось взаимодействовать с представителями торгово-промышленных кругов. Власть как в дореволюционный период, так и в советское время была нацелена на достижение компромисса по вопросам колонизации, администрирования и обороны Дальнего Востока с использованием доступных ресурсов.

Поступила в редакцию / Submitted: 8.09.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 31.11.2025
Принята к публикации / Accepted for publication: 23.02.2026

[74] *Сунь Ичжи.* Коммерческое агентство… С. 157.
[75] Там же.

References

Avilov, R.S. "The Rails to the East: from Russian Railway Engineering to Russo-Chinese Historical and Cultural Legacy." *The New Past*, no. 4 (2023): 258–269 (in Russian), https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-258-269

Avilov, R.S. "Russian City in Manchuria through the Eyes of the Minister of War: A.N. Kuropatkin's Visit to Harbin in 1903." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (2023): 354–369 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-354-369

Alekseev, V.V. "Frontier-type modernization of imperial Russia." *Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"* 17, no. 2 (2017): 6–13 (in Russian), https://doi.org/10.14529/ssh170201

Bazilevich, M.E., and Kradin, N.P. "Railway engineers in the Far East (end of XIX–first half of XX centuries)." *New ideas for the new century: proceedings of the international scientific conference of the FAD TOGU* 1 (2015): 16–21 (in Russian).

Dmitrieva, N.V. "(Co)Preserving heritage: CER and its infrastructure in the transboundary space of the Far East." *The New Past*, no. 4 (2023): 248–257 (in Russian), https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-248-257

Dmitrieva, N.V. "On the Way to the Chinese Eastern Railway: Financial Aspects of the History of Kaidalovo Line Construction." *Modern history of Russia* 13, no. 4 (2023): 861–874 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.410

Glebov, S. "Between foreigners and subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s." *Ab Imperio*, no. 1 (2017): 86–130.

Ivanov, A.A. *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX v. Konservativnye partii* [Political Parties of Russia. Late 19th – Early 20th Century. Conservative Parties]. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia Publ., 2022 (in Russian).

Khodyakov, M.V., and Yizhi, S. "The provisional government and "Chinese question" in Russia in 1917." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (2022): 45–56 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-45-56

Khodyakov, M.V., and Zhiqing, Zhao. "Church Construction in Transbaikalia and the Chinese Eastern Railway: Kaydalovskaya Railway Branch at the Turn of the 19th – 20th Centuries." *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 22, no. 8 (2023): 100–111 (in Russian), https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-8-100-111

Khodyakov, M.V. "Documents of the Russian State Historical Archive on the transfer of the Ussuri railway to the governance of the KVZHD society at the beginning of the XX century." *Otechestvennye Arkhivy*, no. 3 (2024): 47–56 (in Russian).

Kovalchuk, M.A., and Bobyshev, S.V. "Transport of the far east in armed military conflicts of the first quarter of the 20th century." The Humanities and Social Studies in the Far East, no. 2 (2015): 33–39 (in Russian).

Lantsova, Yu.N. "Activities of the Commercial Section of the CER in the first quarter of the 20th century." *Notes of the Transbaikal Branch of the Russian Historical Society*, no. 2 (2022): 35–49 (in Russian).

Lisitsyn, A.A. "Railway engineers in pre-revolutionary Russia and their activities in the Far East." *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (2009): 228–234 (in Russian).

Lisitsyn, A.A. "The activities of railway engineers in implementing railway transport policy in the Russian Far East (late 19th century – 1917)." PhD diss., Far Eastern State University of Humanities, 2011 (in Russian).

Remnev, A.V. *Rossiia Dal'nego Vostoka. Imperskaia geografiia vlasti XIX – nachala XX vekov: Monografiia* [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries: Monograph]. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2004 (in Russian).

Romanova, G.N. "The role of transport communications between the Russian Far East and Northeast China in the development of trade." *Vestnik of the far east branch of the Russian academy of sciences*, no. 1 (2009): 54–61 (in Russian).

Safronova, I.S. "Trans-Siberian Railway." *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, no. 2 (2014): 125–127 (in Russian).

Saparov, D.D. “Materials of funds the central museum of railway transport of Russian Federation for the history of construction Ussuri and Amur railways.” *Filo Ariadne*, no. 2 (2016): 200–2009 (in Russian).

Shilnikova, I.V. “Financial aspects of the construction of the Trans-Siberian Railway: the structure of budget expenditures.” *History magazine – researches*, no. 2 (2023): 75–98 (in Russian), https://doi.org/10.7256/2454-0609.2023.2.40463

Tompston, S.R. *Rossiiskaia vneshnyaia torgovlya XIX – nachala XX v.: organizatsiia i finansirovanie* [Russian Foreign Trade in the 19th – Early 20th Centuries: Organization and Financing]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).

Urbanski, S. “ ‘Kitaiskaia chuma»: sinofobskie diskursy vo Vladivostoke, San-Frantsisko i Singapure v kone XIX–nachale XX v. [“The Chinese Plague”: Sinophobic Discourses in Vladivostok, San Francisco, and Singapore in the Late 19th–Early 20th Centuries].” In *Regiony Rossiiskoi imperii: identichnost’, reprezentativnost’, (na)znachenie: Kollektivnaia monografiia*, 269–294. Moscow: NLO Publ., 2021 (in Russian).

Vivdych, M.A. “Railway Construction in the Far East in the Late 19th and in the Early Part of the 20th Centuries.” *Humanitarian Vector*, no. 3 (2011): 40–44 (in Russian).

Yizhi, S.“The Shanghai Agency of Ussuri Railway and Establishment of Direct Mixed Railway-Water Communication between Shanghai and Manchuria (1923–1926).” *Far Eastern Studies*, no. 5 (2024): 156–170 (in Russian), https://doi.org/10.31857/S0131281224050113

Zhigalov, B.S. “The Chinese Eastern Railway in the far east policy of Russia (1906–1914).” *Tomsk State University Journal. History*, no. 1 (2008): 24–44 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Денис Геннадьевич Янченко, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; d.yanchenko@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0002-5400-3528; SPIN-код: 5271-8247.

Denis Gennadievich Yanchenko, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Senior Researcher, St. Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; d.yanchenko@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0002-5400-3528; SPIN-code: 5271-8247.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 254–267
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-254-267
EDN: NNVMRV

Научная статья / Research article

«Руководитель движения» Китайско-Восточной железной дороги: деятельность инженера А.К. Гинце в 1906–1917 годах

Михаил Викторович Ходяков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉m.khodyakov@spbu.ru

Аннотация: Рассматривается процесс эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) после окончания русско-японской войны, который потребовал привлечения к масштабной работе значительного числа высокопрофессиональных специалистов. Одним их них стал инженер Александр Константинович Гинце. Получив базовое образование в Санкт-Петербурге и имея профессиональный опыт руководства деятельностью различных участков железных дорог России, он был в 1906 г. приглашен на КВЖД, где занял ответственную должность начальника эксплуатации магистрали. Гинце решал важнейшие вопросы эвакуации войск с театра военных действий и налаживания работы дороги в мирных условиях, направленных на достижение высоких коммерческих результатов. На основе архивных материалов показано, что в годы Первой мировой войны служба эксплуатации дороги обеспечивала движение паровозов через 90 станций и 65 разъездов. К моменту революционных событий 1917 г. в составе КВЖД насчитывалось свыше 490 паровозов различных типов и более 600 пассажирских вагонов. Важнейшую роль в этот период вновь начал играть товарный парк дороги, превышавший 9,5 тыс. вагонов различных типов. Военные действия, которые вела Россия, не повлияли на коммерческую эффективность КВЖД. Она оставалась единственной магистралью, снабжавшей страну военными и частными грузами, прибывавшими из-за границы через Владивосток. Особое значение придавалось поставкам в Россию американских паровозов. Помимо этого КВЖД была поставщиком в регионы России продовольственных грузов. Опираясь на неизвестные ранее документы, автор показывает роль А.К. Гинце в вопросах эффективности работы службы эксплуатации дороги, уточняет время и место его кончины.

Ключевые слова: российско-китайское трансграничье, железнодорожное строительство, служба эксплуатации, центр и регионы, дальневосточный фронтир

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия», https://rscf.ru/project/23-48-00004/

Для цитирования: *Ходяков М.В.* «Руководитель движения» Китайско-Восточной железной дороги: деятельность инженера А.К. Гинце в 1906–1917 годах // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 254–267. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-254-267 EDN: NNVMRV

© Ходяков М.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

"Railway Traffic Manager" of the Chinese Eastern Railway: Engineer A.K. Hinze's Actions from 1906–1917

Mikhail V. Khodyakov

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
✉m.khodyakov@spbu.ru

Abstract: The author in their article considers the operation of the Chinese Eastern Railway (CER) after the end of the Russo-Japanese War, a venture which required the involvement of a significant number of highly professional specialists in large-scale work. One of them was engineer Alexander Hinze. After he received a basic education in St. Petersburg and gained professional experience in managing the activities of various sections of Russian railways, in 1906, he was invited to help manage the CER, where he took on the position of head of the mainline operation. Hinze addressed crucial issues of evacuating troops from the theater of military operations and establishing the operation of the railway in peacetime and later aimed at achieving high commercial results. Based on available archival materials, it is shown that during World War I, the railway's operation department ensured the movement of steam locomotives through 90 stations and 65 sidings through the railway. By the time of the revolutionary events of 1917, the CER had over 490 steam locomotives of various types and over 600 passenger cars. In that period the railway's freight car fleet, which exceeded 9.5 thousand wagons of various types, began to play a key role in terms of military affairs but military actions being conducted by Russia did not affect the commercial efficiency of the CER. It remained the only railway supplying the country with military and private cargoes arriving from abroad via Vladivostok. Particular importance was attached to the supply of American steam locomotives to Russia. In addition, the CER was a supplier of food cargoes to the regions of Russia. Based on previously unknown documents, the author shows the role of A.K. Hinze in the efficiency of the railway's operation department and specifies the time and place of his death.

Keywords: Russian-Chinese cross-border area, railway construction, maintenance service, center and regions, Far Eastern frontier

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: This research was supported by the grant no. 23-48-00004 "Chinese Eastern Railway as a trans-border socio-cultural system: studying its history, reconstructing and modeling mechanisms of cultural heritage protection" of the Russian Science Foundation, https://rscf.ru/project/23-48-00004/

For citation: Khodyakov, M.V. " 'Railway Traffic Manager' of the Chinese Eastern Railway: Engineer A.K. Hinze's Actions from 1906–1917." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 254–267. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-254-267 EDN: NNVMRV

Введение

Актуальность. В статье на основе архивных материалов рассматривается деятельность одной из ключевых служб Китайско-Восточной железной дороги – службы эксплуатации. Акцент сделан на периоде 1906–1917 гг., последовавшем после окончания Русско-японской войны, когда дорога была вынуждена функционировать в новых исторических условиях: происходили перемены в составе администрации дороги, ставились и решались новые серьезные задачи в связи с модернизацией КВЖД и началом Первой мировой войны. Вводя в оборот неизвестные ранее данные, автор уточняет ряд фактов биографии начальника эксплуатации дороги, инженера А.К. Гинце, в том числе время и место его кончины.

Степень изученности проблемы. История Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) не обойдена вниманием исследователей. О строительстве и функционировании дороги и ее соединительных ветвей немало писали в начале

XX столетия[1], историки продолжают это делать и сегодня[2]. Исследователи реконструируют процесс создания и функционирования соединительных ветвей дороги – участков Забайкальской (на западе) и Уссурийской (на востоке) железных дорог, проложенных в конце XIX – начале XX в.[3], анализируют финансовую составляющую железнодорожного строительства[4]. Особое место в череде публикаций, посвященных КВЖД, занимают исследования о конкретных людях – строителях, инженерах, врачах, переселенцах[5].

Цель исследования – определить эффективность организации процесса движения на КВЖД в переломный момент, последовавший после выхода России из войны с Японией, и продолжавшийся вплоть до революционных событий 1917 года. Этот отрезок времени, сопровождавшийся модернизацией не только самой магистрали, но и ее соединительных ветвей, организацией перевозок военных грузов, проходил при непосредственном участии талантливого инженера Александра Константиновича Гинце – одного из руководителей КВЖД.

Источниковая база. Анализируя деятельность КВЖД, историки в дополнение к уже опубликованным[6] активно вводят в научный оборот документы, посвященные

[1] *Кнорринг Ф.И.* Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги: Забайкальская железная дорога. 1906–1909. Иркутск, 1910; *Мелентьев А.С.* Забайкальская железная дорога во времена мира и русско-японской войны 1900–1907. Коррективы к книге В.И. Кнорринга «Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги». Ашхабад, 1911; *Солдатов В.* Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. СПб., 1912. Т. 5. Ч. 1. Таблицы.

[2] *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. EDN: SUPXRL; *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008; Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Отв. ред. М.В. Ходяков. СПб., 2020. EDN: QRIUBA

[3] *Ходяков М.В., Чжао Чжицин.* Строительство церквей в Забайкалье и Китайско-Восточная железная дорога: Кайдаловская ветвь на рубеже XIX–XX веков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 8: История. С. 100–111. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-8-100-111 EDN: EUUGRX; *Дмитриева Н.В.* Между двух империй: железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в позднеимперский период // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 1. С. 254–267. https://doi.org/10.15826/qr.2024.1.877 EDN: ELKJEG

[4] *Янченко Д.Г.* Пограничье России и Китая позднеимперского периода в контексте пересмотра торгово-экономических отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 2. С. 317–333. https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.202 EDN: GOADEP; *Дмитриева Н.В*. На пути к КВЖД: финансовая составляющая истории строительства Кайдаловской железнодорожной ветви // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4. С. 861–874. https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.410 EDN: IAFFAZ; *Ходяков М.В.* «Громадная пиявка, присосавшаяся к государственному сундуку»: Китайско-Восточная железная дорога в оценках российской прессы начала XX века // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 354–363. https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-2-354-363 EDN: AJGXOW; *Иванов А.А., Богомазов Н.И.* Общественная дискуссия вокруг американских закупок для нужд российских железных дорог в годы Первой мировой войны // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1. С. 330–350. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350 EDN: KSYOXF

[5] *Крадин Н.П., Базилевич М.Е.* Архитекторы и инженеры Дальнего Востока. Творческая деятельность архитекторов и инженеров – выпускников столичных учебных заведений – в Забайкалье, Якутии, Приамурье, Приморье и Китае. Хабаровск, 2019. EDN: ZOUALU; *Кротова М.В., Петин Д.И.* Судьба харбинской репатриантки в зеркале антропологии: Людмила Абрамова (1914–2002) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 110–124. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124 EDN: VWEBLV; *Ходяков М.В*. Станция Маньчжурия в начале XX в.: проблемы организации управления на железной дороге // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. Т. 64. № 4. С. 97–106. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-97-106 EDN: SLUZMI

[6] Альбом сооружений и типовых чертежей Китайской Восточной железной дороги 1897–1903. М., [Б.г.]; Отчет о постройке соединительной ветви от Китайского разъезда Забайкальской железной дороги до ст. Маньчжурия Китайской Восточной железной дороги 1898–1901 гг. СПб., 1904; Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге: 1914: От С.-Петербурга до Владивостока / под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова и инженера А. Ф. Здзярского. 12-е изд. СПб., 1914.

различным аспектам функционирования КВЖД[7]. До сегодняшнего дня в полной мере не введен в оборот комплекс материалов обширного фонда правления Общества КВЖД (Ф. 323) Российского государственного исторического архива, в котором хранятся годичные отчеты о технических и хозяйственных результатах эксплуатации дороги и ее соединительных ветвей, обзоры деятельности многочисленных служб КВЖД, дополнительных предприятий при коммерческой части, а также собственно результаты коммерческой деятельности магистрали до 1917 г. Архивные материалы в процессе подготовки статьи дополнялись публицистическими материалами[8] и мемуарными свидетельствами[9].

Начальный этап профессиональной деятельности А.К. Гинце

Александр Константинович Гинце родился в лютеранской семье подпоручика Финляндского линейного батальона Константина Ивановича Гинце. В формулярном списке отца (1859 г.) «о службе и достоинстве» сказано, что он был сыном «поручика Юлиуса Константиновича Иоганов сын Гинце». Отец женился на дочери генерал-майора А.Ф. Рейнеке девице православного вероисповедания Анне Александровне. В этом браке 30 января 1856 г. и родился сын Александр, который 23 февраля был крещен в православной церкви Гельсингфорского военного госпиталя[10].

В отличие от отца и деда Александр отказался от военной карьеры. Приехав в Санкт-Петербург, он поступил в Институт инженеров путей сообщения императора Александра I и 21 мая 1880 г. получил диплом об окончании полного курса наук в этом высшем техническом учебном заведении Российской империи. Экзаменационная комиссия признала его «достойным звания Гражданского инженера с правом производства строительных работ» и «с правом на чин Коллежского Секретаря при вступлении в государственную службу». Диплом был подписан заведующим Институтом тайным советником В.П. Соболевским[11].

По окончании Института А.К. Гинце приказом министра путей сообщения от 19 марта 1884 г. был определен на службу штатным инженером VIII класса с откомандированием в распоряжение Временного управления казенной железной дороги для исполнения обязанностей начальника III дистанции Екатерининской железной дороги с содержанием 2 400 руб. в год. Приказом министра от 12 января 1886 г. ему поручалось «исполнение обязанностей инженера для технических занятий при службе тяги той же дороги»[12].

---

[7] *Кротова М.В.* Судьба архива Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). 1898–1953 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 930–942. https://doi.org/10.28995/2073-0101-2024-3-930-942 EDN: NHSRNS; *Ходяков М.В.* Документы Российского государственного исторического архива о передаче в начале XX в. Уссурийской железной дороги в управление Обществу КВЖД // Отечественные архивы. 2024. № 3. С. 47–56. EDN: OBMFHA

[8] *Нилус Е.Х.* Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923. Харбин, 1923. Т. 1.

[9] *Гинце М.А.* Русская семья дома и в Маньчжурии. Сидней, 1986; *Луговая А.В.* «У меня на руках было большое русское дело…» Воспоминания из архива генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата (часть I) / Публикация А.В. Луговой // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 191–223. EDN: PHLQRD; Там же (часть 2) / Публикация А.В. Луговой // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 243–259. EDN: PLRWNB

[10] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 229. Оп. 10. Д. 692. Л. 8–14 об.

[11] Там же. Л. 7.

[12] Там же. Л. 5–27.

К тому времени А.К. Гинце был уже многодетным отцом. В формулярном списке о службе титулярного советника Гинце сказано, что он был женат на дочери Екатеринбургского мещанина девице Ольге Лазаревне Сисиной, 18 лет, и имел дочерей (Елену, 1878 г.р. и Маргариту, 1879 г.р.), а также сыновей (Виктора, 1886 г.р. и Владимира, 1887 г.р.)[13].

Постепенно А.К. Гинце продвигался по служебной лестнице. 12 января 1886 г. он был назначен начальником службы тяги Ливенской узкоколейной железной дороги и заместителем начальника этой дороги на время его болезни или отсутствия[14]. В 1887 г. за выслугу лет его произвели в титулярные советники, а в 1890 г. в коллежские асессоры. С 18 апреля 1892 г. А.К. Гинце перешел на работу в общество Лозово-Севастопольской железной дороги «для занятия должности начальника Симферопольского депо с окладом жалованья 2 100 руб. в год». Справка от 12 апреля 1893 г. свидетельствовала о том, что в тот момент Гинце занимал должность помощника начальника службы тяги Лозово-Севастопольской железной дороги с окладом содержания 4 200 руб. в год[15]. Приказом министра путей сообщения А.К. Кривошеина от 25 июля 1893 г. он получил разрешение на ношение пожалованного эмиром Бухарским ордена Бухарской звезды «серебряной 2-й степени»[16].

Новый этап карьеры

В 1903 г. Россия ввела в эксплуатацию Китайско-Восточную железную дорогу. Согласно утвержденным министром финансов общим основаниям функционирования КВЖД приказом от 1 июля 1903 г. «Об организации Управления дороги», в его состав вошла «Служба эксплуатации с телеграфом», нередко именовавшаяся просто «службой эксплуатации». В ее непосредственном ведении находились движение на дороге, телеграф[17] и станционные агенты по коммерческой части. Права и обязанности начальника службы определялись особой инструкцией, правилами перевозки, положением о движении поездов и распоряжениями управляющего дорогой. Один из помощников начальника этой службы заведовал телеграфом и именовался «начальником телеграфа». Служба эксплуатации состояла из трех отделений – западного, южного и восточного[18]. Линия дороги разделялась на отделения, участки, дорожные околодки, рабочие участки и сторожевые обходы. На линии действовали 19 врачебно-санитарных участков, а по службе пути и зданий – от станции Маньчжурия до станции Пограничная – 21 участок[19].

Приказом № 4, который был подписан, как и ряд других приказов по КВЖД, 1 июля 1903 г., помощником управляющего дорогой назначался инженер С.В. Игнациус, службу пути и сооружений возглавил инженер князь С.Н. Хилков, его помощником стал инженер Р.В. Половцев. Руководство западным отделением поручалось инженеру С.Ц. Оффенбергу, восточным – Т.М. Тихомирову, а южным – А.И. Шидловскому. Во главе службы эксплуатации первоначально был поставлен инженер Г.Н. Иосса, его помощником стал А.М. Булгаков[20].

---

[13] РГИА. Ф. 229. Оп. 10. Д. 693. Л. 2 об. – 9 об.

[14] Там же. Л. 3 об. – 4.

[15] Там же. Л. 4 об. – 20.

[16] Там же. Л. 32.

[17] *Сунь Ичжи, Гузей Я.С.* Модернизация транспортной инфраструктуры Китайско-Восточной железной дороги: создание почтово-телеграфной системы вдоль Кайдаловской ветви на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2024. Т. 65. № 1. С. 70–85. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-70-85 EDN: DGAGAQ

[18] *Нилус Е.Х.* Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги… С. 265–269.

[19] Там же. С. 270–272.

[20] Там же. С. 275–276.

Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. в России не обошли стороной судьбу КВЖД. Передача Японии южной ветви дороги и порта Дальний в результате заключения Портсмутского мирного договора привели к большим финансовым потерям. В структуре управления КВЖД начались изменения. Их в известной степени подтолкнуло стачечное движение на дороге. Стачечный комитет пытался играть свою роль в управлении движением. Так, 1 декабря 1905 г. его члены направили начальнику службы эксплуатации телеграмму, сообщая: «Стачечный комитет, выслушав Ваше объяснение, которое будет объявлено в бюллетене Комитета, выражает свое сожаление[21] по поводу случившегося. Комитет был введен в заблуждение и ныне, сознавая это, извиняется перед Вами и просит Вас вступить в исполнение своих обязанностей»[22].

20 апреля 1906 г. вице-председатель правления Общества КВЖД А.Н. Вентцель направил управляющему КВЖД Д.Л. Хорвату в Харбин запрос следующего содержания:

> Ввиду необходимости скорейшего замещения вакантных должностей начальников служб благоволите неотлагательно ответить на запрос Правления относительно Борисова и Гинце[23].

В справке о кандидатах на вакантную должность отмечалось, что управление дорогой сначала склонялось в пользу кандидатуры А.К. Гинце, потом – за назначение на эту должность помощника начальника эксплуатации А.М. Булгакова. При этом отмечалось, что он был «отлично знаком с технической стороной дела». Существовало опасение, что «предоставление упомянутой должности постороннему лицу может обидеть Булгакова и вызвать с его стороны уход со службы». А.М. Булгаков считался «весьма ценным агентом и Правление всегда дорожило его услугами». Однако он не имел высшего образования, у него не было «ни достаточного авторитета, ни твердости, необходимых для руководителя столь обширным составом служащих, как в службе эксплуатации». В итоге было решено, что при всех своих положительных качествах Булгаков «не может быть начальником службы эксплуатации»[24].

В протоколе заседания Правления Общества КВЖД от 26 апреля 1906 г. было записано: «Назначить инженера А.К. Гинце на должность начальника эксплуатации с содержанием 15 000 руб. в год, из коих 3 000 руб. личноприсвоенных». При всей внушительности суммы содержания члены правления, принимавшие это решение, понимали, что условия службы на КВЖД являются «весьма тяжелыми» и подыскать кандидата на столь ответственную должность было делом «крайне затруднительным». До Гинце должность начальника службы эксплуатации занимал Г.Н. Иосса, получавший содержание значительно большее «сверх штатного» – 20 000 руб. в год (12 000 содержания и 8 000 руб. «личноприсвоенных»)[25].

По воспоминаниям Михаила, младшего сына А.К. Гинце, решение о переезде в Харбин было принято отцом после предложения управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата и его детального обсуждения с семьей и близкими[26]. Новоиспеченный начальник эксплуатации КВЖД выехал к новому месту службы 15 мая 1906 г. На проезд I классом от Санкт-Петербурга до станции Маньчжурия он смог взять с собой 10 пуд. багажа.

---

[21] Подчеркнуто в тексте телеграммы красным карандашом.

[22] Текст телеграммы, хранящийся в личном архиве Сунь Ичжи, был любезно предоставлен автору настоящей статьи для описания начального этапа профессиональной деятельности А.К. Гинце.

[23] РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 580. Л. 4.

[24] Там же. Л. 2.

[25] Там же. Л. 6.

[26] *Гинце М.А.* Русская семья дома и в Маньчжурии… С. 30.

В качестве «подъемных» инженер получил два месячных оклада[27]. В Харбин он отправился без жены и детей для того, чтобы «подготовить все к приезду семьи» в июле.

Согласно действовавшим общим правилам организации КВЖД, для замещения управляющего дорогой на случай болезни или отсутствия, а также в помощь ему назначались два помощника и заместители из числа начальников служб. До кадровых перестановок лета 1906 г. существовало четыре заместителя управляющего дорогой: первый заместитель – помощник управляющего дорогой инженер С.В. Игнациус, второй – начальник эксплуатации инженер Г.Н. Иосса, третий – начальник службы пути инженер князь С.Н. Хилков и четвертый – начальник службы тяги инженер Е.Ф. Кричевский[28].

Протокол заседания Правления Общества КВЖД от 16 августа 1906 г. содержит сведения о назначении заместителей управляющего дорогой: вторым заместителем – начальника службы тяги инженера Е.Ф. Кричевского, третьим заместителем – начальника службы эксплуатации инженера А.К. Гинце и четвертым заместителем – начальника службы пути инженера В.В. Немчинова[29]. 20 марта 1907 г. министром финансов был утвержден новый порядок замещения управляющего дорогой и его помощников. Год спустя, в марте 1908 г., А.К. Гинце был назначен вторым, В.В. Немчинов – третьим, В.Д. Лачинов – четвертым заместителем управляющего КВЖД[30].

В марте 1909 г., когда Александр Константинович Гинце был произведен в действительные статские советники, что соответствовало чину генерал-майора в армии, сослуживцы преподнесли ему поздравительный адрес, который подписали более 130 чел. В нем говорилось:

> В 1906 г. Вы встали во главе обширнейшей на Китайской Восточной железной дороге службы Эксплуатации, службы, которая в полной мере переживала в то время общегосударственные интересы Военного ведомства, имея громадные штаты военного времени, ввиду незаконченной еще эвакуации войск с театра военных действий в Европейскую Россию.
> Вам предстояла крайне сложная и трудная задача перевести движение в зависимости от торгово-промышленных интересов Маньчжурии и Уссурийского края с военного на коммерческий график, а соответственно с уменьшением движения на дороге уменьшить и штаты служащих, – последнее было тяжелой необходимостью, так как при всяком сокращении штатов Вам приходилось считаться с горем людей, остававшихся без службы[31].

В адресе отмечалось, что при Гинце прекратились хищения на КВЖД, работа персонала была организована «разумно-осмысленно», а все возникающие проблемы решались твердой рукой «строгого, но благожелательного и справедливого начальника»[32].

В Харбине А.К. Гинце пришлось решать широкий круг задач, связанных с эксплуатацией дороги. По сравнению с 1906 г., когда по дороге проследовало почти 2,7 млн чел., масштаб перевозок упал вдвое и составил в 1911 г. 1,2 млн чел. Количество перевезенных пассажиров стало увеличиваться только в 1912 г., достигнув показателей 1906 г. к моменту революционных потрясений 1917 г. Среднее количество

[27] РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 580. Л. 14.
[28] Там же. Л. 16 об.
[29] Там же. Л. 16 а.
[30] Там же. Л. 18, 22.
[31] *Гинце М.А.* Русская семья дома и в Маньчжурии… С. 115.
[32] Там же. С. 116.

поездов в сутки «во всю длину дороги» составило соответственно: в 1906 г. – 16, 1910 г. – 9, 1916 г. – 16, 1917 г. – 13[33].

Служба эксплуатации дороги решала в эти годы серьезные организационные и экономические задачи. Необходимо было обеспечить, по данным отчета по эксплуатации дороги за 1916 г., движение паровозов через 90 станций и 65 разъездов[34]. На время усиленного движения производилось дополнительное привлечение агентов для формирующихся разъездов на КВЖД. К 1917 г. на КВЖД курсировал 491 паровоз различных типов, в том числе пассажирских, товарных, правительственных типа «Компаунд» и «танковых»[35]. Пассажирский парк дороги составляли 44 парадных, салонных и служебных вагона, 4 вагона (I и II класса) для специальных составов дальнего следования; 602 вагона (I–IV классов) прямого и местного сообщения, включая 23 вагона-столовых, 19 арестантских, 12 почтовых, 46 багажных, 10 санитарных и др. Требовалось также обеспечить движение 9,5 тыс. вагонов товарного парка, включая крытые вагоны, теплушки, цистерны, вагоны-ледники, решетчатые вагоны для дров, полувагоны[36]. При этом свыше 100 вагонов находились в аренде на Забайкальской и Томской железных дорогах[37].

4 июня 1915 г. Д.Л. Хорват направил телеграмму в Петроград, в которой просил утвердить А.К. Гинце в должности помощника по технической части, добавляя, что тот уже исполнял эти обязанности с 1910 по 1915 гг. «в общей сложности свыше двух лет». Сообщая о необходимости проведения «спешных и серьезных работ на КВЖД», он характеризовал А.К. Гинце как исключительно делового руководителя, который «проявляет должную распорядительность и вообще никаких недоразумений между ним и начальниками служб не наблюдается»[38].

Процесс изменения в кадровом составе администрации дороги фиксирует протокол заседания правления Общества КВЖД от 24 июня 1915 г. В нем говорится, что инженер князь С.Н. Хилков с 1 июня оставил службу в Обществе КВЖД в качестве помощника управляющего дорогой «вследствие расстроенного здоровья». Тем же протоколом начальник службы эксплуатации инженер А.К. Гинце назначался на должность помощника управляющего дорогой по железнодорожной части с содержанием 15 тыс. руб. в год по штату и 3 тыс. руб. «личноприсвоенных»[39].

В ответной телеграмме, направленной в Общество КВЖД, А.К. Гинце выразил «искреннюю благодарность» А.Н. Вентцелю за это назначение и заявил о готовности приложить все усилия для того, чтобы оправдать оказанное ему доверие[40].

КВЖД оказалась единственной магистралью, снабжавшей Россию военными и частными грузами, прибывавшими из-за границы через Владивосток и имевшими первостепенное значение. Помимо перевозок общегосударственного значения, КВЖД была поставщиком продовольственных грузов Иркутской губернии и Забайкальской области, высылаемых для нужд населения и расквартированных там войсковых частей, а также местных поселков, расположенных в пределах полосы отчуждения дороги и Уссурийского края[41]. Малейшее нарушение планомерной вывозки продовольственных грузов при отсутствии на местах запасов угрожало голодом.

---

[33] РГИА. Ф. 323. Оп. 7. Д. 630. Л. 13 об.

[34] Там же. Д. 564. Л. 666–702.

[35] Не имеющих тендера: вода и топливо хранились в танках, или емкостях, установленных на самом локомотиве.

[36] РГИА. Ф. 323. Оп. 7. Д. 630. Л. 9 об.

[37] Там же. Д. 564. Л. 17.

[38] Там же. Оп. 1. Д. 580. Л. 58.

[39] Там же. Л. 59.

[40] Там же. Л. 64.

[41] Там же. Оп. 7. Д. 571. Л. 32.

В кратком отчете о коммерческой деятельности дороги отмечается, что в 1916 г. перевозка частных грузов в этот год составила 127,356 тыс. пудов и превысила перевозку 1915 г. на 16,693 тыс. пудов. Главнейшими предметами импорта в Россию в числе частных грузов были чай, хлопок, металлы, аптекарские и москательные товары[42], мешки, машины и пр. Валовой выручки в 1916 г. поступило 52,153 тыс. руб., что было больше на 11,463 тыс. против 1915 г. Таким образом, КВЖД не утратила своего прежнего коммерческого значения в смысле доходности. Чистый доход, за исключением эксплуатационных расходов, в 1916 г. выразился в сумме 28,996 тыс. руб. и превысил цифру 1915 г. на 6,589 тыс. руб., 1914 г. – на 21,099 тыс. руб. и 1913 г. – на 21,964 тыс. руб. Ввоз иностранных товаров превысил вывоз на 17,238 тыс. пудов или на 51 %, что, однако, отрицательно сказалось на российском общегосударственном торговом балансе[43].

Ход мировой войны привел к тому, что Россия была вынуждена закупать значительное количество снаряжения в Америке, в первую очередь железнодорожный подвижной состав – паровозы и товарные вагоны. Их доставляли во Владивосток в разобранном виде и собирали во временных мастерских, организация которых была поручена администрации КВЖД. Одним из ответственных за эту работу стал А.К. Гинце.

В 1916 г. закончилась начавшаяся годом ранее сборка в Главных Харбинских мастерских американских паровозов типа «Декапод». Всего оказалось собрано 398 паровозов, из них 384 – в 1916 г. Одновременно была осуществлена их передача с Китайской на Амурскую и Забайкальские железные дороги[44].

В целях наибольшей продуктивности использования подъемной силы и их вместимости Управлением дороги в широких масштабах производилась догрузка металлами платформ груженых автомобилями и сельскохозяйственными машинами, а также погрузка в крытые вагоны металлов совместно с хлопком и чаем. В техническом отношении совместная погрузка указанных грузов не вызывала задержки в их доставке или простоя платформ, поскольку грузы следовали по назначению на одну станцию. Пробег всех вагонов по Китайской линии в 1916 г. превысил сметные задания на 60,3 %. Вместо предложенных по смете 6 млн поездо-верст было исполнено 9 619 235. Весь «перепробег» приходился исключительно на поезда товарного движения, тогда как пассажирские и хозяйственные поезда сделали меньший пробег, чем было определено по смете[45].

Контроль и отчетность на дороге были поставлены весьма жестко. О совершенных перевозках за сутки управление дороги телеграфировало в управление железных дорог и в правление Общества КВЖД в Петроград с указанием количества погруженных за сутки грузов, а также о числе затребованных вагонов, с объяснением причин «неподачи»[46].

Болезнь и отход от активной деятельности

Напряженная работа сказывалась на состоянии здоровья А.К Гинце. Управляющий КВЖД Д.Л. Хорват еще 15 апреля 1911 г. сообщал в правление Общества о том, что «состояние здоровья Гинце требует немедленного отъезда куда-нибудь

[42] Москательные товары – устаревшее название предметов бытовой химии – красок, клея, технических масел и др.

[43] РГИА. Ф. 323. Оп. 7. Д. 571. Л. 14–17.

[44] Там же. Л. 105.

[45] Там же. Л. 35–37.

[46] Там же. Л. 33 об.

на воды»[47]. Согласно действовавшим правилам, четырехмесячный отпуск «с сохранением содержания» разрешался служащим дороги на четвертом и пятом годах непрерывной службы. А.К Гинце, таким образом, свой отпуск «выслужил». 5 апреля 1911 г. решение было утверждено А.Н. Вентцелем. После возвращения из отпуска 28 августа 1911 г. А.К. Гинце приступил к исполнению своих обязанностей[48].

Однако состояние его здоровья постепенно ухудшалось. В марте 1914 г. помощником главного врача КВЖД Э.П. Хмарой-Борщевским и старшим врачом Центральной больницы в Харбине Т.И. Новкунским было составлено медицинское свидетельство, в котором отмечалось, что А.К. Гинце лечился у врачей больницы «несколько лет назад». Пациент жаловался на «резкие по временам головные боли», «хроническое гнойное выделение из носа», «расширение вен левой ноги», «хронические боли в мышцах спины»[49]. Проведенное обследование показало на правой ноге в области задней поверхности «резкое варикозное расширение обширных участков вены» и отечность правой голени, мешающей свободно двигаться. Диагноз свидетельствовал о наличии левостороннего синусита носа и варикозного расширения вен правой ноги[50]. Врачи рекомендовали А.К. Гинце обращение «к известным специалистам в определенных заграничных клиниках и лечение в курортах». Курс лечения должен был продолжаться не менее 4–5 месяцев и начаться в летнее время года. Сразу после посещения врачей в Харбине А.К Гинце обратился к Д.Л. Хорвату, с которым у него сложились доверительные отношения. 4 апреля 1914 г. управляющий дорогой направил в правление Общества КВЖД письмо, сообщая о просьбе Гинце разрешить ему поездку за границу с 1 июня для лечения. Понимая, что А.К Гинце выслужит право на очередной отпуск только к августу и воспользоваться курортным лечением сможет лишь осенью, управляющий дорогой был вынужден заметить, что это время года совпадает с массовой перевозкой грузов по дороге и «отлучка его с линии, как руководителя движением, нежелательна»[51].

Несмотря на то, что положенный для четырехмесячного отпуска А.К. Гинце срок наступал только в конце августа 1914 г., правление Общества КВЖД, «учитывая обстоятельства», сообщило в письме управляющему дорогой Д.Л. Хорвату, что оно «не имеет препятствий» к предоставлению начальнику эксплуатации «4 месячного отпуска с сохранением содержания с 1 июня с.г.»[52]. На вопрос о возможности продолжения службы на дороге врачи отвечали уклончиво: «Может, но с трудом, вследствие головных болей и отека ноги <…> трудоспособность временно понижена»[53].

Д.Л. Хорват телеграммой в правление Общества КВЖД просил «теперь же» выдать Гинце бесплатные билеты для проезда по российским железным дорогам через Москву и Варшаву вместе с женой и сыном в поезде «международного общества спальных вагонов и скорых поездов». Получив разрешение министра путей сообщения, А.К. Гинце с семьей выехал в Иркутск, где им вручили соответствующие билеты через представителя международного общества[54].

О лечении А.К. Гинце подробно повествует в своих воспоминаниях его младший сын. Добравшись до Москвы, семья направилась в Европу через Германию. В Швейцарии в клинике профессора Мермо А.К. Гинце была сделана операция

[47] РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 580. Л. 34.
[48] Там же. Л. 40.
[49] Там же. Л. 41.
[50] Там же. Л. 41 об.
[51] Там же. Л. 40.
[52] Там же. Л. 43.
[53] Там же. Л. 41 об.
[54] Там же. Л. 50–55.

«в области носа», которая прошла не совсем удачно, дав осложнение[55]. Вскоре пришло известие о начале мировой войны. На семейном совете было решено возвращаться в Россию кружным путем, который пролегал через Италию, Грецию, Сербию, Болгарию, Румынию. В конечном итоге, добравшись до Харькова, А.К. Гинце дал телеграмму А.Н. Вентцелю в Санкт-Петербург, извещая того о своем прибытии. Товарищ председателя Общества КВЖД просил как можно скорее вернуться в Харбин для того, чтобы наладить воинские перевозки[56]. Сев сначала в поезд Сибирской железной дороги, а затем в служебный состав КВЖД, семья Гинце благополучно возвратились в Харбин. Отпуск, проведенный в беспрестанных переездах по железным дорогам, был скомкан и не мог укрепить здоровье Гинце.

Должность помощника управляющего дорогой по железнодорожной части, которую Гинце занял летом 1915 г., требовала большого напряжения сил. Поскольку Д.Л. Хорват был перегружен административными обязанностями, значительную часть работ он возложил на одного из своих помощников. В марте 1917 г. управляющий дорогой телеграфировал в Петроград о том, что А.К. Гинце «серьезно болен, лежит в постели». В телеграмме он «очень просил» разрешить своему помощнику «отпуск на четыре месяца для лечения болезни на юге России»[57]. Через некоторое время А.К. Гинце оказался в Японии. 29 июня 1917 г. был составлен диагноз болезни и сделан его перевод на русский язык. В нем сообщалось, что в 1915 г. больной «получил тяжелый ушиб правой руки при исполнении служебных обязанностей». После этого в течение нескольких месяцев «верхние и нижние конечности руки совсем потеряли силу…». В Токио А.К. Гинце прошел трехнедельный курс лечения «электрическими медикаментами», после чего «его мускулы усилились на 70 % и при движении руки он стал не так сильно утомляться». В медицинском заключении содержалась констатация того, что для выздоровления пациента требуется четыре недели, и затем рекомендуется «купание в горячих источниках в течение двух месяцев»[58].

1 июля 1917 г. А.К. Гинце обратился с прошением к Д.Л. Хорвату, в котором сообщал, что его болезнь «поддается лечению» и для окончательного выздоровления потребуется еще три месяца. В связи с этими обстоятельствами он просил разрешения «прибыть к месту службы в середине сентября 1917 г.»[59]. 7 июля Д.Л. Хорват направил в правление Общества КВЖД письмо, сообщая, что в настоящий момент Гинце находится в Японии «в отпуске по болезни». Управляющий дорогой ходатайствовал «для окончательной поправки здоровья» продлить своему помощнику отпуск до семи недель «сверх разрешенных четырех месяцев». Прилагая медицинское свидетельство, выданное доктором Сано на английском языке, Д.Л. Хорват просил удовлетворить просьбу Гинце[60].

В правлении Общества КВЖД письмо Д.Л. Хорвата было получено 27 июля 1917 г. Возможно, что и в этот раз ходатайство помощника управляющего дорогой о продлении отпуска могло быть удовлетворено. Но одновременно А.К. Гинце просил о назначении ему пенсии «за утрату трудоспособности». Вердикт правления Общества был категоричен:

> Гинце не только находится в продолжительной отлучке, но и не дает уверенности в том, что по возвращении из отпуска он вообще останется на службе Общества, судя по тому, что он намерен предъявить претензию о назначении от дороги пенсии[61].

[55] *Гинце М.А.* Русская семья дома и в Маньчжурии… С. 287–310.
[56] Там же. С. 300.
[57] РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 580. Л. 65.
[58] Там же. Л. 70.
[59] Там же. Л. 69.
[60] Там же. Л. 68.
[61] Там же. Л. 71–72.

В итоге правление Общества не нашло достаточных оснований для удовлетворения просьбы А.К. Гинце о дополнительном отпуске. Вероятно, Д.Л. Хорват вскоре потерял связь со своим помощником. Состояние здоровья последнего позволило управляющему дорогой сделать поспешный вывод о том, что «месяца через три от начала революции помощник мой инженер Гинце умер»[62].

Вернувшись в Россию в разгар Гражданской войны, А.К. Гинце поступил на службу в Министерство юстиции правительства адмирала А.В. Колчака. Активного участия в политической и экономической жизни он уже не принимал. В личном деле служащего министерства и подведомственных ему учреждений Российского правительства (Омск) содержится запись, сделанная 19 марта 1919 г. председателем пограничного окружного суда в Харбине В.А. Скворцовым. Он сообщает в Министерство юстиции о кончине в Харбине 8 марта почетного мирового судьи пограничного окружного суда действительного статского советника Александра Константиновича Гинце[63]. Спустя месяц, 16 апреля, была подготовлена заверенная выписка из приказа министра юстиции Омского правительства С.С. Старынкевича, в которой содержалась информация об исключении А.К. Гинце из списков данного ведомства[64].

Заключение

Проработав на ответственной должности свыше десяти лет, А.К. Гинце показал себя энергичным и предприимчивым руководителем. После окончания Русско-японской войны он непосредственно руководил эвакуацией воинских формирований и изменением задач железной дороги, направленных на решение коммерческих вопросов. В этом начинании он преуспел: после некоторого падения доходности дороги в 1914 г. валовая выручка КВЖД спустя год существенно увеличилась. Настоящий прорыв был совершен в вопросе сборки американских паровозов, часть из которых направлялась на железные дороги Дальнего Востока. Удачно совмещая организацию государственных поставок в Россию по линии военного ведомства и импорта частных грузов, А.К. Гинце внес и свой вклад в то, что КВЖД на протяжении всех лет Первой мировой войны оставалась прибыльным начинанием.

Поступила в редакцию / Submitted: 8.09.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.02.2026
Принята к публикации / Accepted for publication: 7.03.2026

References

Dmitrieva, N.V. “On the Way to the Chinese Eastern Railway: Financial Aspects of the History of Kaidalovo Line Construction.” *Modern History of Russia* 13, no. 4 (2023): 861–874 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.410

Dmitrieva, N.V. “Between two empires: railway construction in the far east in the late imperial period.” *Quaestio Rossica* 12, no. 1 (2024): 254–267 (in Russian), https://doi.org/10.15826/qr.2024.1.877

Ginze, M.A. *Russkaia sem’ya doma i v Man’chzhurii* [The Russian Family at Home and in Manchuria]. Sydney: [N.s.], 1986 (in Russian).

Ivanov, A.A., and Bogomazov, N.I. “Public discussion around American purchases for needs of Russian roads during First World war.” *Nauchnyi Dialog* 12, no. 1 (2023): 330–350 (in Russian). https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350

[62] *Луговая А.В.* «У меня на руках было большое русское дело…» (часть I)… С. 196.

[63] ГАРФ. Ф. 4369. Оп. 4. Д. 200. Л. 1.

[64] Там же. Л. 2.

Khodyakov, M.V., ed. *Tsentr i regiony: ekonomicheskaia politika pravitel'stva na okrainakh Rossiiskoi imperii (1894–1917)* [Center and Regions: Government Economic Policy on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2020 (in Russian).

Khodyakov, M.V. " 'Giant Leech on the State Chest': The Chinese Eastern Railway in Assessments of the Russian Press of the Early 20th Century." *Herald of an Archivist*, no. 2 (2023): 354–363 (in Russian), https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-2-354-363

Khodyakov, M.V. "Manchuria railway station in the early 20th century: problems of organization of management on the railway." *Lomonosov History Journal* 64, no. 4 (2023): 97–106 (in Russian), https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-97-106

Khodyakov, M.V. "Documents of the Russian State Historical Archive on the transfer of the Ussuri Railway to the governance of the KVZHD society at the beginning of the XX century." *Otechestvennye Arkhivy*, no. 3 (2024): 47–56 (in Russian).

Khodyakov, M.V., and Zhao, Zhiqing. "Church Construction in Transbaikalia and the Chinese Eastern Railway: Kaydalovskaya Railway Branch at the Turn of the 19th – 20th Centuries." *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 22, no. 8 (2023): 100–111 (in Russian), https://doi.org/1818-7919-2023-22-8-100-111

Knorring, F.I. *Popytka opredelit' khozyaistvennost' ekspluatatsii zheleznoi dorogi: Zabaikal'skaia zheleznaia doroga. 1906–1909* [An attempt to determine the economic efficiency of railway operation: Transbaikal Railway. 1906–1909]. Irkutsk: Parovaia tipo-litografiia P.I. Makushina i V. M. Posokhina Publ., 1910 (in Russian).

Kradin, N.P., and Bazilevich, M.E. *Arkhitektory i inzhenery Dal'nego Vostoka. Tvorcheskaia deiatel'nost' arkhitektorov i inzhenerov – vypusknikov stolichnykh uchebnykh zavedenii – v Zabaikal'ye, Iakutii, Priamur'ye, Primor'ye i Kitae* [Architects and Engineers of the Far East. Creative Activities of Architects and Engineers – Graduates of Moscow Educational Institutions – in Transbaikalia, Yakutia, Amur Region, Primorye, and China]. Khabarovsk: Tikhookeanskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2019 (in Russian).

Krotova, M.V. "The fate of the archive of the Chinese Eastern Railway (CER). 1898–1953." *Herald of an Archivist*, no. 3 (2024): 930–942 (in Russian), https://doi.org/10.28995/2073-0101-2024-3-930-942

Krotova, M.V., and Petin, D.I. "The fate of Harbin repatriate in the mirror of anthropology: Liudmila Abramova (1914–2002)." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (2023): 110–124 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124

Lugovaya, A.V. " 'There was a great Russian affair in my hands...' Memoirs From the Archive of General D. L. Khorvat (Part I)." *Modern History of Russia*, no. 2 (2012): 191–223 (in Russian).

Lugovaya, A.V. " 'There was a great Russian affair in my hands...' Memoirs From the Archive of General D. L. Khorvat (Part II)." *Modern History of Russia*, no. 3 (2012): 243–259 (in Russian).

Lukoyanov, I.V. *«Ne otstat' ot derzhav…»: Rossiia na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX v.* ["Keeping up with the powers...": Russia in the Far East in the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2008 (in Russian).

Melentyev, A.S. *Zabaikal'skaia zheleznaia doroga vo vremena mira i russko-iaponskoi voiny 1900–1907. Korrektivy k knige V.I. Knorringa «Popytka opredelit' khozyaistvennost' ekspluatatsii zheleznoi dorogi»* [The Transbaikal Railway during the Peace and the Russo-Japanese War of 1900–1907. Corrections to the book by V.I. Knorring "An Attempt to Determine the Economic Efficiency of Railway Operation"]. Ashgabat: Elektropechat' K.M. Fedorova Publ., 1911 (in Russian).

Nilus, E.Kh. *Istoricheskii obzor Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi. 1896–1923* [Historical review of the Chinese Eastern Railway. 1896–1923]. Harbin: tipografii KVZHD i Tovarishchestva «Ozo» Publ., 1923 (in Russian).

Remnev, A.V. *Rossiia Dal'nego Vostoka. Imperskaia geografiia vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2004 (in Russian).

Soldatov, V. *Zheleznodorozhnye poselki po Zabaikal'skoi linii. Statisticheskoe opisanie i materialy po perepisi 1910 goda. Tablitsy* [Railway settlements along the Trans-Baikal line. Statistical description and materials for the 1910 census. Tables]. St. Petersburg: Tipografiia «Slovo» Publ., 1912 (in Russian).

Sun, Yizhi, and Guzey, Ya.S. "Modernization of transport infrastructure on the Chinese Eastern Railway: establishment of the postal and telegraph system along the Kaidalovskaya line at the turn of the 19th and 20th centuries." *Lomonosov History Journal* 65, no. 1 (2024): 70–85 (in Russian), https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-70-85

Yanchenko, D.G. "The Russian-Chinese borderland in the late imperial period in the revision of trade and economic relations." *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 68, no. 2 (2023): 317–333 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.202

Информация об авторе / Information about the author

Михаил Викторович Ходяков, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; m.khodyakov@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0001-8469-2590; SPIN-код: 6783-0339.

Mikhail Viktorovich Khodyakov, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of Modern History of Russia, Institute of History, Saint Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya naberezhnaya Str., Saint Petersburg, 199034, Russia; m.khodyakov@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0001-8469-2590; SPIN-code: 6783-0339.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 268–283
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-268-283
EDN: NOKRAI

Научная статья / Research article

Казахско-синьцзянский участок советско-китайской границы: пограничный режим и приграничные практики населения во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов

Наталья Николаевна Аблажей [a], **Альбина Советовна Жанбосинова** [b]

[a] Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия
[b] Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева, Астана, Казахстан
ablazhey@academ.org

Аннотация: Исследуется государственная политика СССР в области охраны пограничной зоны с Китаем на казахско-синьцзянском участке в 1920–1930-е гг. Цель исследования заключается в том, чтобы показать, как протекали миграционные процессы и экономические практики населения приграничья в условиях переход от контактной к барьерной границе. Источниковая база основана на нормативно-правовых актах, регулировавших пограничный режим, и ведомственном делопроизводстве ОГПУ по вопросам охраны границы. Показан феномен границы, во-первых, как линии государственного разграничения и военно-политического рубежа, во-вторых, как пограничной контактной территории со сложившимися экономическими и миграционными практиками. Сделан вывод о том, что даже в условиях ужесточения пограничного режима население приграничья сохранило экономическое взаимодействие, прибегая к нелегальным практикам с целью выживания и обхода государственных ограничений.

Ключевые слова: советско-китайское трансграничье, Казахстан, миграция, контрабанда, бандитизм

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта AP23485356 по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему: «Паспортизация в Казахстане 1932–1940 гг.»

Для цитирования: *Аблажей Н.Н., Жанбосинова А.С.* Казахско-синьцзянский участок советско-китайской границы: пограничный режим и приграничные практики населения во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 268–283. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-268-283 EDN: NOKRAI

© Аблажей Н.Н., Жанбосинова А.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Kazakh-Xinjiang Section of Soviet-Chinese Border in the Second Half of the 1920s – the First Half of the 1930s: Border and Passport Regimes, Illegal Migration, and Economic Practices of the Population

Natalia N. Ablazhey [a], Albina S. Zhanbossinova [b]

[a] Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia
[b] L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
ablazhey@academ.org

Abstract: The author in their article considers the USSR state policy in the field of protecting the border zone with China in the Kazakh-Xinjiang section of the border in the 1920–1930s. The purpose of the study is to show the migration processes and economic practices of the border territories population during the period of transition, from a period of frequent contact to the erection of a barrier on the border. The research is based on the legal acts regulating the border regime and the departmental records of the OGPU on border protection issues. The author shows the nature of the border during this period, firstly, it existed as a line of state demarcation and a military-political boundary, and secondly, it existed as a border contact territory, with established economic and migration practices. The author comes to the conclusion that even in the context of tightening the border regime, the population of the border territories maintained economic interaction, resorting to illegal practices in order to survive and circumvent government restrictions.

Keywords: Soviet-Chinese borderlands, Kazakhstan, migration, smuggling, and banditry

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Authors' contributions: Authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The article was prepared as part of the scientific project AP23485356 under a grant from the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan on the topic: "Passportization in Kazakhstan 1932–1940."

For citation: Ablazhey, N.N., Zhanbossinova, A.S. "Kazakh-Xinjiang Section of Soviet-Chinese Border in the Second Half of the 1920s – the First Half of the 1930s: Border and Passport Regimes, Illegal Migration, and Economic Practices of the Population." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 268–283. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-268-283 EDN: NOKRAI

Введение

Актуальность. Проблема границ и приграничных территорий является производной не только от внешней политики и национальной безопасности государств, но и от их внутренней политики. Граница не только разделяет государства, но также воспроизводит особенности политического и экономического режима стран-соседей. Принято выделять барьерную и контактную функции границы, различные варианты их пересечения, что позволяет анализировать специфику жизни населения приграничных регионов. Статус и функции границы также могут часто меняться в разных направлениях и иметь свои временные этапы. Ключевой для анализа политической, экономической и социальной среды приграничья и существовавших ограничений для населения является статус пограничной территории. В 1920–1930-е гг. баланс соотношения барьерной и контактной функций границ СССР с сопредельными странами претерпел значительные изменения. Это сказалось как на межстрановом и региональном взаимодействии, так и на самом населении приграничья, где сложились

специфические экономические связи, а в ряде случае были основания говорить об этнокультурной близости. Вследствие проводимой линии на ужесточение режима приграничной территории для местного населения произошел достаточно быстрый переход от контактного к разделительному и барьерному режиму границы.

Советско-китайская граница в тот период, как и сегодня, относилась к числу самых протяженных в мире, а территория Монголии разделяла ее на восточную и западную части. Западная часть представляла собой участок протяженностью около 2 тыс. км, где граничили Синьцзян и Казахская, Киргизская и Таджикская ССР. История этой части советской границы наглядно иллюстрирует не только характер межгосударственных и региональных связей, но и показывает стратегическое значение Синьцзяна как для СССР, так и Китая.

Степень изученности проблемы. К проблематике границы чаще всего обращаются специалисты в области современного приграничного взаимодействия, существенно меньше исследований по истории границы и приграничья. Тематика истории советской границы разрабатывалась преимущественно ведомственными историками, что обусловлено возможностью доступа к ведомственным архивам и интересом к истории пограничных и таможенных служб (О.Б. Мозохин[1], О.Ю. Репухова[2], В.А. Корняков[3] и др.). Вопросы границы попадают в поле зрения гражданских историков, в первую очередь в контексте изучения советского влияния в Синьцзяне (В.В. Петров[4], В.И. Бармин[5], Е.Н. Наземцева, А. Камалов [6] и др.), басмачества (В.И. Бармин[7] и др.), русской эмиграции (Е.Н. Наземцева[8] и др.), в т.ч. военной эмиграции (Е.Н. Наземцева[9], А.В. Ганин[10]), этнической миграции (Н.Н. Аблажей[11], Е.Н. Наземцева[12]), среднеазиатской миграции (К.Н. Абдуллаев[13]), приграничной

[1] *Мозохин О.* ВЧК – ОГПУ. Карающий меч пролетариата. М., 2004.

[2] *Репухова О.Ю.* Пограничный режим в Карелии в 1920–1930-е годы. Петрозаводск, 2017.

[3] *Корняков К.А.* Контрабанда и борьба с ней. М., 2010. EDN: ZVCBCD

[4] *Петров В.И.* Мятежное сердце Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003.

[5] *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг. (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998.

[6] *Камалов А.К.* Политическая история Синьцзяна в 1920–1930-е гг. // Markazi Osiiyu Tarixi (History of Central Asia). 2024. № 3–4. С. 82–95.

[7] *Бармин В.А.* Поиски советскими и партийными органами Туркестана форм и методов работы с коренным населением в условиях борьбы с басмачеством 1918−1924 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 97–109. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-97-109 EDN: OPXATH

[8] *Наземцева Е.Н.* Политико-правовое положение российских эмигрантов в советско-китайских отношениях 1917–1949 годов. М., 2024.

[9] *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010. EDN: QPQGFV; *Ее же*. Русское архитектурное наследие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая как проявление межэтнического и межкультурного взаимодействия в XIX–XXI вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 72–84. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-72-84 EDN: KMJADS

[10] *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006. EDN: QPEHDT

[11] *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. EDN: VNDCCX

[12] *Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н.* Кирбеженцы и русские эмигранты в Западном Китае: пути решения беженского вопроса (по материалам НКИД РСФСР лета 1923 г.) // Вестник Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: исторические науки, философия, религиоведение. 2020. № 4. С. 12–22. https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-133-4-13-23 EDN: DJXJLG

[13] *Абдуллаев К.Н.* От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009.

торговли (Т.А. Шеметова[14]). В историографии есть единичные работы по истории советско-синьцзянской границы и пограничного режима (В.В. Терещенко[15]).

Цель исследования – показать, как изменения в пограничной политике повлияли на миграционные процессы и экономические практики населения в синьцзянском приграничье Казахской АССР.

Источниковая база. Для исследования привлекались законодательные и ведомственные нормативные акты, включающие декреты, решения и приказы разных уровней и ветвей власти, регулирующие приграничный и паспортный режимы; оперативное делопроизводство пограничных структур ОГПУ–НКВД; следственные дела о нарушениях границы. Данные группы документов позволяют реконструировать советскую пограничную политику в целом, в том числе на советско-китайском участке границы между Казахской автономией и Синьцзяном, как в плане охраны, так и регулирования приграничных взаимодействий, пресечения незаконной миграции и контрабанды.

Авторами использованы архивные материалы из фондов Политбюро ВКП (б) (Ф. 17) Российского государственного архива социально-политической истории; Казкрайкома ВКП (б) (Ф. 141) Архива Президента Республики Казахстан; приказов ОГПУ – НКВД СССР (Ф. 13) и Секретариата ОГПУ – НКВД (Ф. 9) Специального государственного архива МВД Республики Казахстан; документы Специального государственного архива Комитета национальной безопасности Республики Казахстан; архивно-следственные дела (Ф. 20) Специального государственного архива Департамента полиции города Алматы и Специального государственного архива Департамента полиции Восточно-Казахстанской области. Привлечены также тематические документальные издания по истории ОГПУ – НКВД и пограничных войск; документы, освещающие откочевки казахов в Синьцзян, а также периодическая печать.

Создание пограничных полос, формирование пограничного и паспортного режимов

Формирование пограничного режима молодого советского государства начинается с декрета СНК РСФСР от 28 мая 1918 г. об учреждении пограничной охраны, которым вводился особый режим в пограничных полосах, каковыми считались 4 и 7,5 км полосы вглубь от линии границы[16]. Правила пограничного режима впервые были разработаны в феврале 1921 г. и на их основе 10 июля 1921 г. ВЦИК РСФСР принял первое положение об охране границ[17], регламентировавшее особый режим на данных территориях.

Декрет ВЦИК от 24 января 1922 г. о передвижении по территории страны вводил запрет на свободный въезд в населенные пункты в 7,5 км полосе[18]. 28 марта 1923 г. ГПУ СССР была разработана инструкция по охране границы пограничными войсками, вводившая дополнительные уровни пограничных полос (4; 7,5; 16 и 22 км), а также определившая полномочия пограничных органов, правила доступа и прожи-

[14] *Шеметова Т.А*. Российско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1922 гг. Барнаул, 2024.

[15] *Терещенко В.В*. Краснознаменный Восточный пограничный округ (История создания и развития) // Армия и общество. 2014. № 1. С. 1–9. EDN: RWXNHR

[16] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1918. № 44.

[17] Пограничные войска СССР, 1918–1928. Сборник документов и материалов / Сост. Е.Д. Соловьев, А.И. Чугунов. М., 1978. С. 170–171.

[18] Известия ВЦИК. 1922. 26 января. № 19.

вания. Правила пограничного режима были закреплены в «Положении об охране границ СССР», утвержденном ЦИК СССР 7 сентября 1923 г.[19] Согласно постановлению ЦИК СССР от 24 марта 1924 г. ОГПУ дополнительно получило право на административную высылку, в том числе от государственной границы сроком на три года[20].

Введение в том или ином регионе пограничной зоны было прерогативой союзного правительства, ее статус регулировали соответствующие постановления, в которых оговаривалось как необходимость ограничения въезда и проживания в приграничной полосе, так и порядок выселения лиц, не имеющих права здесь находиться. Летом 1925 г. Президиум ЦИК СССР передал вопросы въезда и выезда из страны, в том числе для населения приграничных территорий, в ведение республиканских наркоматов внутренних дел. По инициативе ГПУ летом 1925 г. были пересмотрены разграничительные линии пограничной полосы. Также вводились правила передвижения для местного населения в 4-х м и 500-х м пограничной полосе. Эти изменения 15 июня 1927 г. утвердили ЦИК и СНК СССР в постановлении «Об охране государственной границы Союза ССР»[21]. Согласно этому документу органы госбезопасности получили полномочия на недопуск в пограничную полосу посторонних лиц и введение ограничений на передвижение для местного населения. Въезд населения в 7,5 и 22 км зоны стал возможен только с разрешения органов госбезопасности. Правила въезда регламентировалось ведомственной инструкцией от 28 июня 1927 г. 20 декабря того же года ВЦИК РСФСР ввел запрет на хозяйственную деятельность в пределах 4 м и 500 м полосы и изъял эти земли под государственные нужды для расположения пограничных застав. Приказом ОГПУ СССР по Главному Управлению Пограничной Охраны и Войск ОГПУ от 15 марта 1929 г. был обнародован список населенных пунктов, вошедших в 7,5 км пограничную полосу, несанкционированный въезд в которые был запрещен[22].

Пограничный режим предусматривал ограничения на проживание, передвижение и хозяйственную деятельность на данных территориях. Уже в 1921 г. декрет СНК РСФСР вводил уголовную ответственность за незаконное пересечение границы, предусматривавшее лишение свободы на срок до 5 лет, однако УК РСФСР 1922 г. существенно смягчил тяжесть наказания, установив за данное преступление шесть месяцев принудительных работ или штраф, а с 1923 г. – лишение свободы сроком до шести месяцев. Статья 84 нового (1926 г.) УК РСФСР предусматривала за нелегальный переход границы уголовную ответственность и конфискацию имущества. Ограничения на въезд иностранцев в погранзону ввели с ноября 1924 г.[23] Впоследствии запрет распространили на лиц, не имеющих гражданства и даже советских граждан, в прошлом имевших иностранное подданство.

17 ноября 1927 г. своим постановлением Совнарком РСФСР утвердил регламент наложения административных взысканий и порядок их реализации. За нарушение вводилась административная ответственность по статье 192 УК РСФСР, постановления об административных штрафах или принудительных работах выносились административными отделами Советов. В 1927–1928 гг. в ряде приграничных регионов местные исполкомы получили также право проведения админи-

[19] СУ РСФСР. 1922. № 11.

[20] Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991: Справочник / авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 179–181.

[21] Специальный государственный архив Министерства внутренних дел Республики Казахстан (далее – СГА МВД РК). Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

[22] Там же. Л. 8–9.

[23] *Репухова О.Ю.* Пограничный режим… С. 48.

стративных высылок контрабандистов, прежде подобные права были предоставлены ОГПУ. На рубеже 1920–1930-х гг. ОГПУ вновь получила право проводить «чистки» от социально-вредных и политически-опасных элементов в приграничной местности. Первой общесоюзной акцией по выселению стала кампания осени 1932 г., по результатам которой часть населения была отселена из приграничных полос. В 1935 г. провели аналогичное отселение из 22-км зоны[24]. Массовые репрессии и депортации с южных, западных и северо-западных границ вглубь СССР были проведены во второй половине 1930-х гг. Высланные из приграничья теряли право на проживание на данной территории.

В 1932 г. в СССР была начата частичная паспортизация населения. Пограничные районы получили режимный статус, и их ускоренная паспортизация прошла в 1933 г.[25] Выдача паспортов, их обмен, процедура прописки стали дополнительным фактором ужесточения режима въезда и проживания[26]. На западной границе СССР паспортный режим ввели в 100-км зоне, на других границах зона приграничья была определена сначала в 22 км, а потом в 50 км. За нарушение правил проживания и регистрации в погранполосе полагался лагерный срок, увеличенный до трех лет. Также вводился запрет на въезд в режимную зону всех осужденных по политическим статьям[27]. В отношении контрабандистов и нарушителей границы решения первоначально выносило в основном Особое совещание при НКВД СССР, а также областные суды. Военные трибуналы погранохраны, войск ОГПУ и милиции, учрежденные решением от 25 апреля 1932 г. и подотчетные Военной Коллегии Верховного суда СССР, рассматривали дела военнослужащих. Массовые репрессии по паспортным основаниям стали возможны благодаря деятельности внесудебных инстанций. Так называемые милицеские тройки, функционировавшие в 1935–1938 гг., имели право приговаривать нарушителей паспортного режима к заключению сроком до пяти лет. Паспортизации стала важнейшим фактором формирования системы учетно-надзорного контроля, призванного регулировать территориальную мобильность населения в целом, а также осуществлять надзор за группами, дискриминируемыми по паспортным основаниям.

Казакско-Синьцзянский участок границы и его охрана. Казакстанское приграничье

Казахстан и Синьцзян были сопредельными территориями. Киргизская (Казахская) Советская Автономная Социалистической Республика (КАССР) была образована в августе 1920 г. как составная часть РСФСР. Казахстан и Киргизию разделили в 1924–1925 гг. В октябре 1924 г. была образована Кара-Киргизская автономная область, в июне 1925 г. переименованная в Казакскую АССР. В феврале 1936 г. автономия получила новое название – Казахская АССР, в конце декабря того же года ставшая советской социалистической республикой – Казахской ССР. Что касается Синьцзяна, то после образования в 1911 г. Китайской Республики он остался в статусе провинции, хотя фактически функционировал как автономный регион под управлением местных милитаристов, действовавших де-факто независимо от центрального

[24] *Репухова О.Ю.* Пограничный режим… С. 52, 62.

[25] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 921. Л. 65–66.

[26] Там же. Оп. 166. Д. 576. Л. 11–14.

[27] СЗ СССР. 1935. № 45. Ст. 377.

правительства. Регион был ареной межнационального противостояния, сопровождавшегося массовым повстанчеством, военными переворотами, провозглашением исламской республики и прямым вмешательством внешних сил[28].

До революции ключевую роль в охране границы на участке от оз. Иссык-Куль до Алтая играли формирования Семиреченского и Сибирского казачьих войск. С 1920 г. синьцзяно-советский участок границы находился в ведении Туркестанской пограничной дивизии. На территории собственно Казакской АССР погранохрана была сформирована на основе частей Семипалатинского губернского пограничного отряда ГПУ, находившегося в подчинении Сибирского пограничного округа ГПУ и отвечавшего, в первую очередь, за охрану границы с Монголией. В Зайсане дислоцировались пограничные рота и эскадрон, который в феврале 1924 г. перешел в подчинение ГПУ Киргизской (Казакской) АССР и стал позднее именоваться Зайсанским пограничным отрядом. В апреле 1924 г. на основе двух кавалерийских эскадронов Красной Армии и погранчастей был сформирован Джетысуйский (Алма-Атинский) погранотряд Туркестанской АССР[29]. В 1925 г. в связи с созданием Казакской АССР были образованы части погранохраны (ЧПО) Казакского пограничного округа Полномочного представительства ОГПУ КАССР. В 1929 г. управление ими было перенесено из Кызылорды в Алма-Ату, которая стала столицей автономии. В 1932 г. создается Военный трибунал Погранохраны и войск ОГПУ Казакской АССР, а в 1939 г. Управление пограничных и внутренних войск Казахской СССР было переименовано в Управление пограничных войск Казахской ССР[30].

Структура погранохраны была представлена пограничными округами, состоявшими из пограничных отрядов, комендатур и застав. Особую роль выполняли маневренные группы при пограничных отрядах, предназначенные для усиления охраны границы: пресечения нарушений режима и борьбы с бандитизмом и контрабандой. Формирование отрядов, комендатур и застав на синьцзянском участке советско-китайской границы прошло в несколько этапов, их количество постоянно увеличивалось. Так, в 1927 г. в подчинении созданной из Зайсанского погранотряда отдельной Бахтинской комендатуры было четыре заставы, в 1930 г. – восемь, а в 1932 г. – уже 14 застав. В зоне ответственности этой комендатуры находилось 526 км государственной границы. На середину 1930-х гг. личный состав пограничников насчитывал почти 3,4 тыс. чел., а к концу 1930-х гг. превысил 5,6 тыс. чел. В ведении пограничного округа Казакской АССР оказалось 1636 км границы от г. Хантегри до Алтая, то есть в его зоне ответственности находились территории современных Казахстана и Киргизии. В 1934–1935 гг. в составе пограничного округа Казакской АССР появилось два авиаотряда, а затем и авиационная эскадрилья. Имелись также 30-й Бахтинский, 49-й Джаркентский/Панфиловский и 50-й Зайсанский пограничные отряды и 10-я Чингистайская, 11-я Лепсинская и 12-я Сарыжакская пограничные комендатуры.

Согласно перечню пограничных населенных пунктов СССР 1927 г. в 7,5 км зоне на территории Казакской АССР таковыми считались: в Джетысуйской губернии (бывшей Семиреченской): село Нарынколь, урочище Дарарты, села Сумбе и Будуты-Хассан, выселок Будуты, села Кольджат и Хоргос, поселок Баскунчи, горы Арсалы,

[28] *Бармин В.А., Дмитриев С.В., Шматов В.Г.* Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. Серия: Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. М., 2016. Т. 46. С. 232–240. EDN: XSDWXP

[29] В рамках административно-территориального деления Алма-Ата с 1924 по 1928 гг. выполняла функции административного центра Алма-Атинского уезда и Джетысуйской губернии, в состав которой входил Алма-Атинский уезд.

[30] *Терещенко В.В.* Краснознаменный Восточный пограничный округ (История создания и развития) // Армия и общество. 2014. № 1. С. 1–3. EDN: RWXNHR

Чекерт и Айты; по Семипалатинской губернии: укрепление Бахты, хутор Мурза-Артык, поселки Май-Капчагай, Тюю-Куйрюк, Нижний Ашала, аул Дандыбаева, поселки Алексеевка, Николаевка, Александровка, Матвеевка[31]. Территория советско-китайского приграничья была заселенной. Крупными поселениями в зоне приграничья были гг. Джаркент (1926 г. – 11,1 тыс. чел.; 1939 г. – 11,3 тыс. чел.) и Лепсинск (1924 г. – 7,4 тыс. чел.), р.п. Зайсан (1926 г. – 8,2 тыс. чел.; 1939 г. 8,5 тыс. чел.) и н.п. Бахты. Полных данных о численности населения приграничья нет, и его достаточно сложно установить в связи с неоднократным административным районированием. По данным переписи 1939 г., в Зайсанском районе проживало почти 43,5 тыс. чел., в том числе 22 тыс. казахов[32].

По регламенту 1927 г. право беспрепятственного въезда в приграничные населенные пункты имели члены союзного и республиканского правительств, коллегий наркоматов, прокуроры и следователи республиканского уровня. Среди ответственных лиц регионального и местного уровня право беспрепятственного въезда предоставлялось председателям губернских, окружных, областных, районных и волостных Советов, начальникам административных отделов Советов, оперативному составу органов милиции и уголовного розыска. Запрет на пребывание в приграничной зоне не распространялся на постоянно проживающее население, а также на лиц, служащих здесь. Разрешения на въезд выдавала пограничная охрана, а в местах, где таковой не было, их получали через губернские и окружные отделы ОГПУ. В запретной пограничной полосе разрешение на проживание выдавали административные отделы исполкомов советов или управления милиции, подконтрольные полномочному представителю ОГПУ. По прибытию в запретную пограничную полосу требовалась регистрация в ближайшем органе Погранохраны ОГПУ (Управлении, комендатуре или заставе). Вводились удостоверения, дававшие право на посещение запретной пограничной полосы с указанием цели поездки, которые визировались в местных органах ОГПУ или пограничной охраны. Легальный переход границы был возможен через пропускные пункты, которых насчитывалось только три. Для приграничного населения в середине 1920-х гг. были введены ограничения на хозяйственную деятельность и на доступ в 500-й полосе, в 1927 г. доступ стал возможен только с санкции ОГПУ, а с 1935 г. вводится полный запрет на пребывание.

Приграничные центры Джаркент, Лепсинск, Зайсан и Бахты попали в первую волну паспортизации, которая началась в октябре 1933 г.[33] Обмен паспортов в приграничье закончили к 1935 г. Глубина запретной пограничной полосы составила 22 км. В 1940 г. секретными решениями СНК КАССР и СНК СССР к запретным были отнесены территории шести сельсоветов в Алма-Атинской, одного – в Семипалатинской и четырех – в Восточно-Казахстанской областях, а статус частично примыкающих к границе получили 20 сельсоветов в Алма-Атинской и один – в Семипалатинской областях[34].

Для казахско-синьцзянского приграничья в исследуемый период была характерна высокая мобильность населения, обусловленная наличием на сопредельных территориях переселенческих анклавов и этнических зон. Непосредственно вблизи

[31] СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12.

[32] Население Казахстана по итогам Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 годов. В пяти томах. Т.2. Сборник архивных документов и материалов / сост. А.И. Кудайбергенова, Ж.М. Асылбекова, А.С. Уалтаева, Т.А. Апендиев, Ш.А. Салимгереева, Г.А. Омарова, К.М. Мурзаходжаев. – Алматы: ТОО «Литера-М», 2024. – 440 с. https://iie.kz/wp-content/uploads/2026/05/Сборник-Апендиев-Т.pdf?ysclid=mq5i5vwvfd132590698

[33] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 79. Л. 42–43.

[34] Архив Президента Республики Казахстан (далее – АП РК). Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 1. Л. 281–282.

границы, на территории Алтайского округа, существовало 11 русских поселений[35], а в середине 1930-х гг. русским были выделены участки под новые поселения в других районах Синьцзяна[36]. Накануне Первой мировой войны численность русскоязычных аграрных переселенцев в регионе составляла более 12 тыс. чел.[37] Зоной компактного проживания и кочевок казахов были территории Илийского, Тарбагатайского и Алтайского округов Синьцзяна. Еще одним крупным районом расселения казахского населения был Баркуль (Барколь) в уезде Чженси. Значительный прирост численности казахов и кыргызов стал следствием Среднеазиатского восстания 1916 г. В частности, численность казахов только в Илийском округе достигла 150–160 тыс. чел.[38] В период широкомасштабных военных столкновений 1920–1921 гг. между белогвардейскими частями и Красной армией на территории провинции оказалось около 50 тыс. русских военных и беженцев[39]. Амнистия и последующая репатриация из Синьцзяна как рядовых белоэмигрантов, так и этнических беженцев, инициированная советским правительством в первой половине 1920-х гг., способствовала значительному сокращению их численности. Однако на фоне голода начала 1930-х гг. численность беженцев из СССР в приграничных округах Синьцзяна вновь резко возросла, а возвратная миграция не превысила десятой части от численности эмигрировавших. На конец 1930-х гг. численность казахского населения провинции составляла приблизительно 350 тыс. чел.[40], русского – в пределах 15–20 тыс., что подтверждается более поздними данными[41]. При этом в 1931–1934 гг. часть казахских беженцев и русских эмигрантов были вовлечены в военное противостояние разных политических сил.

Приграничная миграция и преступность: точки пересечения

Проблема бандитизма традиционно рассматривается в контексте истории антисоветского сопротивления, которое для регионов Средней Азии ассоциируется, в первую очередь, с басмачеством и повстанчеством. Бандитизм на границе или «пограничный бандитизм» характеризовался ОГПУ – НКВД исключительно как политическое явление. Согласно советскому законодательству, в том числе УК РСФСР, бандитизм относился к организованной форме преступности: к контрреволюционным преступлениям (статья 58) и преступлениям против порядка управления, т.е. к государственным преступлениям (статья 76). Разграничение политического и уголовного бандитизма было весьма условным. В пограничной с Синьцзяном погранполосе в ка-

[35] *Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н.* Русский анклав в Китайском Алтае в 1917 году: итоги колонизации русско-китайского приграничья // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 67–86. https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-4-6 EDN: NNEEHJ

[36] *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне... С. 177.

[37] *Наземцева Е.Н.* Численность русских подданных в Синьцзяне накануне Первой мировой войны: источники и проблемы определения // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: материалы VIII Международной научно-практической конференции «Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур» и круглого стола с международным участием «Страны Центральной Азии в системе региональных и международных отношений в XIX–XXI вв.» / под науч. ред. В. А. Бармина. Барнаул, 2024. С. 365–366.

[38] *Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н.* Кирбеженцы и русские эмигранты… С. 13–20; Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века). Т. 5. С. 258, 342.

[39] *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян… С. 42.

[40] *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник… С. 41.

[41] *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 47. EDN: QOPFJP

честве проявлений бандитизма рассматривалось, в первую очередь, вооруженное скотокрадство и контрабанда, вооруженная поддержка из-за рубежа коллективного и индивидуального перехода границы. Вопросы борьбы с бандитизмом на территории автономии были в поле зрения как ОГПУ КАССР, так и партийного руководства. Только в 1934 г. УНКВД КАССР рапортовало о том, что с массовым бандитизмом в республике покончено. Когда в 1936 г. в СССР прошла первая волна награждений сотрудников пограничных служб и формирований погранохраны, в числе первых был назван Бахтинский пограничный отряд, награжденный в феврале 1936 г. орденом Красного Знамени указом ЦИК СССР.

Уже с лета 1927 г. пограничники отмечали рост коллективных откочевок казахов в Китай. При этом указывалось, что китайская сторона благоволит не только перебежчикам, но и белоэмигрантам и басмачам, и не предпринимает никах мер несмотря на протесты советской стороны[42].

Экстренные меры по охране границы и ведению просоветской пропаганды среди населения приграничья были приняты в сентябре 1928 г., в период кампании по конфискации и выселению из республики 1027 байских хозяйств с целью предотвращения угона скота и откочевки в Синьцзян. Но еще летом 1927 г. в зоне ответственности 49-го погранотряда состоялся переход в урочище Уш-Булак казахского аула. В подготовке этого перехода, как показало следствие, «участвовала семья одного из секретарей Зайсанской избирательной комиссии: была установлена связь с китайским волостным управителем одного из уккурдайств (казахских волостей) и родственниками, проживавшими на территории китайского Алтая, которые собрали группу в 50 вооруженных людей и зашли на советскую территорию»[43].

В ходе откочевки был обстрелян пограничный разъезд и при содействии вооруженных казахов переход состоялся. Помощь в перекочевке оказали около 400 чел., большая часть из которых были вооружены[44].

В одной из сводок ОГПУ за 1927 г. отмечалось, что на территории КАССР действуют 23 «бандитских шайки» численностью порядка 670 чел., в том числе 9 заграничных[45]. Об интенсивности нарушений говорят, например, следующие оперсводки за август 1927 г.:

> 18 августа с/г заставой № 9 49-го погранотряда (49-й Панфиловский (Джаркентский) отряд) в села Сарконо (Сарканд) задержаны и выдворены в Китай 12 человек, нарушителей границ, в ходе преследования четверо китайских граждан бежали, из которых один убит и трое скрылись;
>
> 24 августа две засады п/заставы № 1 49-го погранотряда в местности Сантос, в 4 км юго-восточнее села Нарынкол, имели перестрелку с вооруженными контрабандистами в числе 6-ти человек, поддержанными, по агентурным сведениям, китайскими солдатами[46].

Очередная волна роста числа проявлений политического бандитизма приходится на 1928–1932 гг., что связано с сопротивлением радикальным социалистическим преобразованиям. Число откочевок за границу выросло на рубеже 1920–1930-х гг. на фоне роста налогообложения, конфискаций и коллективизации. Массовое беженство

[42] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 925. Л. 1–6.

[43] Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (далее – СГА ДП ВКО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 905. Л. 110.

[44] Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (далее – СГА КНБ РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 438. Л. 76.

[45] СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 438. Л. 119, 135.

[46] Там же. Л. 75.

казахов в Синьцзян стало одной из форм сопротивления и, безусловно, свидетельствовало о наличии серьезных противоречий между властью и большей частью аграрного населения. Из доклада Управления пограничной охраны и войск ГПУ от 28 февраля 1930 г. полпреду ОГПУ по КАССР Даниловскому следовало, что в условиях радикализации политической линии, малой численности погранохраны, наличия неохраняемых участков границы и несвоевременного предоставления данных об откочевках были созданы условия для эмиграционного движения и обострения обстановки в пограничье. На рубеже 1920–1930-х гг. откочевки приобрели лавинообразный характер, уходить стали целыми аулами. Далее констатировалось, что в погранполосе Казакской АССР для прикрытия эмигрирующих в Китай казахов действуют вооруженные отряды, их также поддерживают китайские погранвласти, практикующие свободный пропуск через границу, снабжение оружием вооруженных групп и отвод земель для нелегалов. Авторы документа делали вывод о том, что имеет место резкий рост числа нарушений границы. Значительная часть населения погранполосы, имеющая родственников в Синьцзяне, ликвидирует свое имущество или забирает его с собой и эмигрирует. За 1930 г. задержаны: при переходе в СССР – 1093 чел.; при переходе из СССР – 2538 чел., убиты – 734 нарушителя и 24 пограничника[47].

Согласно справке секретно-политического отдела (СПО) ПП ОГПУ Казакской АССР, поданной в начале весны 1934 г. на имя И.В. Сталина, с территории автономии на сопредельные регионы Сибири, Поволжья и Средней Азии, а также в Китай шло мощное откочевочное движение. Указывалось, что только за 1930–1933 гг. из республики откочевало свыше 400 тыс. человек, в том числе 286 тыс. хозяйств. Количество откочевавших в Западный Китай оценивалось не менее чем в 40 тыс. хозяйств[48]. Республиканские власти склонны были оценивать количество эмигрировавших в Китай и Монголию гораздо более масштабной цифрой в 83 тыс. хозяйств[49]. Из материалов следственных дел следует, что откочевки согласовывались на собрании старейшин аула: решались вопросы даты, маршрута движения, согласования помощи со стороны вооруженных групп сопровождения. Также практиковался перегон через границу скота с целью не допустить его конфискации.

Согласно оперсводке 50-го погранотряда от 13 марта 1931 г.:

> при попытке перехода границы было задержано около 50-ти хозяйств шестого и седьмого аулсоветов Зайсанского района. Имеющиеся следственные материалы раскрывают процесс подготовки: осуществить переход границы планировалось в ночь с 11 на 12 февраля 1931 г. На случай вооруженного столкновения с пограничниками с сопредельной территории был вызван вооруженный отряд для сопровождения. О переходе вооруженной группы на советскую территорию заранее стало известно пограничникам и в местности Чаган-Або была организована засада. Пограничники сумели предотвратить откочевку и провели задержание закордонного отряда[50].

В показаниях, задержанных на границе в 1931–1933 гг. много свидетельств о том, что это были жители приграничья, которые с началом раскулачивания ушли со скотом в горы, а потом и за границу. Многие присоединились впоследствии к вооруженным формированиям.

[47] АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5076. Л. 14–28.

[48] Совершенно секретно» Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сборник документов в 10 томах / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2017. Т. 10. Ч. 2. С. 268.

[49] АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 84. Л. 6.

[50] СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 905. Л. 110.

Об остроте противостояния свидетельствуют также донесения из погранотрядов и районных уполномоченных в Особый отдел Полномочного представительства ОГПУ КАССР. Согласно одной из сводок весной 1932 г. имел место прорыв белоэмигрантской вооруженной группы в составе 200 чел. и захват заставы Матвеевка, пограничники которой были убиты. Отмечалось, что в районе границы находилось порядка 500–700 вооруженных белоэмигрантов под предводительством Пучкова[51]. В 1933 г. Чингистайская погранкомендатура провела аресты в поселке Урыль среди «бывших белогвардейцев» по делу так называемой Алтайской армии, которым в том числе инкриминировался захват погранзаставы Матвеевка[52].

В октябре 1932 г. произошли столкновения пограничников с бандгруппой численностью около 50 чел., которая перешла границу в районе Кзыл-аул – Хабарасу и в течение месяца «орудовала» в приграничье. При этом на помощь ей вышла вооруженная группа перегонщиков скота из Аягузского района КАССР, который непосредственно не граничил с Синьцзяном. В состав вооруженного отряда входили казахи, откочевавшие из приграничья в 1930–1931 гг. Целью группы был угон за границу колхозного скота. Хотя пограничники знали о готовящемся переходе, но предотвратить его не смогли. Заслоны выставили на трех перевалах Тарбагайских гор и участках трех застав – Кзыл-Аул, Джиманчи и Чиганак. В вооруженных столкновениях наряду с пограничниками участвовали Аягузский, Урджарский и Кокпектинский отряды райотделов ОГПУ. В результате засады уничтожили главу отряда и одного взяли в плен, но остальным нарушителям удалось обойти заслоны в 25 верстах южнее Бахты[53] и уйти на сопредельную территорию.

Вовлечение населения в поддержание режима в пограничной полосе активно практиковалось для противодействия контрабанде. При этом приграничное население на протяжении 1920-х гг. было включено в приграничную торговлю. Официальная торговля регламентировалась договорами и ограничения существовали с обоих сторон, вследствие чего контрабанда, по мнению специалистов, превышала официальный товарооборот[54]. Согласно директивам ГПУ за 1922 г., контрабандой считалась любое перемещение товаров и торговля в 21-верстной пограничной полосе. В 1924 г. решением ЦИК и СНК СССР были разрешены приграничная торговля и хранение иностранной валюты населением, проживающим в 50-км зоне[55]. В конце 1920-х гг. около 90 % всех преступлений на границе квалифицировались как контрабанда[56]. Борьбу с контрабандой советская власть начала в 1921 г.: СНК РСФСР принял сразу два декрета о борьбе с ней. С 1923 г. борьба с контрабандой была возложена на Отдел пограничной охраны ГПУ. С этого времени только это ведомство имело право на проведение обысков в 7,5 км пограничной полосе и изъятие контрабанды, в то время как таможенные органы могли только информировать ГПУ.

Контрабанда осуществлялись в условиях слабо развитой пограничной инфраструктуры. Таможенные управления располагались в Бахты и Зайсане, в то время как таможенные посты – непосредственно на границе: в Хоргосе, Хабарасу, Алкабек, урочище Кузеунь, Май-Капчагай и некоторых других местах. Основным видом торговли для местного населения был перегон скота, в первую очередь, лошадей и баранов.

[51] СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 905. Л. 31–44.

[52] Специальный государственный архив Департамента полиции города Алматы (далее – СГА ДП г. Алматы). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3682.

[53] СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп.1. Д. 356. Л. 97.

[54] *Шеметова Т.А.* Российско-синьцзянские торгово-экономические… С. 241.

[55] *Мозохин О.* ВЧК – ОГПУ… С. 182–185.

[56] Там же. С. 202–203.

Из Китая традиционно везли чай, ткани. Спросом пользовались сырье, пушнина, мануфактура. Расчет шел золотом, серебром, сайговыми рогами. После денежной реформы начался вывоз советской валюты. Ликвидация частной торговли открыла новые возможности для приграничного населения, которое за счет нелегальной торговли обходило налоги и пошлины.

По УК РСФСР 1922 г. за контрабанду, согласно ст. 97, предусматривался крупный штраф, конфискация и принудительные работы на срок до трех месяцев. При квалифицированной контрабанде, совершенной при отягчающих обстоятельствах, кроме штрафа и конфискации, могла последовать и уголовная ответственность. Таможенный кодекс СССР, принятый в 1928 г., ввел расширенное понятие контрабанды (ст. 164) и квалифицированной контрабанды (ст. 166). При установлении факта квалифицированной контрабанды на виновных заводились дела по ст. 59-9 УК РСФСР (1926 г.). Тем не менее возможности избежать наказания по этой статье еще были. Так, например в отношении задержанного за контрабанду пушнины, рогов и валюты Масанова, проживавшего в одном из урочищ в зоне границы, следственное решение, возбужденное Отдельной Бахтинской комендатурой в апреле 1928 г., было пересмотрено в мае 1928 г. в виду того, что несколько жителей Эмильского аула Маканчинской волости Лепсинского уезда взяли подследственного на поруки под имущественный залог на 1200 руб.[57]

До 1927 г. дела контрабандистов рассматривались только в судах, затем они оказались в основном в ведении внесудебных инстанций (Особого совещания при Коллегии ОГПУ). В 1929 г. в УК РСФСР было внесено изменение в ст. 59-9, которая стала частью ст. 24, а сама контрабанда – уже государственным преступлением. В пределах стокилометровой полосы для всех приграничных регионов Дальнего Востока, Сибири и азиатских республик, в том числе и Казакской АССР, к контрабанде приравнивалась скупка и хранение золота. В архивно-следственных делах контрабандистов есть упоминания о том, что советскими рублями могла оплачиваться помощь в переходе границы казахских семей. Незаконный переход проводника часто объяснялся «необходимостью приобретения китайских товаров с последующей его реализацией в ауле».

Так, в деле Макулбаева, задержанного в 1929 г. Бахтинской комендатурой, ему инкриминировали контрабанду по целому ряду статей Таможенного кодекса (164-а, 166-ж, 167, 168), но к ответственности привлекли только по ст. 166. Решением Особого совещания при НКВД СССР Макулбаева освободили, но лишили права проживания в пограничной полосе с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года[58]. Как свидетельствуют следственные дела, в последующем за аналогичные преступления приговоры были ужесточены. Так, 18 июля 1935 г. в 500 м от границы была задержана группа казахов из шести человек, у которых обнаружили контрабанду на 216 руб. При допросе задержанные показали, что постоянно проживают в Синьцзяне в г. Чугучак прибыли на советскую территорию с целью приобретения в Бахтах промышленных товаров и их последующей перепродажи в Китае. Их дела были переданы в Алма-Атинский суд, который приговорил подсудимых к трем годам лишения свободы[59]. 13 декабря 1935 г. сотрудники Бахтинского погранотряда в 4-х километрах от линии госграницы при попытке нелегального перехода в Китай задержали Калдыбаева, при котором «были обнаружены одна лисья шкура, 3 лисьих лапки и 19 руб. 28 копеек советской валюты».

[57] СГА ДП г. Алматы. Ф. 21. Оп. 2. Д. 1186. Л. 6. 20, 24–25.

[58] СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 11102. Л. 30–31, 45.

[59] СГА ДП г. Алматы. Ф. 21. Оп. 3. Д. 11171. Л. 5, 8, 37.

В процессе следствия установлено, что Б. Калдыбаев в ноябре 1935 г. «нелегально перешел из Китая в СССР с тремя кирпичами» чая, которые он затем реализовал на Урджарском рынке, а на вырученные деньги приобрел обнаруженные у него товары». Принимая во внимание, что задержанные товары предназначались к нелегальному вывозу за границу, чай, пушнину и советскую валюту признали контрабандой и конфисковали. Отягчающим обстоятельством стал то, что Калдыбаев, ранее проживавший в Урджарском районе Казакстана, на тот момент был уже жителем Чугучака и не имел советского паспорта[60].

Еще одним видом контрабанды стало возделывание на приграничной территории опиума и по крайней мере до конца 1920-х гг. выступал в качестве валюты. Опиум в регионе культивировали с 1860-х гг. Каждый год весной китайские купцы договаривались с населением приграничья о количестве посевов опиумного мака, а осенью увозили готовую продукцию в Китай. За это население российского приграничья получало свои дивиденды[61]. Опиум выращивали на сопредельной территории и сами китайцы.

Приведем несколько свидетельств из сводок за август 1927 г.:

> 15 августа дозором п/з №10 в местности Чулак (4 км севернее перевала Селькe) 4 уч. 3 ком. 49 ПО) в 10 км западнее долины Лонкол, обнаружено 4 дес. опийного мака, засеянного китайским гражданином. Опийное поле (плантация) уничтожена. <…> В августе месяце 1927 г. на урочище Тохты в 120 км от с. Гменовка, высланным отрядом 49-го погранотряда для уничтожения незаконно-засеянных китайско-подданными гражданами опийных плантация были обнаружены 16 китайских граждан. При задержании один был убит, трое задержано, остальные скрылись[62].

Хотя приграничная контрабанда не была ликвидирована в начале 1930-х гг. на фоне монополии внешней торговли произошло резкое сокращение численности таможенных учреждений, а их функции кардинально изменились, сместившись с фискальных на оперативно-розыскные, что изменило взаимодействие таможни и спецслужб[63].

Заключение

Казахско-синьцзянский участок советско-китайской границы во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. характеризовался высокой нестабильностью, несмотря на периферийный статус. Происходило последовательное ужесточение режима: создание запретных полос, ограничение доступа и хозяйственной деятельности, паспортизация населения, рост масштабов административной высылки. Обеспечение жесткого пограничного режима осложнялось значительной протяженностью и прозрачностью границы. На фоне коллективизации, раскулачивания и голода начала 1930-х гг. наблюдался массовый исход казахского населения в Синьцзян, ставший формой сопротивления политике советской власти. Несмотря на запреты, местное население активно участвовало в приграничной торговле и контрабанде, что было способом выживания и обхода государственных ограничений.

Поступила в редакцию / Submitted: 14.11.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.02.2026
Принята к публикации / Accepted for publication: 7.03.2026

[60] СГА ДП г. Алматы. Ф. 20. Оп. 3. Д. 11185. Л. 5, 8–9.

[61] *Шеметова Т.А.* О влиянии опиумного вопроса на российско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 108–110.

[62] СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 438. Л. 86.

[63] *Корняков К.* Контрабанда и борьба с ней. М., 2010. С. 25–30. EDN: ZVCBCD

References

Abdullaev, K.N. *Ot Sin'tsziania do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoi emigratsii XX veka* [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration in the 20th century]. Dushanbe: Irfon Publ., 2009 (in Russian).

Ablazhey, N.N. *S vostoka na vostok: Rossiiskaia emigratsiia v Kitae* [From East to East: Russian Emigration in China]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN Publ., 2007 (in Russian).

Ablazhey N.N. *Kazakhskii migratsionnyi maiatnik "Kazakhstan – Sin'tszian." Emigratsiia. Repatriatsiia. Integratsiia* [Kazakh migration pendulum "Kazakhstan – Xinjiang." Emigration. Repatriation. Integration]. Novosibirsk: [N.s.], 2015 (in Russian).

Ablazhey, N.N., and Nazemtseva, E.N. "Russian Enclave in Chinese Altai in 1917: Results of Colonizationolonization of Russian-Chinese Borderland." *Historical Courier*, no. 4 (2020): 67–86 (in Russian), https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-4-6

Ablazhey, N.N., and Nazemtseva, E.N. "Kyrgyz refugees and Russian emigrants in Western China: ways of resolving the refugee question (based on the materials of the people's commissariat for foreign affairs of the Russian SFSR in the summer of 1923)." *Gumilyov Journal of History*, no. 4 (2020): 12–22 (in Russian), https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-133-4-13-23

Barmin, V.A. *Sovetskii Soiuz i Sin'tszian, 1918–1941 gg. (regional'nyi faktor vo vneshnei politike Sovetskogo Soiuza)* [The Soviet Union and Xinjiang, 1918–1941 (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union)]. Barnaul: BGPU Publ., 1998 (in Russian).

Barmin, V.A. "Searching for Forms and Methods of Acting on Indigenous Population by Turkestan Soviet and Communist Party Bodies in the Context of Fighting the Basmachi in 1918–1924." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (2023): 97–109 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-97-109

Barmin, V.A., Dmitriev, S.V., and Shmatov, V.G. "Sin'tszian: ocherk istorii regiona [Xinjiang: An Essay on the History of the Region]." In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. Seriia: Uchenye zapiski Otdela Kitaia IV RAN*, 232–240. Moscow: IFV RAN Publ., 2016 (in Russian).

Ganin, A.V. *Ataman A.I. Dutov* [Ataman A.I. Dutov]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2006 (in Russian).

Kamalov, A.K. "Political history of Xinjiang in the 1920s–1930s." *History of Central Asia*, no. 3–4 (2024): 82–95 (in Russian).

Kokurin, A.I., and Petrov, N.V. *Lubianka. Organy VCHK – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – MVD – KGB. 1917–1991: Spravochnik* [Lubyanka. Bodies of the Cheka – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – MVD – KGB. 1917–1991: Directory]. Moscow: MFD Publ., 2003 (in Russian).

Kornyakov, K.A. *Kontrabanda i bor'ba s nei* [Smuggling and the Fight Against It]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskoi Tamozhennoi Akademii Publ., 2010 (in Russian).

Kudaibergenova, A.I., Asylbekova, Zh.M., and Ualtaeva, A.S. *Naselenie Kazakhstana po Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1937 i 1939 gg. Sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov* [Population of Kazakhstan according to the All-Union Population Census of 1937 and 1939. Collection of archival documents and materials]. Almaty: Litera-M Publ., 2024 (in Russian).

Mozokhin, O. *VCHK – OGPU. Karaiushchiy mech proletariata* [VChK – OGPU. The Punishing Sword of the Proletariat]. Moscow: Iauza Publ.; Eksmo Publ., 2004 (in Russian).

Nazemtseva, E.N. *Russkaia emigratsiia v Sin'tszyane (1920–1930-e gg.)* [Russian emigration in Xinjiang (1920–1930s)]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2010 (in Russian).

Nazemtseva, E.N. "Russian Architectural Heritage in the Xinjiang-Uygur Autonomous Region of China as Manifestation of Interethnic and Intercultural Interaction in the 19th – 21st Centuries." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (2023): 72–84 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-72-84

Nazemtseva, E.N. *Politiko-pravovoe polozhenie rossiiskikh emigrantov v sovetsko-kitaiskikh otnosheniiakh 1917–1949 godov* [The political and legal status of Russian emigrants in Soviet-Chinese relations in 1917–1949]. Moscow: IV RAN Publ., 2024 (in Russian).

Nazemtseva, E.N. "Chislennost' russkikh poddannykh v Sin'tszyane nakanune Pervoi mirovoi voiny: istochniki i problemy opredeleniia [The Number of Russian Subjects in Xinjiang on the Eve of World War I: Sources and Problems of Determination]." In *Rossiia, Sibir' i Tsentral'naia Aziia: vzaimodeistvie narodov i kul'tur: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rossiia, Sibir' i Tsentral'naia Aziia: vzaimodeistvie narodov i kul'tur» i kruglogo*

stola s mezhdunarodnym uchastiem "Strany Tsentral'noi Azii v sisteme regional'nykh i mezhdunarodnykh otnoshenii v XIX–XXI vv.," 365–366. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2024 (in Russian).

Petrov, V.I. *Miatezhnoe serdtse Azii: Sin'tszian: kratkaia istoriia narodnykh dvizhenii i vospominaniia* [The Rebellious Heart of Asia: Xinjiang: A Brief History of Popular Movements and Memories]. Moscow: Kraft+ Publ., 2003 (in Russian).

Repukhova, O.Yu. *Pogranichny rezhim v Karelii v 1920–1930-e gody* [Border regime in Karelia in the 1920s–1930s]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2017 (in Russian).

Shemetova, T.A. "The influence of the opium problem on Russian-Xinjiang trade, economic and political relations in 1914–1920s." *Tomsk State University Journal*, no. 396 (2015): 108–110 (in Russian).

Shemetova, T.A. *Rossiisko-sin'tszianskie torgovo-ekonomicheskie i politicheskie otnosheniia v 1914–1922 gg.* [Russian-Xinjiang trade, economic and political relations in 1914–1922]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2024 (in Russian).

Soloviev, E.D. *Pogranichnye voiska SSSR, 1918–1928. Sbornik dokumentov i materialov* [Border Troops of the USSR, 1918–1928. Collection of documents and materials]. Moscow: Nauka Publ., 1978 (in Russian).

Tereshchenko, V.V. "Red Banner Eastern Border District (History of Creation and Development)." *Army and Society*, no. 1 (2014): 1–9 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Николаевна Аблажей, доктор исторических наук, заведующий сектором, ведущий научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития Института истории, Сибирское отделение Российской академии наук; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8; ablazhey@academ.org; https://orcid.org/0000-0001-9636-5271; SPIN-код: 9047-1786.

Natalia Nikolaevna Ablazhey, Dr. Habil. Hist., Head of Sector, Leading Researcher of the Sector of History of Socio-Economic Development of the Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia; ablazhey@academ.org; https://orcid.org/0000-0001-9636-5271; SPIN-code: 9047-1786.

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева; 010008, Республика Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2; sovetuk@rambler.ru; https://orcid.org/0000-0003-4541-4154; SPIN-код: 7530-7909.

Albina Sovetovna Zhanbosinova, Dr. Habil. Hist., Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University; 2, Satpayeva Str., Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; sovetuk@rambler.ru; https://orcid.org/0000-0003-4541-4154; SPIN-code: 7530-7909.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 284–302
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-284-302
EDN: NGVHLP

Научная статья / Research article

Русская эмиграция в Маньчжурии в период совместного советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы

Владимир Григорьевич Дацышен

Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия
✉generalhistory2005@yandex.ru

Аннотация: Исследуется история русской эмиграции в Маньчжурии в период совместного советско-китайского управления Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД), Северо-Восточный Китай, советско-китайское трансграничье, пути сообщения, русское зарубежье КВЖД в 1920-х гг. В центре исследования проблема деления русского населения на «советских граждан» и «эмигрантов». В работе дается критический анализ сложившихся в российской историографии подходов к изучению проблемы, взглядов и оценок современных ученых на русскую эмиграцию в Маньчжурии. Автором рассматриваются численность и состав русского населения на КВЖД, проблемы гражданства и отношения эмигрантов к Советскому Союзу. Исследование выполнено с привлечением документов из фондов региональных архивов России, а также опубликованных статистических и аналитических материалов. Автором сделан вывод о том, что все русское население КВЖД, независимо от гражданства, представляло собой относительно целостную общину русских эмигрантов. Наличие различных взглядов и политических предпочтений, социальное и классовое расслоение в сложившихся этнокультурных и геополитических условиях трансграничья позволяли эмиграции оставаться в рамках единого российского сообщества.

Ключевые слова: Северо-Восточный Китай, советско-китайское трансграничье, пути сообщения, русское зарубежье, Дальневосточный фронтир

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия», https://rscf.ru/project/23-48-00004/

Для цитирования: *Дацышен В.Г.* Русская эмиграция в Маньчжурии в период совместного советско-китайского управления КВЖД в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 284–302. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-284-302 EDN: NGVHLP

© Дацышен В.Г., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Russian Émigrés in Manchuria during the Period of the CER Joint Soviet-Chinese Administration in the 1920s

Vladimir G. Datsyshen

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
✉generalhistory2005@yandex.ru

Abstract: The author in their work considers the history of Russian emigration in Manchuria in the period of the joint Soviet-Chinese administration of the CER in the 1920s. The study focuses on the division of the Russian population into "Soviet citizens" and "émigrés." It provides a critical analysis of the approaches established in Russian historiography to studying this problem, as well as contemporary scholars' views and assessments of Russian emigration in Manchuria. The author examines the size and composition of the Russian population on the CER, issues of citizenship, and the émigrés' attitude toward the Soviet Union. The author uses documents from Russia's regional archives, as well as published statistical and analytical materials to develop their study. They conclude that the entire Russian population of the CER, regardless of citizenship, constituted a relatively cohesive community of Russian émigrés. Diverse views and political preferences, as well as social and class divide in the ethnocultural and geopolitical conditions of the cross-border region, allowed the émigrés to remain within a unified Russian community.

Keywords: Northeast China, Soviet-Chinese Transboundary Area, Communication Routes, Russian Diaspora, Far Eastern Frontier

Conflict of interests: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant, project No. 23-48-00004 "The Chinese Eastern Railway as a transboundary socio-cultural system: history of construction, reconstruction and modeling of mechanisms for protecting cultural heritage", https://rscf.ru/project/23-48-00004/

For citation: Datsyshen, V.G. "Russian Émigrés in Manchuria during the Period of the CER Joint Soviet-Chinese Administration in the 1920s." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 284–302. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-284-302 EDN: NGVHLP

Введение

Актуальность. В России на разных этапах ее истории неизменный интерес вызывала тема русской эмиграции в Маньчжурии. В советско-китайском трансграничье вдоль Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) на протяжении более полувека существовал своеобразный островок старой России. В сложные периоды внутриполитических трансформаций, проходивших на фоне важных внешнеполитических изменений, проблемы русского зарубежья приобретали особую актуальность. Интерес к проблемам русской эмиграции в Северо-Восточном Китае активизировался во время Великого перелома и советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. На современном этапе истории России сложный и противоречивый опыт истории формирования и адаптации русской эмиграции вновь приобретает актуальность не только для науки, но и для современной миграционной политики России.

В состав русской эмиграции в Маньчжурии включаются практически все выехавшие из Российской империи, РСФСР, ДВР (Дальне-Восточной Республики) и СССР на постоянное или временное жительство в Маньчжурию (Северо-Восточный Китай)[1], которая была особым регионом, граничившим с трех сторон с Россией, и через которую проходила железная дорога, построенная Российской империей

[1] В Китае этот регион называется Три Восточных Провинции (三东省) или Северо-Восток (东北)、

и связывавшая Сибирь с российским Дальним Востоком. Русская эмиграция в регионе формировалась в течении длительного времени и состояла из нескольких волн. В силу геополитических, социально-экономических и культурных факторов территории, прилегающие к Китайской Восточной железной дороге, можно отнести к российско-китайскому трансграничью.

Степень изученности проблемы. История русской эмиграции в Северо-Восточном Китае рассматривалась на всех этапах развития отечественной исторической науки. В первых публикациях, сделанных в 1920-х – 1930-х гг., обычно подчеркивался антисоветский характер русской эмиграции в Китае, ее враждебное отношение к Советскому Союзу. Публикации советского периода не являлись в полном смысле историческими исследованиями, их авторы были современниками событий, а работы были направлены на решение не исследовательских, а политико-пропагандистских задач.

В постсоветский период развития российской исторической науки наряду с публикациями, повторяющими старые политико-пропагандистские штампы, появились и собственно исследования, посвященные проблемам российской эмиграции в Северо-Восточном Китае. Много внимания этим вопросам уделял известный китаевед Г.В. Мелихов, выпустивший серию работ по истории русской эмиграции в Маньчжурии[2]. До настоящего времени работы Г.В. Мелихова не только не потеряли актуальности, являются образцом исследовательской работы.

В начале 2000-х гг. в отечественной историографии появилось много работ, посвященных проблемам российской эмиграции. В работе Н.Е. Абловой «КВЖД и российская эмиграция в Китае»[3], исследователь придерживается сложившейся традиции делать акцент на «белоэмигрантах», встречаются голословные, без ссылок на документы, утверждения. Принципиально не отличается подход к изложению истории русской эмиграции в Маньчжурии в изданной в том же году в Институте Дальнего Востока РАН монографии Л.Ф. Говердовской «Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг.». Здесь также акцент делается на жестком противостоянии внутри русской общины: «В очень трудных и необычных условиях проходила работа русских коммунистов, рабочих и служащих КВЖД», которым «приходилось преодолевать… враждебность своих русских белогвардейцев» [4]. Но в работе нет конкретных примеров «враждебности» белоэмигрантов, если не считать дискуссий или листовок. Противоречивая картина истории русской эмиграции представлена в статье Я.Л. Писаревской «Две России в Манчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.)»[5].

В современной российской историографии традиционно эмигрантов с советским паспортом называют «советской колонией», а «эмигрантов» отождествляют с «русскими беженцами». В работе Н.Н. Аблажей говорится, что во время советско-китайского конфликта 1929 г. «эмиграция единодушно поддержала действия китайской стороны»[6]. Как отмечает И.К. Капран, «начиная с 1924 г. на территории Маньчжурии

[2] *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. EDN: RGOYVR; *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. EDN: QOWSEZ; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932. М., 2007. EDN: QPTKEZ

[3] *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 198–239.

[4] *Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М., 2004. С. 76. EDN: OXTAYP

[5] *Писаревская Я.Л.* Две России в Манчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Очерки антибольшевистской эмиграции. М., 2002. Вып. 4. С. 52–70.

[6] *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 87. EDN: QOPFJP

сложился феномен, когда бок о бок вынуждены были существовать граждане противоположных политических систем и идеологий»[7]. По мнению С.Ю. Яхимовича, «советская колония» перестала «быть диаспорой» [8]. В статье А.А. Гладких описывается деятельность советских спецслужб против русской эмиграции, но не приводится ни одного примера террористических акций русских эмигрантов против СССР[9]. В 2014 г. вышло обобщающее исследование М.В. Кротовой «СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.)» [10], посвященное проблемам взаимоотношения между «красными» и «белыми» эмигрантами на КВЖД. Данное исследование выводит на качественно новый уровень исследование проблемы русской эмиграции на КВЖД, но и здесь автор делит русскую эмиграцию на «советскую колонию» и «эмигрантов».

Несмотря на сохранение старых принципиальных подходов к рассмотрению истории русской эмиграции в Северо-Восточной Китае, в современной историографии все же просматриваются и новые подходы, указывающие на единство русской общины на КВЖД, независимо от гражданства и даже политических предпочтений. Уже в работах Н.Е. Абловой есть указания на условность деления русских эмигрантов на две противоположные общины[11], а в обобщающей работе Н.Н. Аблажей говорилось: «Для многих русских служащих дороги начало лета 1925 г. было временем тяжелых раздумий: как лучше поступить и стоит ли торопиться с выбором гражданства?» [12]. С.Ю. Яхимович отмечал, что «большинством советских граждан <…> оказались русские старожилы Маньчжурии»[13]. В работе И.К. Капран в связи с позицией русской эмиграции во время советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. отмечается, что значительная часть русских служащих сохранила нейтралитет[14]. С.В. Смирнов указывает на аполитичность русской эмиграции в Китае в 1920-х гг., а М.В. Кротова указала на то, что «большинство старослужащих и беженцев, работавших на КВЖД, предпочли принятие советского гражданства увольнению»[15]. Я.Л. Писаревская приводит различные документы личного происхождения, указывающие на то, что различные группы русского населения КВЖД были тесно связаны между собой, при этом советские кэвэждэшники в Маньчжурии, по их собственным словам, были «своими среди чужих», а по возвращении в СССР стали «чужими среди своих»[16]. Е.Е. Аурилене критикует сохранение в современной историографии

---

[7] *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011. С. 54.

[8] *Яхимович С.Ю.* Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924–1935 гг.). Хабаровск, 2015. С. 42. EDN: HSEAFS

[9] *Гладких А.А.* Террористическая деятельность белоэмигрантских организаций на Дальнем Востоке и борьба с ними органов госбезопасности в 1920-е годы. // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 22–30. EDN: LATAQD

[10] *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. EDN: VHKTTX

[11] *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 127.

[12] *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 74.

[13] *Яхимович С.Ю.* Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924–1935 гг.). Хабаровск, 2015. С. 41. EDN: HSEAFS

[14] *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011. С. 56.

[15] *Кротова М.В.* Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 127. https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00030 EDN: TQOACD

[16] *Писаревская Я.Л.* Две России в Манчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Очерки антибольшевистской эмиграции. М., 2002. Вып. 4. С. 67.

«некоего стереотипа в оценке масштабов и результатов антисоветской активности белоэмигрантов, основанном, главным образом, на отчетных документах ГПУ – ОГПУ – НКВД»[17].

Таким образом, в российской историографии начала XXI в. при сохранении принципиальных подходов деления русской эмиграции в Северо-Восточном Китае на две разных общины с противоположными взглядами и политическими устремлениям, проявился и критический подход к данной точке зрения, что актуализирует проблему истории русской эмиграции на КВЖД.

Цель исследования – выявить положение русской эмиграции в специфических геополитических условиях русско-китайского трансграничья на КВЖД в период совместного советско-китайского управления, уточнить количественные и качественные характеристики различных групп русских, проживавших на территории Северо-Восточного Китая в1920-х гг.

Источниковая база. Для исследования привлеклись различные виды как опубликованных, так и неопубликованных источников, извлеченных из фондов Читинского окружного комитета ВКП(б) (Ф. П-75) Государственного архива Забайкальского края, Харбинского городского совета общественного самоуправления (Ф. 577) Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, в которых содержатся делопроизводственные документы, включая протоколы заседаний Харбинского Общества, уполномоченных Харбинского Общественного Управления, журналы Городского Совета Харбинского Общественного Управления и др. Ценным и информативным источником для нашего исследования являются черновые машинописные тексты к так и не изданному второму тому «Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги», хранящиеся в личном фонде Е.Х. Нилуса в архиве Гуверовского института Стенфордского университета. Проблемы русского населения КВЖД отражались в публикациях журнала «Вестник Маньчжурии». В качестве источника привлечены публицистические издания, мемуары и воспоминания эмигрантов и реэмигрантов.

Определение численности русского населения в Северо-Восточном Китае

Русская эмиграция в Северо-Восточном Китае начала формироваться в конце XIX в. С 1898 г. появляется полоса отчуждения КВЖД, ставшая русским анклавом в Китае. В 1920 г. китайские власти объявили о переходе в их руки всей полноты власти в полосе отчуждения КВЖД, которую переименовали в Особый район Восточных провинций (далее – ОРВП)[18]. Правда, процесс создания Управления Главноначальствующего[19] ОРВП затянулся до 1923 г. С подписанием 20 сентября 1924 г. в Мукдене (Шэньяне) «Соглашения между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики» [20] начинается новый этап истории русских в Китае. 3 октября 1924 г. Китайская Восточная железная дорога, вдоль которой жили и с которой были тесно связаны многочисленные выходцы из России, включая политических беженцев, перешла под совместное советско-китайское управление.

[17] *Аурилене Е.Е.* Российская эмиграция в Маньчжурии: инерция гражданской войны (1920–1940-е гг.) // Новое прошлое. 2023. № 4. С. 49. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-47-63 EDN: MBPPRD

[18] 东省特别区 – Дуншэн тебецюй.

[19] 行政長官公署 – Синчжэн чжангуань гуншу.

[20] 中俄边界条约集 (Сборник соглашений о китайско-российской границе). Пекин, 1973. С. 218.

В современной историографии остается открытым вопрос о численности русского населения в Северо-Восточном Китае как в целом, так и по отдельным группам, в том числе в Особом районе Восточных провинций. Современники тех событий не могли привести точные цифры. В публикациях тех лет говорилось о «200 тысячном русском населении полосы отчуждения»[21]. И.Г. Баранов ссылался на данные Главного Полицейского Управления за 1923 г. и называл цифру проживавших в ОРВП в 238 083 чел. Из них – 133 705 китайцев, 98 997 – русских. Однако, как признавал автор, «эти данные полиции следует считать в сильной степени преуменьшенными против действительных…»[22].

В современных научных публикациях даются цифры от 265 тыс.[23] до 70 тыс.[24] чел., выходцев из России в Северо-Восточном Китае. При этом отмечается значительное сокращение численности русских на КВЖД во второй половине 1920-х гг.

Данные Полицейского управления ОРВП, полученные в результате проводившейся ежегодно в летние месяцы регистрации населения, указывают на относительную стабильность численности русских эмигрантов в Особом районе Восточных провинций после установления советского управления на КВЖД и до начала советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. В 1923 г. было зарегистрировано 98 997 русских жителей ОРВП; в 1929 г. – 95 235 чел.[25] Здесь лишь можно отметить, что небольшое снижение численности русского населения в период советского управления произошло на фоне значительного роста представителей других национальностей, зарегистрированных в ОРВП.

По данным Полицейского управления ОРВП, приведенным сотрудником КВЖД В.А. Кормазовым, численность русских в Харбине к июню 1929 г. также немного уменьшилась – с 58 754 до 57 121 чел.[26] На самой южной станции КВЖД Куанченцзы русских проживало около 500 чел.[27] Больше всего русских проживало на приграничных с СССР станциях Пограничная и Маньчжурия. В городе Маньчжурия русские в июне 1929 г. составляли большинство населения – почти 8 тыс. чел.[28] На станции Бухэду, расположенной на западной линии КВЖД, в июне 1929 г. проживало более 1,7 тыс. чел. (435 семей)[29]. В поселке станция Цицикар проживало около 1,3 тыс. русских. В опубликованной в 1930 г. в Харбине статье «Движение населения в районе Западной линии Кит. Вост. жел. дор.» утверждалось, что на участке КВЖД от станции Маньчжурия до станции Петля русские составляли больше половины

---

[21] *Киржиц А.Д.* У порога Китая: русские в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги // Сибирские огни. Кн. 4. 1923. С. 126.

[22] *Баранов И.Г.* Административное устройство Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1926. № 11–12. С. 17.

[23] *Пятков А.* Внешнеполитическое противостояние в Дальневосточном регионе как фактор ужесточения репрессивной политики Советского государства в 20–30-е гг. XX в. // Азиатско-тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века. Хабаровск, 2002. С. 147.

[24] *Смирнов С.В.* Советско-китайский конфликт 1929 г. и русская военная эмиграция // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 2. С. 11. https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.2.021 EDN: XYKVQL; *Наземцева Е.Н.* На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб., 2016. С. 191.

[25] *Кормазов В.А.* Движение населения в районе Западной линии Китайско-Восточной железной дороги (Участок ст. Маньчжурия – р. Петля) // Вестник Маньчжурии. 1930. № 4. С. 51.

[26] Там же. С. 52.

[27] *Горшенин А.И.* Южная линия КВЖД // Вестник Маньчжурии. 1930. № 11–12. С. 54.

[28] *Кормазов В.А.* Движение населения… С. 53.

[29] *Горшенин А.И.* Южная линия КВЖД… С. 54.

местного населения. Далее, на восток, на линии Бухэду –Дуйциньшань, проживало около 6,5 тыс. выходцев из России[30].

Говоря о русском населении ОРВП, необходимо отметить, что выходцы из России жили и в других населенных пунктах, вне полосы отчуждения. Они были тесно связаны с КВЖД, но, очевидно, не попадали в число зарегистрированных Полицейским управлением ОРВП. Например, в 1929 г. несколько русских жили в городе Нингута. Среди них – агент рисоочистительного завода «Слон» Н.И. Герасимов, работники местной китайской мельницы В.Н. Куксин и Зозуля, служащий датской фирмы «Вассард» Е. Гуцан и возможно другие[31].

Таким образом, в Особом районе Восточных провинций в 1924–1929 гг. проживало чуть более 100 тыс. выходцев из России, в течение всего этого периода численность русской эмиграции немного уменьшилась. В приграничных с СССР районах ОРВП, а также в Харбине большинство русских эмигрантов не приняли советское гражданство. В других районах значительное большинство эмигрантов были признаны в качестве советских граждан.

В 1929 г., в связи с советско-китайским конфликтом, из Северо-Восточного Китая выехало или принудительно было вывезено значительное число русских эмигрантов. Сначала двумя партиями, 11 июля и 7 августа 1929 г. китайские власти выслали из Харбина активных членов ВКП(б) из числа сотрудников КВЖД. Часть советских граждан покинула Китай по рекомендации советских властей, намеревавшихся парализовать работу КВЖД в ответ на насильственные действия китайских властей. В докладной записке Читинского окружного комитета ВКП(б) от 25 апреля 1930 г. говорилось:

> В связи с конфликтом на Китайской Восточной Желдороге в пределы СССР выехало по разным причинам много советских подданных. После боев Красной Армии в ноябре месяце было эвакуировано из зоны боевых действий несколько тысяч человек <…>. К моменту окончания конфликта в Чите находилось эвакуированных около 3 тыс. человек[32].

Разрешение на возвращение оформлялось долго, по отдельным категориям жителей КВЖД, и значительной части русских эмигрантов власти СССР не разрешили вернуться в Маньчжурию. В частности, в мае 1930 г. Дальневосточный краевой комитет ВКП(б) давал указание в Читу:

> Разрешить выезд членам партии, высланным из Китая, семьи которых находятся в Маньчжурии, не можем <…>. Семьям всех оставленных для работы в Союзе выезд их из Маньчжурии будет облегчен[33].

Ограничения на возвращения эмигрантов – советских граждан были связаны с желанием большевиков обновить состав советской колонии на КВЖД за счет командированных из СССР.

На завершающем этапе конфликта советские спецслужбы из районов КВЖД, занятых Красной Армией, принудительно вывозили антисоветски настроенных эмигрантов. В «Боевой хронике» из Даурии от 23 ноября 1929 г. говорилось: «На 21 ноября

[30] *Кормазов В.А.* Движение населения в районе Западной линии Китайско-Восточной железной дороги (Участок ст. Бухэду – ст. Дуйциньшань) // Вестник Маньчжурии. 1930. № 5. С. 31–32.

[31] *Воейков А.Д.* Дневник поездки по Нингутскому уезду Гиринской провинции // Вестник Маньчжурии. 1929. № 11. С. 91.

[32] Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 1005. Л. 57.

[33] Там же. Л. 61.

уже обезоружено и арестовано около 250 белых <...>. Аресты белогвардейцев продолжаются»[34]. Китайский краевед, рассказывая о хозяине лучших отелей на станции Маньчжурия, пишет:

> В 1929 г. по окончании войны на Китайско-восточной дороге Никитин был арестован Красной армией СССР и вывезен на родину, его жена одна стала вести отель...[35]

Н.Н. Аблажей пишет:

> От имени Хорвата последовали обращения в Лигу Наций, Международную лигу борьбы с III Интернационалом, к дипломатическому корпусу в Пекине и китайскому правительству с просьбой оказать содействие 400 русским эмигрантам, насильственно увезенным в СССР со станций Маньчжурия, Чжалайнор и Хайлар во время конфликта 1929 г.[36]

Всего в конце 1929 г. советскими спецслужбами было арестовано и вывезено в СССР около 600 русских эмигрантов.

В результате конфликта на КВЖД надежды русской интеллигенции в эмиграции на сотрудничество с СССР разрушились. Многие русские специалисты покинули Харбин, выехав в Шанхай или Европу. С другой стороны, с 1930 г. вновь началось массовое бегство из СССР в Северо-Восточный Китай. Например, по данным Н.В. Баранниковой, только за две первых недели января 1931 г. границу перешли более 700 беженцев[37]. Часть новой волны эмиграции пополняла население ОРВП, многие целенаправленно ехали сразу в Харбин или к родственникам, работавшим на КВЖД.

Таким образом, с 1924 по 1929 гг. численность русского населения на КВЖД была относительно стабильной и составляла около 100 тыс. чел., при наличии общей тенденции медленного ее сокращения. Активные миграционные процессы в 1929–1930 гг. в силу своей разнонаправленности мало повлияли на общие тенденции и численность русской эмиграции.

Состав русской эмиграции

Русское население Северо-Восточного Китая никогда не было монолитно. Уже на ранних этапах его истории имело место разделение по путям «попадания» в Китай, по сфере занятости, по этнической и религиозной принадлежности, по политическим предпочтениям. Однако совместное проживание на территории другого государства в инокультурном окружении и в связи с одним крупным предприятием КВЖД способствовали интеграции мигрантов в единое региональное сообщество.

Революция 1917 г. привела к расколу внутри русской общины на КВЖД, однако факторы регионального единства все же оказались сильнее. В 1918–1924 гг. разделение внутри российского населения КВЖД на две основные группы определялось не политическими предпочтениями, а шло по линии «коренные» и беженцы. Признание правительством Китайской Республики прав Советского Союза на КВЖД

[34] ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 853. Л. 34.

[35] *Ван Тэцяо* (王铁樵). 100 лет Маньчжурии. В ознаменование 110-летней годовщины со дня рождения города Маньчжурия. 1901–2011 гг. Хулуньбуэр, 2011. С. 93.

[36] *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 131.

[37] *Баранникова Н.В.* Вынужденные эмигранты. Россияне в Маньчжурии в начале 30-х гг. XX в. (по материалам газеты «Заря») // Шестые архивные научные чтения имени В.И. Чернышевой: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Дальний Восток России: от прошлого к будущему». Хабаровск, 2020. С. 275. EDN: YUFUIZ

и переход дороги под совместное советско-китайское управление привели к тому, что основной раздел российского населения в Северо-Восточном Китае прошел по линии гражданства. С.В. Смирнов пишет:

> Различия между местным русским населением («кэвэжэдэками») и беженцами сначала сильные, затем менее заметные ощущались вплоть до конца 1924 г., уступив в дальнейшем место делению на советских («красных») и эмигрантов («белых»)[38].

Необходимо отметить, что советская колония появилась на КВЖД еще до октября 1924 г. Как справедливо отмечает М.В. Кротова, прием документов на восстановление советского гражданства от лиц, проживавших в Маньчжурии, начался в 1923 г.[39]

Во второй половине 1920-х гг. русское население на КВЖД состояло в основном из приехавших в Северо-Восточный Китай выходцев из Российской империи после начала строительства КВЖД и беженцев времен Гражданской войны. Кроме этого, в качестве отдельных групп можно назвать советских людей, приехавших на работу на КВЖД в 1920-х гг., беженцев из приграничных районов Сибири и Дальнего Востока, скрывавшихся от политических репрессий и раскулачивания в 1920-х гг. В условиях, когда после объявления в СССР амнистии участникам белого движения значительная часть беженцев вернулась на родину, а многие военные выехали на службу в Шаньдунскую армию, трудовые мигранты явно преобладали над политическими. Формально же появилось три группы – граждане СССР, граждане Китайской Республики и лица без гражданства. При этом гражданство далеко не всегда совпадало с политическими предпочтениями.

Русское население Северо-Восточного Китая еще до перехода КВЖД под контроль Советского Союза в основной своей массе не было враждебно настроено к большевикам, относилось к советской власти нейтрально или даже с сочувствием. С переходом КВЖД под совместное советско-китайское управление русское население здесь не поменялось, не поменялись и настроения. На дороге остались работать эмигранты, а из СССР приехали лишь новые начальники. Из 1127 чел., принятых на КВЖД с 3 октября 1924 г. по 4 марта 1926 г., только 53 человека были командированными из СССР[40].

Согласно данным, приведенным Н.Н. Аблажей, русское население Северо-Восточного Китая делилось на две равные части – советские граждане и не советские граждане[41]. Согласно данным, представленным в работе Н.Е. Абловой, в Маньчжурии было 50 тыс. советских граждан и 60 тыс. «эмигрантов»[42]. По сведениям М.В. Кротовой, больше половины русских эмигрантов в Маньчжурии приняли советское гражданство, правда, цифры разнятся от 40 до 90 тыс. чел.[43]

Если опираться на данные Полицейского управления ОРВП, почти везде численность русских, не принявших советское гражданство, была больше, чем совет-

[38] *Смирнов С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (Проблемы социальной адаптации). Екатеринбург, 2007. С. 28. EDN: QPNJZB

[39] *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. С. 52. EDN: VHKTTX

[40] *Кротова М.В.* Уроки истории: особенности советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 170. https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10027 EDN: XWGHNH

[41] *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 78. EDN: QOPFJP

[42] *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 127–128.

[43] *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. С. 67.

ских граждан. В Харбине в июне 1929 г. проживали 30 362 русских эмигранта и 26 759 советских граждан[44]. В городе Маньчжурия русские в июне 1929 г. составляли большинство населения, при этом русских, учтенных в качестве советских граждан (2973 чел.), было значительно меньше, чем эмигрантов (4807 чел.). Среди советских граждан, действительно, было много приехавших на работу из СССР, так как советских семей было непропрционально меньше, чем эмигрантских, и женщин было почти в два раза меньше, в то время как в структуре населения женщин-эмигрантов было больше, чем мужчин[45]. В районе станции Чжалайнор советские граждане составляли всего несколько процентов от общего числа русских эмигрантов. В Хайларе советских граждан было почти в два раза меньше, чем остальных русских. В целом, на участке дороги, проходящей по приграничной с СССР Барге, советских граждан было в два раза меньше, чем русских, не пожелавших подать документы на советское гражданство[46]. Но далее на восток пропорции менялись: на станции Бухэду в июне 1929 г. жили 1219 чел. советских граждан (305 семей) и 494 русских эмигранта (130 семей)[47]. В поселке на станции Цицикар проживало 1096 советских граждан и 194 русских эмигранта. В опубликованной в 1930 г. в Харбине статье «Движение населения в районе Западной линии Кит. Вост. жел. дор.» утверждалось, что на линии Бухэду–Дуйциньшань проживало 4,7 тыс. советских граждан и 1,7 тыс. русских эмигрантов[48].

Таким образом, к лету 1929 г. подавляющее большинство русских эмигрантов, проживавших на примыкающей к советской границе части территории ОРВП, советского гражданства не приняли. Что касается поселков в центральной части ОРВП, подальше от советской границы, то здесь подавляющее большинство эмигрантов стали советскими гражданами. В столице КВЖД, где проживало больше половины русских эмигрантов, принявших советское гражданство было на 10 % меньше, чем отказавшихся признать власть большевиков.

Проблемы принятия советского гражданства

В послужных списках сотрудников КВЖД переход дороги под советское управление можно сказать: «остался незамеченным». Например, в «В документальных материалах архивного фонда Китайской восточной ж.д., в личном деле Рассохина Ивана Федоровича» было записано:

> С <…> сентября 1915 по 1 сентября 1916 г. переводчиком в Заамурском округе пограничной стражи <…>. 24 февраля 1924 г. зачислен временным переводчиком Экономического бюро КВЖД. 1 октября 1926 г. назначен ст. драгоманом Экономического бюро…[49]

В архивной справке на В.И. Нечаева отмечено:

> С 5 февраля 1913 г по 11 августа 1920 г. служил переводчиком и ст. переводчиком монгольского и китайского языков в Штабе Заамурского округа пограничной стражи и Штабе охранной стражи КВЖД <…>. 6 февраля 1922 г. зачислен на должность драгомана Русско-китайского секретариата КВЖД, 1 мая 1928 г. возложено вр. исполнение обязанностей старшего драгомана…[50]

---

[44] *Кормазов В.А*. Рост населения в Харбине и Фуцзядяне // Вестник Маньчжурии. 1930. № 7. С. 25.

[45] *Кормазов В.А.* Движение населения в районе Западной линии Китайско-Восточной железной дороги (Участок ст. Маньчжурия – р. Петля) // Вестник Маньчжурии. 1930. № 4. С. 53.

[46] Там же. С. 57.

[47] Там же. С. 30.

[48] Там же. С. 31–32.

[49] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52197. Л. 62. URL: https://drive.google.com/file/d/0B-C7U8SDPAZnWFJJZUpoZi1WcHM/view (дата обращения: 17.07.2020).

[50] Там же. Л. 59. URL: https://drive.google.com/file/d/0B-C7U8SDPAZnWFJJZUpoZi1WcHM/view (дата обращения: 17.07.2020).

Советское гражданство принимали «старые» харбинцы, жившие с дореволюционных времен. М.В. Кротова отметила: «советское гражданство пожелали взять практически все высокопоставленные чиновники КВЖД и старослужащие – инженеры, начальники служб, начальники участков, мастера, рабочие»[51]. Многие старые «харбинцы» с принятием гражданства получили возможность устроиться на КВЖД. Например, в 1925 г. перешел работать в Управление КВЖД преподаватель училища известный китаевед И.Г. Баранов, но после продажи КВЖД он не уехал в СССР, а остался жить и работать в Харбине.

Белоэмигранты в подавляющем большинстве охотно подавали на советское гражданство и после этого получали хорошие должности на КВЖД. При этом советская сторона не отказывала в этом и одиозным личностям. Например, бывший начальник штаба Азиатской дивизии барона Р.Ф. Унгерна П.Л. Островский в 1925 г. получил советское гражданство и был назначен начальником железнодорожной станции Чанчунь. Служивший в штабе атамана Г.М. Семенова японовед полковник В.Н. Крылов стал советским гражданином, работал в качестве драгомана японского языка Канцелярии Правления КВЖД. Советское гражданство приняли генералы В.И. Сурин, В.Н. Касаткин, В.Н. Сухорский и др. Ходатайство на советское гражданство подали известные представители интеллигенции: профессоры В.А. Рязановский, М.Н. Ершов, Е.М. Чепурковский, доцент В.Д. Маракулин, археолог В.Я. Толмачев[52].

Доступные для исследователей источники и научные публикации не дают четкой картины перехода эмигрантов в советские граждане. Как правило, от подачи заявления в гражданство до его получения могло пройти несколько лет. Например, офицер Добровольческой армии Н.А. Байков в 1925 г. подал заявление на советское гражданство и сразу был принят на работу на КВЖД, а советский паспорт получил лишь в 1927 г.[53] Белый офицер П.А. фон Ольбрих-Северный подал прошение на советское гражданство в 1925 г., а паспорт получил лишь в 1929 г. Таким образом, во второй половине 1920-х гг. большинство русских эмигрантов, выразивших свою лояльность советской власти, были не советскими гражданами, а так называемыми «квитподданными», как называли эмигрантов, получивших квитанцию об уплате налога при подаче заявления на советское гражданство. Многие из «квитподданных» так и не получили советского гражданства.

Осложняло общую картину то обстоятельство, что русские эмигранты нередко имели по два гражданства – советское и китайское, или, получив советское гражданство, не регистрировали его в китайских органах власти. Эмигрантов, принявших китайское гражданство, при общем учете населения вообще редко выделяли отдельно. Процентное соотношение можно приблизительно выявить по косвенным данным. Например, на 1 октября 1931 г. среди студентов Политехнического института было 511 граждан СССР и 169 русских граждан Китая[54].

---

[51] *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. С. 56. EDN: VHKTTX

[52] Там же. С. 52.

[53] *Кротова М.В.* Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 131. https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00030 EDN: TQOACD

[54] *Шаронова В.Г.* Роль русской эмиграции в подготовке китайских национальных кадров (На примере Харбинского политехнического института) (1920–1932 гг.) // Китай в мировой и региональной политике: история и современность: [сборник статей: ежегодник]. М., 2020. Вып. 25. С. 407. https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10024 EDN: WRYYLY

Настроения в среде русской эмиграции и проблема «раскола»

Несмотря на то, что советско-китайскими соглашениями формально были урегулированы вопросы, связанные с положением русских эмигрантов в Китае, правовое положение советских граждан осталось противоречивым. Современники в 1926 г. утверждали:

> Служащие КВжд и советские граждане, живущие в Сев. Маньчжурии, при отсутствии правовых норм для их бытия, не могут спокойно заняться своим мирным трудом <…>. Отсутствие этих правовых норм оказывает губительное влияние на ряд других вопросов[55].

Таким образом, после 1924 г. не произошло четкого правового раздела русской эмиграции на КВЖД.

В 1924 г. русские эмигранты болезненно восприняли переход КВЖД под советский контроль, но явного раскола в русской общине не произошло. Даже знаменитый приказ управляющего КВЖД А.Н. Иванова об увольнении с КВЖД русских, не принявших советское или китайское гражданство, вызвал не раскол в русской эмиграции, а кризис в советско-китайских отношениях. В начале 1925 г. советский полпред в Китайской Республике Л.М. Карахан докладывал в Москву:

> Все русские, находящиеся на КВЖД, не только советские граждане, но и не советские граждане, вся верхушка управления КВЖД стоят прочно за нами и работают в большинстве своем на совесть для нас[56].

Таким образом, говорить о расколе русских жителей ОРВП на две большие противостоящие друг другу группы – советскую колонию и эмигрантов нет оснований. Е.П. Таскина указывает, что все проживавшие на КВЖД русские

> в условиях зарубежного проживания стремились к взаимопониманию. Если не принимать в расчет позицию политической «верхушки», среди основной массы не было ярко выраженного антагонизма…[57]

Надо признать наличие на КВЖД отдельных групп населения, «выпадающих» из общей эмиграции. На КВЖД имелись советские граждане, находившиеся под советской юрисдикцией и подчинявшиеся советским законам. На это, в частности, указывает наличие в рядах Красной армии в 1920-х гг. призывников из числа русских жителей Северо-Восточного Китая. Однако число таких советских граждан в Особом районе Восточных провинций было невелико и организованного сообщества они не представляли. Кроме того, призванные из Маньчжурии в Красную армию советские граждане зачастую характеризовались командованием как «антисоветски настроенные красноармейцы». В документах 26-й Златоустовской дивизии, например, фиксировались такие факты:

> 19 февраля перед началом строевых занятий красноармеец Горбанев /член ВЛКСМ/ передал комзвода т. Гармышеву /член ВКПб/ листовку Харбинской фашистской организации, полученную им в письме из Харбина от товарища[58].

---

[55] *Лиманов Е.Г.* Советско-мукдэнская конференция и вопросы КВЖД // Вестник Маньчжурии. 1926. № 5. С. 2.

[56] *Крюков В.М., Крюков М.В.* Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. М., 2015. Т. 2.: 1922–1926. С. 1061.

[57] *Таскина Е.П.* На перекрестке эпох и культур // Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. А.П. Таскиной 2-е изд.. испр. и пол. М., 2005. С. 41.

[58] Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. П-96. Оп. 1. Д. 713. Л. 34.

В эмигрантской среде в 1920-е гг. имелись радикально настроенные группы пробольшевистского и антисоветского направлений. Исследователи приводят примеры активной борьбы коммунистической молодежи против тех, кто не разделял их взгляды. Около 200 чел. насчитывала подпольная «комсомольская боевая дружина» в Харбине. Но после убийства русского монархиста в 1926 г. эта организация прекратила активные насильственные действия до начала советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г.[59] В противовес комсомольской организации в студенческой среде Харбина было создано Русское фашистское общество, внутри которого, в свою очередь, к началу 1930-х гг. произошел раскол, завершившийся образованием Российской фашистской партии[60]. Оставались на КВЖД и убежденные монархисты. Председатель Монархического союза в Харбине генерал В.А. Кислицин писал в своих воспоминаниях:

> Было постоянное сознание необходимости вести борьбу за освобождение Родины от большевиков. Это была главная цель существования в эмиграции[61].

Однако радикализм небольших групп отчасти гасился действиями китайских властей. Например, Управление полиции в апреле 1925 г. закрыло радикальную просоветскую газету «Трибуна», а пришедшую ей на смену советскую газету «Эхо» китайские власти лишили лицензии в конце 1926 г. Препятствовали они и деятельности радикальных антисоветских групп.

Подавляющее большинство эмигрантов, подавших документы на советское гражданство, остались эмигрантами, но просто формально продемонстрировавшими свою лояльность новым властям КВЖД. Переход большинства русских функционеров КВЖД, ученых, представителей творческой интеллигенции никак не повлиял на их место в среде русской эмиграции, а лишь вызвал моральное осуждение в среде немногочисленных идейных антикоммунистов. Проживавшие в Харбине белые офицеры не стали советскими колонистами, как и идеологи белоэмигрантского движения, несмотря на подачу заявления на принятие советского гражданства. Как отмечает М.В. Кротова, вслед за «сменовеховцами», устроенными на КВЖД, – Г.Н. Диким и Н.В. Устряловым советское гражданство приняли большинство профессоров, ученых, востоковедов. Однако «в различных энциклопедиях, словарях и справочниках по истории российской эмиграции при упоминании этих людей, как правило, не указывается факт принятия ими советского гражданства»[62].

На относительное единство русского эмигрантского сообщества на КВЖД указывает и тот факт, что в описаниях населенных пунктов в журнале «Вестник Маньчжурии» было представлено именно «русское население», с разбивкой по полу, возрасту, видах поселения, статусу проживания («постоянное и временное»), с выделением семей «железнодорожников», но без указания гражданства[63]. Иногда выделялись

---

[59] *Кротова М.В.* Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 146. EDN: PXEYAX

[60] *Кротова М.В., Петин Д.И.* Судьба харбинской репатриантки в зеркале антропологии: Людмила Абрамова (1914–2002) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 114. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124 EDN: VWEBLV

[61] *Кислицин В.А.* В огне гражданской войны. Мемуары. Харбин, 1936. С. 110.

[62] *Кротова М.В.* Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 131. https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00030 EDN: TQOACD

[63] *И. П.* Станции и поселки Восточной линии (продолжение) // Вестник Маньчжурии. 1927. № 1. С. 44. С. 37–51.

эмигранты по национальному признаку: «760 русских, 120 татар, 18 японцев (140 домов) живут в центральном и частном поселках»[64]. На наличие значительного числа русских эмигрантов, не принявших советского гражданства, указывают косвенные данные. Например, в исследовании «Станции и поселки Восточной линии» была представлена такая информация:

> По обычаю китайцев, все торговцы организованы в Коммерческое Общество <…> но и русские жители Эхо не отстали от них в этом отношении, образовав единственную на Восточной линии крепкую русскую группу под именем «Общество участковладельцев и домовладельцев поселков Эхо», целью которого – широкая защита своих прав на жизнь и работу в Особом Районе Восточных Провинций. Это Общество зарегистрировано китайской администрацией, пользуется всеми правами легализованных обществ[65].

Относительное единство русской общины Северо-Восточного Китая заметно в вопросах школьного дела. В 1924 г. все школы КВЖД стали переходить на советские программы и стандарты, в них продолжали учиться дети эмигрантов, а учителями работали эмигранты. В 1925 г. в русских учебных заведениях КВЖД было около 12,5 тыс. учащихся и более 600 преподавателей[66]. Современники отмечали:

> Далеко, конечно, не все родители одинаково отнеслись к новой школе. Особенно старались по части «зловейших» предсказаний бывшие представители царской политики в С. Маньчжурии и представители черной прессы[67].

Однако общий вывод уже в 1926 г. был такой:

> В общем же, наблюдается окончательный сдвиг родительской массы в сторону сочувствия к новой школе[68].

Переход КВЖД под советское управление и формальное разделение на «советских граждан» и «эмигрантов» не фиксировался в различных сферах жизни русских в Харбине. Например, в рекламе «Русско-Китайского Политехнического института» в издании за 1925 г. говорилось лишь о русских и китайских абитуриентах, без упоминания слова «советские». Кроме того, указывалась различная «плата за учение в Институте» лишь «для сыновей железнодорожников» и «для сыновей частных лиц»[69]. В справочной информации о Техническом железнодорожном училище говорилось о двух группах – о «детях железнодорожных служащих» и «лицах посторонних КВжд»[70]. Не говорилось о «советских» даже в рекламе «Смешанной Русско-Китайской Реальной Гимназии», работавшей по программе советских школ. В информации, размещенной в справочнике «Весь Харбин на 1926 год», также нигде не упоминалось о наличии среди жителей Харбина отдельной группы «советских» граждан.

---

[64] *И.П.* Станции и поселки Восточной линии (продолжение) // Вестник Маньчжурии. 1927. № 2. С. 28.

[65] Там же. № 1. С. 50.

[66] *Филиппович К.* Советские и китайские школы на КВЖД // Вестник Маньчжурии. 1926. № 5. С. 39.

[67] Там же.

[68] Там же. С. 30.

[69] Весь Харбин на 1925 год. Адресная и справочная книга / ред.-сост. С.Т. Тернавский. Харбин, 1925.

[70] Весь Харбин на 1926 год. Адресная и справочная книга / ред.-сост. С.Т. Тернавский. Харбин, 1926. С. 116.

В подавляющем большинстве учебных заведений учеников вообще не делили на какие-либо группы.

Говоря об относительном единстве русского населения в Северо-Восточном Китае, можно отметить, что даже командированные из Советского Союза коммунисты разделялись в партийно-организационном отношении. Работавшие на КВЖД советские граждане состояли в нелегальном Харбинском губернском бюро ВКП(б) (с 1926 г. Северо-Маньчжурский комитет ВКП(б)), подчинявшемся Дальневосточному краевому комитету ВКП(б). В общем числе советских граждан на КВЖД было несколько сотен коммунистов. Работники же советских организаций в ОРВП имели свои партийные ячейки, подчинявшиеся Бюро заграничных ячеек ВКП(б) в Москве[71].

Бывшая жительница Харбина Е.П. Таскина писала:

> С 1924 года <…> вся жизнь проходила под знаком, как теперь говорят, плюрализма; духовная музыка, церковные богослужения сосуществовали с празднованием 1 Мая и 7 ноября…[72]

Согласно утвержденному Городским Советом Харбина «Табелю неприсутственных дней»[73] в 1926 г., незадолго до его разгона китайскими властями, на КВЖД было 33 праздничных нерабочих дня. Было два советских праздника («Рабочий день» первого мая и «День Октябрьской революции») и пять китайских государственных праздников, а кроме того, в Харбине официально праздновались 11 православных праздников.

Во второй половине 1920-х гг. экономическое развитие Харбина позволяло эмигрантам успешно жить и без прямой связи с КВЖД. Уволенные советской администрацией с КВЖД опытные русские железнодорожники были востребованы на строительстве других железных дорог в Маньчжурии. Например, бывший управляющий КВЖД Б.В. Остроумов в 1925 г. был приглашен руководить строительством Хуайской железной дороги, идущей от Харбина на север. В воспоминаниях В.П. Шуйского говорилось, например, что в Харбине кроме электростанций КВЖД было построено много частных электростанций. Он писал:

> Снабжение электрической энергией гор. Харбина развивалось также разношерстно, как и его застройка <…>. На улицах Пристани, а потом и других частей города была масса столбов обоих конкурирующих станций: Китайской и Японской. В 1926–1927 гг. Китайское о-во собралось с силами и передало постройку эл. станции и трамвая германской фирме «Сименс», которая и пустила трамвай в 1927 году. Автор работал как практикант-студент у «Сименса» и имел честь ехать на первом пробном вагоне[74].

Действия советской стороны компенсировались активной позицией не принявшей советскую власть эмиграцией. Е.П. Таскина пишет:

> С отменой преподавания Закона Божия в учебных заведениях Харбина встала необходимость организации специальных лекций или курсов по богословию для молодежи <…>. При ближайшем участии о. Н. Вознесенского в 1928 г. в Харбине были открыты Богословские курсы <…>. Курсы приравнивались к Духовной Семинарии…[75]

---

[71] *Яхимович С.Ю.* Большевистская партийная организация внутри советской колонии в Северной Маньчжурии (1924–1931 гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2012. № III-2. С. 21–26. EDN: PDTAYN

[72] *Таскина Е.П.* На перекрестке эпох и культур // Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. А.П. Таскиной 2-е изд.. испр. и пол. М., 2005. С. 38.

[73] Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 577. Оп. 1. Д. 53. Л. 43–43 об.

[74] *Шуйский В.П.* Еще о Харбине // Политехник (На правах рукописи). 2 апреля 1972. № 4. С. 133.

[75] *Клементьев А.К.* Архиепископ Хайларский Дмитрий (Вознесенский) // На сопках Маньчжурии. Март 2006. № 126. С. 2.

История КВЖД второй половины 1920-х гг. определялась не расколом русской эмиграции, а советско-китайским противостоянием. Уже в конце 1924 г. китайские власти потребовали от СССР устранить от руководства дорогой советского управляющего А.Н. Иванова, а в начале 1926 г. его арестовали. Обострение конфликта на КВЖД в 1929 г. привело к масштабным военным действиям, и советско-китайский конфликт 1929 г. в китайской истории получил название «Китайско-советская война».

Данный конфликт показал, что основная масса русского населения была аполитична, придерживалась нейтралитета, а сам конфликт воспринимался именно как советско-китайский, а не русско-китайский. М.В. Кротова пишет: «Большинство служащих КВЖД отказались увольняться с дороги, подтвердив свою лояльность китайской администрации»[76]. При этом большинство русских эмигрантов сочувствовали советской стороне. Один из эмигрантов вспоминал:

> И вот странное ощущение: с одной стороны, радуешься, что красные не добрались до Харбина, с другой, как приятно, что китайцы побеждены русскими[77].

Вторая половина 1929 г. была временем репрессий китайских властей в отношении советских граждан, поддержавших политику большевиков. В это же время были проведены репрессии с советской стороны в отношении антисоветски настроенных эмигрантов, с обеих сторон были проведены «чистки» среди служащих на КВЖД. Тысячи русских беженцев, пострадавших от карательных акций с советской стороны, приехали в Харбин, тысячи рабочих и служащих КВЖД, которые независимо от гражданства продолжали во время конфликта работать на дороге, были уволены в 1930 г. Временное пребывание эвакуированных эмигрантов в Забайкалье усилило их антисоветские настроения. В докладной записке Читинского окружного комитета ВКП(б) от 25 апреля 1930 г. говорилось:

> По непонятной причине, уже возвращены на К.В.ж.д. лица безусловно отрицательно относящиеся к СССР и по полученным письмам с мест видно, что эти лица ведут ядовитую свою пропаганду, в силу чего белогвардейская шпана поднимает голову. Выливает помои с небылицами на наш высланный актив[78].

В приведенном С.В. Смирновым «Отчете Беженского комитета за 1930 г.» говорится:

> Условия существования русской эмиграции в 1930 г. значительно ухудшились по сравнению с 1929 г. Причинами этого стали последствия вооруженного советско-китайского конфликта, докатившийся мировой экономический кризис <…> и новая волна беженцев из Советской России[79].

Особое значение для состояния русской общины в Маньчжурии имело массовое бегство из СССР на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с начавшейся коллективизацией и угрозой голода. Исследователи пишут:

---

[76] *Кротова М.В.* Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 136. https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00030 EDN: TQOACD

[77] *Смирнов С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии. Екатеринбург, 2007. С. 76. EDN: QPNJZB

[78] ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 1005. Л. 60.

[79] *Смирнов С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (Проблемы социальной адаптации). Екатеринбург, 2007. С. 78. EDN: QPNJZB

> Бежали сотнями и по одному человеку, жители приграничных деревень и жители центральной России. Могли пересечь границу 500–700 чел. за месяц, а могли меньше десятка. Главное то, что эта цепочка не прерывалась[80].

Из среды новых беженцев выдвигались новые политические активисты и лидеры.

В начале 1930-х гг. относительное единство русской эмиграции на КВЖД, обусловленное лояльностью к Советскому Союзу, было разрушено. После начала японской агрессии в Маньчжурии, выезда значительного числа советских служащих КВЖД в СССР и многих эмигрантов – в Пекин и Шанхай, относительное единство русской эмиграции было восстановлено. Но эмигрантское сообщество харбинцев 1930-х гг. уже сильно отличалось от сообщества 1920-х, поскольку оно утратило связи с Россией и стало интегрироваться в многонациональное общество Маньчжоу-го под властью антикоминтерновской Японии.

Заключение

История русских эмигрантов на КВЖД показывает, что общность культуры и языка, компактность проживания, включенность в единый народно-хозяйственный механизм делает неизбежным формирование единого этно-национально-регионального сообщества, несмотря на историческое прошлое и политические предпочтения. Более того, разнообразие, в том числе в части политических взглядов и даже формально-правового статуса, укрепляло сообщество, делало его более устойчивым, что и произошло в Особом районе Восточных провинций Китайской Республики.

Русское население ОРВП в период 1924–1929 гг. нельзя делить, как принято в российской историографии, на советскую колонию и эмигрантов. В Северо-Восточном Китае во второй половине 1920-х гг. проживало незначительное число работников КВЖД, приехавших из Советского Союза, и, действительно, представлявших собой «советскую колонию». Нельзя назвать «советскими колонистами» белых офицеров и генералов, многих известных представителей интеллигенции и тысячи других политэмигрантов. Подача заявления на принятие советского гражданства русскими эмигрантами была актом формальной демонстрации лояльности советской администрации КВЖД. При этом до конца 1920-х гг. значительная часть подавших прошение так и не получила паспорта, а некоторые из получивших в дальнейшем лишились советских документов. Таким образом, русская эмиграция в 1920-х гг., представлявшая собой своеобразный осколок бывшей Российской империи, становилась часть новой, советской государственности. Последствия советско-китайского конфликта 1929 г. привели к разрушению относительного единства русской эмиграции на КВЖД, сформированного на основе лояльности к СССР как преемнику дореволюционной России. Последующее развитие русской эмиграции в Маньчжурии происходило уже в иных внутриполитических и международных реалиях, как и состояние русской общины на КВЖД определялось влиянием новых факторов.

Поступила в редакцию / Submitted: 30.09.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.11.2025
Принята к публикации / Accepted for publication: 23.02.2026

[80] *Баранникова Н.В.* Вынужденные эмигранты. Россияне в Маньчжурии в начале 30-х гг. XX в. (по материалам газеты «Заря») // Шестые архивные научные чтения им. В.И. Чернышевой: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Дальний Восток России: от прошлого к будущему». Хабаровск, 2020. С. 276. EDN: YUFUIZ

References

Ablazhey, N.N. *Sibirskoe oblastnichestvo v emigratsii* [Siberian regionalism in emigration]. Novosibirsk: Издательство Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2003 (in Russian).

Ablazhey, N.N. *S vostoka na vostok: Rossiiskaia emigratsiia v Kitae* [From East to East: Russian Emigration in China]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskoe otdelenie RAN Publ., 2007 (in Russian).

Ablova, N.E. *KVZHD i rossiiskaia emigratsiia v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaia polovina XX v.)* [CER and Russian emigration in China: international and political aspects of history (first half of the 20th century)]. Moscow: NP ID «Russkaia panorama» Publ., 2004 (in Russian).

Aurilene, E.E. "Russian Emigration in Manchuria: Inertia of Civil War (1920–1940s)." *The New Past*, no. 4 (2023): 47–63 (in Russian), https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-47-63

Barannikova, N.V. "Vynuzhdennye emigranty. Rossiiane v Man'chzhurii v nachale 30-kh gg. XX v. (po materialam gazety «Zarya») [Forced Emigrants. Russians in Manchuria in the Early 1930s (Based on Materials from the Zarya Newspaper)]." In *Shestye arkhivnye nauchnye chteniia imeni V.I. Chernyshevoi: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Dal'nii Vostok Rossii: ot proshlogo k budushchemu"*, 274–277. Khabarovsk: OOO «Amurprint» Publ., 2020 (in Russian).

Gladkikh, A.A. "Terrorist activity of white emigrant organizations in the Far East and the struggle against them conducted by the state security bodies in the 1920s." *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 5 (2009): 22–30 (in Russian).

Goverdovskaya, L.F. *Obshchestvenno-politicheskaia i kul'turnaia deiatel'nost' russkoi emigratsii v Kitae v 1917–1931 gg.* [Socio-political and cultural activities of Russian emigration in China in 1917–1931]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka Publ., 2004 (in Russian).

Kapran, I.K. *Povsednevnaia zhizn' russkogo naseleniia Kharbina (konets XIX v. – 50-e gg. XX v.)* [Everyday life of the Russian population of Harbin (late 19th century – 1950s)]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta Publ., 2011 (in Russian).

Kislitsin, V.A. *V ogne grazhdanskoi voiny. Memuary* [In the Fire of Civil War. Memoirs]. Harbin: Izdatel'stvo «Nash put'» Publ., 1936 (in Russian).

Krotova, M.V. "Soviet presence on the Chinese Eastern Railroad (CER) (1924–1935)." *Far Eastern Studies*, no. 1 (2013): 139–150 (in Russian).

Krotova, M.V. *SSSR i rossiiskaia emigratsiia v Man'chzhurii (1920–1930-e gg.)* [The USSR and Russian emigration in Manchuria (1920–1930s)]. St. Petersburg: Asterion Publ., 2014 (in Russian).

Krotova, M.V. "CER employees personal files as the source for the study of the Russian presence in Manchuria." *Petersburg Historical Journal*, no. 2 (2014): 125–136 (in Russian), https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00030

Krotova, M.V. "History lessons: features of the Sino-Soviet management of CER in the 1920's." *Comparative Politics Russia*, no. 2 (2020): 166–176 (in Russian), https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10027

Kryukov, V.M., and Kryukov, M.V. *Vesna i osen' revolyutsionnoi diplomatii: Pervoe desyatiletie sovetskoi politiki v Kitae. 1922–1926* [Spring and Autumn of Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Policy in China. 1922–1926]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2015 (in Russian).

Krotova, M.V., and Petin, D.I. "The fate of Harbin repatriate in the mirror of anthropology: Liudmila Abramova (1914–2002)." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (2023): 110–124 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124

Melikhov, G.V. *Rossiiskaia emigratsiia v Kitae (1917–1924 gg.)* [Russian emigration in China (1917–1924)]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN Publ., 1997 (in Russian).

Melikhov, G.V. *Belyi Kharbin: Seredina 20-kh* [White Harbin: Mid-20s]. Moscow: Russkii put' Publ., 2003 (in Russian).

Melikhov, G.V. *Rossiiskaia emigratsiia v mezhdunarodnykh otnosheniiakh na Dal'nem Vostoke, 1925–1932* [Russian emigration in international relations in the Far East, 1925–1932]. Moscow: Vikmo-M Publ.; Russkiy put' Publ., 2007 (in Russian).

Nazemtseva, E.N. *Na diplomaticheskom urovne: problemy pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitaiskikh otnosheniiakh (1920–1940-ye gg.)* [At the diplomatic level: problems of the legal status of Russian emigrants in China in Soviet-Chinese relations (1920–1940s)]. St. Petersburg: Aleteyia Publ., 2016 (in Russian).

Pisarevskaya, Ya. L. "Dve Rossii v Manchzhurii: sotsial'naia adaptatsiia i reemigratsiia (20-e – nachalo 30-kh gg.) [Two Russias in Manchuria: Social Adaptation and Re-Emigration (1920s – Early 1930s)]." In *Ocherki antibol'shevistskoi emigratsii*, 52–70. Moscow: Izdatel'stvo Ippolitova Publ., 2002 (in Russian).

Pyatkov, A. "Vneshnepoliticheskoe protivostoianie v Dal'nevostochnom regione kak faktor uzhestocheniia repressivnoi politiki Sovetskogo gosudarstva v 20–30-e gg. XX v. [Foreign policy confrontation in the Far Eastern region as a factor in the tightening of the repressive policy of the Soviet state in the 1920s–1930s]." In *Aziatsko-tikhookeanskii region v global'noi politike, ekonomike i kul'ture XXI veka*, 132–152. Khabarovsk: [N.s.], 2002 (in Russian).

Sharonova, V.G. "Rol' russkoi emigratsii v podgotovke kitaiskikh kadrov (na primere Kharbinskogo politekhnicheskogo instituta (1920–1932) [The Role of Russian Emigration in the Training of Chinese National Staff (on the Example of Harbin Polytechnic Institute (1920–1932)]." In *Kitai v mirovoi i regional'noi politike: istoriia i sovremennost': [sbornik statei: ezhegodnik]*, 400–416. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN Publ., 2020 (in Russian), https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10024

Smirnov, S.V. *Rossiiskie emigranty v Severnoi Man'chzhurii v 1920–1945 gg. (Problemy sotsial'noi adaptatsii)* [Russian emigrants in Northern Manchuria in 1920–1945 (Problems of social adaptation)]. Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2007 (in Russian).

Smirnov, S.V. "The Sino-Soviet Conflict of 1929 and Russian Military Emigration." *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts* 20, no. 2 (2018): 9–22 (in Russian), https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.2.021

Taskina, E.P. "Na perekrestke epokh i kul'tur [At the Crossroads of Eras and Cultures]." In *Russkii Kharbin*, 35–49. Moscow: Izdatel'stvo MGU: Nauka Publ., 2005 (in Russian).

Wang, Tieqiao. *100 let Man'chzhurii. V oznamenovanie 110-letnei godovshchiny so dnya rozhdeniia goroda Man'chzhuriia. 1901–2011 gg.* [100 Years of Manchuria. In Commemoration of the 110th Anniversary of the City of Manchuria. 1901–2011]. Hulunbuer: Izdatel'stvo «Kul'tura Avtonomnogo raiona Vnutrennyaia Mongoliia» Publ., 2011 (in Russian).

Yakhimovich, S.Yu. "The bolshevist party organization as part of the Soviet Commnity in the northern Manchuria (1924–1931)." *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amour State Technical University*, no. III-2 (2012): 21–26 (in Russian).

Yakhimovich, S.Yu. *Sovetskie grazhdane v Severnoi Man'chzhurii (1924–1935 gg.)* [Soviet citizens in Northern Manchuria (1924–1935)]. Khabarovsk: Dal'nevostochnyi iuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii imeni I.F. Shilova Publ., 2015 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Владимир Григорьевич Дацышен, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, мировых и религиозных цивилизаций, Сибирский Федеральный университет; Россия, 660041, Красноярск, Свободный просп., 79; generalhistory2005@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-6471-8327; SPIN-код: 2690-9973.

Vladimir Grigorievich Datsyshen, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of History of Russia, World and Religious Civilizations, Siberian Federal University; 79, Svobodny Prospekt, Krasnoyarsk, 660041, Russia; generalhistory2005@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-6471-8327; SPIN-code: 2690-9973.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 303–318
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-303-318
EDN: MKFZAZ

Научная статья / Research article

Трансграничное образовательное сотрудничество России, Монголии и Китая: исторические основы и современные тенденции

Иннокентий Галималаевич Актамов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия
✉aktamov23@yandex.ru

Аннотация: Исследование посвящено вопросам межгосударственного взаимодействия России, Монголии и Китая в регионе Внутренняя Азия в сфере высшего образования. Внутренняя Азия является особым геостратегическим пространством, в границах которого формируются устойчивые связи, определяющие характер отношений между тремя государствами. В фокусе исследования исторические предпосылки и условия, определившие содержательные линии межгосударственного взаимодействия в XX – первой четверти XXI в. Особое значение имеет образовательное сотрудничество между СССР, МНР и КНР в середине прошлого столетия. Развитие системы образования, социально-экономическая помощь Советского Союза дали толчок модернизационным процессам в Монголии и Китае. В эволюции межгосударственного взаимодействия в сфере высшего образования между странами можно выделить отдельные этапы, которые имеют свои содержательные особенности и хронологию, которые зависели от двусторонних отношений на высшем уровне. В начале XXI в. изменились содержание и характер отношений в сфере образования между странами. Основными факторами стали интернационализация образования, а также изменение внешней политики КНР, которая стала активно продвигать свою культуру и язык, в том числе и во Внутренней Азии. В качестве основных акторов выступили Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (汉办), а также вузы и Правительство Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Университеты Внутренней Монголии реализуют ряд программ, направленных на обучение школьников и студентов из России и Монголии китайскому языку, проводят культурные мероприятия. В межгосударственном взаимодействии значимое место в настоящее время занимает «Экономический коридор Китай – Монголия – Россия», который инициировало китайское правительство. Таким образом, Внутренняя Азия вновь обретает свое геостратегическое значение с точки зрения межгосударственных отношений.

Ключевые слова: российско-китайское сотрудничество, российско-монгольское сотрудничество, нациестроительство, языковая политика, высшая школа

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации, № 125091010220-3).

Для цитирования: *Актамов И.Г.* Трансграничное образовательное сотрудничество России, Монголии и Китая: исторические основы и современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 303–318. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-303-318 EDN: MKFZAZ

© Актамов И.Г., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Cross-Border Educational Cooperation of Russia, Mongolia and China: Historic Basis and Current Trends

Innokentii G. Aktamov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Russia
✉aktamov23@yandex.ru

Abstract: The author in their article analyzes the interstate cooperation of Russia, Mongolia, and China within Inner Asia in the area of higher education. Inner Asia is a unique geostrategic space, within the boundaries of which stable ties are formed that determine the nature of trilateral relations between the aforementioned states. The study focuses on the historical conditions that determined the substantive lines of interstate interaction in the 20th – first quarter of the 21st century. Of particular importance in trilateral relations was the educational cooperation between the USSR, the Mongolian People's Republic and the People's Republic of China during the middle of the last century. The development of the educational system and the socio-economic assistance of the Soviet Union gave impetus to the modernization processes in Mongolia and China. In the evolution of interstate interaction in the field of higher education between the countries, it is possible to identify separate stages that have their own substantive features and chronology, which depend on bilateral relations at the highest level. In the early 21st century, the content and nature of relations in the field of education between the countries changed. The main factors became the internationalization of education, as well as changes in the foreign policy of China, which began to actively promote its culture and language, including in Inner Asia. The main actors were the State Office for the Promotion of Chinese Abroad (汉办), as well as the universities and the Government of the Inner Mongolia Autonomous Region of China. Inner Mongolia universities implement a number of programs aimed at teaching Chinese to schoolchildren and students from Russia and Mongolia and hosted cultural events. In current interstate interaction, of great significance is the China-Mongolia-Russia Economic Corridor, initiated by the Chinese government. Thus, Inner Asia is regaining its geostrategic importance in interstate relations.

Keywords: Russian-Chinese cooperation, Russian-Mongolian cooperation, nation-building, language policy, higher education

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The work was supported by the state assignment (project "Russia, Mongolia, and China: Historical Experience of Cross-Border Interaction, Economic Priorities, and Sociocultural Communication, № 125091010220-3).

For citation: Aktamov, I.G. "Cross-Border Educational Cooperation of Russia, Mongolia and China: Historic Basis and Current Trends." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 303–318 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-303-318 EDN: MKFZAZ

Введение

Актуальность. Исследование отношений между Россией, Монголией и Китаем в XX – первой четверти XXI в. представляет научный интерес не только в силу высокой динамики и насыщенности двусторонних и трехсторонних отношений. В этот сравнительно короткий исторический промежуток произошли события, по масштабам выходящие далеко за рамки трехстороннего взаимодействия. Исторические перипетии XX столетия вместили в себя распад империй, две мировые войны, образование СССР, МНР, КНР, формирование нового мирового порядка, кризис и разрушение биполярной системы международных отношений, изменение государственного устройства в России и Монголии. Эти процессы определяли характер трехсторонних связей, которые носили разнонаправленную динамику. Одним из стратегически важных направлений трехстороннего взаимодействия является сфера

образования. Развитие национальной системы образования, подготовка кадров, идеологическая работа имели определяющее значение во внутренней политике. Данная проблематика обретает значимость по ряду причин. Во-первых, распространение языка и культуры, подготовка специалистов по программам высшего образования стали особой сферой сотрудничества между государствами в середине XX в. В первой четверти XXI столетия в условиях глобального взаимодействия привлечение талантливой молодежи из разных стран на свои образовательные программы стало одним из направлений внешней политики государств. Во-вторых, очередная трансформация системы международных отношений, реализация глобальных проектов, расширение гуманитарных связей обуславливают необходимость в изменении подходов к процессу подготовки кадров. В-третьих, современные вузы становятся не только центрами реализации образовательных программ по различным направлениям подготовки, но и выступают как один из инструментов внешней политики государств, в том числе и во Внутренней Азии.

Целью исследования является определение основных тенденций развития российско-монгольско-китайского взаимодействия в сфере высшего образования.

Степень изученности проблемы. Историографию по проблеме исследования можно разделить на несколько групп. В первую группу включены исследования ученых по истории развития высшей школы в Монгольской Народной Республике, а также двусторонним советско/российско-монгольским связям в сфере образования и науки. Например, это труды Р.Л. Балдаева[1], Б. Батсайхана[2], К.И. Бикмаевой[3], О.А. Джагаевой[4], Э. Дэмбэрэла[5], Е.И. Лиштованного[6], Х. Наваанзоч и Д. Мунхбата[7], Т.И. Юсуповой[8], Г.С. Яскиной[9] и др.

Вторая группа представлена исследованиями, в фокусе внимания которых – особенности развития системы высшего образования в КНР. Одним из первых ученых, начавших заниматься историей развития системы образования КНР, являлась

[1] *Балдаев Р.Л.* Создание и развитие системы народного образования в МНР (1921–1965). Ленинград, 1967; *Балдаев Р.Л.* Народное образование в Монгольской Народной Республике. М., 1971.

[2] *Батсайхан Б.* Эволюция системы образования в Монголии: начало XX–XXI вв. Дис. … канд. ист. наук. М., 2011.

[3] *Бикмаева К.И.* Становление системы образования в Монголии // Mongolica. 2018. Т. 21. С. 16–20. https://doi.org/10.25882/ekag-v434 EDN: YXYPBZ

[4] *Джагаева О.А*. Вклад РСФСР / СССР в развитие системы образования Монгольской Народной Республики в 1921–1945 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4. С. 32–36. https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-61-4-032-036 EDN: ZVTNWF; *Ее же*. Сотрудничество СССР и МНР в области образования и науки в 1940-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 261–263. EDN: YBWMEG

[5] *Дэмбэрэл Э.* Эволюция системы образования в Монголии: начало XX–XXI вв. : дис. … канд. ист. наук. М., 2011.

[6] *Лиштованный Е.И*. Сотрудничество КПСС и МНРП в руководстве подготовкой кадров народной интеллигенции МНР (1921–1980-е гг.) (на материалах Восточной Сибири) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 1987; *Его же*. Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири (1920–1980-е годы): учеб. пособие. Иркутск, 1992.

[7] *Наваанзоч Х., Мунхбат Д.* Высшее образование в Монголии // Вестник Московского госуниверситета. Серия 7 (Философия). 2013. № 3. С. 51–62.

[8] *Юсупова Т.И*. Советско-монгольское научное сотрудничество в структуре международной деятельности АН СССР, 1921–1961 гг. // Науки производить и совершить: из истории Российской академии наук. СПб., 2019. С. 148–158. EDN: IJBJEN; *Юсупова Т.И., Яхонтова Н.С.* Монгольские аспиранты в Академии наук СССР в 1930-х гг.: политическая необходимость, академическая ответственность, результаты обучения // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10. № 1. С. 12–24. https://doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-1-12-24 EDN: ZNRQTV

[9] *Яскина Г.С.* История Монголии. XX в. М., 2007.

Н.Е. Боревская[10]. Признанным специалистом в изучении различных аспектов развития системы образования КНР в новейший исторический период, включая вопросы российско-китайского образовательного сотрудничества, является Т.Л. Гурулева[11]. Российско-китайским региональным связям в сфере образования также уделяется большое внимание со стороны отечественных и китайских исследователей. Одним из ведущих ученых, исследующих межрегиональные связи России и Китая, в том числе в области подготовки кадров, является В.Г. Дацышен[12].

Широкий спектр вопросов представлен в публикациях специалистов, занимающихся проблемами инновационного развития системы образования и ее трансформации (М.А. Константинова[13], Н.А. Михальченкова[14], Е.И. Бражник[15]), влияния глобализационных процессов на образование (В.В. Кузнецова и О.А. Машкина[16]). Ряд исследований посвящен особенностям управления системой образования после начала периода реформ и открытости[17], политики дифференциации вузов и обра-

[10] *Боревская Н.Е.* Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия. М., 2003; Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: Сравнительный анализ / отв. ред. Н.Е. Боревская, В.П. Борисенков, Чжу Сяомань. М., 2007; *Ее же.* Особенности реформирования высшей школы КНР на рубеже XX–XXI вв. // Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего. М., 2009; *Боревская Н.Е*. Новые механизмы финансирования высшей школы в КНР: китайский опыт в российском контексте. М., 2009. EDN: QTHJYJ; *Ее же.* Образовательное сотрудничество РФ и КНР: новые тренды на новом этапе // Современные российско-китайские отношения. М., 2017. С. 181–199. EDN: ZRUOAX

[11] *Гурулева Т.Л.* Система образования в Китайской Народной Республике: структура и основные направления развития // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 152–164. EDN: ZAYFQJ; *Ее же.* Система образования Китайской Народной Республики и российско-китайское образовательное сотрудничество. М., 2018. EDN: ZFDHMT; *Ее же.* Стратегические рубежи развития системы образования КНР в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 4. С. 145–153. https://doi.org/10.31857/S013128120006104-5 EDN: FKEJAU; *Ее же.* Университеты КНР: современное состояние и стратегия глобального развития до 2035 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 185–197. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.13 EDN: CTUVSZ; *Ее же.* Система образования Китая в 2016–2020 гг. и задачи ее развития до 2025 г. Китай в год проведения XX съезда КПК : сб. статей на основе докладов Ежегодной всерос. науч. конф. М., 2022. С. 98–110. https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.68.57.011 EDN: CWPIMQ

[12] *Дацышен В.Г.* Китайские практиканты на советских предприятиях в Сибири. К проблеме учебно-производственной миграции китайцев в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 1. С. 141–154. https://doi.org/10.31857/S0131281225010104 EDN: MXPVRB; *Чжан П., Дацышен В.Г.* Сотрудничество Внутренней Монголии и регионов Сибири: от дешевой рабочей силы до студентов и профессоров (1983–2016 гг.) // Современная научная мысль. 2024. № 2. С. 157–164. https://doi.org/10.24412/2308-264X-2024-2-157-164 EDN: AYCNKM; *Дацышен В.Г.* Становление современного китаеведческого образования в восточных регионах России в 1980–1990-х гг. // Современные востоковедческие исследования. 2020. Т. 2. № 5. С. 55–61. EDN: GGWCGQ

[13] *Константинова М.А.* Гармонизация образовательного пространства КНР: новые пути решения проблемы // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2011. № 9. С. 44–48. EDN: NUHXAV; *Ее же*. Инновационные тенденции в образовательной системе КНР (по материалам китайских исследователей) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2011. № 10. С. 195–200. EDN: OKITSF

[14] *Михальченкова Н.А.* Китайские университеты в условиях глобализации и трансформации государственной политики // Вестник МГУ. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. 2016. № 1. С. 56–71. EDN: WVPDUX

[15] Тенденции развития научно-образовательной среды в современных университетах Китая и России: Коллективная монография / отв. ред. Е. И. Бражник. СПб., 2019. EDN: ZBEKGL

[16] *Кузнецова В.В., Машкина О.А.* Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния // Сравнительная политика. 2020. № 11. С. 139–150. https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10025 EDN: CWEYRJ

[17] *Кашин В.Б., Янькова А.Д.* Эволюция и трансформационные процессы политики и управления в сфере образования в Китае в 1978–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 4. С. 389–409. https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-4-389-409 EDN: YFWHAB

зовательного менеджмента[18]. Актуальными являются вопросы реализации образовательной политики для национальных меньшинств[19], особенностей развития негосударственного образования[20] и т.д.

В отдельную группу можно выделить диссертационные исследования китайских аспирантов, затрагивающих проблематику высшего образования по различным научным специальностям. Например, Го Синь[21], Лю Цяофан[22], Лю Чжиянь[23], Цзян Сяоянь[24], Цян Мэнсинь[25], Чжан Пэйюань[26], Юань Фаньфань[27], и др.

Среди китайских ученых, занимающихся вопросами развития сотрудничества в сфере высшего образования, необходимо отметить таких исследователей, как Чжан Жэньцзе (张人杰)[28], Ван Шу У и Сун Лижун (王书武、宋丽荣)[29], Лю Сяоцзюань (刘晓娟)[30] и др.

Западные исследователи также достаточно активно обращаются к проблеме развития высшего образования КНР. Целостному анализу системы образования посвящена монография «Higher Education Reform in China. Beyond the expansion» под редакцией Джона Моргана и Бина Ву[31]. Вопросы образования и социальных изменений в Китае рассмотрены в коллективном труде «Education and social change in China: inequality in a market economy»[32]. Для нашего исследования интерес представляет

[18] *Чебаненко Е.Н.* Государственное финансирование и политика дифференциации вузов – основа модернизации высшего образования в КНР : материалы науч.-метод. конф. СЗИУ РАНХиГС. СПб., 2013. С. 258–262. EDN: TQNAPB

[19] *Солощева М.А.* Позитивная дискриминация в образовании в КНР: pro et contra // Азия и Африка сегодня. 2017. № 5. С. 49–55. EDN: YPLGLH

[20] *Гулева М.А.* Основные тенденции развития негосударственного образования в КНР в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 2. С. 176–192. https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.202 EDN: NWSIPB; *Борисенков В.П., Лю Цяофан*. Развитие негосударственного высшего образования в Китае: научно-педагогический и нормативно-правовой аспекты // Непрерывное образование: XXI век. 2021. Вып. 4. https://doi.org/10.153937j5.art.2021.7169 EDN: BYHQKN

[21] *Го Синь*. Социокультурные эффекты модернизации профессионального образования в Китае : дис. … канд. культуролог. наук. Чита, 2013.

[22] *Лю Цяофан*. Развитие негосударственного высшего образования в КНР в конце XX – начале XXI вв.: организационно-правовой аспект : дис. … канд. пед. наук. М., 2022.

[23] *Лю Чжиянь*. Регионализация профессионального образования Китая в условиях его реформирования : дис. … канд. пед. наук. Чита, 2018.

[24] *Цзян Сяоянь*. Основные тенденции модернизации систем профессионального образования в Китае и России (сравнительный анализ) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009.

[25] *Цян Мэнсинь*. Динамика и перспективы сотрудничества Китая и России в сфере высшего образования : дис. … канд. пед. наук. М., 2022.

[26] *Чжан Пэйюань*. Российско-китайское межрегиональное сотрудничество в сфере высшего образования в конце XX – начале XXI вв. на примере Восточной Сибири и Внутренней Монголии : дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2025.

[27] *Юань Фаньфань*. Организационно-педагогические условия приобщения студентов к научно-исследовательской деятельности в университетах Китая : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2018.

[28] 张人杰. 中外教育比较史纲：现代卷. 山东教育出版社，1997年 [*Чжан Жэньцзе*. Очерки истории развития образования в Китае и за рубежом: современный период. Шандунь, 1997].

[29] 王书武,宋丽荣.中俄合作办学教学管理发展分析.黑河学院学报 [*Ван Шу У, Сун Лижун*. Анализ развития управления китайско-российскими программами сотрудничества в сфере образования // Журнал Хэйхэского университета. 2016. № 7. С. 3. https://doi.org/ 10.3969/j.issn.1674-9499.2016.01.014

[30] 刘晓娟.»一带一路»背景下开启中俄高校文化之旅.金融理论与教学 [*Лю Сяоцзюань*. Межкультурное взаимодействие между китайскими и российскими университетами в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: теория финансов и учебный процесс]. 2018. № 2. С. 3. https://doi.org/CNKI: SUN: JRJX. 0. 2018-02-024

[31] Higher education reform in China: beyond the expansion / ed. by W. John Morgan and Bin Wu. New-York, 2011.

[32] Education and social change in China: inequality in a market economy / ed. by Gerard A. Postiglione. M.E. Sharpe Armonk, New-York, London. England, 2006.

издание «China's national minority education culture, schooling, and development»[33]. Таким образом, проблематике развития высшего образования КНР в целом, а также отдельным аспектам образовательной политики уделяется достаточно большое внимание ученых, экспертов, представителей органов государственной власти. Однако проблемы развития трансграничного российско-монгольско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования в научной литературе специально еще не рассматривались.

Источниковая база. В качестве источниковой базы исследования выступили нормативно-правовые акты, в том числе Конституция Монголии 1992 г., «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве» 1995 г., «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании академических квалификаций и свидетельств о присвоении ученых степеней» 1995 г. и др. Отдельную группу источников составили пятилетние планы, программы развития высшего образования КНР, цели столетия КНР, Стратегия развития Монголии (Видение – 2050), Стратегия развития высшего образования России «Приоритет – 2030» и др. Еще одной группой источников являются архивные данные, опубликованные в виде официальных хроник. Например, «Хроника развития образования в Автономном районе Внутренняя Монголия» (Хух-Хото, 2014 г.). Кроме того, использовались данные официальной статистики, размещенные на правительственных ресурсах, например, сайт «Население Монголии». Следует отдельно выделить авторефераты и диссертации российских, китайских и монгольских ученых, посвященные проблемам развития высшего образования.

Исторические предпосылки образовательного сотрудничества

Советско-монгольское сотрудничество в сфере образования получило особое развитие после Монгольской народной революции 1921 г. Вновь обретенная независимость позволила монгольскому народу начать восстановление социальной сферы. Большую роль в этом сыграло Советское государство, которое оказывало всестороннюю поддержку руководству страны. В начале 1920-х гг., продолжая традиции изучения народов и регионов Азии, в Иркутске было создано отделение Всероссийской научной ассоциации востоковедения, одним из направлений деятельности которой являлось исследование Монголии. Полученные данные в форме статей, обзоров, заметок публиковались в научном бюллетене отделения. Периодически издавались тематические номера, посвященные отдельной стране или региону. В выпуске, посвященном Монголии, ведущие бурятские ученые того времени Э. Батухан, Б. Барадин, Г. Цыбиков, Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано и другие обосновывали необходимость распространения европейского образования и научных знаний в монгольском обществе[34]. Особая роль в этом процессе отводилась языку как основному инструменту трансляции знаний и культуры. После победы Монгольской революции 1921 г. были осуществлены реформы, направленные на ликвидацию безграмотности, повышение уровня образования.

Монгольское руководство поэтапно внедрило латинскую графику для делопроизводства, а в марте 1941 г. было принято решение о переходе на кириллицу. Старо-

[33] China's national minority education culture, schooling, and development. Ed. by Gerard A. Postiglione. New York and London, 1999.

[34] *Сагаев Н.Ц.* Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в 1921 – начало 1990-х гг. в российской историографии : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2012. EDN: FJDQDO

письменный монгольский язык постепенно стал выводиться из активного оборота. Советские специалисты в рамках двусторонних соглашений между странами реализовывали проекты по индустриализации МНР, формированию единой системы непрерывного образования. В этот период сложные процессы протекали в соседнем Китае. Страна находилась в состоянии войны с милитаристской Японией, которая после переросла в новую фазу противостояния между Гоминьданом и Компартией. Важное политическое значение обретал национальный вопрос, особенно на севере и западе страны, где проживали монголы (Внутренняя Монголия), уйгуры (Синьцзян) и тибетцы. Компартия Китая проявила свою стратегическую гибкость в отстаивании принципов централизованного многонационального государства. 1 мая 1947 г., еще до официального образования КНР, было объявлено о создании Автономного района Внутренняя Монголия; позже были образованы Синьцзян-Уйгурский (7 октября 1954 г.) и Тибетский (1 сентября 1965 г.) автономные районы. Руководство Китая в целом взяло за основу советскую модель нациестроительства, которая предполагала поддержку национальных культур, создание национально-территориальных автономий, но с жестким контролем со стороны центрального правительства. В 1949 г. был принят ряд мер по унификации языка для консолидации китайского общества. Об этом в своей статье пишет японский ученый Хухбатор:

> Социалистический Китай изменил свои подходы к языковой политике и вместо термина «го юй» (国語) начал использовать «путунхуа» (普通話) и «ханьюй» (漢語). «Путунхуа» буквально означает «обычная речь», и, хотя его происхождение японское, оно очень органично сочеталось с социалистической идеологией и прочно вошло в историю как «язык народных масс» (大衆語)[35].

Формирование единой системы образования в МНР и КНР протекало в целом по схожей модели – создавались начальные школы, направленные на ликвидацию безграмотности и подготовку кадров для ускоренной индустриализации общества. На 1 января 1940 г. в государственных школах МНР обучалось 9707 учащихся, или 7 % от общего количества детей школьного возраста. В Монголии существовало два типа начальных школ – государственные и добровольные аратские[36], которые, в свою очередь, делились на летние и зимние, срок обучения в которых составлял 4 года. После окончания дети могли поступить во второй или третий класс государственных школ. В 1940 г. была реализована реформа, в рамках которой аратские школы были переданы в ведение государства, расширилась сеть начальных школ (созданы школы во всех сомонах), обновлены учебные программы, увеличено издание учебных пособий. Уже к 1 января 1941 г. количество учащихся составило 17,5 % от общего числа детей школьного возраста[37].

5 октября 1942 г. произошло значимое событие в истории страны – состоялось открытие первого высшего учебного заведения – Монгольского государственного университета (Монгол улсын их сургууль). Подготовительное отделение было открыто еще в 1940 г. После первых пяти лет функционирования в университете осуществлялась подготовка на четырех факультетах: ветеринарном, медицинском, зоотехни-

[35] *Хухбатор Б.* Советский ученый П.Г. Сердюченко и «литературный язык»: исторические особенности развития литературного языка МНР и монголов Внутренней Монголии на основе архивных материалов 1950-х гг. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2021. № 1. С. 50. https://doi.org/10.31554/2222-9175-2021-41-48-60 EDN: VYGPJQ

[36] Аратские школы – это народные учебные заведения, которые содержались за счет средств самих аратов (досл. арад – народ, крестьяне-скотоводы), которые брали на себя расходы на строительство, содержание, плату труда учителей.

[37] История Монголии. XX век. М., 2007. С. 162–163.

ческом и педагогическом. Общий контингент студентов в 1947 г. составил 477 чел. (107 – студенты подготовительного отделения)[38]. Создание Монгольского университета заложило основы развития системы высшего образования и стремительного социально-экономического развития страны во второй половине XX в.

Создание системы высшего образования в Китае в современном понимании связано с событиями конца XIX – начала XX в. Создание Столичного университета в 1889 г. в рамках ряда мероприятий, получивших название «Сто дней реформ». Столичный университет стал символом эпохи современного китайского образования[39]. После этого началось развитие университетов нового типа, которые стали играть определяющую роль в социально-экономическом развитии страны.

23 апреля 1947 г. в Ванъе (王爷庙, современный Улан-Хото 乌兰浩特市) состоялся Народный конгресс Внутренней Монголии, который стал результатом национально-освободительного движения монголов. В этом процессе большую политическую роль сыграл Уланьфу (乌兰夫, монг. Улаанхүү – дословно «красный сын»), который являлся одним из лидеров монгольского движения. Он получил образование в Бэйпинской монголо-тибетской высшей школе, в 1925 г. вступил в члены КПК, прошел обучение в Советском Союзе в Университете трудящихся Китая, где познакомился с выдающимися политическими деятелями того времени. На заседании Народного конгресса Внутренней Монголии он произнес вступительную речь и выступил с докладом. По итогам заседания были избраны члены правительства Автономного района Внутренняя Монголия и Временного сената, а Уланьфу был избран председателем Правительства Автономного района. Правительству автономии необходимо было решить ряд сложных социально-экономических и политических задач, в том числе в сфере образования. Согласно официальным данным, которые приводятся на сайте Министерства образования КНР, к 1947 г. на территории автономии насчитывалось 3769 начальных школ (в том числе образовательные курсы), общий контингент составил 214 300 учащихся; в 21 общеобразовательной средней школе обучалось 4300 учащихся; в 3 средних профессионально-технических училищах обучалось 455 чел.; в 5 педагогических училищах 1223 обучающихся. Насчитывалось всего 377 национальных начальных школ, в которых обучалось 22 600 чел. и 4 средние школы, в которых обучалось всего 524 чел.[40]

Становление высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия началось после образования КНР. 5 мая 1952 г. прошла торжественная церемония открытия Педагогического института, который первое время испытывал объективные трудности – не хватало специалистов, опытных преподавателей для организации учебного процесса. В этот период в вузе работали приглашенные специалисты из Советского Союза и Монгольской Народной Республики (内蒙古师范大学志, 1992年24页). Данная ситуация была типичной для большинства китайских вузов. Руководство КНР рассматривало данную практику как необходимый этап развития. В 1950-е гг. в Китае был популярным лозунг «Учиться у Советского Союза и двигаться к мировому научному уровню» (学习苏联，向世界科学水准进軍).

1952 г. можно считать знаковым в истории развития высшего образования во Внутренней Монголии. Одновременно с работой по организации первого вуза авто-

[38] История Монголии. XX век. М., 2007. С. 163.

[39] *Хао Пин*. Пекинский университет и генезис высшего образования в Китае. М., 2019. С. 4.

[40] [С момента основания Китайской Народной Республики Автономный район Внутренняя Монголия в период реформ и открытости добился значительных успехов в сфере образования]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6192/s222/moe_1736/201004/t20100420_85663.html (дата обращения: 27.11.2025).

номии, которым стал Педагогический институт, начались мероприятия по созданию сельскохозяйственного института. С этой целью в г. Гуйсуй (归绥), который в данное время является столицей автономии и носит имя Хух-Хото (呼和浩特), были перевезены факультет животноводства и факультет ветеринарии Хэбэйского сельскохозяйственного училища. К ним чуть позже были присоединены сельскохозяйственное училище Пинъюань (平原农学院, провинция Хэнань), а также ветеринарный факультет Шаньсийского сельскохозяйственного училища (провинция Шаньси)[41].

В 1956 г. в Хух-Хото был создан Медицинский институт, который изначально находился в ведении Министерства здравоохранения, а впоследствии был передан под юрисдикцию правительства Автономного района Внутренняя Монголия. Медицинский институт был создан силами ведущих вузов страны – Пекинского медицинского университета, Китайского университета медицинских наук (г. Шэньян), Харбинского медицинского университета и др.

В 1957 г. был официально открыт первый классический университет Внутренней Монголии (内蒙古大学). В его создании особую роль сыграл Уланьфу, который стал его первым ректором и руководил вузом без малого десять лет (1956–1967 гг.). В эти годы он одновременно занимал пост вице-премьера Государственного совета, секретаря партийного комитета и председателя Автономного района Внутренняя Монголия. Организаторские способности первого ректора характеризует и кадровая политика. На должность проректора был назначен один из ведущих ученых КНР, действительный член Китайской академии наук, профессор Пекинского университета Ли Цзидун (李继侗). Он внес большой вклад в развитие науки, в первую очередь, в исследование почв и водных ресурсов.

При поддержке одного из ведущих вузов КНР – Университета Цинхуа, в 1958 г. был образован Политехнический институт Внутренней Монголии (内蒙古工业大学), который был призван готовить кадры для промышленности региона. Постепенно стали создаваться вузы в других аймаках и городах Внутренней Монголии, особенно в г. Батоу, который является промышленным центром всего Северо-Восточного Китая.

В 1950–1960-е гг. учебные заведения КНР различных типов, уровней, направлений изучали и перенимали основы педагогической науки, учебные материалы, практику организации системы подготовки кадров в Советском Союзе. Неоценимую помощь оказали советские специалисты, ученые, инженеры в создании сети производственного обучения и профессионально-технического образования. С.С. Семенова отмечает:

> В эти годы в учебных заведениях, научных центрах Китая работало свыше 760 советских преподавателей, при непосредственном участии которых было создано 337 кафедр и порядка 560 лабораторий. В указанный период они подготовили свыше 4 тыс. аспирантов и 7 тыс. педагогических работников. В эти же годы в учебных заведениях СССР прошли обучение более 10 тыс. китайских специалистов[42].

Эти специалисты после возвращения на родину передавали свой опыт, создавали кафедры, лаборатории, факультеты. Таким образом, к началу 1960-х гг. в целом была создана сеть вузов, которые готовили кадры для нужд региона и всей страны.

[41] 内蒙古自治区教育志/ 奇锦宝，李高锁编著. 呼和浩特：内蒙古教育出版社，2014. 460页. [Хроника развития образования в Автономном районе Внутренняя Монголия / Под ред. Ци Цзиньбао, Ли Гаосуо. Хух-Хото, 2014].

[42] *Семенова С.С.* Образование в Китае: история и современность // Вестник ТГПУ. 2012. № 5. С. 126. EDN: PBKKJT

Поступательное развитие высшего образования в Автономном районе Внутренняя Монголия было нарушено начавшейся культурной революцией. Лишь с 1980-х гг. началось постепенное восстановление утраченных позиций в сфере подготовки кадров и научных исследований.

Новый этап российско-монгольско-китайского сотрудничества в сфере образования

Распад биполярной системы международных отношений, трансформация социально-политических отношений в России и Монголии обусловили резкий спад двусторонних связей между странами. После определенного периода охлаждений с конца 1980-х гг. начинается постепенная нормализация отношений. 5 апреля 1995 г. было подписано «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве», которое заменило «Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о культурном и научном сотрудничестве»[43]. Это стало основой для нового этапа отношений между странами, которые достаточно интенсивно продолжают развиваться. По состоянию на данный момент, согласно данным Министерства науки и высшего образования РФ, между российскими и монгольскими вузами действуют более 360 документов о сотрудничестве[44].

Демократическая революция 1990 г. в Монголии изменила государственное устройство. В 1992 г. здесь вступила в силу новая Конституция, которая зафиксировала изменение характера общественно-политических и экономических отношений. Реформы не могли не затронуть систему высшего образования, которая перешла на англосаксонскую модель. Стали появляться частные образовательные учреждения различных типов и уровней, в том числе и вузы. В этой ситуации образовательное пространство Монголии становится достаточно привлекательным для иностранных вузов и организаций. Можно выделить ряд причин, которые обусловили активное проникновение зарубежных университетов, школ на образовательный рынок страны. Во-первых, Монголия – это страна практически со 100 % грамотностью населения[45], поэтому образовательные услуги пользуются спросом. Во-вторых, в сознании монгольских граждан укоренилась аксиома – образование – главный ресурс, создающий основу для финансового благополучия. В-третьих, с начала XXI в. наблюдается рост молодого населения, средний возраст которого, по последним данным, составляет чуть более 27 лет[46]. Важнейшими факторами, определяющими привлекательность монгольского образовательного пространства, являются геополитические интересы ведущих стран мира, в том числе двух географических соседей.

Российско-китайское образовательное сотрудничество в новейшей истории получило свое развитие после 1995 г., когда страны подписали «Соглашение между

[43] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве // МИД РФ [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47890/ (дата обращения: 29.11.2025).

[44] Россия и Монголия разработают новую Программу научно-образовательного сотрудничества // Минобрнауки России [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/92688/ (дата обращения: 29.11.2025).

[45] Уровень грамотности среди молодёжи 98.05 % и 98.98 % для мужчин и женщин соответственно. Общий уровень грамотности среди молодежи составляет 98.51 % // Countrymeters [сайт]. URL: https://countrymeters.info/ru/Mongolia#population_2025 (дата обращения: 29.11.2025).

[46] Население Монголии // Countrymeters [сайт]. URL: https://countrymeters.info/ru/Mongolia#population_2024 (дата обращения: 29.11.2025).

Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании академических квалификаций и свидетельств о присвоении ученых степеней»[47]. В 2000 г. был создан Российско-китайский комитет по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, что позволило на системной основе развивать отношения в гуманитарной сфере.

Компартия Китая понимает стратегическую значимость системы образования, в каждом пятилетнем плане даются целевые ориентиры развития данной сферы. Более того, образование, в том числе высшее, рассматривается как один из значимых факторов планомерного развития КНР и достижения обозначенных целей столетия. И если первая цель уже достигнута и к столетию со дня образования Коммунистической партии Китая (2021 г.) было объявлено о построении общества «сяокан» (小康), то к столетию со дня основания Китайской Народной Республики (2049 г.) необходимо реализовать комплекс мероприятий, который должен привести к построению процветающего модернизированного социалистического государства. Особенностью 13 пятилетнего плана в части развития образования является усиление акцента на интернационализацию. Речь идет о развитии образовательных программ в рамках проекта «Один пояс – один путь» (一带一路), активизации деятельности институтов Конфуция за рубежом, расширении академической мобильности. Увеличение культурного влияния посредством образования является одним из направлений внешней политики Китая. Высшее образование Автономного района Внутренняя Монголия рассматривается руководством страны не только как механизм формирования профессиональных кадров, которые необходимы для реализации глобальных проектов (например, «Экономический коридор Китай – Монголия – Россия»), но и привлечения талантливых студентов и аспирантов из Монголии и регионов России для получения образования. В последние годы активно реализуются стипендиальные программы Народного правительства Автономного района Внутренняя Монголия для иностранных граждан. Одним из примеров целенаправленной образовательной политики является то, что гражданам Монголии выделяются специальные квоты на получение стипендий. Например, в 2022/2023 учебном году Университет науки и техники Внутренней Монголии (г. Баотоу) выделил 22 квоты для монгольских студентов по специальностям бакалавриата.

Образовательная система автономии, ее культурные особенности создают особую среду, в которой в процессе взаимодействия разных субъектов формируется «ментальная карта» (Е.С. Толман). Это в определенной степени синхронизируется с логикой китайского руководства по реализации глобальных и региональных проектов, которые привязаны к территории и априори конструируют позитивное восприятие китайской культуры у народов, проживающих по маршрутам этих проектов. Следует согласиться с ключевой идеей Джона Брайена Харли, который утверждал, что «ментальная карта никогда не является нейтральной». Очевидно, идет целенаправленный процесс формирования «своей “внутренней” Монголии» у участников культурно-образовательного диалога в пространстве Автономного района Внутренняя Монголия. Вузы автономии становятся активными акторами политики мягкой силы Китая во Внутренней Азии. В современных условиях реализуется процесс конструирования «культурно-образовательного пространства Внутренней Азии», создающий условия для расширения геополитического влияния Китая.

[47] Двусторонние договоры. Правовой департамент МИД России // МИД РФ [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47900/ (дата обращения: 27.11.2025).

В этой связи Россия стремится найти эффективные формы и направления сотрудничества в сфере образования как с Китаем, так и с Монголией. В 2021 г. была запущена программа «Приоритет-2030», направленная на обеспечение вклада российских университетов в достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. Кроме того, программа должна способствовать повышению научно-образовательного потенциала университетов и научных организаций, а также обеспечить участие образовательных организаций высшего образования в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации[48]. Схожий проект реализуется правительством Монголии, которое в мае 2020 г. утвердило долгосрочную программу развития Монголии «Видение-2050» (Алсын хараа-2050 / Vision-2050)[49]. Одной из задач программы «Видение-2050» является развитие национальной системы высшего образования, в том числе расширение межвузовского сотрудничества с регионами России. Историческое значение имел Первый форум ректоров университетов России и Монголии, который прошел 4–6 июля 2025 г. в Республике Бурятия. Основным организатором с российской стороны выступил Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, с монгольской стороны – Монгольский государственный университет (Монгол улсын их сургууль). Мероприятие прошло на высоком уровне, по итогам встречи был подписан ряд соглашений, нацеленных на расширение образовательного и научного сотрудничества между учреждениями двух стран.

Заключение

В современных условиях система высшего образования выполняет ряд стратегически важных государственных функций. Это связано не только с информационным обществом и его требованиями к качеству подготовки кадров. Это в том числе связано с расширением культурного влияния, распространения государственного языка в регионе и на глобальном уровне. Привлекательность языка, культуры, технологий, созданных в стране, формируется в особых условиях университетской среды. Именно в этой связи правительства стран реализуют ряд стратегических программ, направленных на повышение качества образования, основанного на приоритете национальных ценностей. Трансграничное взаимодействие между РФ, Монголией и КНР в регионе Внутренняя Азия обладает уникальными характеристиками – от геоэкологических до историко-культурных и собственно образовательных. Руководство стран понимая значимость взаимодействия в данной сфере реализует взвешенную политику, направленную на формирование устойчиво позитивного отношения друг к другу участников межгосударственных проектов. Акцент на развитие вузов (кампусов), повышение качества подготовки специалистов, привлечение ведущих ученых, реализация двусторонних и многосторонних научно-исследовательских работ должны принести пользу каждому из участников проектов. Различные формы сотрудничества, например, «Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных провинций Китая» или «Ассоциации Азиатских университетов», позволяют на уровне руководителей организаций выстраивать характер отношений, решать конкретные задачи. И если с Китаем такая форма работы была создана сравнительно давно, то организация и проведение Форума ректоров вузов России

[48] Программа «Приоритет-2030» // Минобрнауки России [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/ (дата обращения: 30.11.2025).

[49] Алсын хараа-2050 // Vision2050 [сайт]. URL: https://www.vision2050.gov.mn/ (Дата обращения: 30.11.2025).

и Монголии прошло лишь в 2025 г. Следующий Форум планируется провести в Монголии, в г. Дархан. Примечательно, что здесь, начиная с 2024 г., функционирует филиал самого крупного частного вуза Внутренней Монголии – Хун Дэ (内蒙古鸿德文理学院). Таким образом, образовательное сотрудничество между тремя странами является одним из значимых направлений внешнеполитической деятельности. От привлекательности и эффективности модели подготовки кадров будет зависеть характер регионального и государственного развития в ближайшие десятилетия.

Поступила в редакцию / Submitted: 02.12.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 21.02.2026
Принята к публикации / Accepted for publication: 7.03.2026

References

Baldaev, R.L. *Sozdanie i razvitie sistemy narodnogo obrazovaniia v MNR (1921–1965)* [Creation and development of the public education system in the Mongolian People's Republic (1921–1965)]. Leningrad: [N.s.], 1967 (in Russian).

Baldaev, R.L. *Narodnoe obrazovanie v Mongol'skoi Narodnoi Respublike* [Public education in the Mongolian People's Republic]. Moscow: Nauka Publ., 1971 (in Russian).

Batsaikhan, B. "Evolution of the education system in Mongolia: early XX–XXI centuries." PhD diss., Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, 2011 (in Russian).

Bikmaeva, K.I. "Formation of the education system in Mongolia." *Mongolica* 21 (2018): 16–20 (in Russian), https://doi.org/10.25882/ekag-v434

Borevskaya, N.E. *Gosudarstvo i shkola: opyt Kitaia na poroge III tysyacheletiia* [State and School: China's Experience on the Threshold of the Third Millennium]. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2003 (in Russian).

Borevskaya, N.E. "Osobennosti reformirovaniia vysshei shkoly KNR na rubezhe XX–XXI vv. [Features of the reform of higher education in the PRC at the turn of the 20th–21st centuries]." In *Sotrudnichestvo Rossii i KNR v sfere obrazovaniia: analiz proshlogo i perspektivy budushchego*, 87–106. Moscow: Natsional'no-issledovatel'skii tekhnologicheskii universitet MISiS Publ., 2009 (in Russian).

Borevskaya, N.E. *Novye mekhanizmy finansirovaniia vysshei shkoly v KNR: kitaiskii opyt v rossiiskom kontekste* [New mechanisms for financing higher education in the PRC: Chinese experience in the Russian context]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN Publ., 2009 (in Russian).

Borevskaya, N.E. "Obrazovatel'noe sotrudnichestvo RF i KNR: novye trendy na novom etape [Educational Cooperation between the Russian Federation and China: New Trends at a New Stage]." In *Sovremennye rossiisko-kitaiskie otnosheniia*, 181–199. Moscow: DeLi plyus Publ., 2017 (in Russian).

Borevskaya, N.E., Borisenkov, V.P., and Zhu Xiaoman. *Rossiia – Kitai: obrazovatel'nye reformy na rubezhe XX–XXI vv.: Sravnitel'nyi analiz* [Russia – China: Educational Reforms at the Turn of the 20th – 21st Centuries: A Comparative Analysis]. Moscow: [N.s.], 2007 (in Russian).

Borisenkov, V.P., and Liu Qiaofan. "Development of non-state higher education in China: pedagogical and regulatory aspects." *Lifelong education: the 21st Century*, no. 4 (2021): 25–37 (in Russian), https://doi.org/10.153937j5.art.2021.7169

Brazhnik, E.I. *Tendentsii razvitiia nauchno-obrazovatel'noi sredy v sovremennykh universitetakh Kitaia i Rossii: Kollektivnaia monografiia* [Trends in the Development of the Scientific and Educational Environment in Modern Universities of China and Russia: Collective Monograph]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ., 2019 (in Russian).

Chebanenko, E.N. "Gosudarstvennoe finansirovanie i politika differentsiatsii vuzov – osnova modernizatsii vysshego obrazovaniia v KNR [State funding and policy of differentiation of universities – the basis for the modernization of higher education in the PRC]." In Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii SZIU RANKhiGS, 258–262. St. Petersburg: [N.s.], 2013 (in Russian).

Datsyshen, V.G. "Formation of modern Chinese studies education in the eastern regions of Russia in the 1980–1990s." *Modern Oriental Studies* 2, no. 5 (2020): 55–61 (in Russian).

Datsyshen, V.G. "Chinese interns at Soviet enterprises in Siberia. On the problem of educational and industrial migration of Chinese in the USSR." *Problems of the Far East*, no. 1 (2025): 141–154 (in Russian), https://doi.org/10.31857/S0131281225010104

Dzhagaeva, O.A. "Cooperation between the USSR and the Mongolian People's republic in the sphere of education and science in 1940-s." *Theory and Practice of Social Development*, no. 12 (2015): 261–263 (in Russian).

Dzhagaeva, O.A. "The contribution of the RSFSR/USSR to the development of the education system of the Mongol people's republic in the 1921–1945." *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 4 (2019): 32–36 (in Russian), https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-61-4-032-036

Dembarel, E. "Evolution of the education system in Mongolia: the beginning of the XX–XXI centuries." PhD diss., Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, 2011 (in Russian).

Guo, Xin. "Sociocultural Effects of Vocational Education Modernization in China." PhD diss., Transbaikal State University, 2013 (in Russian).

Golman, M.I. *Istoriia Mongolii. XX vek* [History of Mongolia. XX century]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2007 (in Russian).

Guleva, M.A. "The main trends in the development of non-state education in the people's republic of China in the 21st century." *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies* 14, no. 2 (2022): 176–192 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.202

Guruleva, T.L. "Education system in People's republic of China: structure and main directions of development." *Higher Education in Russia*, no. 7 (2017): 152–164 (in Russian).

Guruleva, T.L. *Sistema obrazovaniia Kitaiskoi Narodnoi Respubliki i rossiisko-kitaiskoe obrazovatel'noe sotrudnichestvo* [The Education System of the People's Republic of China and Russian-Chinese Educational Cooperation]. Moscow: Izdatel'skii dom VKN Publ., 2018 (in Russian).

Guruleva, T.L. "Strategic milestones in the development of China's educational system in the XXI century." *Far Eastern Studies*, no. 4 (2019): 145–153 (in Russian). https://doi.org/10.31857/S013128120006104-5

Guruleva, T.L. "Universities of China: Current Status and Global Development Strategy Until 2035." *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* 25, no. 2 (2020): 185–197 (in Russian), https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.13

Guruleva, T.L. "Sistema obrazovaniia Kitaia v 2016–2020 gg. i zadachi ee razvitiia do 2025 g. [The Education System of China in 2016–2020 and the Tasks of Its Development until 2025]." In *Kitai v god provedeniia XX s`ezda KPK: Sbornik statei na osnove dokladov Ezhegodnoi vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, 98–110. Moscow: Institut Kitaia i sovremennoi Azii Publ., 2022 (in Russian), https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.68.57.011

Jiang, Xiaoyan. *"Key Trends in the Modernization of Vocational Education Systems in China and Russia (Comparative Analysis)."* PhD thesis, Kazan (Volga region) Federal University, 2009 (in Russian).

Kashin, V.B., and Yankova, A.D. "Evolution and transformation processes of China's educational policy and governance in 1978–2019." *RUDN Journal of World History* 14, no. 4 (2022): 389–409 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-4-389-409

Khukhbator, B. "Soviet scientist P.G. Serdyuchenko and the "literary language": historical features of the development of the literary language of the Mongolian People's Republic and the Mongols of Inner Mongolia based on archival materials of the 1950s." *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 1 (2021): 48–60 (in Russian), https://doi.org/10.31554/2222-9175-2021-41-48-60

Konstantinova, M.A. "Harmonization of RRC's educational space: new ways of the problem solving." *Russia and China: Issues of Strategic Interaction: Collection of Oriental Studies Center*, no. 9 (2011): 44–48 (in Russian).

Konstantinova, M.A. "Innovative trends in PRC educational system (on materials of Chinese researchers)." *Russia and China: Issues of Strategic Interaction: Collection of Oriental Studies Center*, no. 10 (2011): 195–200 (in Russian).

Kuznetsova, V.V., and Mashkina, O.A. "Globalization of Chinese higher education as a factor of geopolitical influence." *Comparative Politics Russia*, no. 11 (2020): 139–150 (in Russian), https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10025

Lishtovanny, E.I. *"Cooperation between the CPSU and the MPRP in managing the training of the people's intelligentsia of the Mongolian People's Republic (1921–1980s) (based on materials from Eastern Siberia)."* PhD thesis, Irkutsk State University, 1987 (in Russian).

Lishtovanny, E.I. *Iz istorii obrazovaniia mongol'skikh grazhdan Vostochnoi Sibiri (1920–1980-e gody): Uchebnoe posobie* [From the History of Education of Mongolian Citizens in Eastern Siberia (1920s–1980s): Textbook]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1992 (in Russian).

Liu, Qiaofang. "Development of Non-State Higher Education in China in the Late 20th – Early 21st Centuries: Organizational and Legal Aspects." Doc. diss., Institute for Education Development Strategy of the Russian Academy of Education, 2022 (in Russian).

Liu, Zhiyan. "Regionalization of China's Vocational Education in the Context of Its Reform." Doc. diss., Transbaikal State University, 2018 (in Russian).

Liu, Xiaojuan. "Intercultural interaction between Chinese and Russian universities within the framework of the 'One Belt, One Road' initiative." *Theory of Finance and the Educational Process*, no. 2 (2018): 1–8 (in Chinese), https://doi.org/CNKI: SUN: JRJX. 0. 2018-02-024

Morgan, W.J., and Bin, Wu. *Higher education reform in China: beyond the expansion*. New-York: Routledge, 2011.

Mikhalchenkova, N.A. "The chinese universities in the conditions of globalization and transformation of the state policy." *Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics*, no. 1 (2016): 56–71 (in Russian).

Navaanzoch, H., and Munkhbat, D. "Higher education in Mongolia." *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 3 (2013): 51–62 (in Russian).

Postiglione, G.A. *Education and social change in China: inequality in a market economy*. New-York; London: M.E. Sharpe, 2006.

Postiglione, G.A. *China's national minority education culture, schooling, and development*. New York; London: M.E. Sharpe, 1999.

Qi, Jinbao, and Li, Gaosuo. *Chronicle of Educational Development in the Inner Mongolia Autonomous Region*. Hohhot: Inner Mongolia Education Publishing House, 2014 (in Chinese).

Qiang, Mengxin. "Dynamics and Prospects of China-Russia Cooperation in Higher Education." PhD diss., MGIMO University, 2022 (in Russian).

Sagaev, N.Ts. *"Soviet-Mongolian cooperation in the field of education and science in 1921 – early 1990s in Russian historiography."* PhD thesis, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, 2012 (in Russian).

Semenova, S.S. "Education in China: history and present." *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 5 (2012): 126–130 (in Russian).

Soloshcheva, M.A. "Positive discrimination in education in PRC: pro et contra." *Asia and Africa Today*, no. 5 (2017): 49–55 (in Russian).

Wang Shu Wu, and Song Lirong. "Analysis of the Development of Management of Chinese-Russian Cooperation Programs in Education." *Journal of Heihe University*, no. 7 (2016): 2–9 (in Chinese), https://doi.org/ 10.3969/j.issn.1674-9499.2016.01.014

Yaskina, G.S. *Istoriia Mongolii. XX v.* [History of Mongolia. The 20th century]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2007 (in Russian).

Yuan, Fanfan. "Organizational and Pedagogical Conditions for Involving Students in Research Activities at Chinese Universities." PhD diss., The Herzen State Pedagogical University of Russia, 2018 (in Russian).

Yusupova, T.I. "Sovetsko-mongol'skoe nauchnoe sotrudnichestvo v strukture mezhdunarodnoi deiatel'nosti AN SSSR, 1921–1961 gg. [Soviet-Mongolian Scientific Cooperation in the Structure of International Activities of the USSR Academy of Sciences, 1921–1961]." In *Nauki proizvodit' i sovershit': iz istorii Rossiiskoi akademii nauk*, 148–158. St. Petersburg: Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN Publ., 2019 (in Russian).

Yusupova, T.I., and Yakhontova, N.S. "Mongolian postgraduate students at the USSR Academy of scienc es in the 1930-s: political necessity, academic responsibility, learning outcomes." *Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology* 10, no. 1 (2025): 12–24 (in Russian), https://doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-1-12-24

Zhang, P., and Datsyshen, V.G. "Interregional cooperation in inner Mongolia and Siberia regions: from cheap labor to students and professors (1983–2016)." *Modern Scientific Thought*, no. 2 (2024): 157–164 (in Russian), https://doi.org/10.24412/2308-264X-2024-2-157-164

Zhang, Peiyuan. “Russian-Chinese Interregional Cooperation in Higher Education in the Late 20th – Early 21st Centuries: The Case of Eastern Siberia and Inner Mongolia.” PhD diss., Siberian Federal University, 2025 (in Russian).

Zhang, Renjie. *Essays on the History of Education Development in China and Abroad: The Modern Period*. Shandong: Shandong Education, 1997 (in Chinese).

Информация об авторе / Information about the author

Иннокентий Галималаевич Актамов, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков» Института монголоведения, буддологии и тибетологии, Сибирское отделение Российской академии наук; 670047, Россия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; aktamov23@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-8646-1048; SPIN-код: 2847-2592.

Innokenty Galimalaevich Aktamov, PhD in Pedagogical, Associate Professor, Head of the Laboratory of the Center for Translations from Oriental Languages, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 6, Sakhyanova ul., Ulan-Ude, Russia, 670047; aktamov23@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-8646-1048; SPIN-code: 2847-2592.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 319–328
http://journals.rudn.ru/russian-history

Социально-политическая и экономическая история России
Socio-political and Economic History of Russia

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-319-328
EDN: MKJQNE

Научная статья / Research article

Предпринимательская деятельность армян в контексте экономической политики Российской империи XVIII–XIX веков

Каринэ Ивановна Шагиданова

Институт истории Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, Республика Армения
shagidanovak@mail.ru

Аннотация: Рассматривается предпринимательская деятельность армян России в XVIII–XIX вв., их вклад в экономическое развитие страны и взаимодействие с российскими властями. Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения вклада этнических сообществ в формирование экономической структуры Российской империи. Цель работы заключается в выявлении ключевых аспектов предпринимательской деятельности армян, определении факторов, способствовавших их успеху, а также определении особенностей взаимодействия армянских предпринимателей с государственными структурами. Научная новизна исследования заключается в систематизации архивных данных и выявлении малоизученных аспектов экономической деятельности армянского сообщества. Методологическая основа исследования включает историко-генетический и сравнительно-исторический методы, что позволяет всесторонне рассмотреть процесс становления и развития предпринимательства среди армян России. Основные результаты исследования показывают, что армянские предприниматели активно участвовали в торговле, промышленности и финансах, внося значительный вклад в экономическое развитие России. Специфика армянского предпринимательства заключалась в уникальном сочетании традиционных экономических практик и адаптации к российским реалиям. Исследование подтверждает, что поддержка со стороны российских монархов способствовала расширению экономических возможностей армянского сообщества, что, в свою очередь, привело к укреплению торговых связей между Россией и странами Востока.

Ключевые слова: армянские предприниматели, торговля, промышленность, Российская империя, экономика

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности и финансирование: Автор выражает благодарность Российскому государственному архиву древних актов в г. Москве и Государственному архиву Ставропольского края в г. Ставрополе за предоставленные документы.

Для цитирования: *Шагиданова К.И.* Предпринимательская деятельность армян в контексте экономической политики Российской империи XVIII–XIX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 319–328. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-319-328 EDN: MKJQNE

© Шагиданова К.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Armenians' Entrepreneurial Activities in the Context of the Economic Policy of the Russian Empire during the 18th – 19th Centuries

Karine I. Shagidanova

Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia
✉shagidanovak@mail.ru

Abstract: The author in their article examines the entrepreneurial activities of Armenians in Russia in the 18th – 19th centuries, their contribution to the economic development of the country, and their interaction with the Russian authorities. The relevance of the study is due to the importance of analyzing the role of ethnic communities in forming the economic structure of the Russian Empire. The author in their article aims to analyze the key aspects of Armenians' entrepreneurial activities, to identify the factors contributing to their success, and highlight the specifics of Armenian entrepreneurs' interaction with government agencies. The scientific novelty of the research lies in the systematization of archival data and identification of little-studied aspects of the economic activities of the Armenian community. The methodological basis of the study includes historical-genetic and comparative-historical methods, which allows for a comprehensive examination of the formation and development of entrepreneurship among Armenians in Russia. The main results of the study show that Armenian entrepreneurs actively participated in trade, industry, and finance, making a significant contribution to Russia's economic development. The specificity of Armenian entrepreneurship lay in the unique combination of traditional economic practices and adaptation to Russian realities. The study confirms that the Russian monarchs' support contributed to the expansion of economic opportunities for the Armenian community, which, in turn, strengthened trade relations between Russia and Eastern countries.

Keywords: Armenian entrepreneurs, trade, industry, Russian Empire, economy.

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgments: The author expresses gratitude to the Russian State Archive of Ancient Acts in Moscow and the State Archive of Stavropol Krai in Stavropol for the provided documents.

For citation: Shagidanova, K.I. "Armenians' Entrepreneurial Activities in the Context of the Economic Policy of the Russian Empire during the 18th – 19th Centuries." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 319–328 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-319-328 EDN: MKJQNE

Введение

Актуальность исследования предпринимательской деятельности армян России определяется необходимостью углубленного изучения их вклада в экономическое развитие Российской империи в XVIII–XIX вв. Армянские предприниматели занимали значительное место в торгово-промышленной жизни страны, активно взаимодействуя с российскими властями, способствуя формированию новых экономических стратегий. Анализ их деятельности позволяет выявить факторы, повлиявшие на развитие предпринимательства в Российской империи, а также оценить вклад армянской общины в социально-экономические процессы данного периода.

Степень изученности проблемы. Вопрос предпринимательской деятельности армян в России затрагивался в ряде научных работ, однако в большинстве случаев исследователи уделяли внимание лишь отдельным аспектам этой темы. Значительный вклад в изучение данной проблемы внесли историки В.О. Ключевский[1], А.В. Фа-

[1] *Ключевский В.О.* Русская история: часть 1–3. URL: https://www.prlib.ru/item/362437 (дата обращения: 21.02.2024).

деев[2], Т.Х. Кумыков[3], Д.С. Васильев[4], В.А. Хачатурян[5], С.М. Саядов[6], Б.Т. Ованесов[7] Д.А. Тонян[8], которые рассматривали экономическое влияние армянских предпринимателей на развитие торговли и промышленности Российской империи. Их труды освещают различные аспекты взаимодействия армянской торговой диаспоры с государственными структурами, а также влияние предпринимательской деятельности на экономику регионов. Важными источниками стали труды по истории армянской диаспоры и архивные документы, содержащие сведения о торговых и промышленных предприятиях, основанных армянскими предпринимателями. Однако комплексного анализа этой темы с учетом новейших архивных материалов пока недостаточно, что определяет актуальность настоящего исследования. В данной работе автор развивает тему интеграции армянских купцов и предпринимателей в экономику Российской империи, которой были посвящены предыдущие труды[9].

Цель исследования – определение факторов, способствовавших успеху предпринимательской активности армян в России и выявление особенностей их взаимодействия с государственными структурами.

Источниковая база. Основу исследования составляют архивные документы, хранящиеся в фондах «Мануфактур-коллегия, гг. Москва, Петербург» (Ф. 277) и «Астраханская портовая и внутренняя таможни, г. Астрахань» (Ф. 1361)) Российского государственного архива древних актов и в фондах «Кавказский гражданский губернатор» (Ф. 87) и «Редакция газеты «Ставропольские губернские ведомости» 1850–1920 гг. г. Ставрополь» (Ф. 814), Государственного архива Ставропольского края.

Важным источником служат официальные законодательные акты Российской империи, касающиеся торговых привилегий, налоговой политики и поддержки предпринимательства. Также используются мемуары и переписка армянских купцов, отражающие их деловую активность и взаимоотношения с российскими властями. В качестве дополнительных материалов привлекаются статистические данные, отчеты о работе торговых компаний и фабрик.

Состояние армянских купцов накануне правления Екатерины II

После смерти Петра I политическая обстановка в России усугубилась чередой дворцовых переворотов, которые сказались негативно и на экономической сфере. Достаточно серьезные изменения в обществе произошли с приходом на престол

[2] *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 58.

[3] *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик, 1962. С. 56. EDN: IQMMIH

[4] *Васильев Д.С.* Очерки истории низовьев Терека (досоветский период). Махачкала, 1986. С. 69.

[5] *Хачатурян В.А.* Армянская колония Астрахани середины XVI – начала XX веков : дис. … док. ист. наук. Ереван, 1995. С. 10. EDN: ZLQMIH

[6] *Саядов С.М.* Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ереван, 2016. С. 85–86.

[7] *Ованесов Б.Т.* Роль армянского населения Российской Империи в развитии Северного Кавказа. Ставрополь, 2008. С. 515. EDN: OYJASZ

[8] *Тонян Д.А.* Из истории формирования армянской диаспоры г. Ставрополя // Казачество. 2022. № 65. С. 114–123. EDN: GJOCUB

[9] *Шагиданова К.И.* Армянское человеколюбивое общество в контексте социальной политики Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 97–108. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-97-108 EDN: FBWBWE; *Шагиданова К.И.* Переселение астраханских и кизлярских армян на территорию Калмыкии в контексте социальной политики российского государства в XVIII – начале XIX-го веков // Гуманитарный Научный Вестник. 2025. № 5. С. 9–15. https://doi.org/10.5281/zenodo.15623665 EDN: ASDOUL

императрицы Елизаветы Петровны. Политическая турбулентность и экономические проблемы сменились стабильным развитием России во всех сферах. В производстве наметился значительный рост. Императрица в экономической политике продолжила традиции прошлых лет, проявив благосклонность к армянским деловым кругам. Об этом свидетельствуют документы Астраханской таможни с гербовой печатью Российского государства и подписью Елизаветы Петровны, где указываются привилегии армянским купцам[10].

За период с февраля по ноябрь 1753 г. в документах Астраханской таможни были зафиксированы товары «разного толка», привезенные «мещанинами-армянами» Бали Арапетовым, Иваном Яковлевым, Татусом Михайловым. Список товаров многообразен: шелк-сырец, черкесские бурки, медь, сорочинское пшено, корни марены. Периодически армянские предприниматели предоставляли отчеты о состоянии шелковых фабрик, открытых на льготных началах. Интерес представляет тот факт, что многие шелковые фабрики открывались в Москве и московских уездах. Владельцами упомянутых фабрик являлись армяне Лазар и Петр Лазаревы, Иван Мирманян.

В 1750 г. императрица Елизавета Петровна предоставила право армянам Василию Хастатову вместе с братьями открыть на льготных началах в Москве шелкоткацкую фабрику. Уже в 1755 г. он с официального разрешения императрицы возглавляет первое акционерное общество, которое находилось в деловых отношениях с Турцией, Италией и другими странами, что непосредственно отвечало интересам Российского государства.

Императрица Екатерина II, пришедшая к власти в результате очередного дворцового переворота, продолжила традиционную политику в отношении армян. Эпоха Екатерины Великой была богата внутриполитическими и внешнеполитическими событиями. Как и в прошлые времена, внешнеэкономическими векторами оставались Восток и Запад. Россия во второй половине XVIII в. находилась на новом витке развития в социально-экономической и политической сферах. Несмотря на новые явления в российской действительности, армянские предприниматели сумели занять заметные позиции и благополучно вписаться в монархическую парадигму. Они на протяжении длительного времени, начиная со второй половины XVII в., создавали условия для интенсивного экономического развития России.

Астраханский транзит

В XVII в. определился путь, по которому развивалась торговля между Россией и Персией. Эта дорога проходила через Астрахань, которая стала торговой артерией. К первой половине XVIII в. Астрахань стала центром шелкоткацкого производства. Известными предпринимателями здесь были Осип Избилев и Степан Тикрянский, основавшие шелкоткачество к 1755 г. Количество предприятий ко второй половине XVIII в. увеличилось, составив 153 станка, из них 113 принадлежали армянам. В конце XVIII в. ткацкая промышленность в Астрахани находилась в руках армян. Немалое внимание было уделено хлопчатобумажному производству. Уже к 1787 г. армянам принадлежали 163 бумаготкацкие фабрики, на которых насчитывалось 700 станков.

[10] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1361. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–7.

При правлении Екатерины II армянские предприниматели получили право без особого разрешения открывать предприятия в силу заинтересованности властей предержащих. Документы Мануфактур-коллеги за 1797 г., например ведомости, предоставляют данные о состоянии шелковой фабрики армянского купца Макеля Арзуманова в городе Астрахани с указанием ассортимента и количества произведенной продукции в 1796 г., а также времени и способе основания фабрики[11].

Не меньший интерес представляет документ Астраханской таможни «Рапорт директора Астраханской таможни П. Львова президенту Коммерц-Коллегии действительному тайному советнику А.А. Саймонову о благоустройстве таможни в связи с въездом в Россию армян целыми семьями из-за войны в Персии и активизации деятельности Астраханского армянского общества, записавшегося в российское купечество»[12]. Он является подтверждением того факта, что армянские купцы активно интегрировались в экономику Российской империи, становясь частью местных деловых кругов.

Политика Екатерины II в отношении армянских купцов

Южные регионы России являлись важной стратегической зоной. С конца XVII в. они интенсивно заселялись армянами-предпринимателями. Их массовое переселение активизировалось после известных событий, связанных с двумя русско-турецкими войнами конца XVIII в. Армянам принадлежала особая заслуга в освоении южных регионов России, а именно территорий на побережье Дона. На этих территориях создавались армянские поселения. Этот процесс получил развитие на основании изданного указа Екатерины II от 14 ноября 1779 г., где оговаривались условия переселения армян. Армянский торговый люд получал российское подданство в качестве свободных граждан. В данном указе за армянами закреплялось право свободной торговли в центре России и за ее пределами. Правительство России предоставляло возможность строительства заводов и фабрик. Вместе с тем по указу императрицы армяне освобождались от воинской службы, а также от налогообложения сроком на 10 лет. Переселенческая политика Екатерины II позволила армянам впоследствии основать город Новый Нахичевань (позже – Ростов-на-Дону).

В данном контексте переселение крымских армян имело особое значение. Екатерина II понимала, насколько важно для России использовать богатый опыт армянских деловых людей. Непосредственно переселением крымских армян занимался выдающийся полководец А.В. Суворов. В январе 1780 г. состоялась встреча А.В. Суворова и Г.А. Потемкина с известными представителями армянского народа, общественно-политическими деятелями И. Аргутинским и И. Лазаревым, во время которой были оговорены основные этапы переселения. Интенсивное переселение началось в 1787 г. Основное число переселенцев направилось как в южные районы России, так и в Екатеринбургскую губернию.

О том, насколько важно было заселить разные районы России армянами, свидетельствует секретный ордер Г.А. Потемкина, адресованный А.В. Суворову: «Обстоятельства Персии, Грузии, Армении должны Вы, узнавши, меня уведомить»[13].

Мудрая политика императрицы по отношению к армянам-переселенцам способствовала росту экономики Российского государства.

[11] РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 8. Л. 268.

[12] Там же. Ф. 1361. 1753 г. Д. 23. Л. 7.

[13] *Агаян Ц.П.* Россия в судьбах армян и Армении. М., 1978. С. 47.

Во второй половине XVIII в. деятельность армянских торговых компаний получает новый импульс. На месте ранее существовавшей Джульфинской компании Захара Сагратова была создана новая, руководство которой перешло семье Хастатовых, а именно Василию (Барсегу) Хастатову.

Торговые новшества армянских купцов

Еще в 1718 г. на берегах Терека армянский купец Сафар Васильев основал поместье при заводе по переработке шелка-сырца. Впоследствии это поселение стало станцией. С 1764 г. поместье Шелкозаводское стало принадлежать помещикам Хастатовым, потомкам Сафара Васильева. Владельцем стал А.В. Хастатов, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова.

Предприятия Кизляра в экономике России играли значимую роль. Армяне, переселившиеся в Кизляр в 1736 г., интенсивно занимались строительством промышленных объектов, возделыванием земли, выращиванием винограда, разводили тутовые плантации. М. Крюков отмечал: «Армяне положили начало кизлярскому населению»[14].

В Кизляре наряду с шелководством развивалось рыболовство и виноделие. Армянам принадлежала заслуга по выращиванию дербентской пшеницы, арбузов, дыни, овощей. По инициативе армянского торгового люда в Кизляре были открыты шелковые, кожевенные, кирпичные, красильные заводы. Благодаря армянскому капиталу Кизляр постепенно приобрел значимость промышленного центра. К 1785 г. численность армянского населения здесь выросла до 3361 чел.

В годы правления Павла I был составлен Устав ремесленников, который обязывал объединяться в цеха или управы. Армянские ремесленники освобождались от подобных принудительных мер, сохраняя привилегии свободной деятельности. Данный статус действовал вплоть до начала XIX в.

Жалованная грамота Павла I от 28 октября 1799 г. позволяла армянским предпринимателям открывать фабрики и заводы, вести свободную торговлю. Но это положение армян изменилось с начала XIX в. в связи с принятием Александром I манифеста, который урезал армянам эти права.

В целом, период с 1735 по 1798 гг. ознаменовался формированием на юге России ряда городов с армянским населением. К ним, кроме Кизляра, относились Моздок, Новый Нахичевань и Григориополь. Астрахань, где численность проживавших армян в конце XVIII в. составляла более 5 тыс. человек, занимала особое место. Заселение юга Российского государства армянами имело стратегическое значение, так как усиливало позиции страны на Кавказе.

Положение армянских купцов в начале XIX века

Заметим, что к началу XIX в. армяне в Кизляре занимали достаточно внушительные позиции, вложив капитал во все сферы экономического развития региона. Данный факт мотивировал императора Александра I изменить свою позицию по отношению к ним. Он издал указ от 21 декабря 1801 г.: «Высочайше подтвердил дарованные предками его армянские права и преимущества»[15].

[14] *Крюков М.* Некоторые города Ставропольской губернии // Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851. С. 93.

[15] *Саядов С.М.* Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ереван, 2016. С. 85–86.

Будучи знакомым с историей и ролью армян в экономике страны, император 19 июня 1803 г. в новом указе дозволил им (армянам) отправлять кизлярские виноградные водки в Москву без всякой пошлины.

В 1807 г. в Кизляре были открыты училища виноделия:

> Есть новое знамение попечения правительства о распространении в полуденных странах России виноградных садов и поощрения жителей города Кизляра к улучшению вина <…> с целью, чтобы впоследствии удержать в государстве многотысячную сумму, вывозимую за границу для покупки иноземных напитков[16].

Манифест от 1807 г. ограничил привилегии православных астраханских армян. Министр финансов России Е.Ф. Канкрин определил условия, которые позволяли заниматься предпринимательской деятельностью. Они заключались в наличии ежегодной оплаты для определенной категории купцов. К примеру, купцы первой гильдии платили 2,2 тыс. рублей, а купцы второй гильдии – 880 руб. На основании уплаты купцы получали промышленное свидетельство.

Во второй четверти XIX в. вновь происходят изменения в статусе астраханских армян. Согласно Положению от 2 июня 1831 г. привилегиями имели право пользоваться (по Жалованной грамоте 1799 года) только 390 астраханцев. Известно, что начиная с 1746 г., армянские предприниматели и торговцы пользовались привилегиями. Это было продиктовано их ролью и вкладом в экономику страны. Именно в 1746 г. на основании указа Правительствующего Сената армяне Астрахани получили право учреждения Армянского суда. Это было необходимо для организации судопроизводства в рамках самоуправления. Астраханские армяне составили соответствующий Судебник.

Однако при императоре Николае I самостоятельность Астраханского суда была ликвидирована. Подобная политика коснулась также городов Кизляра и Моздока. Это решение было продиктовано опасениями возможного всплеска выступлений национальных меньшинств государства. Но позже решение императора было им пересмотрено в силу понимания роли вышеупомянутых территорий в экономике страны. На смену упраздненной системе в 1847 г. последовал новый Указ, которым были восстановлены самоуправление и судопроизводство армян, составлявших значительную часть населения данных территорий.

По производству шелка ко второй четверти XIX в., например в Кизляре, насчитывалось 24 предприятия, принадлежавших армянам, например Арешевым, Тарумовым, Петросовым, Калустовым, Хастатовым. В своем исследовании историк В.А. Хачатурян отмечал, что Астрахань и Кизляр являлись первыми армянскими городами России, где интенсивно развивалось промышленное производство[17].

Масштабы переселения армянского населения, активная торговля и предпринимательская деятельность способствовали открытию в 1870 г. по официальному разрешению министра финансов Городского банка, председателем и учредителем которого стал Каспар Мамаджанов. На основании вышеизложенного можно утверждать, что деятельность армян поэтапно распространялась на все регионы Российской империи.

---

[16] *Ованесов Б.Т.* Роль армянского населения Российской Империи в развитии Северного Кавказа. Ставрополь, 2008. С. 515. EDN: OYJASZ

[17] *Хачатурян В.А.* Армянская колония Астрахани середины XVI – начала XX веков. Дис. … док. ист. наук. Ереван, 1995. С. 151. EDN: ZLQMIH

На 1846 г. ведомости официальных органов свидетельствовали о наличии фабрик и заводов, где преобладали армяне, в их числе: Влас Ходжаев, купец второй гильдии Калуст Якулов, помещики Армиевы, Ходжаевы, Тандаевы, Камбаровы, Манвеловы, Вартановы и многие другие. Армяне являлись владельцами 20 крупных заводов в Кизляре, вследствие чего на данной территории появились армянские слободы, станицы.

Участие армян в развитии экономики России периодически поощрялось. На это указывает депеша министра внутренних дел кавказскому гражданскому губернатору от 2 мая 1814 г., где сообщалось:

> Его Императорское Величество по засвидетельствованию начальства об отличных успехах по хозяйственной части Кизлярского жителя Армянина Якова Тандаева в 20 день декабря 1813 года всемилостивейше пожаловать ему золотую медаль на красной ленте с подписью за полезное <…>. Я покорнейше прошу Вас, милостивый Государь мой, доставить ему оную и меня в том уведомить[18].

Подобные заслуженные награды получили Степан Калантаров и Степан Серебряков на основании Указа от 11 января 1824 г. Степану Калантарову и Степану Серебрякову принадлежала заслуга в освоении и развитии новых отраслей в сельском хозяйстве:

> Утешительно слышать и видеть, что в нашей губернии, в Кизлярском уезде встречаем хозяев, которые не жалеют своих трудов и капиталов на обработку земли, силой воли преодолевают препятствия[19].

С. Серебряков и его семья освоили и сделали плодородными 10 тыс. десятин земли, остальные 20 тыс. десятин приходились на овраги, возвышенности и дороги.

Заключение

Предпринимательская деятельность армян в Российской империи XVIII–XIX вв. представляет собой сложный и многогранный процесс, оказавший значительное влияние на экономическое развитие страны. Армянские деловые круги активно участвовали в формировании торгово-промышленной политики государства, интегрируясь в российскую экономическую систему. Они играли ведущую роль в развитии текстильного и шелкового производства, способствуя росту промышленности и укреплению внешнеэкономических связей.

Значительным фактором экономического успеха армянского купечества стало расселение в стратегически важных торговых центрах Российской империи, таких как Астрахань, Кизляр, Москва, Санкт-Петербург и Новый Нахичевань. Эти города становились центрами предпринимательской деятельности, где армянские купцы открывали лавки, фабрики и мануфактуры, активно взаимодействуя с государственными структурами.

Период правления Екатерины II стал временем наибольшего расцвета армянского предпринимательства. Императрица, осознавая важность армянских компаний, предоставила им ряд экономических и социальных привилегий, в том числе налоговые льготы и право на свободное ведение торговли. Это способствовало активному

[18] Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 87. Оп. 1. Д. 325. Л. 1.
[19] ГАСК. Ф. 814. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

переселению армян в южные регионы России, где они принимали участие в освоении новых земель, развитии сельского хозяйства и создании торгово-промышленных центров.

В XIX в., несмотря на изменение государственной политики и постепенное ограничение торговых свобод, армянские предприниматели продолжали занимать важные позиции в российской экономике. Их деятельность охватывала широкий спектр отраслей – от традиционной торговли до банковского дела и промышленности. Взаимодействие армянских купцов с российскими властями приобрело новые формы, обусловленные изменениями в налоговой и административной системе.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что армянские предприниматели сыграли значительную роль в экономическом развитии Российской империи. Их вклад в формирование торговых и промышленных центров, развитие внешнеэкономических связей и модернизацию производства стал важной составляющей экономической политики государства.

Предпринимательская деятельность армян в России не только способствовала развитию отечественной экономики, но и явилась примером успешной интеграции этнической общины в экономическую систему многонационального государства. Активная деятельность армянских предпринимательских компаний способствовала укреплению авторитета Российской империи в системе международных экономических связей.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.03.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 1.07.2025
Принята к публикации / Accepted for publication: 17.01.2026

References

Agayan, Ts.P. *Rossiia v sud'bakh armian i Armenii* [Russia in the Fates of Armenians and Armenia]. Moscow: Nauka Publ., 1978 (in Russian).

Fadeev, A.V. *Ocherki ekonomicheskogo razvitiia Stepnogo Predkavkaz'ia v doreformennyi period* [Essays on the economic development of the Steppe Ciscaucasia in the pre-reform period]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1957 (in Russian).

Khachaturyan, V.A. "Armenian colony of Astrakhan in the mid-16th – early 20th centuries." PhD diss., Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, 1995 (in Russian).

Kryukov, M. "Nekotorye goroda Stavropol'skoi gubernii [Some cities of Stavropol province]." In *Kavkazskii kalendar'na 1852 g.*, 78–105. Tiflis: Tipografiia Kantselyarii Namestnika Kavkazskogo Publ., 1851 (in Russian).

Kumykov, T.Kh. *Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vserossiiskii rynok v XIX v. (Po materialam Kabardino-Balkarii, Severnoi Osetii i Checheno-Ingushetii)* [Involvement of the North Caucasus in the All-Russian Market in the 19th Century (Based on Materials from Kabardino-Balkaria, North Ossetia, and Checheno-Ingushetia)]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1962 (in Russian).

Ovanesov, B.T. *Rol' armianskogo naseleniia Rossiiskoi Imperii v razvitii Severnogo Kavkaza* [The Role of the Armenian Population of the Russian Empire in the Development of the North Caucasus]. Stavropol: Stroiizdat-Grantstroi Publ., 2008 (in Russian).

Sayadov, S.M. *Sobranie aktov, otnosiashchikhsia k obozreniiu istorii armianskogo naroda* [Collection of acts related to the review of the history of the Armenian people]. Erevan: Izdatel'stvo EGU Publ., 2016 (in Russian).

Shagidanova, K.I. "Armenian Philanthropic Society in the Context of the Social Policy of the Russian Empire of the XIX – Early XX Century." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (2025): 97–108 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-97-108

Shagidanova, K.I. “The resettlement of Astrakhan and Kizlyar Armenians to the territory of Kalmykia in the context of the Social Policy of the Russian State in the XVIII – early XIX centuries.” *Humanitarian Scientific Bulletin*, no. 5 (2025): 9–15 (in Russian), https://doi.org/10.5281/zenodo.15623665

Tonyan, D.A. “From the history of the formation of the Armenian diaspora in Stavropol.” *The Cossacks*, no. 65 (2022): 114–123 (in Russian).

Vasiliev, D.S. *Ocherki istorii nizov’ev Tereka (dosovetskii period)* [Essays on the history of the lower reaches of the Terek (pre-Soviet period)]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1986 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Каринэ Ивановна Шагиданова, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории, Национальная академия наук Республики Армения; Республика Армения, 0019, Ереван, проспект Маршала Баграмяна, 24/4; shagidanovak@mail.ru; https://orcid.org/0009-0006-3022-0014

Karine Ivanovna Shagidanova, PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; 24/4, Marshal Bagramyan Av., Yerevan, 0019, Republic of Armenia; shagidanovak@mail.ru; https://orcid.org/0009-0006-3022-0014

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 329–341
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-329-341
EDN: MMKBVZ

Научная статья / Research article

Деятельность Главного управления по делам промысловой и потребительской кооперации в Башкирской АССР в 1946–1950 годах

Анатолий Васильевич Антошкин

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
✉aav151284@rambler.ru

Аннотация: Исследуется деятельность Главного управления по делам промысловой и потребительской кооперации по выявлению и устранению недостатков в кооперативных организациях Башкирской АССР в период с 1946 по 1950 гг. На основе документов Российского государственного архива экономики проанализированы основные направления работы аппарата старшего инспектора Главукоопа по Башкирской АССР. Основное внимание уделено мероприятиям по совершенствованию торговой и производственной деятельности кооперативных организаций в условиях послевоенного восстановления народного хозяйства. Дана оценка эффективности деятельности кооперативных организаций в деле удовлетворения спроса населения, преодоления дефицита промтоваров и продовольствия. Материалы проверок и ревизий Главукоопа позволяют заключить, что выполнение планов товарооборота предприятиями потребкооперации отличалось неравномерностью как по планируемым периодам, так и по районам республики. Заявки сельских потребительских обществ, сформированные на основе запросов пайщиков, не принимались в расчет государственной промышленностью. Значительная доля продукции артелей промысловой кооперации не соответствовала спросу населения, характеризовалась низким качеством и высокой себестоимостью. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на неспособность решить весь комплекс проблем в системах потребительской и промысловой кооперации, аппарат старшего инспектора Главукоопа по Башкирской АССР добился несомненных достижений. Помимо дифференциации производственных программ и значительного роста объемов товарооборота сократилось число убыточных кооперативных предприятий, стали реже фиксироваться перебои в торговле.

Ключевые слова: Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации (Главукооп), промысловая кооперация, потребительская кооперация, торговля, товарный дефицит, плановая экономика

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Антошкин А.В.* Деятельность Главного управления по делам промысловой и потребительской кооперации в Башкирской АССР в 1946–1950 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 329–341. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-329-341 EDN: MMKBVZ

© Антошкин А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Activities of the Main Administration for Producers' and Consumers' Cooperatives in the Bashkir ASSR in 1946–1950

Anatoly V. Antoshkin

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
✉aav151284@rambler.ru

Abstract: The author in their work considers the activities of the Main Administration for Producers' and Consumers' cooperatives on identifying shortcomings and dealing with them in cooperative organizations in the Bashkir ASSR in 1946-1950. Based on the documents of the Russian State Archive of Economics, they analyze the main areas of work of the Office of the Chief Inspector of the Main Administration for Producers' and Consumers' cooperatives in the Bashkir ASSR. Particular attention is paid to the measures for improving trade and production activities in cooperative organizations in the period of the post-war economic recovery. The author assesses the effectiveness of cooperative organizations in meeting the demands of the population and overcoming the deficit of manufactured goods and foodstuffs. The reports on audits and revisions by the Main Administration for Producers' and Consumers' cooperatives show that fulfilling the plans for goods turnover by consumer cooperative organizations was uneven both in planned periods and in different districts of the republic. Orders of rural consumer societies, based on the demands of the shareholders, were disregarded by state-owned industry. A significant part of the output of producers' cooperative organizations did not meet the demand of the population, was of low quality, and had high production costs. The authors come to the conclusion that despite the inability to solve all the problems in the systems of producers' and consumers' cooperatives, the Office of the Chief Inspector of the Main Administration for Producers' and Consumers' cooperatives in the Bashkir ASSR achieved a certain amount of success. Besides differentiating the industrial programs and a significant growth in goods turnover, the number of unprofitable cooperative organizations decreased and disruptions in trade occurred more rarely.

Keywords: General Department for producers' and consumer cooperation (Glavukop), producers' cooperation, consumer cooperation, trade, goods deficit, planned economy

Conflict of interests: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Antoshkin, A.V. "Activities of the Main Administration for Producers' and Consumers' Cooperatives in the Bashkir ASSR in 1946–1950." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 329–341 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-329-341 EDN: MMKBVZ

Введение

Актуальность. Исторический опыт советской кооперации в производственной и торговой деятельности занимает особое место в современных исследованиях. В послевоенный период в условиях острого товарного дефицита, при отсутствии развитых рыночных механизмов и частного сектора, страна в кратчайшие сроки восстанавливала утраченный в ходе войны экономический потенциал. В то же время тыловые регионы не могли рассчитывать на стремительное увеличение поставок продовольственных и промышленных товаров из централизованных фондов. В сложившейся ситуации возросло значение промысловой и потребительской кооперации в экономике страны. Советская кооперация нуждалась не только в контроле за выполнением планов производства, товарооборота, заготовок, накоплений, кооперирования, но и в выработке действенных мер по устранению существовавших недостатков и нарушений. На созданное в ноябре 1946 г. Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации при Совете Министров СССР (Главукоп) были возложены задачи государственного контроля за работой кооперативных организаций.

Результативность работы Главукоопа во многом отражалась на социально-экономическом развитии региона. В послевоенный период работа кооперативных организаций стала одним из индикаторов роста благосостояния населения. Экономическая эффективность потребительской и промысловой кооперации напрямую влияла на полноту обеспечения населения качественными и востребованными товарами.

Степень изученности проблемы. В первых работах по послевоенной истории советской кооперации внимание авторов концентрировалось на успехах кооперативных организаций в рамках социалистической системы хозяйствования, в том числе в области организации кустарных промыслов и в сфере товарооборота[1]. В постсоветский период были написаны труды, содержащие материал о процессах огосударствления кооперации, в том числе о работе Главукоопа в качестве ответвления Министерства госконтроля, лишенного планово-директивных функций и кооперативной демократии. Большее внимание стало уделяться недостаткам в организации кооперативного хозяйства[2]. В 2000-х гг. проблемы развития кооперации в послевоенный период стали предметом изучения многих историков из разных регионов России. Современных исследователей интересуют вопросы торговой и производственной деятельности потребительской кооперации, а также затруднения в удовлетворении спроса сельского населения[3]. Не остались без внимания историков и проблемы развития промысловой кооперации в послевоенный период[4].

Коммерческая деятельность некооперированных кустарей и кооператоров на территории Урала периода Гражданской войны рассмотрена в статье Р.А. Хазиева, М.А. Хазиевой[5]; роль потребительской кооперации в снабжении населения Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны исследована И.А. Уразовой, Р.А. Хазиевым, М.С. Васильевым[6]. Проблема частнопредпринимательской деятель-

---

[1] *Кистанов Я.А.* Потребительская кооперация СССР: исторический очерк. М., 1951; *Данилевич Е.П.* Ценообразование в промысловой кооперации. М., 1954; *Воронцов С.М.* Финансовое планирование в промысловой кооперации. М., 1955; *Яковлев П.И.* Промысловая кооперация СССР за 40 лет. М., 1957.

[2] *Файн Л.Е.* Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994; *Назаров П.Г.* История российской промысловой кооперации (1799–1960). Челябинск, 1995.

[3] *Григорьев А.В.* Удовлетворение потребительского спроса сельских жителей Чувашии в 1946–1965 гг. // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 19–24. EDN: JWVYET; *Раужина Л.С.* Послевоенное развитие кооперативной промышленности в регионе // Регионология. 2009. № 4. С. 102–106. EDN: LLSYHD; *Рыбалка В.И.* Государственная и кооперативная торговля в сельской местности Марийской АССР в 40–70 годы XX века // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 90–93. EDN: OPKYLZ

[4] *Бурнашева Н.И.* Промысловая кооперация в социально-экономическом развитии Якутии 1930–1950-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 10–15. EDN: OFVOIH; *Аксарин В.В.* Многопромысловая кооперация Ямала в лицах // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 10. С. 26–31. https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.3 EDN: DCWYLE; *Новожилов А.А., Федченко М.Н.* Кадровый состав промысловых артелей Курганской области (1946–1960 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 71–77. https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.12 EDN: WBMSGX; *Баканов С.А., Пасс А.А.* Изъяны государственного регулирования кооперативной промышленности в СССР в 1950-е гг. (на материалах Челябинской области) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. Т. 22. № 1. С. 25–33. https://doi.org/10.14529/ssh220103 EDN: DPEXJN

[5] *Хазиев Р.А., Хазиева М.А.* Коммерческая деятельность кустарей, ремесленников и кооператоров Урала в годы Гражданской войны // Российский гуманитарный журнал. 2025. Т. 14. № 1. С. 52–58. https://doi.org/10.15643/libartrus-2025.1.5 EDN: OJPGZG

[6] *Уразова А.И., Хазиев Р.А., Васильев М.С.* Снабжение населения продовольствием в годы Великой Отечественной войны по документам Совнаркома БАССР // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10. С. 135–141. https://doi.org/10.24158/fik.2022.10.23 EDN: SHZCDE

ности в предприятиях промысловой и потребительской кооперации Башкирской АССР в 1946–1950 гг. исследована автором данной статьи[7].

В коллективных трудах по истории Башкирии уделялось внимание послевоенному восстановлению народного хозяйства. При этом особенно подробно освещались вопросы восстановления промышленности и сельского хозяйства[8]. Следует также выделить работы экономистов, в которых характеризовалась послевоенная экономика Башкирской АССР[9]. В то же время проблемы развития потребительской и промысловой кооперации Башкирской АССР в послевоенные годы разработаны слабо, вопросы взаимодействия кооперативных организаций с аппаратом Главукоопа должного освещения в трудах региональных историков на настоящий момент не получили. Предлагаемая статья заполнит часть пробелов в историографии советской кооперации на примере крупного российского региона.

Цель исследования заключается в оценке способности Главукоопа в условиях социалистической законности и плановой экономики оперативно выявлять и устранять недостатки в хозяйственной деятельности кооперативных организаций на территории Башкирской АССР.

Источниковой базой исследования стали впервые вводимые в научный оборот документы Российского государственного архива экономики. К исследованию были привлечены годовые отчеты о работе старших инспекторов Главукоопа по Башкирской АССР и заключения к ним, докладные записки старших инспекторов о состоянии финансово-хозяйственной деятельности предприятий промысловой кооперации и о выполнении квартальных планов и заданий по вопросам кооперативной торговли (Ф. 8090. – Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации при Совете Министров СССР (Главукооп). 1946–1950 гг.), а также сводные статистические отчеты Центросоюза (Ф. 484. – Центральный союз потребительских обществ СССР (Центросоюз)) и таблицы данных об оборотах розничной сети потребительской кооперации Башкирской АССР (Ф. 1562. – Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР).

Организационная структура и особенности работы аппарата старшего инспектора Главукоопа по Башкирской АССР

Главукооп реализовывал политику советского государства в области производственной, торговой, снабженческой и заготовительной деятельности. В компетенцию Главукоопа входили документальные ревизии и проверки по отдельным хозяйственным вопросам всех звеньев потребкооперации и артелей промкооперации. Полномочия Главукоопа значительно превосходили возможности руководства потребительской и промысловой кооперации Башкирской АССР. Аппарат старшего инспектора имел возможность напрямую обращаться с предложениями в Совет Министров Башкирской АССР, передавать материалы проверок судебно-следственным органам, обжаловать решения судов различных инстанций.

[7] *Антошкин А.В.* Борьба с частным предпринимательством в предприятиях промысловой и потребительской кооперации Башкирии в 1946–1950 годы // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 4. С. 368–385. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-4-368-385 EDN: UUSKPM

[8] Очерки по истории Башкирской АССР / под ред. В.П. Иванкова. Уфа, 1966. Т. 2; *Масалимов С.Г., Ямалов М.Б., Ахмадиева Н.В.* Село Башкортостана в 1945–2000 годы. Уфа, 2003. EDN: TEXXCX; История башкирского народа / под ред. М.М. Кульшарипова. М., 2011. Т. 6. EDN: RYSSHZ

[9] Экономика Башкортостана / под ред. Х.А. Барлыбаева. Уфа, 2007; *Махмутов А.Х.* Экономические реформы в Башкортостане: прошлое, настоящее, будущее. Уфа, 2009. EDN: QTWGSX

По результатам проверок и ревизий Главукооп, помимо приказов и распоряжений с практическими указаниями по улучшению работы кооперативных организаций, разрабатывал комплекс мероприятий в области кооперативного строительства. По докладам старшего инспектора выносились постановления по вопросам финансового оздоровления кооперативных организаций, о расширении закупок сельскохозяйственной продукции и сырья. Старший инспектор отслеживал состояние торговли в городах и рабочих поселках республики. В любой кооперативной системе Главукоопом могли быть инициированы организационные изменения. Например, в апреле 1948 г. старшим инспектором было доложено Совету Министров Башкирской АССР о выявленных злоупотреблениях руководством кооперации инвалидов. В результате постановлением Совета Министров председатель Башкоопинсоюза был снят с работы, а главный бухгалтер привлечен к уголовной ответственности[10].

В течение года в адрес старшего инспектора по Башкирской АССР от Главного управления из Москвы поступали сотни приказов и распоряжений. Например, в 1948 г. было получено 129 приказов и 210 распоряжений по различным вопросам, касающимся работы кооперативных организаций, в том числе с возложением контроля на аппарат старшего инспектора 103 приказа и 123 распоряжения[11]. Все поступающие приказы и распоряжения Главного управления учитывались в особом журнале, где записывались даты приказов, их краткое содержание. После того как приказы прочитывались старшим инспектором, они с его резолюцией поручались одному или нескольким инспекторам-ревизорам для исполнения. Следует отметить, что в переписках с Главным управлением инспектора жаловались на большое количество приказов и распоряжений. Многие плановые и внеплановые задания, присылаемые в Уфу Главным управлением, отличались излишней громоздкостью и тем самым снижали качество проводимых проверок и представляемых отчетов.

Контроль за исполнением приказов осуществлялся повседневно и систематически путем проверки работы кооперативных организаций инспекторами-ревизорами аппарата старшего инспектора. После каждой проверки издавался приказ или обязательное указание руководителям кооперативных органов с практическими предложениями по устранению выявленных недостатков.

В аппарате старшего инспектора по штатному расписанию на 1 марта 1950 г. состояло 19 человек, из которых 11 были членами и кандидатами в члены ВКП(б). Аппарат был разделен на группу потребкооперации и группу промкооперации, на которую возлагался также контроль за кооперацией инвалидов. Квалификация инспекторов соответствовала задачам Главукоопа и позволяла каждому инспектору самостоятельно производить документальные ревизии. В аппарате старшего инспектора по Башкирской АССР только 1 сотрудник имел высшее образование и еще 5 – незаконченное высшее образование. По состоянию на март 1950 г. вакантных мест в аппарате не было, текучесть кадров не отмечалась. Вместе с тем сотрудники аппарата жаловались на то, что за все время существования Главукоопа с 1946 г. по 1950 г. не было организовано никаких курсовых мероприятий по повышению квалификации[12].

Непосредственно перед проверкой старший инспектор или его заместитель проводили инструктивные совещания с инспекторами. Каждому инспектору-ревизору при получении задания вручалась программа и памятка с указанием основных вопросов проверки или ревизии. Приказы и письма с обязательными указаниями издавались старшим инспектором в сроки от 5 до 15 дней со дня поступления мате-

[10] Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 8090. Оп. 1. Д. 238. Л. 22.
[11] Там же. Л. 23.
[12] РГАЭ. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 1170. Л. 104.

риалов проверок и ревизий в инспекцию. Контроль за выполнением кооперативными организациями приказов Главного управления, а также старшего инспектора был возложен на руководителей отраслевых групп.

Старшим инспектором перед республиканскими директивными организациями ставились различные вопросы. В отчете за 1949 г. был указан лишь один факт, по которому Главукооп не добился положительного решения. По результатам документальной ревизии учебно-курсового комбината Управления промкооперации был поставлен вопрос перед Башкирским обкомом и Советом Министров об ответственности начальника Осипова за растрату культфонда. С работы Осипов был снят, материалы были переданы в прокуратуру, но из-за того, что Осипов не был лишен депутатской неприкосновенности, к ответственности его привлечь не удалось[13].

В то же время связь с ревизионными комиссиями, органами внутриведомственного и общественного контроля кооперативных организаций аппаратом старшего инспектора осуществлялась слабо. При проводимых проверках и ревизиях ревизионные комиссии в большинстве случаев к участию не привлекались. Отчасти это объяснялось недоверием аппарата старшего инспектора к местным ревизионным комиссиям из-за многочисленных случаев злоупотреблений, в которых отчетливо прослеживались неформальные связи членов ревизионных комиссий и счетных работников с материально-ответственными лицами[14].

Главукооп осуществлял контроль за прохождением дел, передаваемых в судебно-следственные органы. Ведение контрольного журнала и оформление передаваемых дел было поручено инспектору-ревизору Сагитову. Отмечались случаи передачи дел с недостаточно обоснованными обвинениями. Так, за 1949 г. из 31 дела, переданного в прокуратуру, по 8 делам было прекращено следствие и отказано в возбуждении уголовного дела. Тем не менее принятые старшим инспектором меры по результатам проводимых проверок и ревизий, а также повседневное влияние на деятельность кооперативных организаций в некоторой мере способствовали улучшению их работы[15].

Ключевой проблемой в организации проверок было отсутствие необходимых технологических материалов, технических условий, ГОСТов и описаний. Данное обстоятельство отрицательно влияло на повышение требовательности к качеству выпускаемой продукции, создавало разнобой в нормах расходования сырья и материалов, что давало повод к расхищению дефицитных материалов. Например, в артелях промкооперации города Октябрьского на мужские сапоги расходовалось 55 дециметров кожи, а в «Артели им. Матросова» Коопинсоюза – 75 дециметров кожи[16].

Инспекторы на местах большое внимание уделяли работе с документами. В тех случаях, где на лицо были криминальные факты, инспекторы не только снимали копии, но и изымали подлинники документов. Из отчетов Главукоопа следует, что прокуратура недостаточно энергично реагировала на передаваемые материалы, а имевшийся в аппарате старшего инспектора ответственный работник по оформлению дел не справлялся из-за очень коротких сроков оформления.

В ревизионной работе Главукоопа в Башкирской АССР возникали и объективные затруднения. Проведение документальных ревизий в низовых кооперативных организациях было затруднено из-за значительных расстояний и неразвитой транспортной инфраструктуры. К тому же инспекторы неоднократно жаловались на недостаток средств на командировочные расходы[17].

[13] РГАЭ. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 1170. Л. 103.
[14] Там же. Ф. 484. Оп. 3. Д. 795. Л. 13.
[15] Там же. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 1170. Л. 107.
[16] Там же. Л. 109 об.
[17] Там же.

Деятельность Главукоопа по контролю за потребительской кооперацией Башкирской АССР

Главукооп начинал работу в Башкирской АССР, когда в городских кооперативных магазинах не было устойчивого и разнообразного ассортимента товаров, а также необходимого запаса для обеспечения бесперебойной торговли. Президиум Центросоюза и Главкоопторг, сосредоточив свое внимание на развертывании кооперативной торговли в Москве и Ленинграде, не осуществляли должного контроля за развертыванием кооперативной торговли в других промышленных центрах и рабочих поселках[18].

Тем не менее государство рассчитывало на кооперативную торговлю как на дополнительный источник к ограниченным фондам государственной торговли. Объемы реализации продовольственных товаров в городских кооперативных магазинах Башкирской АССР последовательно возрастали. Так, если реализация рыбы и рыбопродуктов в кооперативных магазинах Уфы в первом полугодии 1947 г. составила только 5,9 центнеров, во втором полугодии – 6,5 центнеров, то в первом полугодии 1948 г. – уже 24 центнера[19]. Реализация яиц в Уфе в первом полугодии 1947 г. составила 85,2 тыс. штук, во втором полугодии – 338 тыс. штук, а за оба полугодия 1948 г. было реализовано 639,5 тыс. штук[20].

Произведенные проверки состояния торговли в Башкирской АССР показывают, что потребкооперация из года в год значительно увеличивала продажу населению республики промышленных и продовольственных товаров. Так, если в 1947 г. было продано товаров на 684644 тыс. руб., в 1948 г. – на 805878 тыс. руб., то только за первую половину 1949 г. – 470656 тыс. руб.[21]

В то же время в 1947 г. из 63 райпотребсоюзов план розничного товарооборота не выполнили 24 райпотребсоюза, в 1948 – 39 райпотребсоюзов, в первом квартале 1949 г. – 31 райпотребсоюз. С точки зрения старшего инспектора Главукоопа Ш.Н. Назирова, правление Башпотребсоюза в погоне за средними цифрами выполнения и перевыполнения плана розничного товарооборота по республике не сумело выявить и устранить недостатки, тормозящие развертывание товарооборота на селе. Одним из крупных недостатков в торговле являлась устойчивая ситуация в ряде райпотребсоюзов, когда из года в год ими не выполнялись планы товарооборота; некоторыми– систематически. Например, Бирский райпотребсоюз не выполнял план на протяжении трех лет. Ни одно сельпо этого района за 1948 г. не выполнило план розничного товарооборота[22]. Результаты выполнения планов отличались неравномерностью, что для плановой экономики представляло серьезную проблему. Кооперативным организациям в течение короткого периода времени приходилось одновременно решать задачи по снижению сверхнормативных товарных запасов и по преодолению товарного дефицита.

Главукооп критиковал Правление Башпотребсоюза за ошибки в планировании завозов товаров на базы и в розничную сеть. В планировании завоза прослеживалась неразбериха, в результате чего большинство предприятий потребкооперации были затоварены вещами, на которые имелся спрос в других регионах. При этом не было возможности завозить товары, пользовавшиеся спросом населения.

Например, в Чишминском райпотребсоюзе на 1 апреля 1949 г. имелось швейных изделий стоимостью 457 тыс. руб. Торговое управление Башпотребсоюза во втором квартале дополнительно завезло швейных изделий на сумму 515 тыс. руб., тогда

[18] РГАЭ. Ф. 484. Оп. 2. Д. 179. Л. 6.
[19] Там же. Ф. 1562. Оп. 12. Д. 3286. Л. 2.
[20] Там же. Л. 5.
[21] Там же. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 1687. Л. 74.
[22] Там же. Л. 35.

как за квартал удалось реализовать товаров на сумму только на 299 тыс. руб. В общей сложности швейных изделий при плане 80-дневного запаса было завезено на 182 дня, шелковых тканей – на 224 дня при плане 30 дней. Абсолютный рекорд затоваренности принадлежал Арслановскому сельпо, в котором непродовольственных товаров имелось более чем на шесть лет[23].

Торговые организации республики имели большие остатки парфюмерных товаров и туалетного мыла. Так, при фонде на четвертый квартал 1949 г. в 9,3 млн руб. в наличии имелось товара на 27,1 млн руб. В числе парфюмерных товаров имелся одеколон и духи, произведенные еще в годы войны, – низкого качества и в нестандартной упаковке на сумму 3,6 млн руб., которые по предложению Главукоопа было решено сдать для переработки «Главпарфюмеру»[24].

На складах Башпотребсоюза и райпотребсоюзов лежали товары на огромные суммы, завезенные без учета возможности их реализации, в частности, оборудование для мельниц и сельскохозяйственный инвентарь. На складах Уфимской универсальной базы находились мукомольные мельницы «Рекорд» и жернова к мельницам «Адельман» на 222 тыс. руб., гидротараны 1-М и насосы «Гардо» на 100 тыс. руб., кормозапарники МК-5 на 100 тыс. руб., доильные машины на 91 тыс. руб. Отсутствие оперативного управления в системе потребкооперации зачастую приводило к курьезным случаям. Так, Уфимская универсальная база с 13 ноября по 15 декабря 1947 г. завезла значки-флажки «30 лет Октября» на сумму свыше 115 тыс. руб. Однако значки реализовать не удалось, так как они поступили в продажу уже после юбилея[25].

Распределение товаров по базам и торговым точкам без заявок кооперации было лишь одной стороной проблемы оперативного управления торговлей. В материалах Главукоопа отмечены случаи, когда выполнение заявки кооперации приводило к еще большим проблемам. Например, Бирский райпотребсоюз в 1948 г. сделал заявку Торговому управлению на отгрузку для строительства гидроэлектростанции 100 т облицовочного цемента. Заявка длительное время не выполнялась, и строительство получило цемент из другого источника. Спустя год после подачи заявки, 16 августа 1949 г., в адрес Бирского райпотребсоюза поступило 130 т обычного цемента. В итоге этой операции райпотребсоюз оказался на просрочке и завалил все склады цементом без всяких возможностей его реализации[26].

На основе анализа документов руководящих органов потребкооперации Главукооп пришел к неутешительному выводу о том, что правление Башпотребсоюза, принимая постановления, не осуществляло контроля за их исполнением. Так, в постановлении правления Башпотребсоюза от 14 апреля 1949 г. № 357 указывалось, что при проверке 42-х торговых предприятий Бирского района были установлены массовые случаи отсутствия в продаже товаров обязательного ассортиментного минимума. В постановлении № 727 от 3 августа 1949 г. вновь были зафиксированы те же нарушения. Ни по одному из этих решений никаких практических мер принято не было[27].

Характерной проблемой для кооперативной торговли на рубеже 1940–1950-х гг. стала неравномерность распределение товаров между городским и сельским населением. Так, в Янаульском районе городское население составляло только 17,6 %, однако райпотребсоюз на первый квартал 1949 г. спланировал по городу оборот в 38,6 %,

[23] РГАЭ. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 1687. Л. 35 об.
[24] Там же. Л. 12.
[25] Там же. Л. 47.
[26] Там же. Л. 48.
[27] Там же. Л. 49.

на второй – 40 %, на третий – 42 %. Кроме этого, четыре сельпо имели свои магазины в городе, в которых реализовывались сельские фонды. Такое распределение товаров производилось во многом с целью экономии по издержкам обращения. В результате сельпо, торгующие в городе, выполнили свои планы на 200 %, а остальные сельпо план хронически недовыполняли, и сельскому населению приходилось ездить за необходимыми товарами в город[28].

Материалы проверок Главукоопа свидетельствуют, что перебои в кооперативной торговле не всегда были следствием дефицита. Так, в проверенных в январе 1949 г. 25 торговых лавках Чекмагушевского райпотребсоюза не было соли. Торговлю солью магазины и лавки вели с большими перебоями, причем отпуск соли в одни руки производился в ограниченном количестве от одного до двух кг. В это время на складах райпотребсоюза имелось 180 т соли[29].

Совет Министров Башкирской АССР в развитие и исполнение Постановления Совета Министров СССР от 21 ноября 1949 г. «О состоянии торговли в Башкирской АССР» принял Постановление «О мерах улучшения торговли в Башкирской АССР»[30]. В нем были намечены практические мероприятия, которые должны были провести в жизнь кооперативные организации республики.

Произведенной проверкой Главукоопа в апреле 1950 г. хода выполнения указанных постановлений было установлено, что потребительская кооперация республики добилась улучшения работы в отдельных отраслях деятельности. План товарооборота за 1949 г. в целом по системе был выполнен на 107,4 %. Выполнили и перевыполнили план 377 сельпо из 601 и 59 райпотребсоюзов из 64. Розничный товарооборот увеличился в 1949 г. на 22,6 %. В ряде организаций было достигнуто укрепление финансового положения. Число убыточных предприятий на 1 января 1950 г. в сравнении с 1 января 1949 г. сократилось по сельпо с 189 до 29, по райпотребсоюзам – с 29 до 10. В отдельных организациях улучшилось состояние учета и отчетности, была сокращена дебиторская задолженность, а 93 сельпо вообще не имели дебиторской задолженности[31].

Вместе с тем в Башкирской АССР шел процесс расширения и специализации розничной торговой сети потребкооперации. Только за 1950 г. количество районных продмагов увеличилось с 17 до 29 единиц, сельмагов – с 637 до 669 единиц. Кроме того, в системе имелось 36 культмагов, 3 галантерейных и парфюмерных магазина, 36 специализированных магазинов по торговле строительными материалами[32]. Всего в Башкирской АССР за 1950 г. в системе потребкооперации количество магазинов и лавок возросло с 3869 до 4040 единиц[33].

Деятельность Главукоопа по контролю за промысловой кооперацией Башкирской АССР

По данным Главукоопа, промкооперация Башкирской АССР финансово-хозяйственную деятельность осуществляла с противоречивыми результатами. Производственная программа в целом за 1947 г. была выполнена на 110,9 %, в том числе по товарам широкого потребления – на 108,8 %. Однако в натуральном выражении было

[28] РГАЭ. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 1664. Л. 219.
[29] Там же. Л. 221.
[30] Там же. Д. 1253. Л. 26–27.
[31] Там же. Л. 27.
[32] Там же. Ф. 1562. Оп. 12. Д. 3493. Л. 15.
[33] Там же. Л. 18.

недодано значительного количества отдельных видов продукции. Так, потребители недополучили 2006,1 тыс. штук кирпича, 985 кроватей, 4,1 тыс. штук фонарей «летучая мышь», 158,4 тонн колесной мази, 747,5 тонн хлебобулочных изделий, а также запчастей для сельскохозяйственных машин на 139,1 тыс. руб.[34]

В общей сложности за 11 месяцев 1947 г. артелями промкооперации было недодано плановой продукции на 1 млн 39 тыс. руб. Среди причин невыполнения плана в отчете Главукоопа отмечено отсутствие инициативы в изыскании и использовании местного сырья, а также недостаточное количество мероприятий по расширению производства. Свою отрицательную роль сыграл и расчет руководства артелей на перевыполнение плана за счет нетрудоемкой продукции. Кроме того, проверками выполнения производственных программ за 1947 г., проведенными аппаратом старшего инспектора, были установлены приписки в 27 артелях на сумму 655 тыс. руб., а также множество фактов нарушений в приеме и оформлении заказов[35].

План розничного товарооборота за 1948 г. был выполнен в сумме 28518,3 тыс. руб., или 86,4 % к плану. Не выполняя план товарооборота, промысловая кооперация Башкирской АССР имела большие остатки товаров на складах, значительно превышающие норматив. Так, при нормативе готовой продукции в 4260 тыс. руб. остатки на 1 декабря 1948 г. составляли 7621 тыс. руб.[36]

Артели промысловой кооперации, вырабатывая товары широкого потребления и продовольствия для рынка, неудовлетворительно выполняли планы производства тех товаров, которые имели наибольший спрос. Швейные изделия, головные уборы, кожаная обувь и металлические изделия вырабатывались артелями промкооперации значительно хуже по качеству и дороже по цене, чем продукция государственной промышленности. К примеру, уфимская артель «Металлист» изготовляла ведра из черной жести, реализовывая их по цене 13 руб. 50 коп. за штуку. В то же время прейскурантная цена государственной промышленности на крашенные ведра такого же объема составляла всего 7 руб.

Проверка в артели «Аккумулятор» выявила, что изделия вырабатывались с нарушениями технических условий. На каждую партию в 100 замков должно было быть четыре разновидности ключей, а в действительности вырабатывалось только два. В артели «16 лет Октября» пуговицы из пресс-порошка не шлифовались, а потому не имели товарного вида. Также имели место факты нарушения рецептур при изготовлении продовольственных товаров. Так, в артелях «Хлебопек-кондитер» и «Пищевик» в Уфе мясной фарш изготовляли из одного обезличенного сорта мяса на все виды колбас. Для выправления положения Главукооп инициировал снятие с производства 10 видов изделий, в том числе ведер, замков 4-х видов, хлопчатобумажных косынок и колбасных изделий[37].

Система Управления промысловой кооперацией при Совете Министров Башкирской АССР на 1 октября 1948 г. имела 120 артелей, из которых 20 были убыточными с общей суммой убытка 423 тыс. руб. Артели, расположенные в глубинных районах Башкирской АССР, находились в тяжелом финансовом положении. Это было связано, в первую очередь, с наличием крупных перерасходов по цеховым и общепроизводственным расходам. Например, в артели «Швейпром» проверкой Главукоопа были установлены факты незаконной выплаты зарплат по совместительству на общую сумму 31,7 тыс. руб. В артели «Металлист» содержались сверх

[34] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 12. Д. 78. Л. 2 об.
[35] Там же. Д. 238. Л. 7.
[36] Там же. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 238. Л. 9.
[37] Там же. Л. 6.

штата работники, которым выплачивались повышенные оклады. В акте проверки было указано, что на содержание внештатных работников было незаконно израсходовано 7125 руб.[38]

В системе промысловой кооперации по состоянию на 1 ноября 1948 г. насчитывалось 9301 человек, при этом в течение 1948 г. было кооперировано 1204 чел. Вместе с тем материалы Главукоопа свидетельствуют о значительных недостатках во взимании паевых взносов. Не во всех артелях был установлен для каждого члена артели размер пая, не был налажен учет взносов. Многие работники артелей не имели членских книжек. Нередкими были факты нарушения устава. Особенно часто нарушался принцип коллегиальности в управлении делами артели со стороны председателей. Так, в артелях «Кожевник» и «Парижская коммуна» в Стерлитамаке прием и увольнение членов артелей производилось без решения общего собрания членов артели, а в артели «Свобода» всем членам был установлен одинаковый размер пая в 250 руб. вне зависимости от заработка[39].

В целом по республике продукция местной и кооперативной промышленности занимала в товарообороте только 4%. При наличии большого спроса населения в торговой сети отсутствовала в продаже мебель, кровати, лесощепные изделия, посуда, хозяйственный инвентарь. Между тем до войны мебель в Башкирской АССР вырабатывалась в размерах, полностью обеспечивающих потребность населения, при этом часть мебели вывозилась за пределы республики[40].

Согласно постановлению Совета Министров Башкирской АССР «Артель им. Молотова» должна была поставить Лескоопторгу разной мебели на 602 тыс. руб. Однако ассортимент мебели не был согласован, и поставка не производилась. В то же время артель поставляла мебель внерыночным потребителям, в том числе Уфимской железной дороге, Агрегатному заводу, городской филармонии. Артель «Лесозавод № 5» вообще ни с кем договоров не заключала, продукцию сбывала по разовым соглашениям внерыночным получателям, в том числе Металлургснабу, заводу № 26, тресту «Водоканал». Не работая на рынок, артель была затоварена неходовыми товарами. Сверхнормативные остатки образовались главным образом за счет невыкупленных по договору сухотарных бочек на 75,5 тыс. руб., кузовов для автомобилей на 63,4 тыс. руб. и спортинвентаря – на 18 тыс. руб., который находился на складе с 1944 г.[41]

Управление промысловой кооперации при Совете Министров Башкирской АССР проводило ряд мероприятий по улучшению качества вырабатываемых изделий. В течение 1949 г. три раза проводились осмотры изделий, на которые приглашались представители торговых организаций. По итогам осмотров принимались меры по улучшению технологии производства отдельных видов изделий, давались методические указания. Отметим, что осмотры изделий были одним из немногих методов в рамках плановой экономики изучения спроса населения на отдельные виды товаров. Материалы последующих проверок качества вырабатываемых изделий показали, что артели промысловой кооперации совершенно прекратили выпуск товаров без утвержденных технических условий. Вместе с тем значительно улучшилось дело бракеража товаров, повсеместно была внедрена маркировка товаров с указанием сорта, артикула и цены.

[38] РГАЭ. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 238. Л. 15.
[39] Там же. Л. 21.
[40] Там же. Д. 1253. Л. 9.
[41] Там же. Л. 10.

Борьбу за качество продукции промкооперации можно рассмотреть на примере уфимской артели «Музпром». В приказе Главукоопа № 207 от 3 сентября 1949 г. артель была отмечена как выпускающая некачественные гармони. После этого самой артелью и Башметаллопромсоюзом были приняты меры по улучшению технологии производства. За выпуск бракованных изделий был снят с работы заведующий производством С. И. Фоменко с привлечением к ответственности и взысканием нанесенного артели ущерба в сумме 11059 руб. В результате артель не только добилась улучшения качества продукции (например, гармоний), но и смогла расширить ее ассортимент и снизить цену[42].

Заключение

Аппарат старшего инспектора Главукоопа оказал значительное влияние на развитие потребительской и промысловой кооперации Башкирской АССР. Была проделана большая работа по контролю за финансово-хозяйственной деятельностью кооперативных организаций республики. Ревизии и проверки Главукоопа отличались высоким качеством, оперативно вскрывали нарушения и недостатки. Выявлялись причины роста дебиторской задолженности, проблемы функционирования торгово-складской сети и товародвижения. В отличие от решений и постановлений Башпотребсоюза решения Главукоопа своевременно проводились в жизнь, в том числе за счет прямых обращений старшего инспектора в Совет Министров Башкирской АССР. Положительным следствием работы Главукоопа можно признать рост объемов товарооборота, снижение убыточности кооперативных предприятий. Благодаря деятельности аппарата старшего инспектора удалось добиться снижения злоупотреблений, в том числе со стороны руководящих работников кооперации.

Вместе с тем проверки Главукоопа позволили установить, что завоз товаров в районы и в сельпо производился без учета их потребностей. Заявки сельпо и райпотребсоюзами хотя в отдельных районах и давались, однако во внимание поставщиками принимались не всегда, в результате чего товары завозились с нарушениями. Нередко в продаже отсутствовали товары обязательного ассортиментного минимума, а склады и торговая сеть в то же время были перегружены неходовыми товарами. Немаловажную роль сотрудники аппарата старшего инспектора Главукоопа сыграли в деле повышения качества и расширения ассортимента товаров, производимых артелями промысловой кооперации, а также в деле прекращения выпуска неходовых товаров.

Поступила в редакцию / Submitted: 19.01.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 9.06.2025
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.02.2026

References

Aksarin, V.V. “Personalities of Yamal commercial cooperation.” *Manuscript* 12, no. 10 (2019): 26–31 (in Russian), https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.3

Antoshkin, A.V. “Struggle Against Private Entrepreneurship in Enterprises of Craft and Consumer Cooperatives of Bashkortostan (1946–1950).” *Nauchnyi dialog* 14, no. 4 (2025): 368–385 (in Russian), https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-4-368-385

Bakanov, S.A., and Pass, A.A. “Gaps in government regulation of the cooperative industry sector in the USSR in the 1950s (case study of Chelyabinsk region).” *Bulletin of the South Ural State University.*

[42] РГАЭ. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 1253. Л. 2–3.

Series: Social Sciences and the Humanities 22, no. 1 (2022): 25–33 (in Russian), https://doi.org/10.14529/ssh220103

Barlybaev, H.A. *Ekonomika Bashkortostana* [Economy of Bashkortostan]. Ufa: [N.s.], 2007 (in Russian).

Burnasheva, N.I. "Producers cooperative in the social and economic development of Yakutia in 1930–1950-th." *Scientific Problems of Humanitarian Research*, no. 6 (2011): 10–15 (in Russian).

Danilevich, E.P. *Tsenoobrazovanie v promyslovoi kooperatsii* [Pricing in industrial cooperation]. Moscow: Vsesoiuznoe kooperativnoe ob`edinonnoe izdatel'stvo Publ., 1954 (in Russian).

Fain, L.E. *Otechestvennaia kooperatsiia: istoricheskii opyt* [Domestic cooperation: historical experience]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1994 (in Russian).

Grigoriev, A.V. "Satisfaction of consumer demand of rural residents of Chuvashia in 1946–1965." *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 3 (2007): 19–24 (in Russian).

Ivankov, V.P. *Ocherki istorii Bashkirskoi ASSR* [Essays on the history of the Bashkir ASSR]. Ufa: Bashknigoizdat Publ., 1966 (in Russian).

Kistanov, Ya.A. *Potrebitel'skaia kooperatsiia SSSR: istoricheskii ocherk* [Consumer cooperatives of the USSR: historical essay]. Moscow: Izdatel'stvo Tsentrosoiuza Publ., 1951 (in Russian).

Khaziev, R.A., and Khazieva, M.A. "Commercial activities of artisans, craftsmen and cooperators of the Urals during the Civil War." *The Liberal Arts in Russia* 14, no. 1 (2025): 52–58 (in Russian), https://doi.org/10.15643/libartrus-2025.1.5

Kulsharipov, M.M. *Istoriia bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir people]. Moscow: Nauka Publ., 2011 (in Russian).

Masalimov, S.G., Yamalov, M.B., and Akhmadieva, N.V. *Selo Bashkortostana v 1945–2000 gody* [Village of Bashkortostan in 1945–2000]. Ufa: Tipografiia izdatel'stva Vostochnogo universiteta Publ., 2003 (in Russian).

Makhmutov, A.Kh. *Ekonomicheskie reformy v Bashkortostane: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Economic reforms in Bashkortostan: past, present, future]. Ufa: Gilem Publ., 2009 (in Russian).

Nazarov, P.G. *Istoriia rossiiskoi promyslovoi kooperatsii* (1799–1960) [History of Russian industrial cooperation (1799–1960)]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 1995 (in Russian).

Novozhilov, A.A., and Fedchenko, M.N. "Personnel of producers' artels of the kurgan region (1946–1960)." *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 6 (2021): 71–77 (in Russian), https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.12

Rauzhina, L.S. "Post-war development of co-operative industry in the region." *Russian Journal of Regional Studies*, no. 4 (2009): 102–106 (in Russian).

Rybalka, V.I. "State and co-operative trade in the Mari ASSR rural area in the 1940–1970s." *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 4 (2011): 90–93 (in Russian).

Urazova, A.I., Khaziev, R.A., and Vasiliev, M.S. "Food supply to the population during the Great Patriotic War based on the documents of the council of people's commissars of Bashkir ASSR." *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 10 (2022): 135–141 (in Russian). https://doi.org/10.24158/fik.2022.10.23

Vorontsov, S.M. *Finansovoe planirovanie v promyslovoi kooperatsii* [Financial planning in industrial cooperation]. Moscow: Vsesoiuznoe kooperativnoe ob`edinonnoe izdatel'stvo Publ., 1955 (in Russian).

Yakovlev, P.I. *Promyslovaia kooperatsiia SSSR za 40 let* [Industrial cooperation of the USSR for 40 years]. Moscow: Vsesoiuznoe kooperativnoe ob`edinonnoe izdatel'stvo Publ., 1957 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Анатолий Васильевич Антошкин, кандидат исторических наук, докторант Института истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук; 620108, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; aav151284@rambler.ru; https://orcid.org/0000-0003-4901-3454; SPIN-код: 2721-3475.

Anatoliy Vasil'evich Antoshkin, PhD in History, Doctoral Student of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 16, S. Kovalevskoy Str., Yekaterinburg, 620108, Russia; aav151284@rambler.ru; https://orcid.org/0000-0003-4901-3454; SPIN-code: 2721-3475.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 342–355
http://journals.rudn.ru/russian-history

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ
HISTORY OF RUSSIAN CULTURE

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-342-355
EDN: MRCQJY

Научная статья / Research article

Мусульманские приходы Астраханской губернии в XVIII – начале XIX века

Марина Маратовна Имашева

Институт истории АН РТ имени Ш. Марджани, Казань, Россия
✉imaschewa@yandex.ru

Аннотация: Исследование посвящено одному из ключевых моментов истории ислама в Нижем Поволжье – анализу состояния мусульманской структуры и включению местного тюрко-мусульманского населения в округ Оренбургского магометанского духовного собрания в XVIII – начале XIX в. Представлен обзор истории этнических групп мусульманского населения региона, складывания конфессиональной мусульманской инфраструктуры в губернском центре и селах Астраханской губернии. Показана роль местной администрации и первого российского муфтия Мухамеджана Хусаинова в процессе включения мусульман региона в структуру Оренбургского магометанского духовного собрания. Впервые вводится в научный оборот сведения о времени строительства мечетей в Астрахани и селах юртовских татар, количестве мусульман, астраханских приходов, мусульманского духовенства при них в середине XVIII – начале XIX в., а также времени и обстоятельствах, приведших к включению мусульман Нижнего Поволжья в структуру Оренбургского магометанского духовного собрания. Автор приходит к выводу, что в течении XVIII в. в Астраханской губернии, в одном из регионов Российской империи со значительным мусульманским населением, происходил процесс институализации конфессиональной инфраструктуры и постепенного ее включения в государственную систему. В результате совместных усилий исполнительной власти и муфтия Мухамеджана Хусаинова в начале XIX в. мусульманское население Астраханской губернии было включено в округ Оренбургского магометанского духовного собрания.

Ключевые слова: Оренбургское магометанское духовное собрание, мусульмане, муфтий, мусульманское духовенство, мечеть, приход, указные муллы.

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Работа выполнена за счет предоставленного в 2025 году Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан от 25.12.2025 №29/2025-ФИП.

Для цитирования: *Имашева М.М.* Мусульманские приходы Астраханской губернии в XVIII – начале XIX века // Предпринимательская деятельность армян России // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 342–355. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-342-355 EDN: MRCQJY

© Имашева М.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Muslim Parishes in the Astrakhan Governorate during 18th – Early 19th Century

Marina M. Imasheva

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
✉imaschewa@yandex.ru

Abstract: The author devotes their work to one of the key moments in the history of Islam in the Lower Volga Region – the analysis of the state of the Muslim structure and the inclusion of the local Turkic-Muslim population in the Orenburg Muslim Spiritual Assembly during the 18th – early 19th century. The article provides an overview of the history of the ethnic groups of the Muslim population in the region, as well as the development of the Muslim religious infrastructure in the center of Orenberg and villages of the Astrakhan governorate. The author also highlights the role of the local administration and the first Russian Mufti, Mukhamedzhan Khusainov, in the process of including the Muslims of the region in the Orenburg Muslim Spiritual Assembly. For the first time, the author introduces into scientific use the information about the time of the construction of mosques in Astrakhan and the villages of the Yurt Tatars, the number of Muslims, the Astrakhan parishes, and the Muslim clergy in them in the mid-18th – early 19th centuries, as well as the time and circumstances that led to the inclusion of the Muslims of the Lower Volga Region in the structure of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly. The author concludes that during the 18th century, in the Astrakhan Governorate, one of the regions of the Russian Empire with a considerable Muslim population, there was a process of institutionalization of the religious infrastructure and its gradual integration into the state system. As a result of the joint efforts of the executive authorities and Mufti Mukhamedzhan Khusainov, in the early 19th century, the Muslim population of the Astrakhan Governorate was included in the area of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly.

Keywords: Orenburg Muslim Spiritual Assembly, Muslims, Mufti, Muslim clergy, mosque, parish, appointed mullahs.

Conflict of interests: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The research was carried out at the expense of a grant provided in 2025 by the Tatarstan Academy of Sciences for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan (25.12.2025 №29/2025-FIP).

For citation: Imasheva, M.M. "Muslim Parishes in the Astrakhan Governorate during 18th – Early 19th Century." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 342–355 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-342-355 EDN: MRCQJY

Введение

Актуальность. В XVIII в. в российском государстве утвердилась абсолютная монархия, с ее стремлением установить контроль над всеми подданными и всеми сферами государства. Во вновь созданной Астраханской губернии были сформированы структуры местной исполнительной власти, которые в том числе постепенно установили контроль и за местным мусульманским населением. Одним из проявлений этого стал «учет» не только общего количества мусульман в регионе, но и количества мусульманских мечетей (приходов) и духовенства. Следующим вполне логичным шагом стало включение всей мусульманской инфраструктуры Астраханской губернии в округ Оренбургского магометанского духовного собрания, в чем местные власти преуспели при активном содействии Муфтия Мухамеджана Хусаинова.

Это был важнейший шаг в истории астраханского мусульманского населения, так как с этого времени и само население и исламские институты (мечети, начальная конфессиональная школа, приходское духовенство) получили официальное подтверждение своей легитимности в государственном измерении. Ввиду этого, как нам представляется, весьма важно изучить вопрос, который до настоящего времени не был затронут в науке, о том как происходил процесс включения мусульман Астраханской губернии в округ Оренбургского магометанского духовного собрания.

Современное Духовное управление мусульман Астраханской области входит в состав Центрального духовного управления мусульман, которое является правопреемником Оренбургского магометанского духовного собрания. Тем самым продолжается уже более чем 200-летняя традиция, которая и в прошлом, и в настоящем способствовала и способствует мирному сосуществованию на территории Нижнего Поволжья представителей разных народов и вероисповеданий. Этим обстоятельством обусловлены актуальность и научная новизна этой статьи.

Степень изученности проблемы. В дореволюционный период история и функции Оренбургского магометанского духовного собрания практически не освещалась. Работой, изданной в виде брошюры в миссионерских целях, в которой отведено значительное место системе управления мусульманским духовенством со стороны Оренбургского магометанского духовного собрания, является служебная записка сотрудника Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий С.Г. Рыбакова «Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России»[1]. В 1889 г. малым тиражом была издана первая краткая история Собрания в связи со 100-летним юбилеем учреждения, в ней содержались сведения о численности мечетей и духовных лиц в округе, но относились эти сведения лишь к концу XIX в.[2]

История Оренбургского магометанского духовного собрания в советский период, в силу причин идеологического характера, не оказывалась в орбите внимания ученых. В постсоветской отечественной историографии вопрос возникновения и становления Муфтията – Оренбургского магометанского духовного собрания стал достаточно популярной исследовательской темой в 1990-е гг., когда на волне поиска этнической и конфессиональной идентичности проснулся интерес к национальным историям. Ввиду этого история Муфтията исследовалась прежде всего историками Татарстана и Башкортостана.

В 1990–2000-е гг. вышли в свет статьи и монографии А.Ю. Хабутдинова[3], Д.Д. Азаматова[4], И.К. Загидуллина[5] и др. В 2010-е гг. история Муфтията как института российского мусульманского сообщества, была включена в ставшие уже академическими учебники по истории татарского народа и по истории ислама в России[6]. В конце 2010 г. – начале 2020 г., в связи с празднованием 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией также появился ряд публикаций, посвященных истории ислама у татар и Оренбургского магометанского духовного собрания[7].

---

[1] *Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Петроград, 1917.

[2] *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи. Казань, 2007. С. 21. EDN: QUJPVX

[3] *Хабутдинов А.Ю.* Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII–XIX вв. Казань, 2000; *Его же.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX вв. Казань, 2001.

[4] *Азаматов Д.Д.* О первой попытке реформирования Оренбургского магометанского духовного Собрания // Религия в современном мире. Казань, 1998. С. 155–157; *Его же.* Заседатели Оренбургского магометанского духовного собрания в XIX в. // Мир ислама. 1999. № 1–2. С. 123–134.

[5] *Загидуллин И.К.* Исламские институты...

[6] *Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю.* История ислама в России. М., 2019; *Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р.* История татарского народа. Казань, 2021.

[7] *Хабутдинов, А.Ю., Имашева М.М.* Лидеры мусульманского движения Российской империи об основных политических вопросах начала XX в. // История, археология, этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 4. С. 969–981. https://doi.org/0.32653/CH164969-981 EDN: VQXNPH; *Махмутов З.А.* Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середина XX в. // Вестник РУДН: Серия История России. 2021. Т. 21. № 1. С. 61–73. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73 EDN: QCJJHQ

Что касается истории мусульман Астраханской губернии и их существования в системе Оренбургского духовного собрания, то в упомянутых нами работах по истории учреждения этот вопрос никак не затрагивался. В региональной астраханской историографии также этот вопрос практически не освещался. Исключение составляет вышедшая в 2008 г. монография «Ислам в Астраханском регионе» В.М. Викторина, которая содержит ничем не подтвержденные данные о том, что мусульманские приходы Астраханской губернии вошли в состав Муфтията сразу же после его создания, в 1789 г.

В этой же работе утверждается, что под эгидой ОМДС в Астрахани была открыта первая в регионе мусульманская школа (мектебе)[8]. Забегая вперед, отметим, что мектебе в Астрахани, как показывает источник, существовало до этого. Как и при каких обстоятельствах произошли эти события, автором не упоминается, ввиду того что он не обращался к архивным материалам. В этой связи данная статья призвана восполнить существующие пробелы.

Целью исследования является определение численности приходов и мусульманского духовенства Астраханской губернии в конце XVIII – начале XIX в. и исследование процесса включения мусульманского населения в структуру Оренбургского магометанского духовного собрания в это время.

Источниковая база. Статья основана на документах, которые были выявлены в Государственном архиве Астраханской области. Они вводятся в научный оборот впервые. Отложились документы в фондах «Астраханский нижний земский суд» (Ф. 412), «Астраханская губернская канцелярия» (Ф. 394) и ранее в науке не были востребованы.

Губернская канцелярия осуществляла общее управление на территории губернского города и его уезда, так что вполне понятно, почему учет мечетей и их прихожан в Астрахани и уезде велся здесь. Так как астраханские татары принадлежали к сословию государственных крестьян и, в основном, проживали в Астраханском уезде, делами «относящимися до них» ведал Нижний земский суд. Соответственно, делопроизводственная документация конца XVIII – начала XIX в., касающаяся и их духовных дел, отложилась в делах этого учреждения.

Группы мусульманского населения Астраханской губернии в XVIII – начале XIX в.

Астраханская область в составе Российской Федерации, является одним из регионов, в котором мусульманское население составляло и составляет, от одной трети до четверти населения, согласно данным имперской, советских и российских переписей. К началу XIX в. оно было представлено различными группами тюркского происхождения: юртовскими (астраханскими) татарами, карагашами (переселившаяся в пределы Астраханской губернии после ликвидации Малой Ногайской Орды часть ее населения), средневолжскими татарами, потомками переселенцев из Средней Азии и Закавказья.

После падения Астраханского ханства в 1556 г. юртовские татары, которые являются потомками его населения, вели полукочевой образ жизни в окрестностях вновь основанной в 1558 г. русской Астрахани. Постепенно, в течении XVII–XVIII вв. они переходили к оседлому образу жизни. На месте зимних стоянок появлялись села юртовских татар, в которых строились не только дома, но и мечети. Соответственно, при мечетях служило приходское духовенство – имамы и муэдзины. Во главе мусуль-

[8] *Викторин В.М.* Ислам в Астраханском крае. М., 2008. С. 36.

манских общин юртовских татар стояли ахуны (в российской делопроизводственной практике их часто также называли казыями), которые выдвигались из их среды и слыли «наиболее сведущими в шариате и богобоязненными» людьми. Существует мнение, что ахуны могли быть потомками золотоордынских сейидов[9]. К началу XIX в. звание ахунов передавалось по наследству.

В самой Астрахани большую роль играли восточные купцы из Индии, Персии, Средней Азии и Закавказья. В целях поощрения их к участию в российско-азиатской торговле через Астрахань, российские власти уже в конце XVI в. разрешили этим купцам основать свои торговые фактории в городе, получившие название Гостиных Дворов. С течением времени население факторий росло, на их территории сформировалась инфраструктура, включавшая караван-сараи, склады, торговые лавки и мечети.

В 1780-е гг., в результате внешнеполитических успехов Российской империи и расширения ее восточных границ, Астрахань потеряла статус главного торгового центра российско-азиатской торговли. Российское правительство в это время приняло решение распространить сословное имперское законодательство на жителей трех астраханских Гостиных Дворов: Бухарского (потомки среднеазиатских купцов), Гилянского (перешедшие в ислам суннитского направления потомки купцов-азербайджанцев) и Агрыжанского (потомки купцов индусов-мусульман от браков с юртовскими татарками). В итоге было создано астраханское общество татар Трех дворов, члены которого были признаны российским подданными. По вероисповеданию они были мусульманами-суннитами и прихожанами выстроенных на средства общества городских мечетей.

С 1720-х гг. в Астрахань стали переселяться казанские татары. Первые из них в городе поселились в связи с созданием Адмиралтейства и Персидским походом Петра I. Также казанские татары из числа рекрутов, были в составе местных воинских команд. Небольшое число переселилось в коммерческих интересах. Так, в начале XVIII в., в городе появилась Казанская слобода с собственным мусульманским приходом. В 1780–1810-е гг. татарами-переселенцами из Казанской и Пензенской губерний было основано несколько сел в Черноярском и Астраханском уездах губернии, в которых также были организованы самостоятельные приходы.

В 1780-х гг., после разгрома А.В. Суворовым Малой Ногайской Орды в пределах Астраханской губернии, в Красноярском уезде, обосновались карагаши (кундровские татары), основавшие два крупных села – Сеитовку и Хожетаевку, выполнявших роль зимних стоянок. В это же время с Мангышлака, под натиском казахов, в регион откочевали туркмены-игдыры. Карагаши и туркмены вели полукочевой образ жизни, при этом ислам играл в их жизни ключевую роль и в рамках обществ были образованы мусульманские приходы.

Эти перечисленные группы мусульманского населения Астраханской губернии и оказались в округе «попечения» Оренбургского магометанского собрания сразу после его создания[10]. В 1790-е гг. встал вопрос о включении мусульманского духовенства губернии в состав Муфтията, проведение экзаменов на знание основ религии и выдачи указов на занятие духовных должностей.

Мусульманские приходы Астраханской губернии в середине XVIII в.

Прежде чем говорить о том, как и когда произошло включение мусульманского духовенства Астраханской губернии в структуру Оренбургского магометанского духовного собрания, следует выяснить вопрос о количестве приходов и численности самого духовенства в XVIII – начале XIX в. в регионе.

[9] *Исхаков Д.М.* Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997. С. 68.
[10] *Хабутдинов А.Ю.* История ОМДС (1788–1917): институты, идеи, люди. М., 2010. С. 10.

По свидетельству источников, уже в 1586 г. у живших около Астрахани татар была своя мечеть. В 1616 г. в Гилянском Гостином дворе была выстроена скорее всего шиитская мечеть[11]. В 1620 г. ногайский сеид Сайфеддин выстроил мечеть уже в Астрахани, получив на то разрешение воеводы[12]. В 1666 г. Астрахань посетил турецкий путешественник Эвлия Челеби, который сообщил, что в «нижнем городе» (то есть за кремлевской стеной, в посаде), выстроено 7 мечетей[13].

Спустя сто лет С.Г. Гмелин побывал в Астрахани в 1769–1770 гг. По его сведениям, в Агрыжанском, Бухарском и Гилянском гостиных дворах было 4 мечети. В селе юртовских татар Тияк (Зацаревское, которое вошло в черту города уже к середине XIX в.) он указывает на наличие 15 мечетей[14]. При мечетях было духовенство – муллы (имамы) и муэдзины.

В фондах Государственного архива Астраханской области нами были выявлены документы, которые подтвердили сведения С.Г. Гмелина. В середине XVIII в. губернская канцелярия составила подробную ведомость мусульманских мечетей в г. Астрахани и уезде («в особых татарских селениях»). Связано это было с политикой христианизации нерусских народов империи, которую проводило правительство Елизаветы Петровны. В 1742 г. местным властям было предписано «ломать» мечети в городах и сельской местности по всей стране, где проживали мусульмане[15]. Миссионеры надеялись, что, лишившись своих храмов, мусульмане скорее обратятся в православие.

В рамках реализации этого указа 28 марта 1743 г. в астраханскую губернскую канцелярию поступило распоряжение из Санкт-Петербурга, в котором предписывалось составить вышеупомянутую ведомость[16]. В мае 1744 г. была составлена «Опись мечетям, которые имеютця при Астрахани и в юртах а коликое число оных и в которых годех и с чьего позволения построены».

Всего в г. Астрахани в это время было 10 мечетей. При Гилянском Гостином дворе, в котором насчитывалось 30 дворов, была одна мечеть, глиняная мазанка. На территории Бухарского Гостиного двора, к которому было приписано 151 домохозяйство, было 3 мечети. Первая из них, глиняная мазанка, была построена в начале 1700-х гг. («сорок лет тому»). Вторая, деревянная мечеть, была построена в 1735 г., разрешение на строительство ее от губернских властей получил тогдашний староста двора Седык Ходжа. Третья, выстроенная в 1742 г. по решению старосты Сюин Ходжи, была также деревянной. На 27 домохозяйств Агрыжанского Гостиного двора приходилась деревянная мечеть, построенная в 1690-е гг. («лет с петдесят тому»), по решению общества. В Казанской слободе находился 91 двор и две мечети. В 1704 г. была построена деревянная мечеть. Вторая мечеть была построена в том же, 1704 г., в 13 саженях расстояния от первой[17].

В XVIII в. начался процесс включения части юртовских татар в структуру городского населения. Села Тияк (Царевское), Мошаик и Зацаревское, прилегавшие к городу Астрахани, постепенно становились его частью. Селились юртовские татары

[11] *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004. С. 124. EDN: QOVTDB

[12] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 569. EDN: PYIQDD

[13] *Челеби Э.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М., 1979. Вып. 2. С. 132.

[14] *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1777. Ч. 2. С. 146, 163.

[15] История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 152.

[16] Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 911. Л. 39.

[17] Там же. Л. 40–40 об.

близ постоянно действовавшего городского Татар-базара, прилегавшего к Казанской слободе. К 1744 г. в городе насчитывалось 120 дворов юртовских татар и три мечети, им принадлежавшие.

Первая, деревянная мечеть была построена в 1729 г. жителем Агрыжанского двора Адидбаем, который сам затем уехал в хадж и не вернулся. Вторая, также деревянная, мечеть, была построена в 1737 г. казанским татарином Осипом Михайловым, на месте пришедшей в ветхость глиняной мечети-мазанки. Третья мечеть – глиняная мазанка, была построена в 1690-е гг.[18] Особо указывалось, что «неизвестно с чьего разрешения» большинство из этих мечетей было построено.

После сбора сведений о количестве мечетей подразумевалось, что большая их часть будет сломана, и губернаторам следовало об этом сообщить в Санкт-Петербург. Согласно ставшими уже академическими данным из сборника документов и материалов по истории Татарии (1937 г.), в Астраханской губернии было сломано 29 мечетей из 40 (в Казанской – 418 из 536; в Сибири – 98 из 133)[19]. Но документы астраханского архива говорят о том, что в регионе никакого «слома» мечетей не произошло.

Во время реализации этого указа, в 1741–1745 гг., губернатором в Астрахани служил В.Н. Татищев, который был сторонником очень умеренной и взвешенной политики в отношении нерусских народов Российской империи. Он на свой страх и риск пошел на определенную хитрость в попытке сохранить культовые здания астраханских мусульман и обеспечить их лояльное отношение к властям.

Сломаны были лишь две мечети, которые и так находились в аварийном состоянии, были «ветхими». А в отношении других губернатор Татищев сделал распоряжение старостам приходов

> мечеть иметь <…> до того времени пока на новое место переведены будут и с того времени о сломке мечети и чтоб в ней службу не отправлять ни от кого запрещения не было[20].

Также поступили со сведениями о мечетях в селах (зимних стоянках) юртовских татар. Они вообще в «опись» были не включены, формально закрыты, с тем чтобы при каждом обществе осталась только одна мечеть, но в столицу было отправлено сообщение, что мечети были сломаны, как раз по губернии – 29 из 40 существовавших.

Губернатор В.Н. Татищев собрал старост дворов, мурз и табунных голов юртовских татар, приходских мулл и объявил им некий устный приказ на закрытие мечетей, затем обязал их «подписом». Но никакого контроля за выполнением распоряжением не было установлено, и мечети очень быстро открылись для прихожан. Уже через десять лет, при «распросе», представители приходов и общин говорили, что об указе том слышали, но

> по просьбе старшин бывший в Астрахани губернатор Тайный Советник г-н Татищев мечети до времени иметь позволил, а что в оных мечетях службы отправлять запрещения ни одного не было[21].

В феврале 1754 г. астраханский обер-комендант бригадир А. Лескин и глава местного гарнизона майор Г. Тебелев по просьбе губернской канцелярии провели новый «розыск» астраханских мечетей, так как в столице решили проверить, как был

[18] ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 911. Л. 40–40 об.
[19] История Татарии в документах… С. 152.
[20] ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 911. Л. 147.
[21] Там же. Л. 152.

выполнен указ о «сломе» мечетей. В Астрахани в это время осталось 5 действующих мечетей: по одной при каждом Гостином дворе, одна при Казанской слободе и одна мечеть юртовских татар. Во всех мечетях «по закону служба отправлялась».

Выяснилось также, что за прошедшее десятилетие границы расселения мусульман в городе несколько поменялись. Бухарский Гостиный двор «переехал» южнее, вплотную к Казанской Татарской слободе, и здесь и была построена новая мечеть, старые три сломали. Юртовские татары также обрели новое здание мечети из «татарского сырого кирпича», а три старых здания были переписаны к сельским обществам. В Казанской слободе закрыли одну мечеть. Размеры мечетей, указанные в приложенной ведомости, были небольшие: от 36 до 70 кв. м[22]. Мечеть юртовских татар в городе являлась соборной (главной), и в нее они по пятницам «приезжали ото всех сторон из жилищ своих для мольбы»[23].

В сведениях за 1754 г. содержатся первые сведения о священнослужителях при астраханских мечетях. Так, при мечетях Бухарского двора, по словам старосты Джапара Ходжи Седекова, всегда служили хивинские или бухарские имамы. И прихожанами в этой мечети, соответственно были выходцы из Средней Азии. В мечети Казанской слободы был мулла, приехавший из Казани. У юртовских татар муллы были также из своих «соплеменников».

В ведомости за 1754 г. содержатся сведения о мечетях юртовских татар в Астраханском уезде, а также зафиксированы сведения о наличии у них начальной конфессиональной школы. Косвенно ведомость свидетельствует и о процессе постепенного их отхода от полукочевого образа жизни и оседания на землю, так как мурзы, табунные головы и старосты юртовских татар указывали, что мечети строились лет тому тридцать, двадцать, пятнадцать назад, т.е. в 1720–1740-е гг., «как юртовские татары из юрт поселились на оном месте»[24].

Согласно ведомости мечетей, в Астраханском уезде было 35, все они имели небольшую площадь, от 17 до 35 кв. м. Только в двух из них службы шли круглый год, в остальных – только в зимний период. Наибольшее число приходов было на Тияке – 10 мечетей, и в селе Зацаревском – 12. Здесь, при одной из них, соборной, муллой Кутлумагаметом Машаяновым было открыто мектебе, в котором он и другие муллы

> по Указу Астраханской губернской канцелярии обучал <…> здешних татар юртовских людей детей малолетних татарскому закону и грамоте[25].

Таким образом, в 1754 г. в Астраханской губернии насчитывалось всего 40 мечетей, 3 были построены «из сырого татарского кирпича», 37 – «деревянных брусяных, бревенчатых и дощатых». Власти также предприняли попытку выяснить, какова была численность мусульман в регионе [26]. Оказалось, что к Бухарскому двору относятся 392 душ мужского пола, к Гилянскому – 165; к Агрыжанскому – 142, к Казанской слободе – 229, к городскому обществу юртовских татар – 56, к юртовским татарам в разных селах Астраханского уезда – 3012. Всего же – 3996 душ мужского пола мусульманского вероисповедания[27].

[22] ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 911. Л. 152.
[23] Там же. Л. 207 об.
[24] Там же. Л. 151.
[25] Там же. Л. 148–153 об.
[26] Там же. Л. 207.
[27] Там же. Л. 207 об.

Включение мусульман Астраханской губернии в структуру Оренбургского магометанского духовного собрания

В царствование «просвещенной» императрицы Екатерины II произошли серьезные изменения в конфессиональной политике государства, была провозглашена веротерпимость. Переломным стал 1788 г., когда по Высочайшему повелению было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание. Новое учреждение должно было:

> иметь в своем ведомстве всех духовных чинов того закона, в разных губерниях пребывающих, исключая Таврической области, <…> в случае надобности определять их куда-либо вновь, сии люди были предварительно испытаемы…[28]

Располагалось оно в г. Уфе, в то время уездном городе Оренбургской губернии[29]. Во главе ведомства был поставлен назначаемый российским правительством Муфтий. Им стал ахун при Оренбургской пограничной экспедиции Мухамеджан Хусаинов (1756–1824)[30].

Все мусульмане Российской империи оказались в ведении Оренбургского магометанского духовного собрания. А духовные лица «магометанского закона» для того, чтобы занять соответствующую должность, должны были сдать экзамен и получить специальный указ, который затем утверждался губернским начальством. Порядок сдачи экзамена и утверждения на должность был определен в Положении об Оренбургском магометанском духовном собрании главой Симбирского и Уфимского наместничества бароном О.А. Игельстромом в 1789 г.[31]

После этого «явочным» порядком ахуны, имамы и муэдзины Казанской губернии, Симбирского и Уфимского наместничеств стали сдавать в Уфе экзамены на соответствие их знаний занимаемой должности, и к 1800 г. количество их составило 1921 чел. Только за 1791 г. экзаменам подверглись 789 чел., включая 7 ахунов, 2 помощников ахунов, 51 мухтасиба, 527 мулл (имамов), 9 мударрисов, 339 азанчеев (муэдзинов), 10 фаррашей и 15 муджавиров[32].

Оставалось неясным, каким образом отдаленные от Уфы регионы со значительным мусульманским населением, каковым, например, являлось Нижнее Поволжье, были подчинены Оренбургскому магометанскому духовному собранию, а также когда, в каком количестве и при каких обстоятельствах местное мусульманское духовенство получило указы на занятие духовных должностей.

Первый муфтий ОМДС Мухамеджан Хусаинов не случайно был назначен на должность российским правительством, он обладал большим авторитетом в среде мусульман, не оспаривавшим его учености, а также был активным проводником российской политики в Волго-Уральском регионе, Казахской Степи и на Северном Кавказе. Он принял личное участие в процедуре включения астраханских мусульман-суннитов в структуру Муфтията в 1794 г., когда муфтий по просьбе Екатерины II отправился в путешествие на Северный Кавказ, где приводил к присяге на верность российской короне местное мусульманское население[33].

---

[28] ПСЗ РИ–1. Т. 22. № 16710.

[29] Там же.

[30] Там же. № 16711.

[31] Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. 5. С. 563–564.

[32] *Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю.* Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Нижний Новгород, 2011. С. 28–29.

[33] *Хабутдинов А.Ю.* История ОМДС… С. 27.

По пути на Кавказ М. Хусаинов специально остановился в Астрахани, где в течении двух недель проводил встречи с местным мусульманским духовенством, и выдал указы на занятие должностей приходским имамам и муэдзинам[34]. Через духовенство всем мусульманам Астрахани и окрестностей было объявлено о том, что они отныне относятся к ведомству Духовного Собрания.

Таким образом, институт «указных» мулл в Астраханской губернии утвердился в 1794 г. До этого ахуны (казыи) получали это звание по наследству, с одобрения мурз и табунных голов, приходские имамы и муэдзины выбирались прихожанами из наиболее «сведущих в магометанских знаниях людей», на приходском собрании и в своих званиях никем не утверждались.

В 1794 г. указы от муфтия М. Хусаинова получили: в селении Солянском 4 муллы и 1 муэдзин; в Биштубиновском – 2 муллы; в Башмаковском – 3 муллы; в Каргалинском; Осыпнобугоринском, Кулаковском – по 1 мулле; Трехпротокском – 3 муллы; Мошаикском – 3 муллы и 1 муэдзин; в Царевском – 2 муллы и 2 муэдзина; в Зацаревском – 7 мулл[35]. Но, как оказалось, не было сделано распоряжения о том, чтобы все вновь избираемые муллы и муэдзины впредь получали такие же указы в обязательном порядке из Муфтията. И в последующее десятилетие никто из вновь избранного астраханского мусульманского духовенства за указами в Духовное Собрание не обращался и служили «по старинке», на основании одних лишь приходских выборов.

Обнаружилось это в 1803 г., когда в губернское правление из Оренбургского магометанского собрания поступило прошение не облагать налогами указное духовенство региона на основании существующего законодательства[36]. За прошедшее со времени первого приезда муфтия десятилетие в географии и демографии региона произошли значительные изменения. Процесс оседания на землю юртовских татар продолжился, образовались новые приходы. Организовали свои приходы карагаши и туркмены во вновь основанных селах в Красноярском и Астраханском уездах. Появились села татар-переселенцев из Средневолжских и Приуральских губерний в Царевском, Черноярском и Астраханском уездах, в которых также были образованы приходы, духовные лица при которых не имели указов из духовного собрания на осуществление своей деятельности.

В мае 1806 г. последовал специальный Указ Александра I, предписавший Нижнему земскому суду организовать встречу вновь приехавшего в город Муфтия М. Хусаинова с «находящимися в Астрахани и в близости оной от всех мечетей всех духовного звания магометанского закона людьми». К последним были отнесены «муллы, имамы, соборные хатыпы, казыи, ахуны и азанчеи, которые только сим званием называются» из Астрахани, Астраханского, Красноярского, Черноярского и Царевского уездов[37].

В губернский Нижний земский суд было вызвано все мусульманское духовенство астраханских приходов, как состоящее в ведомстве Оренбургского магометанского духовного собрания, для «разсмотрения их прав на сии звания, способностей к отправлению оных и вразумлению о догматах закона», с последующим подтверждением старого или выдачей нового указа на занятие должности. 20–22 мая 1806 г. все заинтересованные прибыли на встречу к муфтию и успешно пройдя испытание,

[34] ГААО. Ф. 412. Оп. 3. Д. 268. Л. 1–3.
[35] Там же. Л. 2.
[36] Там же. Оп. 1. Св. 1 (64). Д. 93. Л. 1.
[37] Там же. Оп. 3. Д. 268. Л. 1.

получили указы «на занятие духовных должностей магометанского закона». Старые указы были подтверждены[38].

Было сохранено ахунское управление в губернии. Двум ахунам юртовских татар, резиденции которых располагались в селах Солянское и Зацаревское, были подчинены все астраханские мусульмане, как городские, так и сельские. За ахунами также был закреплен статус казыев, то есть шариатских судей. Такой порядок сохранился до 1918 г.

К приезду муфтия выяснили численность приходов и духовенства при них в Астраханском уезде. Согласно ведомости Нижнего земского суда, составленной в конце 1805 г., в Астраханской губернии было «учтено»: в селении Солянском 7 мусульманских приходов, с 7 муллами и 6 муэдзинами при них; Бештубинском – 3 прихода, 3 муллы и 3 муэдзина; в Татаро-Башмаковском – 5 приходов, 5 мулл и 5 муэдзинов; в Каргалинском – 2 прихода, 2 муллы и 2 муэдзина; в Семековском – 1 приход, 1 мулла и 1 муэдзин; в Осыпном Бугре – 2 прихода, 2 муллы и 2 муэдзина; в Кулаковском – 1 приход, 1 мулла и 1 муэдзин; в Трехпротокском – 3 прихода, 3 муллы и 3 муэдзина; в Мошаикском – 5 приходов, 5 мулл и 3 муэдзина; в Килинчинском (по сю сторону Казачьего Бугра) – 2 прихода, 2 муллы и 2 муэдзина; в Килинчинском (по сю сторону Болды) – 2 прихода, 2 муллы и 1 муэдзин; в Царевском – 3 прихода, 3 муллы и 3 муэдзина[39].

Таким образом, в селениях юртовских татар в 1806 гг. было всего 36 приходов с 36 муллами и 32 муэдзинами при них. В эти приходы входило 839 дворов (домохозяйств) и 2698 душ мужского пола. Оказалось также, что только 12 священников имеют указы на занятие должностей от муфтията, полученные в 1794 г. Остальные занимали свои должности на основании «общественных приговоров, как издавна заведено было»[40].

Главным результатом второго посещения муфтием Астрахани стало то, что астраханским мусульманам было окончательно «разъяснено», что отныне занятие должности приходского муллы возможно исключительно при наличии указа от Муфтията. Уже в начале следующего, 1807 г., бывший государственный крестьянин с. Курочкинского (ныне – с. Курченко) Астраханского уезда, перешедший в общество татар Бухарского двора и на приходском сходе Сагировой пятивременной мечети «определенный обществом» муллой Мавлюкай Абубакар обратился в Нижний земский суд с просьбой об утверждении его в этом звании. При этом он просил разрешить ему

> ныне со оных актов отправить при прошении копии в учрежденное в Уфе по Высочайшему повелению Духовное Магометанского закона Собрание для утверждения меня настоящим муллою.

Разрешение было получено, и в июле 1807 г., после получения указа из Муфтията и одобрения его губернским правлением, М. Абубакар был «утвержден» в звании муллы[41].

К первой половине 1807 г. относится и переписка между ахуном и казыем Амолаберды Алакаевым и муллой Исмагилом Хаджи Ниязовым с астраханскими губернскими властями по поводу поступившего из Оренбургского магометанского духовного собрания предписания от 6 декабря 1806 г. о необходимости сбора денег

[38] ГААО. Ф. 412. Оп. 3. Д. 268. Л. 5.
[39] Там же. Оп. 1. Св. 3 (41). Д. 134. Л. 4.
[40] Там же. Л. 11–12 об.
[41] Там же. Ф. 412. Оп. 1. Св. 1 (51). Д. 21. Л. 1–1 об.

с астраханских мусульман на организацию и содержание местных милицейских команд[42]. Мулла И.Х. Ниязов, вызванный в волостное правление с. Царево, заявил, что

> хотя и обещались жительствующие в Астраханском уезде в разных селениях муллы дать на содержание милиции и в обещание их деньги на исполнение никакого не учинили, так как было моровое поветрие и затруднения в сборе денег[43].

То же самое показал и ахун А. Алакаев из с. Солянского[44].

Губернатор Д.В. Тенишев в июне 1807 г. продолжал настаивать на том, чтобы предписание Оренбургского магометанского собрания мусульманским духовенством губернии было выполнено. Главным аргументом главы губернии было то, что Духовное Собрание – это орган, которому астраханские мусульмане непосредственно подчинено и его распоряжения следовало исполнять. Духовенство, со своей стороны, признало правоту губернатора и обещало в скором времени приступить к сбору денег[45].

В августе 1809 г., согласно ведомости Городской Думы, в Астрахани проживал 31 представитель мусульманского духовенства, 2 казыя, 22 муллы и 7 муэдзинов. У всех имелись указы на занятие должностей[46]. Эти сведения были переданы в Духовное Собрание для «окончательного утверждения», с припиской, что все мусульманские священники при этих приходах имеют указы на занятие должностей и «впредь вновь избранные» без указов к исправлению должности допускаться не будут[47].

Заключение

Таким образом, очевидно, что к концу XVIII в. в городе Астрахань и Астраханской губернии имелось значительное мусульманское население, сформировавшее исламскую инфраструктуру с приходами, зданиями мечетей и выборным приходским духовенством. Это стало следствием проводившейся в Российской империи религиозной политики веротерпимости в рамках просвещенного абсолютизма Екатерины II. Императрица, отказавшись от проводившейся ее предшественниками на российском троне насильственной христианизации мусульман империи, создала орган, который должен был объединить все мусульманское население страны под своей юрисдикцией, а затем облегчить контроль за мусульманскими общинами со стороны власти.

В целях включения астраханских мусульман в структуру вновь созданного в конце 1780-х гг. Муфтията – Оренбургского магометанского духовного собрания – в Астраханскую губернию и был направлен первый муфтий Мухамеджан Хусаинов, который дважды, в 1794 и 1806 гг., провел экзамены среди астраханского приходского духовенства и утвердил институт указных мулл, просуществовавший до 1918 г.

Можно утверждать, что с 1807 г. в отношении астраханского мусульманского приходского духовенства утвердился общий для Оренбургского магометанского духовного собрания порядок назначения на должности. С этого времени в Астраханской губернии, также как и в других регионах Поволжья, Приуралья и Сибири со значительным мусульманским населением, «все духовные лица магометанского закона» утверждались в должности в соответствии с установленным порядком: «обще-

[42] ГААО. Ф. 412. Оп. 1. Св. 6 (56). Д. 411. Л. 1.
[43] Там же. Св. 1 (51). Д. 21. Л. 1–1 об.
[44] Там же. Л. 5.
[45] Там же. Л. 5.
[46] Там же. Св. 1 (64). Д. 93. Л. 2.
[47] Там же. Л. 3–5.

ственный приговор» об избрании, сдача экзаменов и получение указа на занятие должности в Муфтияте, утверждение в должности губернским правлением.

Для астраханских мусульман стали обязательными для исполнения распоряжения и приказания (фетвы) Оренбургского магометанского духовного собрания, которые стали в Астрахань регулярно присылаться, также как и в другие регионы, которые вошли в ведение муфтията. Астраханское татаро-мусульманское население стало составной частью российской уммы.

Поступила в редакцию / Submitted: 30.05.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 24.02.2026
Принята к публикации / Accepted for publication: 5.03.2026

References

Azamatov, D.D. "O pervoi popytke reformirovaniia Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo Sobraniia [On the first attempt to reform the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly]." In *Religiia v sovremennom mire*, 152–164. Kazan: Zaman Publ., 1998 (in Russian).

Azamatov, D.D. "Assessors of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the 19th century." *The World of Islam*, no. 1–2 (1999): 123–134 (in Russian).

Chelebi, E. *Kniga puteshestviia (Izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [Book of Travel (Excerpts from the work of a 17th-century Turkish traveler)]. Moscow: Nauka Publ., 1979 (in Russian).

Fakhrutdinov, R.G., and Fakhrutdinov, R.R. *Istoriia tatarskogo naroda* [History of the Tatar people]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2021 (in Russian).

Gmelin, S.G. *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniia trekh tsarstv prirody* [Journey across Russia to explore the three kingdoms of nature]. St. Petersburg: pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1777 (in Russian).

Iskhakov, D.M. *Seidy v pozdnezolotoordynskikh tatarskikh gosudarstvakh* [Seids in the late Golden Horde Tatar states]. Kazan: Izdatel'stvo «Iman» Publ., 1997 (in Russian).

Khabutdinov, A.Yu. *Millet Orenburgskogo dukhovnogo sobraniia v kontse XVIII–XIX vv.* [Millet of the Orenburg Spiritual Assembly in the late 18th – 19th centuries]. Kazan: Iman Publ., 2000 (in Russian).

Khabutdinov, A.Yu. *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniia razvitiia tatarskogo obshchestva v kontse XVIII–nachale XX vv.* [Formation of the nation and the main directions of development of Tatar society in the late 18th – early 20th centuries]. Kazan: Ideal-Press Publ., 2001 (in Russian).

Khabutdinov, A.Yu. *Istoriia OMDS (1788–1917): instituty, idei, lyudi* [History of the OMDS (1788–1917): institutions, ideas, people]. Moscow: Medina Publ., 2010 (in Russian).

Khabutdinov, A.Yu., and Imasheva, M.M. "Leaders of the Muslim movement of the Russian Empire on the major political issues of the early 20th century." *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus* 16, no. 4 (2020): 969–981 (in Russian), https://doi.org/0.32653/CH164969-981

Makhmutov, Z.A. "The Roles and Activities of Tatar Mullahs in Kazakhstan, 18th to Mid-21st Century." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2021): 61–73 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73

Mukhetdinov, D.V., and Khabutdinov, A.Yu. *Islam v Rossii v XVIII–nachale XXI vv.: modernizatsiia i traditsii* [Islam in Russia in the 18th – early 21st centuries: modernization and traditions]. Nizhny Novgorod: Medina Publ., 2011 (in Russian).

Mukhetdinov, D.V., and Khabutdinov, A.Yu. *Istoriia islama v Rossii* [History of Islam in Russia]. Moscow: Medina Publ., 2019 (in Russian).

Rybakov, S.G. *Ustroistvo i nuzhdy upravleniia dukhovnymi delami musul'man v Rossii* [The structure and needs of the management of spiritual affairs of Muslims in Russia]. Petrograd: tipografiia S. Samoilova Publ., 1917 (in Russian).

Trepavlov, V.V. *Istoriia Nogaiskoi Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2002 (in Russian).

Victorin, V.M. *Islam v Astrakhanskom krae* [Islam in the Astrakhan region]. Moscow: Logos Publ., 2008 (in Russian).

Zagidullin, I.K. *Islamskie instituty v Rossiiskoi imperii* [Islamic institutions in the Russian Empire]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2007 (in Russian).

Zaitsev, I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [Astrakhan Khanate]. Moscow: Восточная литература Publ., 2004 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Марина Маратовна Имашева, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории имени Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7; imaschewa@yandex.ru; https//orcid.org/0000-0002-3602-5213; SPIN-код: 9724-8989.

Marina Maratovna Imasheva, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Leading Researcher of the Department of History of the Volga and Ural Regions, Sh. Mardzhani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 7, Baturina ul., Kazan, 420111, Russia; imaschewa@yandex.ru; https//orcid.org/0000-0002-3602-5213; SPIN-code: 9724-8989.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 356–372
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-356-372
EDN: MJFMPP

Научная статья / Research article

Роль Коммунистического университета трудящихся Востока в подготовке управленцев для автономий РСФСР в 1920-е годы

Дина Ахметжановна Аманжолова

Институт российской истории РАН, Москва, Россия
✉amanzholova19@mail.ru

Аннотация: Исследуется деятельность Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) на начальном этапе его становления и развития как ведущего партийного вуза. Целью статьи является анализ организации учебного и воспитательного процесса, содержания и особенностей общеобразовательной подготовки партийной номенклатуры национальных регионов крупнейшей союзной республики – РСФСР. На основе вновь выявленных документов и материалов освещаются проблемы набора студентов, их национальный состав в 1920-е гг., подходы сотрудников вуза к определению содержания и методов обучения с учетом уровня подготовки направленных на обучение представителей разных национальностей. Установлено, что сложности работы КУТВ были также связаны с необходимостью принятия существенных мер по оздоровлению, организации быта и повседневной жизни студентов. Показан вклад вуза в социализацию выходцев из разных этнокультурных регионов, их обеспечение, питание, воспитание. Делается вывод о существенном вкладе КУТВ в качестве ключевого звена партийного образования в обеспечение коренизации и насыщение системы управления подготовленными специалистами, а также формирование этноэлиты как важного субъекта нациестроительства и советских преобразований.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН FMGR-2025-0005 (№ 1022062100108-9 «Народы России: межэтнические проблемы и этносоциальное развитие»).

Ключевые слов: партийная номенклатура, национальные регионы, этнополитическая элита, этноэлиты, коренизация, учебный процесс

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Аманжолова Д.А.* Роль Коммунистического университета трудящихся Востока в подготовке управленцев для автономий РСФСР в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 356–372. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-356-372 EDN: MJFMPP

Role of the Communist University of Workers of the East in Training Managers for the RSFSR Autonomous Regions during the 1920s

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia
✉amanzholova19@mail.ru

Abstract: The author examines the activities of the Communist University of Workers of the East (KUTV) at the initial stage of its establishment and development as a leading party university. The purpose of the article is to analyze the organization of the educational process, the content and features of

© Аманжолова Д.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

the general education of the party nomenclature of the national regions of the largest Union republic – the RSFSR. Based on the newly identified documents and materials, the author highlights the problems of student admission, their national composition in the 1920s, and the approaches of the university staff to determining the content and methods of education, taking into account the level of training of representatives of different nationalities. Through their research, they found that the difficulties of the KUTV work were also associated with the need to take significant measures for improving students' health and organization of everyday life. They also show the contribution of the university to the socialization of people from different ethnocultural regions, and their provision, nutrition, and education. Their conclusion is that the KUTV was a key link of party education in ensuring indigenization and provision of the management system with trained specialists, as well as the formation of ethnic elite is an important subject in to nation-building and Soviet transformations.

Funding: The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation for the Institute of Russian Studies of the Russian Academy of Sciences FMGR-2025-0005 (No. 1022062100108-9 "Peoples of Russia: Interethnic Problems and Ethnosocial Development").

Keywords: party nomenclature, national regions, ethnopolitical elite, ethnoelites, indigenization, educational process

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Amanzholova, D.A. "Role of the Communist University of Workers of the East in Training Managers for the RSFSR Autonomous Regions during the 1920s." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 356–372 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-356-372 EDN: MJFMPP

Введение

Актуальность. Перипетии становления этнополитической элиты РСФСР в 1920-е гг. связаны с многослойным содержанием советского опыта модернизации, а ее позиционирование на разных этапах этого процесса являлось частью социальной реструктуризации и адаптации традиционных обществ в новом административно-территориальном и политическом пространстве. Повторяющийся в литературе тезис о вынужденных действиях большевиков по рекрутированию лояльных власти представителей традиционной элиты, коренизации и беспримерном контроле центра над всеми группами и поколениями национальных лидеров и обществ стоит дополнить исследованием источников пополнения, организации и существа подготовки национальных кадров для руководства самоопределившимися автономиями. Это позволяет уточнить содержание и особенности процесса формирования партийной номенклатуры национальных регионов крупнейшей союзной республики – РСФСР, значение партийного образования для становления системы управления в республике, роль этноэлиты как субъекта нациестроительства и советских преобразований.

Советская национальная политика предполагала устроение новой системы власти и управления с предоставлением трудовому титульному населению всех возможностей участия в ней, но основной состав национальной элиты в раннесоветский период отличался пестротой в образовательной и политической подготовке, социальном происхождении. Крайний дефицит образованных и подготовленных кадров побудил власть к активной инкорпорации в советские и партийные структуры на местах тех представителей титульного населения, которые проявили приверженность программе большевиков, признали их победу в военно-политическом противоборстве и проявили готовность участвовать в управлении, при этом не обязательно имея пролетарское/бедняцкое происхождение. Их оказалось явно недостаточно, что обусловило политику коренизации за счет выходцев из числа рабочих и бедноты, которые остро нуждались в общем образовании и идейно-политической подготовке. Эту задачу, наряду с другими партийными учебными заведениями, решал Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), работавший в 1921–1938 гг.

Степень изученности проблемы. История Коммунистического университета трудящихся Востока в СССР рассматривалась в парадигме господствовавшей версии

нациестроительства, включая основные факты и события из истории партийного образования[1]. В настоящее время обращение к истории КУТВ связано с потребностью в новом осмыслении и дополнении уникального советского опыта в подготовке кадров для этнополитической элиты СССР и государств, которые ныне называют Глобальным Югом. Основное внимание в историографии уделяется общей характеристике организации, ее структуры, этапам становления, особенностям работы вуза и его преподавательского состава, роли КУТВ в подготовке кадров под руководством Коминтерна для стран Азии и Африки[2]. Определенные сведения об истории подготовки национальных кадров и их роли в нациестроительстве можно почерпнуть из исследований, посвященных советскому нациестроительству, процессам коренизации, участию СССР в подготовке кадров для других стран[3].

В то же время обучение работников, многие из которых вошли в состав национальной элиты союзных республик и автономий РСФСР и СССР, в стенах КУТВ показана фрагментарно. Так, Р.Ш. Харунов осветил подготовку кадров для Тувы на курсах хошунных[4] работников. Он делает вывод о том, что почти все 200 выпускников стали партийной элитой Тувы, а к середине 1930-х гг. заняли руководящие посты в республике[5]. Е.П. Мамышева выявила некоторые сведения о четырех студентах-хакасах и справедливо отметила трудности с установлением точного числа студентов той или иной национальности, а также с изучением их личных дел[6]. Некоторые сведения об обучении в КУТВ казахских студентов нашли отражение в публикации М. Амандосова и А. Венцель[7]. Роль партийных учебных заведений в подготовке национальных кадров освещается также на примере других регионов[8].

---

[1] *Леонова Л.С.* Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях. 1917–1975. М., 1979. EDN: MSGHJH; *Соловей В.Д.* Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20–30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 87–98; *Метель О.В*. Социалистическая академия общественных наук: очерк истории (1918–1919 гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1. С. 184–191. https://doi.org/10.24147/2312-1300.2017.1.184-191 EDN: YJJYIF

[2] *Панин Е.В*. Коммунистический университет трудящихся Востока // Известия МГТУ «МАМИ». Серия 6. Гуманитарные науки. 2013. Т. 2. № 4. С. 201–206. EDN: SMLJNB; *Шашкова О.А., Шпаковская М.А*. Коммунистический университет трудящихся Востока: создание и этапы становления в системе Коминтерна в 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 704–716. https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-704-716 EDN: XZFGYH; *Даудов А.Х., Мамышева Е.П*. Коммунистический университет трудящихся Востока. 1921–1938 гг.: взгляд через сто лет // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 2. С. 372–384. https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.207 EDN: WWJMTN

[3] *Аманжолова Д.А.* Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 30–40. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40 EDN: LOTKCK; *Стеблянская А.Н., Васиев М.П.* Влияние советских специалистов на становление высшего образования в КНР на примере Северо-восточного сельскохозяйственного университета // Вестник РУДН. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 643–660. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-643-660 EDN: MHPQRI

[4] Хошун — административная единица, аналог района.

[5] *Харунов Р.Ш.* Подготовка специалистов для Тувы на курсах хошунных работников в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1929–1933 гг.) // Вестник Тувинского государственного университета. 2013. № 1. С. 58–61.

[6] *Мамышева Е.П.* История Хакасии в лицах: выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока (1921–1936 гг.) (К постановке проблемы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 2. С. 61–64. https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-5/2-61-64 EDN: UHMCSP

[7] *Amandossova M., Ventsel A.* Preparation and Selection of Kazakh students in the Communist University of the Workers of the East // KazNU Bulletin: Kazakh studies. 2024. Т. 112. № 1. P. 128–137.

[8] *Иванцов И.Г.* Система партийного образования в СССР в 1930-е годы (на примере Северного Кавказа) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 99–105; *Туфанов Е.В., Кравченко И.Н.* Партийное образование как элемент становления национальной партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. 2018. № 1. С. 34–39. https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-93-1-34-39 EDN: YWNUEZ

Цель исследования – на основе новых источников об организации учебной и воспитательной работы КУТВ, главным образом, неопубликованных, раскрыть специфику и характер организации учебно-воспитательной деятельности в годы становления вуза, его вклад в реструктуризацию социального пространства политической власти и становление этнополитической элиты РСФСР.

Источниковая база. Основным источником послужили архивные материалы, ранее не вводившиеся в научный оборот (отчеты, докладные записки, протоколы заседаний руководящих и учебно-методических структур Коммунистического университета трудящихся Востока и другие материалы), выявленные в фонде Коминтерна (Ф. 532) Российского государственного архива социально-политической истории. В круг источников входят также публицистические издания, периодика и справочные материалы 1920-х гг.

Организационное становление университета и национальный состав студентов

В ноябре 1921 г. ЦК РКП(б) признал необходимость специальной подготовки партийных кадров для всех отраслей «работы, которые были бы основательно знакомы с теорией и практикой коммунизма»[9]. С этой целью и также для оказания помощи Коминтерну в продвижении коммунистических идей в странах Востока был создан Коммунистический университет трудящихся Востока.

КУТВ подчинялся Наркомнацу, после его упразднения – ВЦИК РСФСР, который в 1922 г. утвердил устав университета, определявший, что вуз «находится под идейным руководством ЦК РКП(б), подготовляет трудящихся восточных, договорных, союзных и автономных советских республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств для работы в области теории и практики коммунизма»[10]. В 1927 г. был утвержден новый устав КУТВ, по которому бюджетное учебное заведение финансировалось ЦИК СССР и имело право на специальные средства от издательской деятельности, доходов трудовых коммун и университетских хозяйств в деревне[11]. В 1922/23 г. в КУТВ работали подготовительное отделение, 1 и 2 курсы трехгодичного цикла. Был также подготовлен выпуск лекторской группы по естествознанию, осуществлен новый набор. В 1923 г. открывался естественно-педагогический факультет университетского типа. Советский сектор с учетом уровня подготовки студентов состоял из основной и лекторской (по общественным наукам и естествознанию) групп, созданных в 1921–1922 гг., а с 1926 г. – также инструкторской и семинарской[12]. КУТВ имел лаборатории, кабинеты общественных наук и естественнонаучный, по истории техники, институт научных изысканий по биологии, кроме того библиотеки, клуб, структуры, занимавшиеся научно-исследовательской работой, издательство, комиссию по руководству практической работой студентов вне стен университета и внутриуниверситетские общественные организации студентов и сотрудников, а также лазарет[13].

[9] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 453.

[10] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 5. Д. 8. Л. 1.

[11] РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–6.

[12] Там же. Д. 11. Л. 1.

[13] Там же. Д. 5. Л. 2.

В начале 1922 г. из 407 оставленных и переведенных на другие курсы на 2-годичных курсах обучалось 222 чел., на годичных – 127 чел., в лекторской группе – 14 чел. В их числе были представлены аварцы, кашгарцы, таджики, мингрелы, телеуты, литовцы, дагестанцы, французы (по одному человеку); индусы, казикумыки и украинцы (по два человека); карачаевцы, ингуши, вотяки, туркмены, калмыки (по три человека). Представителей мордвы было 4 чел., по 5 чел. – лезгины, грузины, чеченцы, буряты; по 6 – крымские татары, таранчи, карелы. Также учились по 7 азербайджанцев, турок, чувашей, балкарцев, по 8 – марийцы, китайцы, абхазы. Зырян было 10 чел., узбеков и тюрок – по 11, башкир и евреев – по 13, русских и киргиз – по 14, корейцев и персов – по 16, а также 25 армян, 35 осетин, 97 татар. В целом 7 чел. были неграмотны, с домашним и самообразованием – 47 мужчин и 6 женщин, с начальным – 219 и 21 соответственно, неполное среднее образование имели 66 чел., неполное высшее – 6, высшее – 6 мужчин и 1 женщина. Всего мужчин среди студентов насчитывалось 454 (в т.ч. 389 холостых), женщин – 80 (в т.ч. 49 незамужних и 3 вдовы) в возрасте от 16 до 36 лет[14].

Данные о численности обучавшихся разнятся, видимо, из-за отсева слабо подготовленных. На курсах естествознания в 1922 г. обучались 59 слушателей. Инструкторскую школу КУТВ окончили 82 чел. Всего в декабре 1922 г. в КУТВ было 672 студента[15]. Часть поступавших, «имея на то безусловное право», не получили даже минимума предварительной подготовки в партшколе, как указывалось в одном из отчетов. Вместе с тем «многонациональность не повела ни к каким конфликтам на национальной почве», хотя и осложняла работу из-за разности в уровне образования и проблем с кадрами преподавателей. Отмечалась и «колоссальная работоспособность студентов». Из 476 закончили курс 375 чел., при этом все они были оставлены на следующие курсы, поскольку считалось, что из них получатся «хорошие работники»[16]. Потребность в расширении подготовки партийных кадров и организации единой образовательной системы обусловила создание в 1923 г. отделений КУТВ в Ташкенте, Баку, Иркутске, Саратове и на Северном Кавказе с менее сложной программой обучения, всего таких отделений было 17[17].

На 1 февраля 1924 г. в КУТВ обучались 857 мужчин и 153 женщины в возрасте от 17 лет (11 чел.) до 31 и старше (47 чел.). Уровень подготовки, социальный и партийный состав были различны. Среди коммунистов дореволюционный стаж имел 1 чел., членов партии с 1917 г. было 3 чел., с 1918 г. – 19 чел., 1919 г. – 42 чел., с 1920 г. – 101 чел. При этом совпартшколы окончили 410 чел., никакой общеобразовательной подготовки не имели 550 чел. 308 чел. значились как имевшие низшее образование, прочих было 152 чел. На русском языке не имели никакой подготовки 426 чел., на низшим уровне – 514 чел., прочих насчитывалось 70 чел.[18]

На 1924 г. среди студентов были представлены практически все народы РСФСР и ряда союзных республик (табл. 1).

Основная группа студентов набиралась для подготовки работников волостного и уездного масштабов. Инструкторская группа с политико-просветительным, экономическим и административно-правовым циклами предметов готовила кадры для наркоматов, совнархозов и других структур управления народным хозяйством. Лек-

[14] РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 2. Л. 7, 9.
[15] Там же. Ф. 17. Оп. 60. Д. 237. Л. 11–25.
[16] Там же. Ф. 532. Оп. 8. Д. 2. Л. 1–2.
[17] Там же. Оп. 11. Д. 12. Л. 2.
[18] Там же. Ф. 17. Оп. 34. Д. 425. Л. 18.

торская группа обучала студентов для работы в советско-партийных школах восточных регионов СССР. В начальный период в КУТВ, как и в других учебных заведениях, значительное место занимали вопросы набора обучающихся, организации учебного процесса и создания материально-бытовых условий для студентов. От 6–7-месячного обучения вскоре перешли к трехлетнему, а с 1929 г. – к 4-летнему. По окончании обучения была введена процедура защиты дипломных работ. КУТВ стал заниматься и подготовкой кадров для вузов. С этой целью с 1927 г. действовала аспирантура на философском, экономическом, историко-партийном и историческом отделениях. Принципы национального равенства и классового подхода были решающими, но придерживаться их оказалось затруднительно.

Таблица 1

Состав студентов Коммунистического университета трудящихся Востока на 1924 г. по регионам

	Мужчин	**Женщин**
Северный Кавказ		
Чеченцы	31	
Карачаевцы	18	1
Кабардинцы	18	1
Осетины	27	8
Аварцы	12	1
Лезгины	12	1
Абазины	2	
Мингрельцы	2	
Балкарцы	15	3
Даргинцы	1	
Ногайцы	3	
Караногайцы	1	
Казикумыки		1
Кумыки	5	
Лакцы	2	
Черкесы	13	
Закавказье		
Аджарцы	5	
Армяне	23	5
Грузины	5	1
Тюрки	22	
Турки	5	2
Средняя Азия		
Дунгане	1	
Каракалпаки	1	
Каракиргизцы	6	
Киргизцы	47	7
Персы	6	
Туркмены	31	3
Узбеки	57	5
Уйгуры	19	
Поволжье		
Башкиры	20	5
Калмыки	14	1
Мари	10	9
Мордва	14	6
Татары	74	27
Чуваши	16	5

Окончание табл. 1

	Мужчин	Женщин
Крым		
Татары	19	7
Северные АО (автономные области)		
Вотяки	10	1
Коми зыряне	10	1
Карелы	3	
Мещеряки	1	
Пермяки	1	
Сибирь		
Алтайцы	8	1
Буряты	52	10
Монголы	10	
Хакасы		1
Якуты	16	
Зарубежные		
	Всего	В т.ч.
	159	Арабы, болгары, греки, корейцы, китайцы, персы, индусы, турки, японцы
Разные		
Евреи	10	5
Поляки	18	17
Русские	18	17
Украинцы		1
Цыгане	1	

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 425. Л. 24.

Примечание: Классификация и этнонимы приводятся по источнику.

Особенности организации учебного процесса

Важно отметить, что поступавшие в коммунистические вузы «не привыкли к систематической умственной работе», у них не было «теоретической подготовки; запас их знаний весьма скудный»[19]. В этой связи ставилась задача найти методы для лучшего понимания и усвоения учебной программы. Лекции не могли быть главной формой занятий. В условиях дефицита преподавателей, особенно со знанием восточных языков, а также литературы, учебных и наглядных пособий занятия проводили в кружках.

Уровень грамотности рабочих и крестьян из разной «социально-экономической среды выхода» повсеместно был низким, среди абитуриентов из национальных регионов было крайне мало членов РКП(б) и созданного в 1918 г. Российского коммунистического союза молодежи (комсомола). Система обучения национальных кадров складывалась на основе накапливавшегося опыта из-за малочисленности студентов и дефицита преподавательских кадров для работы на национальных языках. Так, к началу октября 1922 г. из состава организованного поначалу 6-недельного краткосрочного курса был выделен подготовительный курс в 210 чел. С учетом языковой подготовки, в т.ч. по русскому языку, его разделили на 10 кружков: 4 интернациональных, 3 башкиро-узбеко-киргизо-татарских (БУКТ), 1 монгольский, 1 азербайджано-фарсидско-турецкий, 1 туркменский. Позже прибыли 13 аджарцев, но из-за отсутствия преподавателей для обучения на родном языке их распределили по имеющимся кружкам, а часть отправили в Тифлисскую партшколу. 3 кружка т.н. БУКТ были вскоре реформированы,

[19] *Рындич А.* Четыре года работы совпартшкол // Совпартшколы и комвузы. М.–Л., 1926. С. 6.

причем один распущен (как и монгольский), а из остальных выделены лучшие студенты. В учебный план вошли такие предметы как политэкономия, экономическая география, математика, русский язык, физико-химия, биология, история Запада, история России, введение в востоковедение, история РКП(б), история развития общественных форм, исторический материализм, советское строительство.

На методических совещаниях преподавателей было отмечено, что интерес к учебе рос при использовании данных о местных условиях, о быте и природе в регионах, что подтолкнуло к разработке заданий на лето по сбору материалов на местах и повысило интерес студентов к учебе. Большое значение из-за слабого знания русского языка имели коллективные чтения и экскурсии на Воробьевы горы по биологии, физике и химии, математике (которые, очевидно, подразумевали ознакомление на месте с флорой и фауной, элементарные подсчеты и пр.), беседы и доклады более подготовленных студентов. Хотя по истории развития общественных форм печатные материалы отсутствовали, преподаватели обнаружили у студентов «зачатки понимания исторического процесса». Однако большинство поступивших признавались слабыми, лишь немногие обучались в совпартшколах, но учились добросовестно. Из 329 поступивших осталось 206 чел. Занятия по русскому языку оказались неудачными из-за клубного порядка их организации и загруженности студентов естествознанием и математикой. Лекторский курс слушали 54 чел., которые делились на три группы: основная (25 чел.), экономическая (23 чел.), историческая (6 чел.). В 1922/23 учебном году они закончили курс, и 17 чел. зачислены в штат научных сотрудников, 10 чел. были переведены на третий курс, остальные – откомандированы на работу на места[20].

Сотрудникам вуза приходилось непросто, как указывалось в одном из отчетов:

> Драки, ругань, воровство были довольно частым явлением. Хотя учение их и привлекало, но редкий из них занимался вне учебных часов[21].

Высокая посещаемость занятий достигалась за счет строгих мер, вплоть до исключения.

В общежитии не было никакой дисциплины; отдельные студенты постоянно жаловались на полную невозможность заниматься в таких условиях.

Однако спустя полгода произошли разительные перемены. Воспитательная и организационная работа дала свои плоды. Студенческие кружки и группы стали принимать по своей инициативе решения: «Знания нужны отсталым народам Востока и нашей собственной стране», и поскольку «советская власть тратит средства на обучение и содержание», все должны «заниматься прилежно», чтобы скорее поехать на места, посещать без пропуска все занятия, «не позволять кричать и драться в общежитии, чтобы не мешать всем, кто хочет заниматься, мешающих заниматься – предавать суду»; после 24 часов не допускать разговоры, замеченных в воровстве исключать[22].

В одном из отчетов отмечалось:

> Побывавший уже некоторое время в университете балкарец или туркмен, способный продолжать занятия, представляет собой гораздо большую ценность, как будущий работник, нежели вновь приезжающий с мест, поэтому выросло число оставленных для продолжения учебы и работы студентов. Структура вуза в начальный период была гибкой – наряду с курсами и группами создавались и сектора. Выпуск языкового сектора составил 264 студента, 118 из них было откомандировано, 100 оставлены на краткосрочный курс, другие – на основной и лекторские летние курсы[23].

[20] РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 4–7, 11, 14, 33, 20, 26.
[21] Там же. Л. 3–7.
[22] Там же. Л. 22.
[23] Там же. Л. 74–75.

Преподавателям удавалось повышать интерес к учебе «вследствие использования данных о местных условиях», на конкретных примерах организации быта и природы. Из-за плохого знания русского языка для освоения учебной программы приходилось использовать коллективное чтение и беседы, более развитые студенты готовили доклады. Идейно-политическая подготовка, связанная с необходимостью освоения не только истории классовой борьбы, но и экономической, философской проблематики, шла с трудом, поскольку требовала развитого абстрактного мышления. На политические науки отводилось 8–12 часов в неделю, остальное время занимали общеобразовательные предметы. Однако в тюркском и азербайджанском секторах курс прошел неудачно, так как рассказывать студентам «о классовой борьбе на Западе» было сложно из-за отсутствия знаний по географии, разрывов в хронологии и примеров по странам, слабой подготовки лекторов, в роли которых часто выступали студенты лекторской группы. Курс политэкономии в тюркском и азербайджанском кружках провалился. Изучение истории РКП(б) прошло более удачно, но выяснилось, что необходимо преподавать историю национальных, в том числе социалистических партий тех регионов, откуда прибыли студенты. Большой интерес они проявляли к истории колониального и национального вопросов, требуя включить его там, где он не предусматривался по программе, а также востоковедению. В так называемом тюркском секторе лекции читал М. Султан-Галиев, но он «далеко не аккуратно» являлся на занятия, и в итоге курс не был закончен («как часто бывает с наркомами, ни тов. Султан-Галиев, ни тов. Гусейнов, несмотря на неоднократные просьбы, не представили ни программы, ни годичного отчета»). Университету требовались преподаватели со знанием узбекского и киргизского (казахского) языков, поскольку студенты были недовольны, что занятия велись на татарском языке[24].

Как указывала заведующая основным курсом Ф.И. Драбкина в отчете за 1921/22 учебной год, из 335 студентов, поделенных на высшую группу А и низшую Б, окончили курс 186 чел., 22 перешли на естественно-исторические курсы, остальные выбыли. В низшей группе студенты не имели «навыков умственной работы» и за 2–3 месяца «научились немного работать», чтобы изучать отдельные дисциплины. Для них отдельно преподавались политэкономия, история России, история классовой борьбы, остальные дисциплины изучались вместе с группой А. При этом на историю России вместо 40 учебных часов пришлось выделить 134, на борьбу классов – 112 вместо 40, политэкономию – 118 вместо 50. Востоковедение планировалось изучать в кружках, но «за неимением кружководов» пришлось от них отказаться. «Колониальный вопрос» был «сорван благодаря конфликту тов. Сафарова[25] с аудиторией, после которого он отказался продолжать чтение лекций». М. Павлович[26] сильно скомкал этот курс, к тому же заменил свои лекции докладами студентов, что вызвало сильное разочарование аудитории. Из-за болезни лектора и отсутствия кружководов сильно сократился курс экономической географии РСФСР. Между тем особенно острый интерес вызывали колониальный, национальный, религиозный вопросы, история собственной страны или народа, изучавшиеся в курсе востоковедения, из истории России – «татарское нашествие» и вообще «все, что близко подходит и объ-

[24] РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 11, 66–67, 70.

[25] Сафаров Г.И. (1891–1942) – член партии с 1908 г., в 1919–1921 гг. работал в Туркестане, содокладчик И.В. Сталина на X съезде РКП(б) по национальному вопросу (1921 г.), в 1922–1924 гг. – зав. Восточным отделом и секретарь Исполкома Коминтерна.

[26] Павлович М.П. (Вельтман М.Л., 1871–1927) – член партии с 1898 г., организатор 1 съезда народов Востока (1920 г.), руководитель Всероссийской научной организации востоковедов (с 1921 г.), в 1921–1923 гг. – член коллегии Наркомнаца, один из создателей и ректор Московского института востоковедения.

ясняет быт». При нагрузке до 36–40 часов в неделю посещаемость была хорошая, но из-за дефицита литературы студенты занимались вместе, что избавляло от механической зубрежки[27]. Наибольший интерес проявлялся к истории России; по этому предмету студенты собирались на занятия даже в праздники.

Всего обучение в 1921/22 учебном году окончили 82 чел., в т.ч. 24 татарина, 1 чуваш, 8 армян, 3 вотяка, 2 узбека, 1 пермяк, 2 грузина, 1 азербайджанец, абхазец, француз, лезгин, бурят; 4 башкир, 2 корейца, по 3 осетина и турка, 3 марийца, по 2 киргиза и карела, 5 евреев, 3 русских, 3 зырян и 2 перса. Лекторская группа основного курса была создана 22 августа 1922 г. и объединяла 60 чел., из которых к концу обучения осталось 44, в т.ч. половину составили крестьяне, 13,7 % – рабочие. Неполное высшее имели 4,5 %, среднее – 38,7, неполное среднее – 22,7, начальное – 29,6, домашнее – 4,5. Среди студентов были 8 татар, 3 осетин, 3 корейца, 8 армян, 6 русских и 6 евреев; по 1 чел. тюрки, грузин, чеченец, мордва, чуваш, карел, бурят, перс[28].

В рамках исторической секции в 1921 г. изучались русская история, история Запада, история человеческого общества, история материализма с «вкрапливанием восточного материала». По истории России «восточников» знакомили с наиболее важными событиями, происходившими до XIX в. В общем курсе русской истории была «полная возможность выявить курсантам процесс закрепощения их родной национальности, развивающимся ходом российского капитализма», но организаторы столкнулись с полным невниманием и непониманием курсантов «из-за сухого изложения» учебного материала, а незнание восточных языков мешало определить качество преподавания. На курсах естествознания училось 30 курсантов КУТВ, 23 командированных и 6 вольных слушателей, в т.ч. 21 татарин, по 3 башкир, лезгин и узбеков, по 2 киргизов, карачаевцев, чечено-ингушей, азербайджанцев, марийцев и чувашей, по 5 осетин и армян, 4 мордвина. Наиболее сильные студенты одновременно занимались в госуниверситете[29], Лазаревском институте. В целом же в отчетах констатировался низкий интерес обучающихся к общественно-экономическим предметам, к различного рода экскурсиям, в этой связи предлагалось увеличить длительность курса на три месяца, обращалось внимание на дефицит учебников, приборов, микроскопов и другого оборудования[30].

В отчете учебно-вспомогательного отдела университета, призванного «развивать в слушателях КУТВ марксистское миропонимание», отмечалось:

> идеология, выраженная в ярких красках и художественных образах, привлекательнее, действует сильнее той, которая воспринимается слушателями в форме строго регламентированных учебных занятий... не должно быть ни одного уголка политико-просветительной работы, не проникнутой марксистским миросозерцанием[31].

Однако вовлечь в такую работу студенческую многонациональную массу с разными языками, традициями, нормами хозяйства было весьма трудно, и в отделе поставили «весьма интересную, но и весьма трудную» задачу «найти синтез между «мы хотим приобщиться к европейской культуре» и раздававшимися требованиями „не проводить обрусения“». На экскурсиях в итоге побывали 8624 курсанта, в клубах проводились совместные игры, постановки, вечеринки, беседы. Они оказались исклю-

[27] РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 2. Л. 27, 29.
[28] Там же. Л. 35–37.
[29] Название отсутствует.
[30] РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 2. Л. 48, 50.
[31] Там же. Л. 64–67, 95.

чительно важны, поскольку порой наблюдалось «довольно выраженное проявление национальных настроений». Для их изживания использовались революционные песни, сценки о борьбе за социальную справедливость на местах на национальных языках, которые были «исключительны по своей красочности и оригинальной трактовке политических событий на фоне быта». Но вечерняя клубная работа проводилась не так часто, поскольку много времени у студентов отнимали собрания партийных и комсомольских ячеек. На II Всероссийском съезде совпартшкол в 1923 г. признавалось, что большинство студентов – бывшие рабочие и крестьяне – привыкли мыслить образами, не имели твердо установившегося миросозерцания, не располагали «почти никакими общеобразовательными знаниями и навыками, но революционно настроенные, с большой энергией и стремлением учиться»[32].

Степень освоения программы тоже различалась в группах и секторах: тюркская и азербайджанская группы, татары и бакинские рабочие до некоторой степени справлялись с ней, узбеки и азербайджанские крестьяне не могли. Среди самых отсталых оказались горско-дагестанский сектор, осетинская группа, ингуши и чеченцы, карачаево-дагестанцы, балкарцы, киргизы, узбеки, туркмены, фарси. На политические науки для них отводилось по 8–12 часов в неделю, остальное время занимали общеобразовательные предметы.

Однако на тюркском и азербайджанском секторах курс прошел неудачно, так как о классовой борьбе на Западе рассказывать оказалось бесполезно из-за незнания географии, плохой организации содержания курса «(скачки по хронологии и странам»), отсутствия хороших лекторов, вместо которых часто работали студенты лекторской группы. Так, по экономической географии в т.ч. преподавали географию республик по важнейшим отраслям народного хозяйства, историческая группа изучала экономическое положение России в конце XVII и начале XIX в., движение декабристов, по истории Запада – промышленный переворот в Англии, историю революционной диктатуры санкюлотов, ее возникновение и падение. Курс политэкономии на этих секторах провалился. Более удачно прошел курс по истории РКП(б), но стало ясно, что нужно преподавать историю «националистических» и национально-социалистических партий регионов выхода студентов, которые требовали ввести курс по колониальному и национальному вопросам в группах, где он не читался, а также по востоковедению. Изучению русского языка руководство считало нужным придать «политическую окраску», отказаться от «преподавателей-гастролеров», а для не знающих русский язык проводить собрания и клубные занятия отдельно[33].

Проблемы досуга, оздоровления и быта студентов

В КУТВ работали кружки по математике, физике, химии, шахматный, драматический, танцевальный, ораторский, газетный кружки, кружок игры на рояле и языковые кружки. Большой интерес вызывали книги: читальня библиотеки работала по 14 часов в сутки. Вскоре были организованы 14 коридорных библиотек под руководством студентов в общежитии, отдельно для каждого курса и в каждой из таких библиотек было по 100–150 книг, в основном учебная литература. К политическим праздникам и съездам проводились книжные выставки. Драмкружок без некой «теоретической работы» быстро подготовил постановку «Суд над горянкой» и провел т.н. комсомольскую пасху, включавшую хоровой революционный репертуар и пьесу «Бог отец, Бог сын и компания», провел серию инсценировок на национальных языках,

[32] *Рындич А.* Четыре года работы совпартшкол… С. 6.

[33] РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 65–67, 70, 72, 28–29.

в которых участвовали более 200 курсантов. В инсценировки вошли монгольская пьеса «Власть шаманов», китайская и узбекская антирелигиозные постановки, турецкая коллективная декламация, национальные хоры, частушки и лубок.

КУТВ организовал киносеансы с участием лекторов, а в день Парижской коммуны (18 марта) для студентов университета в театре В. Мейерхольда был поставлен спектакль «За коммуну». В 1-й студии Художественного театра все студенты посмотрели спектакль «Гибель Надежды» по драме голландского писателя Г. Гейерманса, посетили также Большой театр. Сами студенты выступали со спектаклями для рабочих, в том числе для рабочей молодежи[34]. В партийно-воспитательной работе партячейка вела «борьбу с национализмом, индивидуализмом, порой даже антисемитизмом и пр.». Был введен институт партприкрепленных и парторганизаторов. Объявлялись десятидневки по «организованной борьбе с национализмом, нетоварищеским отношением к женщинам-студенткам и пр.», росли «как грибы», коридорные и стенные газеты, а организация коммуны «уничтожала индивидуалистические привычки студентов» и дисциплинировала их. Имелся совет физической и санитарной культуры, культурно-театральный совет, касса взаимопомощи[35].

Серьезным препятствием оказалось состояние здоровья поступавших. Его устанавливала специальная медицинская комиссия, по результатам работы которой не все направленные на учебу признавались годными. Ежемесячные медицинские обследования стали важной частью контроля физического состояния студентов на протяжении всего обучения в КУТВ[36] и других вузах. В 1920 г. в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова выявили «злостных неврастеников» и болевших цингой. В КУТВ первый семестр 1921/22 учебном году не удалось довести до конца, поскольку 44 % курсантов по итогам осмотра в амбулатории нуждались в немедленном перерыве и отправке на отдых, у остальных констатировались признаки истощения и переутомляемости. Регулярные занятия возобновились лишь 3 февраля, но с марта заболеваемость вновь выросла[37]. Почти половина курсантов жила поначалу в холодном, тесном изоляторе при плохом освещении, что вызывало неоднократные жалобы[38]. В 1922 г. медкомиссия КУТВ откомандировала 200 человек «по разным болезням – венерические, туберкулез и др.», часть отправлялась в лечебницы. Лечение постепенно давало результаты, врачи фиксировали: «Сейчас все поправляются, повышается вес»[39]. При этом в середине 1920-х гг. признавалось, что

> несмотря на улучшение состояния здоровья курсантов, почти во всех комвузах довольно высокий процент студентов страдает заболеваниями нервной системы. Нервные заболевания преобладают во всех комвузах; в некоторых <…> количество нервных больных достигает 60 % и выше, при этом у живших в общежитиях студентов она была больше[40].

На совещании врачей комвузов в 1925 г. констатировалось, что процент нервных заболеваний среди студентов, живших в общежитиях, был значительно выше, чем среди пользовавшихся частными квартирами. Среди причин назывались небрежное отношение к собственному времени и труду, отсутствие систематического отдыха. Предлагалось нормализовать нагрузку и быт, ввести курс гигиены и проводить работу

[34] РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 44–49.

[35] Там же. Д. 12. Л. 43–44, 48.

[36] Там же. Оп. 11. Д. 2. Л. 94; Д. 842. Л. 1–4.

[37] Там же. Л. 84, 94.

[38] Там же. Оп. 8. Д. 2. Л. 53.

[39] Там же. Оп. 11. Д. 13. Л. 32–33.

[40] *А.Р.* К вопросу о рационализации учебы и быта совпартшкол // Совпартшколы и комвузы. М.–Л., 1926. С. 207, 209.

по санитарному просвещению в клубах, в т.ч. в виде инсценировок, ввести обязательные занятия физкультурой, урегулировать питание и обеспечить каникулярный отдых каждого курсанта не менее одного месяца[41].

Наблюдая ситуацию в КУТВ, доктор А. Маянц замечал, что для представителей 73 национальностей, многие из которых «не владеют русской речью и требуют, от непривычки к московскому климату, особых условий существования», потребовалось создать при КУТВ медико-санитарную организацию. Больше всего было выявлено заболеваний легких и малярией, в связи с чем

> эти студенты помещаются в солнечные сухие комнаты, им предоставляется усиленное питание, зимой дается более теплое платье, все они в течение года проводятся через дом отдыха КУТВ'а; они не загружаются чрезмерной работой[42].

Следует констатировать, что благодаря предпринятым усилиям с этими видами заболеваний удавалось справиться, и в результате отбор перед поступлением стал более основательным. Так, из 515 чел. 62 были признаны негодными к поступлению, часть больных студентов отправлена обратно, проводились систематическая диспансеризация, занятия физкультурой, устанавливалось диетическое и усиленное питание. В доме отдыха за год побывали 409 чел. Но одновременно выросло число нервных заболеваний. Врач связывал их рост с чрезмерной учебной и общественной нагрузкой, плохой организацией быта и «беспрерывной практической работой» летом 1924 г. Он писал:

> Студенты живут тесно, в больших комнатах (часто по 10–12 человек); здесь же подчас и курят. В общежитиях шумно. Нет самодисциплины: товарищи зачастую не считаются с желанием другого позаниматься или отдохнуть[43].

Занятия физкультурой на воздухе посещали лишь 20 % обучающихся, влажные обтирания по утрам тоже не встречали энтузиазма у прибывших из самых глухих мест молодых людей, с трудом адаптировавшихся к невиданным ими прежде требованиям санитарии и гигиены. На последнем курсе обучения в 1924/25 учебном году совершенно здоровых было лишь 12 %, при этом по сравнению с предыдущим годом в КУТВ была проведена определенная работа. Во время учебы проводилась диспансеризация легочных и малярийных больных, что уменьшило число заболеваний малярией в 4–5 раз; свою роль сыграли занятия физкультурой, специальная диетическая столовая, институт усиленного питания и дом отдыха[44].

Организацией снабжения и обслуживания студентов и преподавателей в КУТВ занимались основательно, учитывая проблемы обеспечения населения национальных регионов. Так, в Даргинском округе Дагестана в 1927 г. совсем не имели белья 45 % всех женщин, 48 % детей и около 1/3 мужчин; более одной смены, но не более 2–3 имели 17 % детей, 20 % женщин и 39 % мужчин. Мужчин, не имевших верхнего легкого платья (бешмет, рубаха) и надевавших шубу непосредственно на белье, было 20 %. Половина всех детей, 35 % женщин и 9 % мужчин совсем не имели верхней зимней одежды, крайне мало – обувь[45].

---

[41] *А.Р.* К вопросу о рационализации учебы и быта совпартшкол // Совпартшколы и комвузы. М.-Л., 1926. С. 209–210.

[42] *Маянц А.* Еще о здоровье комвузовского студенчества // Совпартшколы и комвузы. М.-Л., 1926. С. 222–224

[43] Там же.

[44] Там же.

[45] *Мирзабеков М.Я.* Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.). Махачкала, 2010. С. 210. EDN: OYMHAV

В 1921 г. нормы и порядок снабжения студентов и служащих Университета трудящихся Востока были приравнены к нормам и порядку снабжения студентов и служащих Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова[46]. Представление о проблемах, с которыми сталкивались сотрудники КУТВ в начальный период его деятельности, дают сведения из отчетов учебного заведения за 1920–1923 гг. В 1921 г. вместо 800 студентов было принято свыше 1000, аудиторий и жилплощади не хватало. Дома, переданные под общежития, были «в катастрофическом состоянии». Административно-хозяйственной части все же удалось обеспечить работу трубопровода и отопление, прачечная обеспечивала 50 пудов стирки в месяц. При вузе открыли амбулатории с приемом студентов и зубным кабинетом, проводились ежемесячные медосмотры и еженедельные дезинфекционные уборки в общежитиях. Из выделенных КУТВ 3 412 549 718 руб. на 1 декабря было израсходовано 2 349 965 619 руб. На эти средства в том числе было приобретено полное обмундирование на 800 студентов (чулки, женские и мужские ботинки, носки, фуфайки, теплые кальсоны, меховые шапки, куртки, фартуки, перчатки, дамские кофточки, юбки, сандалии, рубашки, лыковые лапти, мужские кальсоны, медицинские халаты, замотки, шинели, летние шаровары, зимние шлемы, канцелярские принадлежности, инструменты, оборудование и мебель, посуда). Работали также сапожная и портняжная мастерские, проводилась заготовка дров для отопления помещений. По договору с Центральными банями Москвы студенты посещали их раз в неделю, работали парикмахерские[47].

В КУТВ работала столовая на 700 чел., при этом норма пайка для студентов и лекторов включала в фунтах (1 фунт – 453,5 грамма): хлеба – 90, сельди – 11,5, сахара – 2, жиров – 2,5, соли – 3, кофе – 0,25, овощей – 30. Для спичек, табака, мыла, крупы, муки нормы не были определены. Студенты получали на руки хлеб, сахар, спички, табак, мыло, остальное шло «в общий котел» по расчету на 1 чел. в золотниках (1 золотник – 4,266 грамма). В отчете за 1921/22 г. отмечалась недисциплинированность студентов «из отсталых окраин, не знающих города», говорилось о том, что в первые дни в столовой они «бросались с жадностью на еду, теперь чувство коллективизма закрепилось». По хлебу и табаку выявился перерасход, а овощи и крупы остались в запасе. Пайки получали 33 % семей обучавшихся и работающих. На день Октябрьской революции 7 ноября 1921 г. администрация закупила «предметы роскоши – 40 в[едер] вина, орехи, рис и консервы». Вместе с неизрасходованными продуктами их направили на совместное празднование. Летом 1922 г. студенты были направлены в подмосковную Малаховку, где сформировалась коммуна, сыгравшая важную роль в адаптации и воспитании студентов. Созданная для организации быта и совместного обучения, как считало руководство, она

> освобождает от нэповского влияния улицы, но дает возможность по определенной дороге развивать эту самодеятельность в смысле лучшей организации своего внутреннего быта, лучшего использования своих возможностей, расходования своих средств[48].

В отчете за 1924 г. отмечалось, что коммуна дисциплинировала и «уничтожала индивидуалистические привычки студентов». Работали ясли на 30 чел., со скидкой закупались книги на разных языках[49].

---

[46] Декреты Советской власти. М., 2009. Т. 18. Август 1921 г. С. 302.

[47] РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 11. Д. 2. Л. 76–78.

[48] Там же. Л. 76–78, 82; Там же. Д. 13. Л. 40–42, 47.

[49] Там же. Д. 12. Л. 48, 50.

Правление коммуны предметно занималось проблемами снабжения студентов. В 1922 г., например, по заявлению студента Иришева о перешивке из шинели брюк и френча и возврате ему собственного пальто со склада университета было решено выдать ему шинель, но гимнастерку и брюки не выдавать, а пальто оставить на складе на хранении. Была удовлетворена просьба двух студентов о проживании в комнатах с женами, другой студентке не разрешили поселиться на частной квартире. Проживавшим на частных квартирах студентам выдавалась государственная стипендия, но они не снабжались дровами, не получали помощи от коммуны КУТВ, если не были ее членами. Трем студентам, заявившим о краже шинелей, были выданы новые, но их стоимость удерживалась из стипендии. Студенту Шамилову коммуна отказалась выдать новые брюки, предложив «починить старые», в то же время Султангазиной без удержания из стипендии была списана украденная шинель и выданы старые валенки на дорогу[50]. Товарищеский суд, правление коммуны и партийная следственная комиссия разбирала происшествия и провинности студентов. В частности, 11 сентября 1922 г. Хамидулла Сайфулин обвинялся в продаже шинели с целью купить другую, более дешевую. Поскольку это оказалось впервые допущенное преступление и было получено чистосердечное признание, ему вынесли общественное порицание. 18 февраля 1923 г. 7 студентов третьего курса не выполнили трудовые наряды и получили выговор, трое из них были оправданы[51]. Социализация занимала важное место в работе коллектива КУТВ.

Руководитель Совета по делам нацменьшинств (Совнацмена) РСФСР Г. Гасилов, отмечая энтузиазм национальных кадров, их активность и преданность советской власти, все же называл выпускников комуниверситетов «недоделанными учителями-комсомольцами»[52]. По данным Всесоюзной партпереписи 1927 г. в республиках и краях РСФСР среди служащих-коммунистов – руководителей учреждений, их заместителей и помощников уровень образования по 5-балльной шкале (5 – высшее образование, 3 – среднее, 1 – низшее и домашнее) оценивался в среднем в 1,76 балла; завотделами учреждений, их заместителей и помощников – 1,83 балла; по подотделам и другим звеньям учреждений – 1,53 балла; инструкторов и инспекторов – 1,71 балла[53].

По решению Секретариата ЦК ВКП(б) от 11 мая 1930 г. система комвузов получила бóльшую иерархичность и организованность: специальные отделения должны были готовить партийных и советских работников (вплоть до уровня сельсоветов), пропагандистов, преподавателей средних советско-партийных школ, организаторов народного образования. Широко внедрялось заочное и вечернее обучение. В декабре 1930 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) постановило создать двухгодичные центральные курсы при КУТВ для переподготовки «работников из националов для руководящей партийной работы в национальных областях». Направление на курсы осуществляли местные парторганизации. По завершению обучения выпускники обязаны были вернуться на прежние места. Казахстану было выделено 20 мест, Киргизии и Башкирии – по 15, остальным автономиям, имевшим тюркское население – от 3 до 10 мест. Всего за 1924–1930 гг. КУТВ подготовил 549 советских работников – представителей 54 национальностей. К 1930 г. в университете, на 12 кафедрах (в их числе кафедры экономики советского Востока, истории и парт-

[50] РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 13. Л. 13, 16–17, 20.

[51] Там же. Д. 39. Л. 10.

[52] Просвещение национальностей. 1926–1933 гг. М., 1934. С. 25–26.

[53] Коммунисты в составе аппарата госучреждений и общественных организаций. Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 года. М., 1929. С. 12.

строительства на советском Востоке) работали 14 профессоров, 32 научных сотрудника и доцента, 10 ассистентов, обучались 99 аспирантов, представлявшие 80 национальностей страны[54].

Заключение

Коренизация стала серьезным вызовом для реализации советского проекта, поскольку потребовала больших материально-технических, организационных, финансовых и культурных вложений в создание нового массового слоя управленцев из числа представителей традиционных обществ, которые представляли интересы трудящегося населения. В этом процессе образование и повышение идейно-политического уровня национальных кадров, социально-культурная адаптация выходцев из самых отдаленных регионов страны, благодаря консолидирующей роли государства, особому подходу к организации подготовки партийных кадров в стране приобретали содержательный и поступательный характер как на местах, так и в центральных учебных заведениях. КУТВ не только был институтом продвижения идей мировой революции на Востоке, но и внес важный вклад в обеспечение кадрами автономий РСФСР и других национальных республик. Сведения о специфике организации образовательного и воспитательного процесса, быта и досуга студентов в КУТВ обеспечивают лучшее понимание социокультурных аспектов масштабных преобразований, проводившихся в процессе советского нациестроительства.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.01.2026
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.02.2026
Принята к публикации / Accepted for publication: 6.03.2026

References

Amanzholova, D.A. “Soviet Federal Project and the Collisions of Nation Building in the 1920–1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (2024): 30–40 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40

Amandossova, M., and Ventsel, A. “Preparation and Selection of Kazakh students in the Communist University of the Workers of the East.” *KazNU Bulletin: Kazakh studies* 112, no. 1 (2024): 128–137.

Daudov, A.Kh., and Mamysheva, E.P. “The Communist University of the Toilers of the East. 1921– 1938: A Look through a Century.” *Modern History of Russia* 12, no. 2 (2022): 372–384 (in Russian). https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.207

Ivantsov, I.G. “System of party education in the USSR in the 1930s (Based on the North Caucasus materials).” *Bulletin of the Adyghe state university. Series Region studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political sciences and culture science*, no. 4 (2010): 99–105 (in Russian).

Kharunov, R.Sh. “The training of specialists for Tuva in courses of “Khoshun” workers in the communist university of the eastern toilers.” *Vestnik of Tuvan State University*, no. 1 (2013): 58–61 (in Russian).

Leonova, L.S. *Istoricheskii opyt KPSS po podgotovke partiinykh kadrov v partiinykh uchebnykh zavedeniiakh. 1917–1975* [Historical experience of the CPSU in training party cadres in party educational institutions. 1917–1975]. Moscow: MGU Publ., 1979 (in Russian).

Mamysheva, E.P. “History of Khakassia in persons: graduates of the communist university for workers of the east (1921–1938) (problem statement).” *Historical and Social Educational Idea* 7, no. 5 (2015): 61–64 (in Russian), https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-5/2-61-64

[54] ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн.1. 1918–1933 гг. С. 652–653.

Mayants, A. "Eshche o zdorov'ye komvuzovskogo studenchestva [More about the health of the communist university students]." In *Sovpartshkoly i komvuzy*, 219–229. Moscow–Leningrad: Государственное издательство Publ., 1926 (in Russian).

Metel, O.V. "The socialist academy of social sciences: essay of the history (1918–1919)." *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*, no. 1 (2017): 184–191 (in Russian), https://doi.org/10.24147/2312-1300.2017.1.184-191

Mirzabekov, M.Ya. *Modernizatsionnye protsessy v kul'ture narodov Dagestana (90-e gody XIX v. – 30-e gody XX v.)* [Modernization processes in the culture of the peoples of Dagestan (1890s–1830s)]. Makhachkala: [N.s.], 2010 (in Russian).

Panin, E.V. "Communist University of the Toilers of the East." *Izvestiya MGTU MAMI* 2, no. 4 (2013): 201–206 (in Russian).

Ryndich, A. "Chetyre goda raboty sovpartshkol [Four Years of Work of Soviet Party Schools]." In *Sovpartshkoly i komvuzy*, 3–15. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926 (in Russian).

Shashkova, O.A., and Shpakovskaya, M.A. "The Communist University of the Toilers of the East (KUTV): Its Establishment under the Comintern in 1920s–30s." *Herald of an Archivist*, no. 3 (2018): 704–716 (in Russian), https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-704-716

Solovey, V.D. "Institut krasnoi professury: podgotovka kadrov istorikov partii v 20–30-e gody [The Institute of Red Professors: Training Party Historians in the 1920s and 1930s]." *Voprosy istorii KPSS*, no. 12 (1990): 87–98 (in Russian).

Steblyanskaya, A.N., and Vasiev, M.P. "Role of Soviet Specialists in Formation of Higher Education System of the PRC: the Case of Northeast Agricultural University in Harbin." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (2025): 643–660 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-643-660

Tufanov, E.V., and Kravchenko, I.N. "Party formation as an element of the formation of the national party-state nomenklatura in the 1920s–1930s (based on materials from the North Caucasus)." *Scientific Thought of Caucasus*, no. 1 (2018): 34–39 (in Russian), https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-93-1-34-39

Информация об авторе / Information about the author

Дина Ахметжановна Аманжолова, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории, Российская академия наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; amanzholova19@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-1684-2785; SPIN-код: 5525-3738.

Dina Akhmetzhanovna Amanzholova, Dr. Habil. Hist., Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dm. Ulyanova Str., Moscow, 117292, Russia; amanzholova19@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-1684-2785; SPIN-code: 5525-3738.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 373–385
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-373-385
EDN: LIZCTV

Научная статья / Research article

Судьба дворцов царствующих особ в советское время: дворец эмира Бухарского в Железноводске

Егор Андреевич Боголюбов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
✉bogolubovegor@mail.ru

Аннотация: Отношение советской власти к дворцам царствующих особ в первые годы было неоднозначным. Фокус изучения проблемы направлен на дворцы эмира Бухарского, которые ранее не рассматривались в качестве символических объектов. В 1926 г. Узбекская ССР предприняла попытку забрать себе дворец эмира Бухарского в Железноводске. Источником для анализа послужила переписка узбекских властей с союзными и российскими органами власти по поводу передачи дворца Узбекской ССР. Указанная переписка хранится в фондах Государственного архива РФ. В обращениях и ответах органов власти нашло отражение видение дальнейшей судьбы дворца. Изучая заявленную проблематику, удалось выяснить основные аргументы Узбекской ССР по поводу передачи дворца в Железноводске. Постоянное представительство республики при правительстве СССР отмечало, что у республики нет курортов для лечения больных и что Узбекская ССР имеет юридические права на дворец, поскольку он построен на средства от эксплуатации бухарского народа. Кроме того, дворец предполагалось использовать в агитационных целях. Однако эти доводы оказались неубедительными, и дворец остался в собственности РСФСР. Привлечение информации о судьбе дворцов эмира Бухарского в Ялте, а также о Ливадийском дворце позволило прийти к выводу, что фактическое и предполагаемое использование дворцов эмира Бухарского практически полностью совпадало с подходом РСФСР к дворцам Романовых. В то же время передача дворца в Железноводске имела бы и символическое значение для Узбекской ССР, которая могла бы заявить о себе как о преемнице Бухарского эмирата и Бухарской республики.

Ключевые слова: правопреемство, имперское наследие, крестьянский курорт, музей быта, Бухара, национальное размежевание

Для цитирования: *Боголюбов Е.А.* Судьба дворцов царствующих особ в советское время: дворец эмира Бухарского в Железноводске // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 373–385. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-373-385 EDN: LIZCTV

© Боголюбов Е.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

The Fate of the Palaces of the Royal Family in Soviet Times: The Palace of the Emir of Bukhara in Zheleznovodsk

Egor A. Bogoliubov

HSE University, Saint Petersburg, Russia
✉bogolubovegor@mail.ru

Abstract: The attitude of the Soviet government towards the palaces of former reigning personages in the early years was ambiguous. In their article, the author focuses on the palaces of the Emir of Bukhara, which had not previously been considered as symbolic objects. In 1926, the Uzbek SSR attempted to take over the palace of the Emir of Bukhara in Zheleznovodsk. The source for their analysis was the correspondence of the Uzbek authorities with the allied and Russian authorities regarding the transfer of the palace to the Uzbek SSR. The specified correspondence is stored in the funds of the State Archive of the Russian Federation. The appeals and responses of the authorities reflected the vision of the potential future fate of the palace. By studying the stated issue, it is possible to identify the main arguments of the Uzbek SSR regarding the transfer of the palace in Zheleznovodsk. The Permanent Mission of the Republic to the Government of the USSR noted that the republic does not have enough facilities for the treatment of patients, and that the Uzbek SSR has legal rights to the palace, since it was built with funds from the exploitation of the Bukhara people. In addition, the palace was supposed to also be used for propaganda purposes. However, these arguments proved inconclusive at the time, and the palace remained in the ownership of the RSFSR. The attraction of information about the fate of the palaces of the Emir of Bukhara in Yalta, as well as about the Livadia Palace, allowed us to conclude that the actual and intended use of the palaces of the Emir of Bukhara generally coincided with the approach of the RSFSR to the palaces of the Romanovs. At the same time, the transfer of the palace in Zheleznovodsk would have had probably have symbolic significance for the Uzbek SSR, as it could declare itself as the successor of the Bukhara Emirate, the Bukhara Republic.

Keywords: succession, imperial heritage, peasant resort, museum of everyday life, Bukhara, national demarcation

For citation: Bogoliubov, E.A. “The Fate of the Palaces of the Royal Family in Soviet Times: The Palace of the Emir of Bukhara in Zheleznovodsk.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 373–385 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-373-385 EDN: LIZCTV

Введение

Актуальность избранной темы обусловлена важностью изучения истории сохранения в советский период культурного наследия, связанного, в частности, с эпохой Бухарского эмирата. Эмиры Бухары построили в Российской империи дворцы (в Железноводске и Ялте, а также дом в Санкт-Петербурге). Наличие эмирской недвижимости в России свидетельствовало о перспективах дальнейшего взаимодействия и инкорпорации мусульманской элиты в российское общество[1]. После прихода к власти большевиков имущество эмира перешло в собственность РСФСР.

Дворцы царствующих особ представляют собой уникальные образцы архитектуры и культурного наследия. Изучение их судьбы в советский период позволяет выявить, как изменилась роль и восприятие культурных объектов в условиях исторических трансформаций. В современном мире наблюдается рост интереса к вопросам защиты культурного наследия и прав собственности на него. Исследование судеб

[1] *Брежнева С.Н.* Визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв.: коммуникативная практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 411–425. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425 EDN: SOLQRG

дворцов в советский период может выявить существующие проблемы, связанные с правами на историческую недвижимость в нашей стране, а также осветить современные подходы к сохранению памятников, что имеет значение для формирования культурной политики в разных странах.

Степень изученности проблемы. В современной историографии можно выделить две точки зрения на востребованность имперского наследия в советский период. Одни авторы утверждают, что большевики стремились уничтожить имперскую культуру и создать взамен разрушенного нечто новое. Другие ученые полагают, что разрыв был не столь катастрофическим, а некоторые реалии прошлого даже были востребованы в советское время[2].

Мемориальной политике посвящено большое количество работ, основанных на теоретико-методологических построениях классиков западных *memory studies*. Однако при таком многообразии книг и статей практически отсутствуют специальные исследования, посвященные конкретным типам и группам таких источников, как мемориальные сооружения[3]. Одним из таких источников может быть дворец как объект мемориальной политики. К примеру, отношение советской власти к императорским дворцам существенно изменилось со временем[4], в некоторых из них были открыты музеи истории и быта[5]. В первое послереволюционное десятилетие дворцы либо агрессивно маркировались присутствием новой власти (переименования, появление революционных захоронений), либо репрезентировались как трофеи. Такое отношение к пространству власти прекратилось к началу 1930-х гг., когда дворцам стали возвращать их изначальное функциональное назначение. В эти же годы пространства власти закрылись для посещений[6].

Такие выводы о судьбе имперского наследия были сделан на основе истории дворцов, принадлежавших Романовым. Имущество правителей других государств, которые строили на территории Российской империи свои дворцы, осталось практически не изученным.

Цель исследования – определить характерные черты политики правительства РСФСР по отношению к дворцу эмира Бухарского в сравнении с аналогичными памятниками архитектуры, в том числе резиденциями царствующих особ в советское время.

Источниковая база. Исследование основывается на архивных источниках, а именно на переписке постоянного представительства Узбекской ССР при правительстве СССР с органами власти РСФСР и СССР о передаче дворца эмира Бухарского в Железноводске в собственность Узбекской ССР. Материалы переписки выявлены в фондах Государственного архива Российской Федерации: Совет Министров РСФСР (Совмин РСФСР) (Ф. А259), Всероссийский Центральный Исполнительный

---

[2] См. подробнее: *Болтунова Е.М.* Жизнь после смерти: тронные залы Российской империи в советское/постсоветское время (на примере Грановитой палаты Московского Кремля) // Труды Русской антропологической школы. 2011. № 8. С. 154–155. EDN: RDVKIF

[3] *Попов А.Д.* Мемориальное сооружение как источник по истории памяти: комплексный подход к изучению // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 98. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-98-106 EDN: EPAACL

[4] *Болтунова Е.М.* Дворец как часть советского/постсоветского городского ландшафта (на примере Путевого дворца Екатерины II в Твери) // Труды Русской антропологической школы. 2012. № 11. С. 127–155. EDN: POMYDL

[5] *Малород Д.Д.* Музей истории и быта в Елагиноостровском дворце: из истории бытования в конце 1910–1920-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 2 (10). С. 88–100. EDN: PSFGRV

[6] См. подробнее: *Болтунова Е.* Державность по-советски: Имперское пространство советских 70-х // Новое литературное обозрение. 2013. № 5 (123). С. 89–92. EDN: RPULWJ

Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК) (Ф. Р1235), Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР) (Ф. Р3316), Совет Министров СССР (Ф. Р5446). Сведения об истории дворца в Железноводске в дореволюционной России обнаружены в Российском государственном историческом архиве в фонде 525 «Канцелярия императрицы Александры Федоровны».

Отношение советской власти к дворцу эмира Бухарского в Железноводске

Дворец (дача) эмира Бухарского в Железноводске был построен в 1912 г. На следующий год эмир в связи с 300-летием дома Романовых передал дворец для нужд благотворительных учреждений, состоявших под покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны[7]. Здание решено было использовать как помещение для нуждающихся в укреплении здоровья малоимущих тружениц за плату, которая бы покрывала расходы на содержание их и самой дачи, а также по оборудованию и содержанию здания[8]. С тех пор дворец использовался исключительно для лечебных целей. После революции он перешел в собственность РСФСР.

В январе 1926 г. постоянное представительство Узбекской ССР при правительстве СССР направило в СНК РСФСР обращение с просьбой передать дворец в Железноводске Узбекской ССР. Документ начинался с указания на отсутствие в республике курортов для лечения больных. Именно этот аргумент был обозначен в качестве основного. В письме постоянного представительства Узбекской ССР было указано, что после национального размежевания Средней Азии «Узбекистан лишился 4-х курортов бывший Туркреспублики, которые отошли к соседним республикам»[9].

Забота о здоровье трудящихся Узбекской ССР и в дальнейшем выступала важным аргументом в споре о передаче дворца узбекским властям, которые начинали свои обращения со слов:

> Узбекистан в отношении курортного лечения трудящегося населения поставлен в крайне тяжелое положение[10].

Узбекская ССР до последнего возлагала большие надежды на санаторий и стремилась привести новые аргументы в подтверждении свой позиции. Уже после принятия окончательного решения ЦИКом СССР, но, видимо, до получения известий об этом в Узбекистане, ЦИК Советов Узбекской ССР просил ЦИК СССР учесть потребности республики в курортном лечении. В письме от 24 октября 1927 г. указывалось, что в республике проживает «большое количество больных желудочных, различными заболеваниями печени мочевых органов и болезнями обмена веществ», «в 1926 г. до 1000 человек больных было признано нуждающимися в лечении в Железноводске». Передача дворца эмира Бухарского в Железноводске должна была облегчить работу республиканского народного комиссариата здравоохранения[11].

Во время рассмотрения прошения дворец до 31 декабря 1927 г. был сдан Центральному управлению социального страхования (далее – Цусстрах) при Наркомате труда (далее – Наркомтруд) СССР[12]. Цусстрах привлекался к делу аренды санатор-

[7] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 525. Оп. 2 Вн. оп. 216/2714. Д. 88А. Л. 1–2.

[8] Там же. Л. 36–37.

[9] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р1235. Оп. 71. Д. 80. Л. 21.

[10] Там же. Л. 17.

[11] Там же. Ф. Р3316. Оп. 19. Д. 368. Л. 16–16 об.

[12] Там же. Ф. Р1235. Оп. 71. Д. 80. Л. 22.

ных коек местными организациями, а в 1926 г. в его ведение были переданы дома отдыха. Наркомздрав РСФСР осуществлял надзор за курортным лечением[13], поэтому он также был адресатом писем о дворце.

Российские органы власти наиболее полно и категорично отвечали на просьбу Узбекской ССР об использовании дворца в качестве санатория. 2 февраля 1926 г. Наркомтруд РСФСР выступил против передачи дворца[14]. Свои доводы он изложил в трех пунктах. Во-первых, в санатории размещено свыше 70 коек, что составляло более трети всех коек, имеющихся в распоряжении Цусстраха в Железноводск[15]. Наркомтруд РСФСР не хотел отдавать этот дворец, поскольку город имел «слишком важное значение для лечения рабочих от профзаболеваний», а других помещений там найти не удавалось.

Во-вторых, санаторий, распложенный во дворце, обслуживал всех застрахованных трудящихся СССР, в том числе и из Узбекской ССР, поэтому трудящиеся этой республики также имели к нему доступ. 9 февраля 1926 г. СНК РСФСР отклонил ходатайство Узбекской ССР, но одновременно с этим предложил учитывать нужды этой республики при распределении мест в санатории[16]. Тем самым главный аргумент Узбекской ССР (отсутствие курортов) как бы удовлетворялся, поскольку трудящиеся республики получали доступ к лечению и дворцу.

В-третьих, в Наркомтруде РСФСР сомневались, что Узбекская ССР сможет должным образом распорядиться санаторием из-за отдаленности от Железноводска. В документе написано, что дворец

> был бы использован самым нецелесообразным образом, ибо он служил бы не местом лечения для рабочих, особенно остро страдающих от тех или иных профзаболеваний, а скорее всего домом отдыха для незначительных групп застрахованных Узбекской ССР[17].

Еще один довод о невозможности и даже вредности передачи дворца Узбекской ССР был приведен в отзыве наркома здравоохранения Н.А. Семашко, который указал, что

> организация отдельными Республиками своих собственных санаториев на курортах других Союзных Республик с выделением из общего курортного хозяйства данной республики является делом весьма вредным и с медицинской, и с хозяйственной стороны[18].

Перечисленные выше доводы Накомтруда и Накомздрава РСФСР послужили основаниями для отказа в удовлетворении прошения Узбекской ССР. Дворец продолжили использовать в качестве санатория. В 1937 г. в здании находился санаторий ВЦСПС № 41 на 85 коек[19].

Таким образом, отношение советской власти к дворцу эмира Бухарского в Железноводске с самого начала было функциональным. Большевики продолжили использовать его в качестве санатория, каким он стал еще в 1914 г. Дворец является местом лечения и по сей день. Если дворцам Романовых лишь со временем возвращалась их изначальная функция, то здание дворца в Железноводске никогда не утрачивало своего предназначения.

---

[13] *Кузнецова Л.А.* Курортное строительство в 1920–1950-е годы: вопросы организации и управления // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 256. EDN: VKSZXH

[14] ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 71. Д. 80. Л. 18.

[15] По другим данным коек было 80. См.: *Павлов М., Польская Е.* Дворец Эмира Бухарского // Памятники Отечества. 2001. № 49. С. 137.

[16] ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 71. Д. 80. Л. 19.

[17] Там же. Л. 18.

[18] Там же. Ф. А259. Оп. 10б. Д. 2226. Л. 2.

[19] *Азлецкий В.А.* Железноводск. Научно-популярное описание курорта. Пятигорск, 1937. С. 72.

Апеллирование узбекских властей к «поту и крови бухарского народа»

Руководство Узбекской ССР считало, что у республики есть правовые основания для возвращения в свою собственность дворца эмира Бухарского в Железноводске. В документах это обосновывалось следующим образом:

> С изгнанием эмира восставшим народом было бы исторически последовательным и юридически справедливым передать это имущество, созданное путем эксплуатации трудящихся Бухары, узбекскому народу для использования его в качестве санатория[20].

При этом не было приведено никаких ссылок на законодательство.

В обращении от 24 октября 1927 г. ЦИК Советов Узбекской ССР немного иначе сформулировал юридическое основания передачи дворца. В документе было написано, что дворец был построен

> на деньги, добытые потом и кровью бухарского народа и отнятые эмиром у последнего, а потому и должен был бы после свержения эмира перейти в собственность бухарского народа, Бухарской республики[21].

Эти слова хорошо показывают порядок правопреемства дворца: пот и кровь бухарского народа – бухарский народ – Бухарская народная советская республика (далее – БНСР) – Узбекская ССР. В такой системе Узбекская ССР предстает прямой наследницей БНСР, а та основывает свои претензии на дворец не через правопреемство от Бухарского эмирата, а через «пот и кровь бухарского народа», за чей счет и был построен дворец.

Схожая логика присутствовала и в официальных документах. Например, в Конституции БНСР 1922 г. в первых же статьях закреплялось, что бухарский народ берет власть в свои руки и устанавливает новый порядок, а Бухарское ханство объявляется БНСР[22]. Новая власть Бухары не видела себя продолжателем власти эмира, а брала свою легитимность от народа.

Апеллирование к «поту и крови бухарского народа» было единственно возможным в тех обстоятельствах, поскольку других юридических оснований у Узбекской ССР не было. Дворец эмира Бухарского в Железноводске был построен в 1912 г. Эмир никогда дворец не посещал и в 1913 г. передал его в собственность российского императора. 29 апреля 1914 г. состоялась официальная передача дворца в ведение Канцелярии Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны[23]. Все это говорит о том, что дворец выбыл из собственности эмира Бухарского задолго до революции. Однако это обстоятельство не помешало Узбекской ССР написать о «юридической справедливости» передачи дворца.

Отношении к собственности бывшего эмира в Бухарской республике было более утилитарным: БНСР решила сделать его имущество достоянием республики. Уже в Воззвании Бухарского революционного комитета к трудящимся Бухары от 29 августа 1920 г. было объявлено, что все земли, принадлежащие членам царствовавшего дома, являются народным достоянием, которое предназначается для безземельного населения и беднейшего крестьянства[24]. Аналогичные положения были закреплены и в «Манифесте Временного революционного комитета БНСР о победе

[20] ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 71. Д. 80. Л. 21.

[21] Там же. Ф. Р3316. Оп. 19. Д. 368. Л. 16–16 об.

[22] Конституция (Основной закон) Бухарской Народной Советской Республики. 18 августа 1922 г. // Образование Союза Советских Социалистических Республик: Сб. док. М., 1972. С. 277.

[23] РГИА. Ф. 525. Оп. 2 Вн. оп. 216/2714. Д. 88Б. Л. 101.

[24] История Бухарской Народной Советской республики (1920–1924 гг.): сборник документов. Ташкент: Фан, 1976. С. 28.

революции и основных задачах народной советской власти», изданном не ранее 2 сентября 1920 г.[25], и в декрете № 6 Центрального революционного комитета БНСР о земле от 5 октября 1920 г.[26]

В проекте декрета о земле содержалось обоснование передачи земель эмира в народное достояние. В преамбуле было сказано:

> эмир и баи-капиталисты сами не обрабатывали землю, а принуждали работать на них трудящихся бедняков[27].

Такая формулировка созвучна той, с помощью которой объяснялась передача дворца эмира Бухарского Узбекской ССР.

В приведенных документах речь, скорее всего, шла обо всех эмирских землях, находящихся на территории БНСР и за ее приделами. В РСФСР 26 октября (8 ноября) 1917 г. также был принят Декрет о земле. По мнению ученых и российского правительства, на основании этого документа национализации подлежали все земли, в том числе находившиеся за рубежом[28]. Возможно, этой же логики придерживалось и правительство БНСР.

О заграничном недвижимом имуществе Бухарского эмирского правительства говорится в союзном договоре между РСФСР и БНСР от 4 марта 1921 г. Согласно ему страны безвозмездно передавали свое имущество, находившееся на территории другого государства, в собственность этого государства. В частности, в ст. 8 было сказано, что БНСР

> безвозмездно передает РСФСР находящиеся на территории последней недвижимости, принадлежащие Бухарскому эмирскому правительству[29].

Непосредственно о дворцах в первых декретах БНСР ничего не говорилось, но уже в то время они использовались для проведений различных мероприятий. 17 сентября 1920 г. комиссия для созыва I Всебухарского курултая народных представителей (депутатов) приняла решение о проведении курултая в Ситораи Мохи-Хосса – загородном дворце бухарских эмиров, расположенном в 4 км к северу от Бухары. 6 октября 1920 г. курултай преступил к работе в этом дворце в составе 1950 делегатов[30].

В процессе национального размежевания Средней Азии БНСР прекратила свое существование. В 1924 г. II сессия БухЦИКа утвердила состав Революционного комитета Узбекской ССР, провозгласила включение всей территории Бухарской ССР (за исключением части ее, отходящей к Туркменской ССР) в состав Узбекской ССР и объявила о передаче всей полноты власти вновь организованному Революционному комитету Узбекской ССР[31]. Решением II сессии БухЦИКа фактически было закреплено юридическое правопреемство от Бухарской республики к Узбекской ССР.

Власти только что образованной Узбекской ССР стремились показать и символическое правопреемство. Файзулла Ходжаев (до размежевания был председателем Совета Народных Назиров БНСР, а после стал председателем СНК Узбекской ССР)

---

[25] История Бухарской Народной Советской республики (1920–1924 гг.): сборник документов. Ташкент: Фан, 1976. С. 37.

[26] Там же. С. 285.

[27] Там же. С. 102.

[28] *Томсинов В.А.* Дело о мемориале цесаревича Николая Александровича в Ницце (статья вторая) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 2. С. 18–19. EDN: NYGDQR

[29] История Бухарской Народной Советской республики. С. 198–203.

[30] *Ишанов А.И.* Создание Бухарской Народной Советской Республики (1920–1924 гг.). Ташкент, 1955. С. 79–81.

[31] Там же. С. 169–170.

еще в феврале 1924 г. предлагал «создание Узбекистана на базе Бухары», а затем говорил об Узбекистане как о Великой Бухаре. Учредительные съезды Коммунистической партии Узбекистана прошли в г. Бухаре[32]. Столицей новой союзной республики стала Бухара, затем – Самарканд, город расположенный близко к бывшей Бухаре. Тем самым подчеркивалась роль бухарской элиты в создании Узбекистана[33].

Таким образом, у Узбекской ССР не было юридических оснований для возвращения дворца в Железноводске в собственность республики. Дворец был передана эмиром в 1913 г. российскому императору, после чего перешел в собственность РСФСР. Претензии на дворец эмира Бухарского в Железноводске напоминают аналогичные претензии Российской Федерации на земельный участок и собор Святого Николая в Ницце, когда российской стороне с помощью юридических доводов удалось доказать правопреемство между Российской империей и Советским Союзом[34]. У Узбекской ССР не было юридических оснований, поэтому властям пришлось обращаться к вкладу бухарского народа в строительство дворца. Однако эти доводы не были услышаны.

Опыт использования большевиками дворцов царствующих особ в РСФСР и в БНСР

Впервые о значимости дворца в Железноводске для агитации главенствующего положения трудящихся Узбекистана было упомянуто в отзыве Туркменской ССР на ходатайство Узбекской ССР «О передаче Правительству УзССР дворца б. эмира Бухарского в Железноводске» от 3 июля 1926 г. Постоянное представительство Туркменской ССР при правительстве СССР считало, что

> передача бывшего эмирского дворца в пользование беднейшего населения Узбекистана, в котором живут угнетавшиеся бывшими эмирами бухарские рабочие и крестьяне, будет иметь еще больше агитационное значение, чем санаторий в Ливадии для русских крестьян[35].

Затем к сравнению дворца эмира Бухарского и Ливадийского дворца обратился уже постоянный представитель Узбекской ССР. В письме в адрес СНК СССР от 2 февраля 1927 г. он указал:

> политически не менее, чем для РСФСР, важно дать возможность трудящимся УзССР использовать [дворец эмира Бухарского в Железноводске] в качестве санатория, как это сделано с Ливадийским дворцом в Ялте[36].

Что же общего было у этих двух дворцов? Каким виделось узбекским властям будущее дворца эмира Бухарского? Как его можно было использовать для агитации в советское время? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно обратиться к истории Ливадийского дворца, на материале которого можно увидеть, как советская власть использовала бывшие царские резиденции.

---

[32] *Khalid, A.* Making Uzbekistan: Nation, empire, and revolution in the early USSR. Ithaca, London, 2015. P. 273, 277.

[33] *Абашин С.* Нациестроительство и национализм: Средняя Азия // Россия и мусульманский мир. 2009. № 12. С. 118. EDN: KXWZWH

[34] См. подробнее: *Томсинов* В.А. Дело о мемориале цесаревича Николая Александровича в Ницце (статья четвертая) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 4. С. 16–35.

[35] ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 8. Д. 224. Л. 16–16 об.

[36] Там же. Л. 4.

В юридическом плане судьба Ливадийского дворца была такой же, как и судьба имущества эмира Бухарского в БНСР. 1 декабря 1920 г. все имения Южного берега Крыма были объявлены достоянием РСФСР. 21 декабря 1920 г. был издан декрет СНК РСФСР «Об использовании Крыма для лечения трудящихся», в котором говорилось:

> дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян[37].

На территории имения в начале 1920-х гг. работал дом отдыха, основанный на хозяйственном расчете, то есть отдыхающие вносили определенную плату за пребывание[38]. Но отдыхали не в самом дворце.

11 августа 1921 г. Большой и Малый Ливадийские дворцы были объявлены собственностью Республики и перешли в полное распоряжение подотдела по делам музеев и охраны памятников старины и искусства Крымнаробраза (Крымохрис). 18 марта 1922 г. Малый Ливадийский дворец решено было сделать Музеем быта последней династии Романовых. Музей был открыт 16 июля 1922 г. и просуществовал до 1 октября 1927 г.[39]

Центральное управление курортами Крыма хотело приспособить Большой Ливадийский дворец под санаторий Коминтерна еще в 1921 г.[40] Вернулись в этому вопросу в 1924 г., когда после отмены местных выборов (сентябрь – октябрь 1924 г.) руководство партии и страны решило организовать первый в мире крестьянский санаторий. Сделано это было для упрочнения своего влияния на крестьянство. В решении Всесоюзного совещания батраков (проходило 11–18 ноября 1924 г. в рамках VI съезда профессиональных союзов СССР) говорилось о необходимости выделении для батрачества коек и мест в санаториях, домах отдыха и курортов в Крыму и на Кавказе[41].

В конце 1924 г. в СНК РСФСР обсуждался вопрос об использовании Ливадийских дворцов в качестве курортов для рабочих и крестьян. 10 февраля 1925 г. Малый СНК РСФСР вынес постановление об организации в Ливадийском городке санатория для бесплатного лечения крестьян на 300 коек. 20 февраля было издано соответствующее постановление СНК РСФСР. Санаторий должен был размещаться в Большом и Малом Ливадийских дворцах, бывших Свитский и Министерский домах. 4 апреля был подписан акт о передачи дворцов Наркомздраву РСФСР. Санаторий для крестьян принял первых отдыхающих 30 апреля 1925 г.[42]

С одной стороны, создание крестьянского курорта вписывалось в общую политику государства по отношению к курортному лечению. После объявления в 1919 г. всех курортов национальным достоянием советская власть решила использовать их

---

[37] *Андросов С.А.* Ливадийский дворец: первая попытка создания музея (1920–1927 гг.) // Историческое наследие Крыма. 2019. Симферополь, 2019. С. 115–116. EDN: UOSOGA

[38] Подробнее о работе этого дома отдыха см.: *Палькеева Е.А.* Ливадийский курорт в первые годы советской власти // Романовы и Крым. Научные чтения в Ливадии : сб. материалов науч.-практ. конф., Ялта, 18-19 мая 2018 года. Ялта, 2018. С. 84–94. EDN: VSNIOA

[39] *Селиверстова К.Н.* Судьба Ливадийских дворцов после установления Советской власти: проблема сохранения исторического наследия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. статей по итогам междунар. науч. форума, Геленджик, 13–15 октября 2017 года / отв. ред. И.И. Горлова. Краснодар, 2018. С. 183, 190. EDN: OHRIKI

[40] Там же.

[41] *Кузнецова С., Жирнов Е.* «Роскошь повсюду сказочная» // Коммерсантъ История. 11.08.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3708860 (дата обращения: 15.10.2024).

[42] *Андросов С.А.* Ливадийский дворец... С. 120; *Селиверстова К.Н.* Судьба Ливадийских дворцов...

в качестве «ремонтных мастерских для рабочих» и «мест нового быта». Это означало, что курорты должны были лечить рабочего для построения нового общества и обучать его гигиеническим и профилактическим навыкам, рациональному отношению ко времени и телу. Последнее достигалось с помощью лекций и культурно-массовых мероприятий[43].

С другой стороны, открытие крестьянского курорта в Ливадийском дворце имело символическое значение. «В царские дворцы вошли настоящие хозяева земли русской – крестьянин бедняк и середняк, потом которых построены эти дворцы» – так Н.А. Семашко характеризует прибытие крестьян на курорт[44]. Отдыхающими должны были стать «исключительно крестьяне от сохи». К маю 1925 г. в Ливадии было уже 262 отдыхающих из 30 областей и 7 союзных и автономных республик СССР[45]. С 1 октября 1927 г. Малый Ливадийский дворец перестал быть музеем и отошел санаторию. В парадных залах, личных комнатах членов императорской семьи размещались крестьяне[46].

Советская власть подчеркивала отличия новых курортов от дореволюционных. В журнале «Красная нива» образ нового советского курорта формировался с помощью противопоставлении «было» / «стало». Дореволюционные курорты рассматривались как места отдыха для немногих избранных, в то время как советские курорты позиционировались как доступные для широких масс трудящихся[47]. С 1930-х гг. попасть туда уже можно было только в качестве поощрения за хорошую работу. Курорты стали рассматриваться как репрезентация роскоши и богатства государства, а их лечебная функция отошла на второй план[48].

Власти Узбекистана знали о происходящем с Ливадийским дворцом. На торжественном открытии крестьянского санатория присутствовал представитель Узбекской ССР, который напомнил отдыхающим и другим гостям, что «в Бухаре эмир жил за счет узбекских крестьян, имел свои дворцы»[49].

Помимо дворца в Железноводске у эмира Бухарского были дворцы в Ялте. В 1921 г. в одном из них был открыт Восточный музей[50]. В 1926 г. в Узбекской ССР была предпринята попытка сделать из него дом отдыха. Но специальная комиссия обследовала дворец и пришла к выводу, что он может быть использован исключительно в качестве музея[51]. Другой ялтинский дворец эмира был передан трудящимся Узбекистана в 1924 г. С 1927 г. там работал санаторий для лечения больных туберкулезом[52].

---

[43] *Сидорчук О.Н.* Журнал «Красная нива» – источник изучения развития курортов в 1920–30-е гг. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2023. Т. 5. № 1. С. 55. DOI: 10.33764/2618-981X-2023-5-53-61 EDN: RXVSNL; *Кузнецова Л.А.* Дискуссии о форме и содержании советского курортного отдыха (1920-е – 1930-е гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4 (43). С. 100–102. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-98-106 EDN: VPETSK

[44] Как открывали крестьянский санаторий в Ливадийском дворце. М., 1925. С. 8.

[45] *Багдасарян С.Д.* Феномен крестьянского курорта в Советской России 1920-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 1. С. 82. EDN: PJSYFD

[46] *Селиверстова К.Н.* Судьба Ливадийских дворцов… С. 190.

[47] *Сидорчук О.Н.* Журнал «Красная нива»… С. 55.

[48] *Кузнецова Л.А.* Дискуссии о форме и содержании… С. 102–103.

[49] Как открывали крестьянский санаторий… С. 46.

[50] *Селиверстова К.Н.* Судьба Ливадийских дворцов… С. 183.

[51] По СССР // Вечерняя Москва. 1926. 1 июня. С. 2.

[52] *Батырбеков А.С.* О деятельности санатория «Узбекистан» // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 40-летию организации санатория «Узбекистан», 15 октября 1964 г. Ялта, 1964. С. 3.

Отношение к дворцам эмира Бухарского в Узбекской ССР было схожим с отношением к подобным дворцам в РСФСР. В летней резиденции эмира Бухарского в Ситораи Мохи-Хосса в 1927 г. был организован музей декоративно-прикладного искусства. Одна из экспозиций музея была посвящена быту Бухарского эмира[53].

Царские и эмирские дворцы в 1920-е гг. использовались властями в качестве музеев, показывавших быт правителей. Они были открыты для широкой публики, которая должна была увидеть зажиточность и богатство резиденций. Вместе с тем дворцы приспосабливались также для санаторного лечения. В результате прибывавшие сюда трудящиеся могли здесь не только поправить здоровье, но и ознакомиться с роскошными интерьерами прежних владельцев. Власть всегда подчеркивала, что истинными хозяином дворцов стал сам народ и что здания, построенные «потом и кровью» крестьян и рабочих, перешли к «настоящим хозяевам». В этой связи и власти Узбекской ССР хотели организовать во дворце эмира Бухарского в Железноводске показательный курорт для трудящихся своей республики, тем более что здесь уже с 1914 г. функционировал санаторий, что отличало его от дворцов Ливадии, где останавливалась царская семья.

Однако организовать узбекский санаторий во дворце эмира Бухарского в Железноводске не получилось. Народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко 5 февраля 1927 г. указывал в этой связи на то, что

> трудящиеся Узбекской ССР наравне с трудящимися других республик Союза имеют возможность получить лечение на курортах РСФСР, в том числе не только в Железноводске и в б. дворце эмира Бухарского, в частности, но также и в Ливадийском дворце в Ялте[54].

Нарком, по сути, предлагал узбекской стороне воспользоваться услугами РСФСР для курортного лечения своих граждан, что могло иметь и пропагандистскую цель. Но очевидно, что узбекские власти хотели лишь повторить применяемую в РСФСР практику использования царских дворцов, тем более что в Железноводске можно было совместить пропагандистские задачи с санаторным лечением.

Заключение

Восприятие наследия Бухарского эмирата в советский период было схожим с восприятием имперского наследия Романовых. Утилитарное отношение к дворцам, которые превращали в санатории (как в случае с дворцом эмира Бухарского в Железноводске и Ливадийским дворцом в Крыму), отражало общую тенденцию тех лет. Проведенное исследование показывает, что в советский период не уничтожалась культурное наследие прошлого, а напротив, оно было органически встроено в повседневность. Дворцы царствующих особ были востребованы в то время, но их изначальное назначение было переосмыслено. Если до революции в них отдыхали правители, то в 1920-е гг. туда для отдыха направлялись рабочие и крестьяне, от имени которых осуществлялось управление страной.

Руководство Узбекской ССР стремилось копировать практики РСФСР по использованию дворцов бывшего правящего дома. В Узбекистане был организован музей, посвященный быту эмира Бухарского. Дворец в Железноводске также планировалось использовать, с одной стороны, в утилитарных целях как санаторий, с другой

[53] Ситораи Мохи-Хосса // Бухарский государственный музей-заповедник [сайт]. URL: https://www.bukharamuseums.uz/ru/katalog/item/sitorai-mokhi-khossa (дата обращения: 15.10.2024).

[54] ГАРФ. Ф. А259. Оп. 10б. Д. 2226. Л. 2.

как историческое пространство в пропагандистских целях, демонстрировавших возврат собственности бывших эксплуататоров трудящимся республики. Для узбекского народа передача дворца имела бы еще и символическое значение, демонстрировавшее преемственность Бухары и Узбекистана. Однако этим планам не удалось сбыться, и дворец остался в собственности РСФСР.

Следует отметить, что в разных странах дворцы являются особыми объектами мемориальной политики, однако советское руководство не позволило превратить дворец эмира Бухарского в Железноводске в мемориальное сооружение, и он продолжал выполнять утилитарные функции в качестве санатория для трудящихся (сменяя лишь названия: санаторий имени Бухарина, затем имени Эрнста Тельмана, наконец, санаторий «Ударник» и потом вновь имени Эрнеста Тельмана).

Поступила в редакцию / Submitted: 16.10.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 18.02.2025
Принята к публикации / Accepted for publication: 12.03.2026

References

Abashin, S. "Natsiestroitel'stvo i natsionalizm: Sredniaia Aziia [Nation Building and Nationalism: Central Asia]." *Russia and the Moslem world*, no. 12 (2009): 112–132 (in Russian).

Androsov, S.A. "Livadiiskii dvorets: pervaia popytka sozdaniya muzeya (1920–1927 gg.)." [Livadia Palace: the first attempt to create a museum (1920–1927)] in *Istoricheskoe nasledie Kryma. 2019* [The historical heritage of Crimea. 2019], 114–121. Simferopol: Antikva Publ., 2019 (in Russian).

Bagdasarian, S.D. "The Phenomenon of Peasant Resort in Soviet Russia of the 1920-s." *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, no. 1 (2012): 79–86 (in Russian).

Boltunova, E. "Great-power statehood Soviet-style: the imperial space of the Soviet 1970s." *New Literary Observer*, no. 5 (2013): 89–103 (in Russian).

Boltunova, E.M. "Dvorets kak chast' sovetskogo/postsovetskogo gorodskogo landshafta (na primere Putevogo dvortsa Ekateriny II v Tveri) [The Palace as a part of the Soviet/post-Soviet urban Landscape (using the example of Catherine II's Travel Palace in Tver)]." *Trudy "Russkoi antropologicheskoi shkoly",* no. 11 (2012): 127–155 (in Russian).

Boltunova, E.M. "Zhizn' posle smerti: tronnye zaly Rossiiskoi imperii v sovetskoe/postsovetskoe vremya (na primere Granovitoi palaty Moskovskogo Kremlya) [Life after Death: throne Rooms of the Russian Empire in Soviet/Post-Soviet Times (using the example of the Faceted Chamber of the Moscow Kremlin)]." *Trudy "Russkoi antropologicheskoi shkoly,"* no. 8 (2011): 151–171 (in Russian).

Brezhneva, S.N. "The visits of the rulers of Russia's Central Asian protectorates to St. Petersburg at the turn of the 20th century: communicative practice." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (2021): 411–425 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425

Ishanov, A.I. *Sozdanie Bukharskoi Narodnoi Sovetskoi Respubliki (1920–1924 gg.)* [Creation of the Bukhara People's Soviet Republic (1920–1924)]. Tashkent: Akademiya nauk Uzbekskoi SSR Publ., 1955 (in Russian).

Khalid, A. *Making Uzbekistan: Nation, empire, and revolution in the early USSR.* Ithaca, London: Cornell University Press, 2015.

Kuznetsova, L.A. "Discussions on the form and content of the soviet resort rest (the 1920s – 1930s)." *Perm University Herald. History*, no. 4 (2018): 98–106 (in Russian), https://doi.org/10.17072/2219-3111-2018-4-98-106

Kuznetsova, L.A. "Resort Construction in the 1930-1950s : Issues of Organization and Administration." *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, no. 12 (2014): 244–262 (in Russian).

Malorod, D.D. "Household museum in the Yelagin palace in 1910s-1920s." *Museum. Monument. Heritage*, no. 2 (2021): 88–100 (in Russian).

Pal'keeva, E.A. "Livadiiskii kurort v pervye gody sovetskoi vlasti [Livadia resort in the early years of Soviet rule]." in *Romanovy i Krym. Nauchnye chteniia v Livadii: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ialta, 18–19 maia 2018 goda* [The Romanovs and the Crimea. Scientific readings in Livadia: collection of materials of the scientific and practical conference, Yalta, May 18-19, 2018], 84–94. Yalta: Antikva Publ., 2018 (in Russian).

Pavlov, M., Pol'skaya, E. "Dvorets Ehmira Bukharskogo [The Palace of the Emir of Bukhara]." *Pamiatniki Otechestva*, no. 49 (2001): 134–137 (in Russian).

Popov, A.D. A "Memorial Building as a Source for the History of Memory: An Integrated Approach to Studying." *Ural Historical Journal*, no. 3 (2024): 98–106. https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3(84)-98-106 (in Russian).

Seliverstova, K.N. "Sud'ba Livadiiskikh dvortsov posle ustanovleniia Sovetskoi vlasti: problema sokhraneniia istoricheskogo naslediia [The fate of Livadian palaces after the establishment of Soviet power: the problem of preserving historical heritage]." in *Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiia: sbornik nauchnykh statei po itogam mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Gelendzhik, 13–15 oktiabria 2017 goda* [The Cultural Heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony: collection of scientific articles based on the results of the International scientific forum, Gelendzhik, October 13-15, 2017], 182–193. Krasnodar: Ecoinvest Publ., 2018 (in Russian).

Sidorchuk, O.N. "The journal 'Red Niva' as a source for studying the development of resorts in the 1920–30s." *Interexpo GEO-Siberia* 5, no. 1 (2023): 53–61 (in Russian), https://doi.org/10.33764/2618-981X-2023-5-53-61

Tomsinov, V.A. "Cesarevitch Nikolay Aleksandrovich's Nice memorial case (second article)." *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, no. 2 (2011): 12–33 (in Russian).

Tomsinov, V.A. "Cesarevitch Nikolay Aleksandrovich's Nice memorial case (forth article)." *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, no. 4 (2011): 16–35 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Егор Андреевич Боголюбов, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, НИУ Высшая школа экономики (г. Санкт-Петербург); 194100, Россия, Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3А; bogolubovegor@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-9312-7793; SPIN-код: 7956-0843.

Egor Andreevich Bogoliubov, PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of Law and State, HSE University (Saint-Petersburg), 3A, Kantemirovskaya Str., Saint Petersburg, 194100, Russia; bogolubovegor@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-9312-7793; SPIN-code: 7956-0843.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 386–399
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-386-399
EDN: LJXJUJ

Научная статья / Research article

«Буриданов осел» советской языковой политики: попытка реформы корейской письменности в 1930-е годы

Фёдор Леонидович Синицын

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
✉permcavt@gmail.com

Аннотация: Исследуется процесс создания новой корейской письменности в СССР в 1930-е гг., раскрываются особенности этой деятельности, осуществлявшейся в рамках советского языкового строительства. Выявляются причины, ход и результаты реформы корейской письменности, состав участников ее реализации. Исследование основано на анализе документов, выявленных в Архиве РАН, Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном архиве социально-политической истории. Автор пришел к выводу о том, что развернутая в СССР борьба за модернизацию корейского языка и письменности вылилась в разработку нового корейского алфавита на латинской основе. Участниками процесса корейской латинизации стали общесоюзные и дальневосточные «латинизаторские» и партийные структуры. В рамках реформы обсуждались несколько проектов нового корейского алфавита – на «английской» и на «общесоветской» основе. По вопросу о выборе основы в среде «латинизаторов» развернулось столкновение. В начале 1932 г. поднимался вопрос о созыве «корейской конференции», которая должна была утвердить новый алфавит. Однако решением ЦК ВКП(б) инициативу отменили, после чего корейская латинизация в СССР затормозилась. В итоге утверждение и внедрение новой корейской письменности осуществить не удалось.

Ключевые слова: традиционный корейский алфавит, хангыль, советская языковая политика, нациестроительство, корейское население Посьетского района

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Синицын Ф.Л.* «Буриданов осел» советской языковой политики: Попытка реформы корейской письменности в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 386–399. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-386-399 EDN: LJXJUJ

© Синицын Ф.Л., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

"Buridan's Ass" of Soviet Language Policy: Attempt to Reform Korean Writing System during the 1930s

Fyodor L. Sinitsyn

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
permcavt@gmail.com

Abstract: The author considers the process of creating a new Korean writing system in the USSR in the 1930s and reveals the features of this activity carried out within the framework of Soviet language construction. They reveal the reasons, courses, and results of the reform of the Korean writing system, as well as the composition of the participants in its implementation. The study is based on the analysis of the documents identified in the Archive of the Russian Academy of Sciences, the State Archive of the Russian Federation, and the Russian State Archive of Socio-Political History. The author comes to the conclusion that the struggle for the modernization of the Korean language and writing system launched in the USSR resulted in the development of a new Korean alphabet based on Latin. The All-Union and Far Eastern 'romanization' institutions and party structures were involved in the activities on Korean Romanization. Several projects of the new Korean alphabet based on the 'English' and 'all-Soviet' basis were developed and discussed. However, among the 'romanizers' there was a clash on the issue of choosing a basis for the new Korean alphabet. In early 1932, there was support for convening a 'Korean conference', which was supposed to approve the new alphabet. However, this initiative was canceled by the decision of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). After that, Korean Romanization in the USSR slowed down. As a result, the approval for and implementation of the new Korean writing system failed.

Keywords: Korean, Korean Writing, Hangul, Latinization, USSR, Korea

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Sinitsyn, F.L. " 'Buridan's Ass' of Soviet Language Policy: Attempt to Reform Korean Writing System during the 1930s." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 386–399 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-386-399 EDN: LJXJUJ

Введение

Актуальность. Языковой вопрос в Советском Союзе в 1920-х – 1930-х гг. считался идеологически важным[1], как и многие другие аспекты национальной жизни страны. Советская национальная политика направлена, во-первых, на создание литературных языков на основе «живого языка пролетариата и колхозного крестьянства»[2]. Во-вторых, в 1920-е гг. в СССР развернулось движение за латинизацию письменности под руководством Всесоюзного Центрального Комитета нового (латинизированного) алфавита (ВЦКНА) при Совете национальностей ЦИК СССР, который внедрял разработанный для народов СССР унифицированный алфавит. В регионах работали аналогичные местные комитеты, в их числе, Центральный комитет нового алфавита (ЦКНА) РСФСР и Дальневосточный комитет нового алфавита (ДКНА).

Затронула эта деятельность и советских корейцев. На рубеже 1920-х гг. – 1930-х гг. в СССР проживали, по разным данным, от 170 тыс. до 250 тыс. корейцев (в основном на территории Посьетского района Дальневосточного края)[3]. В стране издавались книги, учебники, выходило не менее шести газет на корейском языке[4].

[1] *Хабаев И.П.* Новый бурят-монгольский алфавит // Бурятиеведение. 1930. № III–IV (11–12). С. 23.

[2] Архив Российской академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 676. Оп. 1. Д. 1175. Л. 50; Революция и письменность. 1932. № 1–2. С. 145.

[3] Ныне – Хасанский район Приморского края.

[4] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 172. Л. 1; Там же. Д. 244. Л. 14–15; *Булатников И.* О латинизации корейской письменности // Просвещение национальностей. 1930. № 6. С. 106; *King J.R.P.* An Introduction to Soviet Korean // Language Research. 1987. Vol. 23. № 2. P. 234.

В настоящее время корейский язык является государственным в странах Корейского полуострова, региональным в Яньбянь-Корейском автономном округе КНР (провинция Гирин). Этим языком во всем мире владеют более 80 млн чел. Корейское население России, согласно данным переписи населения 2002 г., составляет более 87 тыс. человек.

Степень изученности проблемы. В историографии, включая новейшую, имеются работы, посвященные теме нациестроительства в СССР и советской языковой политики[5]. Частично в работах затрагивалась история реформирования корейской письменности в Советском Союзе. Например, в статье Т.И. Виноградовой раскрывается отражение кампании по корейской латинизации в советской прессе 1930-х гг.[6] Однако остаются нераскрытыми вопросы соответствия проектов новой корейской письменности 1930-х гг. традиционному алфавиту (хангыль), сохраняется спорное мнение о том, что «планы создания латинской графики корейского языка одобрены, но, судя по всему, так и не осуществлены»[7]. В ряде зарубежных публикаций, посвященных романизации (латинизации) корейской письменности, вообще не упоминаются усилия СССР в этой области[8].

Цель исследования заключается в выявлении особенностей процесса создания новой корейской письменности в СССР в 1930-е гг., включая обоснование реформы, рассмотрение ее хода и результатов, изучение состава участников реализации реформы.

Источниковая база. Исследование основано на критическом анализе документов, выявленных в Архиве Российской академии наук в фонде Всесоюзного Центрального Комитета нового (латинизированного) алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР (Ф. 676); Государственном архиве Российской Федерации в фондах ВЦИК (Ф. 1235), Наркомата просвещения РСФСР (Ф. 2306), ЦИК СССР (Ф. 3316), Комитета Севера (Ф. 3977; Российском государственном архиве социально-политической истории в фондах ЦК ВКП(б) (Ф. 17) и Коминтерна (Ф. 495). Эти документы включают в себя отчеты о деятельности в сфере советского языкового строительства, протоколы заседаний латинизаторских структур, научные разработки в сфере корейского языка и письменности. Кроме того, использованы материалы о проблемах латинизации корейского языка, выявленные в тематических сборниках документов[9].

---

[5] *Аманжолова Д.А.* Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 30–40. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40. EDN: LOTKCK; Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й век История в документах, 140-летию переселения корейцев в Россию посвящается / [Н.Ф. Бугай; Введ., заключение, сост., коммент.]. М., 2004. EDN: QOVUIP; *Синицын Ф.Л.* Китайская письменность: советские эксперименты 1920-х – 1930-х гг. // ЭНОЖ «История». 2023. № 11. https://doi.org/10.18254/S207987840028827-8 EDN: MTBMUD; *Синицын Ф.Л.* Народы Восточной Азии в советском языковом строительстве. М., 2024. EDN: AVMTEI

[6] *Виноградова Т.И.* Проекты латинизации корейской письменности в СССР по материалам периодической печати 1930-х годов // Вестник Центра корейского языка и культуры. СПб., 2006. Вып. 9. С. 44–56. EDN: YSBWVO

[7] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 281. EDN: QPSAAZ; *King J.R.* Korean Language Studies in the USSR // The Korean Society of Bilingualism. 1991. № 8. P. 70.

[8] *Grune D.* The Academic Romanization of Korean from the National Institute of Korean Language. September 2020. URL: https://www.academia.edu/44194708; *Grune D.* Analysis and Critique of the Yale Romanization of Korean. October 2020. URL: https://www.academia.edu/44335747; *Kovačić M.* Latinično zapisivanje korejskoga // Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika. 2018. Vol. 65. S. 76–79.

[9] Культура и письменность Востока. М., 1931. Кн. 9; Революция и письменность. 1932. № 1–2; Революция и письменность. 1932. № 3; Революция и письменность. 1933. № 1.

Подготовка к реформированию корейской письменности в СССР

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. под влиянием начавшейся в стране латинизации (в первую очередь, китайской письменности) в СССР развернулось жесткая критика корейского алфавита. Вначале одной из главных мишеней стала не столько сама корейская письменность, сколько ее сопряженность с китайскими иероглифами[10], которые к тому времени уже были объявлены латинизаторами (так называли советских государственных и общественных деятелей, вовлеченных в кампанию по реформе письменности народов СССР) вне закона[11]. Кроме того, как оказалось, в традиционном корейском алфавите (хангыль[12]) обнаружились недостатки. Во-первых, что он якобы «очень труден» для усвоения, «не дает возможности научно разработать орфографию»[13], не отражает «всего звукового состава современного корейского языка», «приспособлен <…> к вертикальному способу письма», неудобен для полиграфии[14]. Латинизаторы сделали вывод, что корейская письменность негодна и не станет таковой даже в реформированном виде, и поэтому провозгласили «неотложность латинизации корейской письменности», причем «ускоренным темпом»[15].

Корейская латинизация содержала политическую подоплеку как акция, имеющая революционизирующую направленность, а также определенное интернациональное содержание ввиду наличия зарубежной Кореи, где проживало подавляющее большинство корейцев[16]. Однако инспектор Наркомпроса РСФСР И. Булатников, который в 1930 г. проводил обследование культурного обслуживания корейского населения Посьетского района, заявил, что именно советские корейцы должны «стать авангардом культурной революции корейского народа»[17].

Латинизаторы утверждали, что советские корейцы их поддерживают[18] – особенно «широкие учительские массы»[19]. Однако, конечно, имелись и противники латинизации, прежде всего среди представителей корейской интеллигенции[20], которые считали, что в СССР невозможно «ставить вопрос о латинизации корейской письменности и об отказе от иероглифов», т.к. это может создать «отрыв советских корейцев от <…> большой Кореи» и повредить «с точки зрения интересов будущей революции на Востоке»[21].

Реформа корейской письменности имела и объективные трудности, обусловленные, прежде всего, фонетикой. По мнению некоторых лингвистов, в корейском языке практически нет звуков, которые могут быть однозначно идентифицированы с латинскими буквами. Кроме того, сказалась бедность латинского алфавита, не имеющего достаточного количества букв для отображения всех корейских фонем[22].

---

[10] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 22–23; *Булатников И.* О латинизации... С. 107.

[11] *Синицын Ф.Л.* Китайская письменность: советские эксперименты 1920-х – 1930-х гг. // ЭНОЖ «История». 2023. № 11. https://doi.org/10.18254/S207987840028827-8 EDN: MTBMUD

[12] В СССР также употреблялся термин «онмун» или «онмунь».

[13] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Д. 510. Л. 6.

[14] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 172. Л. 2–3; Там же. Ф. 677. Оп. 6. Д. 334. Л. 58, 60.

[15] Там же. Д. 244. Л. 22; Там же. Д. 1208. Л. 1; Там же. Ф. 677. Оп. 6. Д. 334. Л. 60, 62.

[16] Там же. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 21, 87 об.

[17] *Булатников И.* О латинизации... С. 108.

[18] *Пашков Б.К.* Неотложность латинизации корейской письменности // Культура и письменность Востока. М., 1931. Кн. 9. С. 36.

[19] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 124. Д. 34. Л. 146.

[20] *Пашков Б.К.* Неотложность латинизации… С. 36.

[21] *Булатников И.* О латинизации... С. 108.

[22] *Grune D.* Analysis and Critique... P. 1; *Grune D.* The Academic Romanization… P. 1.

Тем не менее, латинизаторы отвергали доводы своих противников и объявили их в духе времени «классовым врагом»[23]. Не останавливали их и объективные трудности.

Начальный этап реформирования

Впервые вопрос о корейской латинизации поднимался в феврале 1930 г. президиумом Посьетского райисполкома[24]. Из Посьета движение за латинизацию перекинулось во Владивосток и затем – в Хабаровск. Студент Дальневосточного института народного хозяйства Пак Ен Бин разработал первый в СССР проект нового корейского алфавита[25].

В августе 1930 г. во Владивостоке на собрании в корейском клубе имени Сталина приняли «Резолюцию о необходимости безотлагательного перехода на латинский алфавит»[26]. 24 августа проект алфавита, разработанный Пак Ен Бином, приняла созданная собранием комиссия, после чего документ разослали по научным и общественным организациям для обсуждения и уточнения[27].

К началу следующего года вопрос о корейской латинизации дошел до Москвы. 14 апреля 1931 г. ЦКНА РСФСР сообщил в Совет национальностей ЦИК СССР, что «корейцы <…> (проживающие в пределах Советского Союза) поставили вопрос о переходе их на новый, на латинской основе, алфавит»[28]. В Москве появился еще один проект алфавита, разработанный членом ЦКНА РСФСР О Чан Хваном. В разработке этого проекта также приняли участие сотрудники Коммунистического университета трудящихся Востока[29].

В конце октября – начале ноября 1931 г. в Хабаровске при Отделе культуры и пропаганды Дальневосточного крайкома ВКП(б) проводились собрания корейского актива, на которых рассматривались два проекта алфавита: первый включал в себя буквы: a, ə, b, c, ch, d, e, ь, g, h, i, j, k, kh, l, m, n, o, ɵ, p, ph, r, s, sh, t, th, u, w, y, z; второй проект состоял из следующих букв: a, b, c, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, ng, o, p, r, s, t, u, ū, v, w, x, y, z, ch, kh, th, ph[30]. Как видно, оба проекта создавались не на основе общесоветского унифицированного алфавита, разработанного ВЦКНА[31] (где не существовало дифтонгов и имелось большое количество букв с диакритическими знаками), а по «английскому образцу» (с дифтонгами и практически без нестандартных букв с диакритическими знаками).

Обоснованием подобной основы корейского алфавита служило наличие в СССР китайского латинизированного алфавита, который имел именно английскую основу[32] (данный термин применялся латинизаторами). Сторонники данного подхода рассматривали корейцев и китайцев прежде всего как представителей этносов, лишь часть из которых проживает в СССР, и полагали, что в алфавитном вопросе необходимо

[23] *Пашков Б.К.* Неотложность латинизации... С. 36.

[24] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 172. Л. 3.

[25] Там же. Л. 4.

[26] Там же. Л. 4.

[27] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 124. Д. 34. Л. 146.

[28] Там же. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 19. Л. 44.

[29] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 6.

[30] Там же. Л. 2–3, 5, 16–17.

[31] В дальнейшем в тексте статьи разработанный ВЦКНА для внедрения во всесоюзном масштабе «унифицированный» алфавит будет именоваться «общесоветским» алфавитом.

[32] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2550. Л. 30; Там же. Д. 2181. Л. 3–3 об; *Алексеев В.М.* Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л., 1932; Работа группы по латинизации и движение за латинизацию китайской письменности в СССР // Проблемы Китая. 1930. № 4–5. С. 221.

ориентироваться на Корею. Советский писатель и журналист Цой Хо Рим считал возможным транслировать туда «пролетарскую культуру» только в случае латинизации корейской письменности без «нестандартных» букв, так как в Корее имелся только обычный латинский шрифт[33]. Таким образом, латинизаторы считали превалирующим внешнеполитический аспект, расчитывая на распространение советского влияния за рубежом. Главными сторонниками алфавита на английской основе являлись ДКНА (который занимался китайской латинизацией и вовлечен в дунганскую латинизацию, где также продвигалась английская основа) и корейский партийно-политический актив Дальнего Востока.

В итоге хабаровские собрания в конце октября и начале ноября 1931 г. не отдали предпочтения ни одному из проектов[34]. Варианты проектов нового корейского алфавита, разработанные в СССР, представлены в таблице.

Соответствие букв хангыль и вариантов нового корейского алфавита / The correspondence of the Hangul letters and the versions of the new Korean alphabet developed in the USSR

Хангыль / Hangul	Латинизированный алфавит (разные варианты) / Latinized alphabet (Different versions)					Алфавит на кириллической основе / The Cyrillic-based alphabet
ㅏ	a	a	a	a	a	а
ㅑ						я
ㅓ	y	ae	ь	e	ə	ӭ
ㅗ	o	o	o	o	o	о
ㅚ	ɵ	oi	ɵ	oy	ɵ	
ㅖ						е
ㅛ						ё
ㅜ	u, v	u, w	u, w	u, w	u, w	у
ㅠ						ю
ㅡ	ь	y	y	ū	ь	ы
ㅣ	i, j	i, j	i, j	i, j	i, j	и
ㅐ	ə	ai	ə	ai	ʌ	ä
ㅔ	e	e	e	ey	e	э
ㄱ	g	g	g	g	g	г
ㄲ	k	kk	k	k	k	к
ㄴ	n	n	n	n	n	н
ㄷ	d	d	d	d	d	д
ㄹ	r	r	r	r	r	р
ㄾ	l	ll	l	l	l	л
ㅁ	m	m	m	m	m	м
ㅂ	b	b	b	b	b	б
ㅃ	p	pp	p	p	p	п
ㅅ	ş	s	z	s	s	з
ㅆ	s	ss	s	x	x	с
ㅈ	z	z	з	z	z	дз
ㅉ	c	cc	c	c	z	ц
ㅊ	ç	c	ch	ch	c	ч
ㅇ	ŋ	ng	ŋ	ng	ŋ	ң
ㅋ	q	k	kh	kh	q	кх
ㄸ	t	tt	t	t	t	т
ㅌ	ţ	t	th	th	ħ	тх
ㅍ	f	p	ph	ph	f	ф
ㅎ	x	x	h	h	h	х

Источник: АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 60.

Source: Archive of the Russian Academy of Sciences, f. 676, op. 1, d. 244, l. 60.

[33] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 172. Л. 3; Там же. Д. 244. Л. 28, 31, 42.

[34] Там же. Д. 244. Л. 7.

Возникновение противоречий между сторонниками разных проектов

Корейская латинизация вновь затормозилась, после чего к этой деятельности подключился ВЦКНА. К середине декабря 1931 г. на уровне ВЦКНА были рассмотрены уже два типа проектов алфавита – на английской и общесоветской основах (второй имел такой вид: a, в, c, d, e, ə, g, h, i, j, k, l, m, n, ŋ, o, ɵ, p, r, s, t, u, w, y, z, з, ь)[35]. Перед ВЦКНА встал вопрос о том, можно ли сделать «для корейцев исключение, как <…> сделали в отношении китайцев»[36] в плане принятия алфавита на английской основе?

Среди латинизаторов по этому поводу развернулась дискуссия, которая остро проявилась на заседаниях Научного совета ВЦКНА в декабре 1931 г., где прозвучали и выступления за алфавит на «английской» основе, и доводы противников такой основы, среди которых были видные сотрудники самого ВЦКНА. Угол зрения сторонников «общесоветского» унифицированного алфавита был направлен внутрь СССР. Основным аргументом, который советские латинизаторы всегда выдвигали для обоснования унификации алфавитов, были нужды полиграфической промышленности (чем меньше разных литер придется отливать, тем лучше), и это имело разумное обоснование. Однако известный лингвист Н.Ф. Яковлев привел следующий довод: на Дальнем Востоке «предвидится унификация китайского, корейского и японского алфавитов», и уже внедрены «латинизированные монгольский и северный алфавиты»[37].

Аргументы за введение для корейцев общесоветского алфавита имели и внешнеполитический контекст, когда было заявлено, что «смотреть на зарубежное население, а не смотреть на многочисленную унификацию алфавитов в СССР – недопустимо»[38].

Видный советский латинизатор У. Алиев заявил о недопустимости каких-либо поблажек в пользу английской основы корейского алфавита. Он, в частности, сказал: «Единственным исключением в нашей практике является китайский алфавит, который был принят по политическим соображениям»[39]. Очевидно, ВЦКНА не хотел плодить исключения, которые подрывали его усилия по полной унификации алфавитов народов СССР.

На заседаниях Научного совета ВЦКНА в декабре 1931 г. прозвучали выступления и против корейской латинизации вообще. Одним из аргументов было то, что в Приморье около 90 % корейцев обладали грамотностью на основе старого алфавита. Противники латинизации также оспаривали упор латинизаторов на связь корейской письменности с иероглифами, указывая на существование хангыля. Кроме того, звучали аргументы о необходимости продолжать печатать «массовую литературу на старом алфавите» для распространения ее в Корее. Цой Хо Рим выступил за постепенность латинизации, но фактически в его словах звучало скептическое отношение к этой реформе[40].

Разработка нового корейского алфавита сопрягалась с проблемой литературного языка, что находилось в русле языковой политики СССР того периода. «Традиционный, классово чуждый корейский литературный язык» был признан негодным для «борьбы за социалистическое переустройство корейского общества». Одновременно,

[35] В процессе разработки алфавитов использовались и некоторые другие буквы – см. таблицу 1.

[36] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 7, 19, 20, 26.

[37] Там же. Л. 29.

[38] Там же. Л. 30–31, 63 об.

[39] Там же. Л. 31; *Синицын Ф.Л.* Китайская письменность: советские эксперименты 1920-х – 1930-х гг. // ЭНОЖ «История». 2023. № 11. https://doi.org/10.18254/S207987840028827-8 EDN: MTBMUD

[40] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 20–21.

как минимум в 1930 г., было объявлено, что «новокорейский литературный язык еще окончательно не определился». Тем не менее, латинизаторы уже заранее были уверены в несоответствии старого алфавита новому корейскому литературному языку каким бы он ни получился[41].

При создании такого языка был сделан упор на «живой язык трудящихся». Как следует из резолюции состоявшегося 12 апреля 1932 г. собрания корейцев – учащихся Коммунистического университета трудящихся Востока имени И.В. Сталина, в основу нового литературного языка было предложено положить «живое произношение провинции Чунчендо (сейчас – Чхунчхондо) как общепонятное для всех корейцев, с использованием и обогащением его в словарном отношении диалектами корейцев советского Д[ального] Востока, а также международной терминологией»[42]. Однако было и другое мнение. Так, советские ученые Б.К. Пашков и Ю.К. Шуцкий предлагали сделать упор на речь корейцев: либо на имеющийся в Корее «северный диалект, ибо это диалект населения нашего Союза и, кроме того, он меньше затронут влиянием феодально-дворянского языка Кореи, чем южный»[43]. Тем не менее, выяснилось, что выбор диалекта для литературного языка не должен повлиять на алфавит: на заседании Научного совета ВЦКНА 22 декабря 1931 г. заведующий корейским сектором Дальневосточного краевого издательства П.А. Осенмук заявил, что между корейскими диалектами нет фонетических различий[44].

В итоге своих заседаний в декабре 1931 г. Научный совет ВЦКНА постановил утвердить проект корейского алфавита на общесоветской основе[45].

Несмотря на принятое решение, противостояние продолжилось. В январе 1932 г. Дальневосточный комитет нового алфавита вновь высказался за алфавит на «английской» основе. В его документах отмечалось:

> Проведение латинизации среди национальностей, лишь частично находящихся на территории Советского Союза <…> не может не требовать от нас учета предстоящего перебрасывания латинизации за пределы Союза[46].

Представители Дальнего Востока указывали, что «в странах Тихоокеанского побережья широко распространено знание латинского алфавита (благодаря изучению английского языка)», и поэтому в типографиях есть чисто латинские буквы[47]. По этой причине делался вывод, что

> будущая советская власть в Корее сможет непосредственно после захвата буржуазных типографий использовать их по прямому назначению – на службу революции[48].

Приводились и технические обоснования:

> Как показывает имеющийся опыт латинизации китайской письменности, товарищи, знакомые с т.н. «английским алфавитом», овладевают латинизированным китайским письмом в течение 2–3 дней[49].

---

[41] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 172. Л. 2–5; Там же. Д. 244. Л. 87об; Там же. Д. 1208. Л. 6.
[42] Там же. Д. 244. Л. 28.
[43] Там же. Л. 100, 124; Там же. Д. 1208. Л. 6.
[44] Там же. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 28, 100.
[45] Там же. Л. 32.
[46] Там же. Л. 38–38 об.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] Там же.

Такое мнение было поддержано партийными властями Дальневосточного края с апелляцией к уже утвержденному китайскому алфавиту, имевшему английскую основу. В дополнение, 26 марта 1932 г. в корейской газете «Авангард», издававшейся в Хабаровске как печатный орган Дальневосточного крайкома ВКП(б), вышла передовая статья под авторством П.А. Осенмука, в которой введение для корейцев общесоветского алфавита было обозначено как «оторванная от международного значения попытка осуществления латинизации в национальных рамках»[50].

В итоге ВЦКНА не стал утверждать решение своего Научного совета – очевидно, из-за жесткой позиции дальневосточных коллег. 5 марта 1932 г. ВЦКНА сообщил телеграммой в Дальневосточный крайком ВКП(б) и ДКНА, что «обязательность [общесоветской] унификации не предрешена».

ВЦКНА предложил дальневосточникам всесторонне обсудить алфавит на специально созванной конференции и затем ее решение представить в Москву для окончательного утверждения[51]. Таким образом, обсуждение корейской латинизации фактически было возвращено на региональный уровень.

Однако ВЦКНА все же выступал за общесоветский алфавит, что было закономерно. Еще в феврале 1932 г. ВЦКНА сообщал в Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) о недопустимости исключений в отношении корейского алфавита. По мнению ВЦКНА, корейский алфавит должен был «строиться для обслуживания корейцев, живущих на советском Дальнем Востоке», а не ориентироваться на страны Запада и на Корею, оккупированную Японией. Был дан ответ и на «типографский» аргумент – что нельзя ориентировать создаваемый в СССР корейский алфавит на «захват буржуазных типографий» в Корее, тем более что «после установления советской власти в Корее не представит особых трудностей отлить <…> 5 букв»[52] (ə, ŋ, ɵ, з, ь), которые не входят в число обычных латинских.

Это мнение разделяли корейцы – учащиеся Коммунистического университета трудящихся Востока имени И.В. Сталина. На своем собрании, прошедшем 12 апреля 1932 г., они выступили за общесоветский алфавит, а также подвергли дальневосточных латинизаторов критике за «неприкрытый административный нажим <…> для протаскивания» проекта на «английской» основе. Дополнительным их аргументом было то, что «ссылка на английский алфавит несостоятельна уже потому, что знание английского языка и алфавита» являлось «достоянием незначительного слоя буржуазной корейской интеллигенции, а не широких масс»[53].

Прекращение деятельности по корейской латинизации

В начале 1932 г. с подачи ВЦКНА был поднят вопрос о созыве корейской конференции, которая должна была утвердить алфавит (впервые о необходимости такого мероприятия было заявлено на совещании корейского актива в Хабаровске 2 ноября 1931 г., а затем – на заседании президиума ВЦКНА 5 января 1932 г.). Изначально конференция была намечена на апрель 1932 г. во Владивостоке, а затем, из-за технических трудностей, связанных с приездом представителей из Москвы, была перенесена на начало мая[54].

[50] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 42, 67.
[51] Там же. Л. 41.
[52] Там же. Л. 39–39об.
[53] Там же. Л. 68, 70, 76.
[54] Там же. Л. 9, 37, 66, 95.

В итоге конференция была и вовсе отменена по решению ЦК ВКП(б). 9 мая 1932 г. на встрече представителей ВЦКНА Д.А. Коркмасова и Никифора Пака с чиновниками ЦК ВКП(б) последние «корейскую конференцию предложили не созывать». 13 мая ВЦКНА отправил в ДКНА телеграмму с извещением, что «корейская конференция откладывается [на] неопределенный срок». Затем на заседании президиума ВЦКНА было объявлено, что «ЦК считает необходимым отложить месяца на 2 корейскую конференцию». Было принято решение поручить ведущим советским латинизаторам – Н.Ф. Яковлеву, К.А. Алавердову и Б.К. Пашкову – с привлечением корейского студенчества и аспирантов «проработать вопрос дальнейшего оформления новой корейской письменности»[55]. Официальное объяснение отмены корейской конференции в архивных документах установить не удалось. Скорее всего причиной было изменение ситуации в Дальневосточном регионе, связанное с началом захвата Японией Маньчжурии в сентябре 1931 г., который завершился к марту 1932 г. созданием марионеточного государства Маньчжоу-Го. После этого приоритетом для СССР стало усиление обороны дальневосточных границ, а планы по советизации Кореи стали совсем призрачными.

В то же время в условиях торможения корейской латинизации в Советском Союзе было расширено изучение корейского языка. Еще в 1930 г. латинизаторы в своих документах сетовали, что «живые говоры корейского языка… не изучены», и это «не дает возможности выявить надлежащим образом число фонем нового литературного языка». К 1932 г. ситуация оставалась без изменений. В мае 1932 г. Б.К. Пашков направил в ВЦКНА докладную записку, в которой отметил, что «бесписьменная живая речь корейских трудящихся <…> совершенно <…> не изучена»[56].

В октябре 1932 г. при Научно-исследовательской ассоциации национально-колониальных проблем (НИАНКП) была создана «корейская бригада», в состав которой вошли Н.Ф. Яковлев, Б.К. Пашков, Н.В. Пак (заведующий корейской кафедрой при Институте востоковедения им. Нариманова) и Никифор Пак (аспирант НИАНКП). По итогам работы за ноябрь и декабрь 1932 г. бригада составила отчет, который содержал несколько странные выводы:

> Корейский язык по своей традиционной письменности и лексическому составу близок к китайскому языку, а по грамматической структуре – к японскому[57].

Как известно, корейский и китайский языки фактически не имеют ничего общего. Родство корейского и японского языков также является дискуссионным моментом в лингвистике. Дальнейших указаний по латинизации корейской письменности отчет не содержал.

В 1933 г. ВЦКНА и ДКНА вновь пытались двинуть вперед латинизацию корейской письменности[58]. В основном этим по-прежнему занимался ДКНА[59]. На Дальнем Востоке продолжалось движение за корейскую латинизацию. 25 июля 1933 г. председатель китайской секции ДКНА Ван Чанси (Мартынов) сообщил в Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), что «ряд учительских конференций корейских школ, а также некоторые корейские колхозы продолжают выдвигать требования о проведении

[55] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 96–98.
[56] Там же. Д. 172. Л. 5; Там же. Д. 244. Л. 124, 130–130 об.
[57] Там же. Д. 244. Л. 125, 130.
[58] *Алавердов К.* План работы Научного Совета // Революция и письменность. 1932. № 3. С. 103.
[59] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 445. Л. 22.

корейской латинизации»[60]. Попутно продолжалась деятельность по разработке нового корейского литературного языка. В августе 1933 г. в Москве было созвано совещание по вопросам корейской терминологии и грамматики[61].

Несмотря на отсутствие реального продвижения корейской латинизации, со стороны ВЦКНА звучала высокая самооценка этой деятельности: еще в начале 1933 г. было объявлено, что «заслуживает особого внимания победа нового алфавита среди корейских <…> трудящихся, живущих в РСФСР»[62].

Однако фактически корейская латинизация затормозилась. 25 июля 1933 г. Ван Чанси (Мартынов) сообщил в ЦК ВКП(б), что корейская секция ДКНА «к развертыванию массовой работы не приступила», так как секретариат Дальневосточного крайкома ВКП(б) постановил «временно воздержаться от проведения корейской латинизации», исходя,

> помимо соображений международного порядка <…> из того, что около 80 % корейского населения Д[альне]в[осточного] к[рая] грамотны на старом алфавите[63].

Таким образом приводились те же аргументы, что были у противников латинизации на заседаниях Научного совета ВЦКНА в декабре 1931 г.

27 декабря 1934 г. на совещании при Отделе культуры и пропаганды Дальневосточного крайкома ВКП(б) П.А. Осенмук и видный деятель ВЦКНА С.М. Диманштейн заявляли, что среди корейского населения по целому ряду обстоятельств вводить латинизацию было еще рано. Представитель ДКНА Н.И. Любин, наоборот, высказался «за немедленное проведение латинизации корейской письменности», так как

> 80 % грамотности среди корейского населения не является аргументом против немедленного введения латинизации, ибо эта грамотность – пассивная[64].

Продолжал выступать за продвижение корейской латинизации и ВЦКНА, который 5 декабря 1935 г. предложил дирекции Центрального научно-исследовательского педагогического института национальностей организовать Дальневосточный сектор, «ближайшей задачей» которого является

> определить составление большой докладной записки о новом алфавите китайского, корейского и дунганского языков[65].

В том же году лингвист А.А. Холодович предложил новый вариант корейского алфавита: a, в, d, e, ae, g, h, i, y, k, kh, l(r), m, n, o, ө, ə, p, ph, s, t, th, u, z[66]. Можно считать, что это было последним проявлением активности в сфере корейской латинизации в СССР. В «Сведениях о состоянии научной разработки вопросов языкового строительства дальневосточных языков», изданных ВЦКНА в начале 1937 г., корейский язык вовсе не упоминается[67].

---

[60] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 510. Л. 6.

[61] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 132.

[62] *Тогжанов Г.* О проделанной работе и очередных задачах ЦК НА РСФСР // Революция и письменность. 1933. № 1. С. 13.

[63] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 510. Л. 6.

[64] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 610. Л. 90.

[65] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2177. Л. 36.

[66] *Холодович А.* О латинизации... С. 170.

[67] Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 960. Л. 6–6 об.

К этому времени в стране началось свертывание всей кампании по латинизации. В июле 1937 г. был ликвидирован ВЦКНА[68], а его руководство было репрессировано. ДКНА был упразднен в сентябре того же года[69].

Кроме того, все эти годы в СССР продолжалось использование традиционной корейской письменности. В 1930 г. О Чан Хван издал в Хабаровске «Грамматику корейского языка», которая имела важное значение для корейской лингвистики[70]. Продолжалось преподавание на традиционном алфавите в корейских школах[71]. Вплоть до 1937 г. было издано большое число корейских учебников[72]. Но в 1937 г. советские корейцы были незаконно депортированы из приграничных районов Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан, что повлекло за собой прекращение издательской деятельности на корейском языке.

Однако, как выяснилось из документов, обнаруженных в Архиве РАН, деятельность в сфере реформирования корейской письменности в СССР не закончилась. В 1939 г. на фоне уже практически завершенного перевода письменности народов Советского Союза с латиницы на кириллицу, сотрудник Института языка и письменности народов СССР Ким Тхя Хен разработал проект корейской письменности на основе русского алфавита: а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, ң, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, э, ю, я, ä, ӭ, тх, кх, дз[73]. Характерно, что автор алфавита при определении фонетического состава корейского языка исходил из непосредственного наблюдения над живой корейской речью в СССР (как ранее предлагали и латинизаторы). В духе времени он также заявил, что в результате введения нового алфавита

> фонетика корейского языка пойдет на сближение с русской, отчего оба языка только выиграют <…> использование русского алфавита поднимет на высшую ступень корейскую грамотность и еще теснее объединит этот народ с русским народом на базе общей великой социалистической культуры[74].

Однако этот алфавит введен не был, и деятельность в сфере корейской письменности в СССР не осуществлялась вплоть до 1950-х гг., когда А.А. Холодович разработал еще одну систему русской транскрипции корейского алфавита. Эта система была доработана советским лингвистом Л.Р. Концевичем и используется по сей день для транскрибирования корейских слов на русском алфавите. Что касается аналогичной деятельности за рубежом, то в 1942 г., например, была разработана система корейской латинизации в университете в Нью-Хейвене (входит в «Лигу плюща») в штате Коннектикут (США). В 2000 г. в Южной Корее была утверждена система записи корейских слов латиницей, которая применяется как дополнение к национальному алфавиту[75].

Заключение

Таким образом, в СССР в 1930-е гг. была развернута кампания по реформе корейской письменности, в рамках которой были разработаны несколько вариантов нового алфавита на латинской основе, а также один вариант – на кириллице. В эту дея-

[68] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 989. Л. 20.

[69] *Шпринцин А.Г.* Из истории нового китайского алфавита (1928–1931 гг.) // Народы Азии и Африки: История, экономика, культура. 1961. № 6. С. 134.

[70] *King J.R.* Korean Language Studies... P. 65.

[71] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1015. Л. 3.

[72] *King J.R.* Korean Language Studies... P. 68.

[73] Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. Д. 334. Л. 79, 82.

[74] Там же. Л. 81–82.

[75] *Grune D.* Analysis and Critique... P. 1, 12.

тельность были активно вовлечены представители всесоюзных и дальневосточных партийных и государственных структур, включая Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) и Дальневосточный краевой комитет ВКП(б), что было не вполне обычным для СССР, где партийные органы вплоть до середины 1930-х гг. чаще всего воздерживались от прямого участия в подобной работе, отдавая ее на откуп общественникам. Участие партийных структур в корейской латинизации говорило о ее большом политическом значении.

В качестве основания для отказа от традиционной корейской письменности латинизаторы использовали ее связь с китайскими иероглифами. Прочие аргументы были слабы, так как корейцы много веков успешно пользовались своей письменностью, издавали на ней типографским способом книги, газеты и пр., причем применяя уже и горизонтальный (европейский) формат письма.

Выбор варианта нового корейского алфавита вылился в необходимость решения проблемы его унификации – международной (с превалированием «стандартных» латинских букв) или общесоветской (на основе унифицированного алфавита, разработанного ВЦКНА и имевшего большое количество букв с диакритическими значками). Можно сказать, что сторонники обоих типов алфавита были по-своему правы: и общесоветский вариант имел смысл как минимум для облегчения деятельности полиграфической промышленности в СССР, и английский вариант был привлекателен с точки зрения распространения созданного в Советском Союзе корейского алфавита за рубежом. Однако сторонники общесоветского варианта выдвигали также несколько странный аргумент о необходимости унифицировать алфавиты народов СССР с целью обеспечить взаимопонимание между разными народами, в языковом плане не имеющими ничего общего (очевидно, что использование общих букв разными народами, если их языки не являются близкими, не может обеспечить понимания между ними).

В итоге выбор основы для новой корейской письменности в СССР так и не смогли осуществить. Фактически эта проблема оказалась нерешаемой, став, в фигуральном смысле, «буридановым ослом» для советских латинизаторов. А на фоне изменившейся международной ситуации она стала еще и одной из причин того, что инициированная в СССР реформа корейской письменности зашла в тупик.

Поступила в редакцию / Submitted: 13.04.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 8.02.2026
Принята к публикации / Accepted for publication: 7.03.2026

References

Alaverdov, K. “Plan raboty Nauchnogo Soveta [Work Plan of the Scientific Council].” *Revoliutsiia i pis’mennost’*, no. 3 (1932): 89–111 (in Russian).

Alekseev, V.M. *Kitaiskaia ieroglificheskaia pis’mennost’ i ee latinizatsiia* [Chinese hieroglyphic writing and its romanization]. Leningrad: izdatel’stvo i tipografiia Akademii nauk SSSR Publ., 1932 (in Russian).

Amanzholova, D.A. Amanzholova D.A. “Soviet Federal Project and the Collisions of Nation Building in the 1920-1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (2024): 30–40 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40

Bugai, N.F. *Koreitsy v Soiuze SSR – Rossii: XX-i vek Istoriia v dokumentakh, 140-letiiu pereseleniia koreitsev v Rossiiu posvyashchaetsya* [Koreans in the USSR – Russia: 20th Century History in Documents, dedicated to the 140th anniversary of the resettlement of Koreans to Russia]. Moscow: INSAN Publ., 2004 (in Russian).

Bulatnikov, I. “O latinizatsii koreiskoi pis’mennosti [On the Latinization of Korean Writing].” *Prosveshchenie natsional’nostei*, no. 6 (1930): 10–15 (in Russian).

Kovačić, M. “Latinično zapisivanje korejskoga.” *Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika* 65 (2018): 76–79 (in in Croatian).

King, J.R.P. “An Introduction to Soviet Korean.” *Language Research* 23, no. 2 (1987): 233–274.

King, J.R. “Korean Language Studies in the USSR.” *The Korean Society of Bilingualism*, no. 8 (1991): 201–223 (in Russian).

Khabaev, I.P. “Novyi buryat-mongol’skii alfavit [New Buryat-Mongolian Alphabet].” *Buryatievedenie*, no. III–IV (11–12) (1930): 18–23 (in Russian).

Martin, T. *Imperiia “polozhitel’noi deiatel’nosti”: Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Empire of “Affirmative Action”: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).

Pashkov, B.K. “Neotlozhnost’ latinizatsii koreiskoi pis’mennosti [The Urgency of Latinization of Korean Writing].” In *Kul’tura i pis’mennost’ Vostoka*, 33–37. Moscow: [N.s.], 1931 (in Russian).

Shprintsin, A.G. “*Iz istorii novogo kitaiskogo alfavita (1928–1931 gg.)* [From the history of the new Chinese alphabet (1928–1931)].” *Narody Azii i Afriki: Istoriia, ekonomika, kul’tura*, no. (1961): 126–135 (in Russian).

Sinitsyn, F.L. “Chinese Writing: Soviet Experiments of the 1920s and 1930s.” *Istoriya*, no. 11 (2023): 203–231 (in Russian), https://doi.org/10.18254/S207987840028827-8

Sinitsyn, F.L. *Narody Vostochnoi Azii v sovetskom iazykovom stroitel’stve* [Peoples of East Asia in Soviet Language Construction]. Moscow: Ves’ mir Publ., 2024 (in Russian).

Togzhanov, G. “O prodelannoi rabote i ocherednykh zadachakh TSK NA RSFSR [On the work done and the next tasks of the Central Committee of the National Assembly of the RSFSR].” *Revolyutsiia i pis’mennost’*, no. 1 (1933): 5–17 (in Russian).

Vinogradova, T.I. “Projects for the Latinization of Korean Writing in the USSR Based on Periodical Press Materials of the 1930s.” *Proceedings of the Center for Korean Language and Culture*, no. 9 (2006): 44–56 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Фёдор Леонидович Синицын, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории, Российская академия наук; 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а; permcavt@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-2299-204X; SPIN-код: 1292-0271.

Fyodor Leonidovich Sinitsyn, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Leading Researcher at the Department for Modern and Contemporary History of the Institute of Global History, Russian Academy of Sciences; 32a, Leninsky Prosp., Moscow, 119334, Russia; permcavt@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-2299-204X; SPIN-code: 1292-0271.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 400–409
http://journals.rudn.ru/russian-history

Источники и методология исторических исследований
Sources and Methodology of Historical Research

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-400-409
EDN: LNHXZQ

Обзорная статья / Review article

Проект Генерального Комиссарства Российской империи в Маньчжурии в начале XX века в коллекции рукописей Царскосельского дворца

Евгений Викторович Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия
✉drzz@yandex.ru

Аннотация: Исследуются неизвестные научной общественности документы Государственного архива Российской Федерации из «Коллекции рукописей Царскосельского дворца» (Ф. 583), относящиеся к началу XX в. В их числе – письма и отчеты, в которых в той или иной степени затрагиваются различные аспекты, связанные с историей Маньчжурии и которые практически не нашли отражения в публикациях по истории Северного и Северо-Восточного Китая. Речь идет о проекте создания института Генерального Комиссарства Российской империи в Маньчжурии, который относится к началу XX в. Попытка создания подобной структуры для управления гражданскими вопросами предпринималась в 1898 г. на территории Ляодунского полуострова, однако она не была реализована на практике. К идее вернулись в начале XX в., когда появилось предложение о введении единоначалия в управлении регионом для консолидации действовавших самостоятельно трех Военных Комиссарств (Гиринской, Мукденской и Хейлунцзянской провинций). Авторы проекта «Генерального Комиссарства» в Маньчжурии в начале XX в., а также сопутствующих к нему документов не известны. В проекте достаточно подробно прописана сама идея, дана оценка ее финансовой составляющей, однако и этот проект не был реализован. Причиной того, что проект не был реализован, вероятно, является изменение ситуации на Дальнем Востоке в результате русско-японской войны 1904–1905 гг. Обращение к данному историческому источнику имеет важное значение для воссоздания более полной истории Северного и Северо-Восточного Китая в начале XX в.

Ключевые слова: Военный Комиссар, Пограничный Комиссар, помощник Комиссара, Северный и Северо-Восточный Китай

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Дроботушенко Е.В.* Проект Генерального Комиссарства Российской империи в Маньчжурии в начале XX в. в коллекции рукописей Царскосельского дворца // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 400–409. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-400-409 EDN: LNHXZQ

© Дроботушенко Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Project of General Commissariat of the Russian Empire in Manchuria during the Early 20th Century in the Collection of Manuscripts of Tsarskoye Selo Palace

Evgeny V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita, Russia
✉drzz@yandex.ru

Abstract: The author in their work considers the documents of the State Archive of the Russian Federation unknown to the scientific community from the "Collection of Manuscripts of the Tsarskoye Selo Palace" (fund 583) dating back to the early 20th century. These documents include letters and reports, which, in a varying degree, address various aspects related to the history of Manchuria and which are practically not reflected in the publications on the history of Northern and Northeastern China. The author's chief concern is the creation of the institution of the "General Commissariat" of the Russian Empire in Manchuria which dates back to the beginning of the 20th century. An attempt to create a similar structure for managing civil affairs was made in 1898 on the territory of the Liaodong Peninsula, but it was not put into practice. The Russian government returned to the idea at the beginning of the 20th century, when a proposal was made to introduce unity of command in the management of the region in order to consolidate the three Military Commissariats (Jilin, Mukden and Heilongjiang provinces) that had been operating independently. The authors of the project of the "General Commissariat" in Manchuria at the beginning of the 20th century, as well as the related documents are not known. The project outlined the idea in detail and provided a financial assessment, but this project was never implemented either. The reason the project was not implemented is probably the change of the situation in the Far East as a result of the Russo-Japanese War of 1904–1905. Referring to this historical source is important for reconstructing a more complete history of Northern and Northeastern China during the early 20th century.

Keywords: General Commissioner, Military Commissioner, Border Commissioner, North and Northeast China, Manchuria

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Drobotushenko, E.V. "Project of General Commissariat of the Russian Empire in Manchuria during the Early 20th Century in the Collection of Manuscripts of Tsarskoye Selo Palace." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 400–409 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-400-409 EDN: LNHXZQ

Введение

История Северного и Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в разное время становилась предметом научного интереса исследователей. Не стали исключением и административные преобразования в данном регионе. Их история нашла отражение в ряде публикаций начала XX в.[1] Не ослабевал интерес исследователей к данной проблематике и позже, как в советское, так и в постсоветское время[2]. Однако, несмотря

[1] *Баранов И.Г.* Административное устройство Северной Маньчжурии. Харбин, 1926; *Глуздовский В.Е.* Приморско-Амурская Окраина и Северная Маньчжурия. Владивосток, 1917; *Спицын А.В.* Административное устройство Маньчжурии // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 26–54; *Меньшиков П.Н., Смольников П.Н., Чирков А.И.* Северная Маньчжурия. Харбин, 1916. Т. 1-2; *Спицын А.В.* Административное устройство Маньчжурии. Харбин, 1909.

[2] *Дацышен В.Г.* Российско-китайские отношения в 1881–1903 гг.: дис. … док. ист. наук. Иркутск, 2001. EDN: QDMNXR; *Его же.* Русские в Особом районе Восточных провинций Китайской Республики: проблемы русско-китайских отношений на Китайско-Восточной железной дороге в 1920–1924 годах // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 3. С. 636–656. https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.307 EDN: VAJXBA; *Его же.* Японцы в Харбине в начале XX в. К проблеме русско-японских отношений на начальном этапе истории КВЖД // Японские исследования. 2025. № 2. С. 38–52. https://doi.org/10.55105/2500-2872-2025-2-38-52 EDN: OLYJOV; *Его же.* Сибирский транзит. Великий чайный путь и железнодорожное строительство на востоке России во второй половине XIX в. // Новое

на наличие определенного количества публикаций, исследуемая проблема не получила в них специального освещения.

Анализ литературы показал, что история создания Генерального Комиссарства, подготовки проекта, сопутствующих документов и их авторства на специально не изучалась. В работе И.В. Лукоянова встречается упоминание о том, что в звании генерал-лейтенанта Генеральный Комиссар в Маньчжурии получал на рубеже XIX–XX вв. жалование в размере 18 тыс. руб., однако каких-либо уточнений или пояснений, кто это был и чем занимался, автором не приводится[3]. В работе отмечается, что вопрос о введении должности «генерального комиссара» на Ляодунском полуострове как своеобразного «консульского управления» со стороны гражданских властей в противовес «хозяйничанью военных на полуострове» поднимался в 1898 г., однако окончательным стало решение о подчинении Ляодуна Приамурскому генерал-губернаторству. При этом речь шла о введении должности «генерального комиссара» только Ляодунского полуострова, о всей Маньчжурии речи не шло[4]. В работе того же автора находим краткую характеристику института «Военных Комиссаров в Маньчжурии», который просуществовал с 1900 по 1907 гг.[5]

В Российском государственном военно-историческом архиве имеется несколько фондов с документами управлений военных комиссаров Гиринской, Мукденской и Хейлунцзянской провинций[6]. Однако там речь идет именно о Военных Комиссарах, в то время как сведений о Генеральном Комиссарстве или проекте в фондах архива не обнаружено.

Цель исследования заключается в выявлении документов, содержащих информацию по проекту создания Генерального Комиссарства Российской империи в Маньчжурии.

Характеристика источников. Рассматриваемые источники относятся к объемному делу «Секретные бумаги по Маньчжурии» (Д. 183) «Описи документов коллекции рукописей Царскосельского дворца за 1863–1916 гг.» (Оп. 1) фонда 543 «Коллекция рукописей Царскосельского дворца». 1863–1916»[7]. В деле на 141 листе собрано большое количество различных документов за сравнительно небольшой хронологический период времени (с 27 апреля – 23 ноября 1903 г.). Опись, к которой относится дело с анализируемыми в статье документами, содержит 780 дел (единиц хранения). Автором просмотрена только часть из них.

Значительный интерес в деле «Секретные бумаги по Маньчжурии» представляют проект «Наказа Генеральному Комиссару в Маньчжурии», «Объяснительная

прошлое. 2023. № 4. С. 20–35. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-20-35 EDN: KWGVAE; *Дацышен В.Г., Дай Цзяньбин.* В.Д. Лачинов и Д. П. Казакевич первые управляющие Китайско-восточной железной дороги в эмигрантский период истории Харбина // Исторический курьер. 2023. № 3. С. 95–102. https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-3-7 EDN: WJJMHH; *Ду Бинбин.* Реформа административного аппарата империи Цин (1901–1911 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; История Северо-Восточного Китая: в 5 книгах / гл. ред.: член-кор. АН СССР А.И. Крушанов. Владивосток, 1987. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX века); *Костина О.А.* Административные реформы на Северо-Востоке Китая в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. EDN: NOVGSR; *Тимофеев О.А.* Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX – начало XX вв.). Благовещенск, 2003. EDN: QZSYRJ

[3] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008.

[4] Там же. С. 511.

[5] Там же. С. 351, 358, 463.

[6] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 14 378; 14 383; 14 465.

[7] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 183.

записка» к нему и «Объяснительная записка к проекту временных штатов Генерального Комиссарства в Маньчжурии». Документы – без авторства, отпечатаны на пишущей машинке. Часть текста не очень хорошего качества. В Государственном архиве Российской Федерации документы представлены в виде фотокопий[8]. Дата происхождения документа может быть отнесена 1903 г., что объясняется, вероятно, изначальным разнесением дел по определенным хронологическим отрезкам. В одном из документов читаем, что Генеральным Комиссаром в Маньчжурии лицо может «избираться» (назначаться) Наместником на Дальнем Востоке[9]. Как известно, Наместничество Дальнего Востока образовано из Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области летом 1903 г., а в 1905 г. оно уже было упразднено[10]. Подсказку о том, что отдельные документы составлены до ноября 1906 г., встречаем и при упоминании начальника Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) полковника Д. Л. Хорвата, который звание генерал-майора получил именно в ноябре 1906 г.[11]

Отсутствие точных дат в источниках не дает нам права делать уверенные заявления как о хронологии всего дела, так и о годах написания отдельных документов. Тем не менее, склоняясь к 1903 г., автор осторожно акцентирует внимание на начале XX в.

Царскосельские рукописи в разной степени нашли также отражение на страницах научных изданий[12]. В то же время дела названного фонда в полной мере охарактеризованы в литературе не были.

Содержание проекта Генерального Комиссарства в Маньчжурии в фонде Коллекции рукописей Царскосельского дворца

В анализируемых документах из фонда «Коллекции рукописей Царскосельского дворца. 1863–1916» приводятся сведения о введении института «Генерального Комиссара» на всей территории Северного и Северо-Восточного Китая.

Упомянутые выше сведения о жаловании в 18 тыс. руб. и звании «генерал-лейтенанта», как оказалось, относятся именно к этому сюжету. В «Объяснительной записке к проекту временных штатов Генерального Комиссарства в Маньчжурии» читаем, что «Генеральный Комиссар показан в чине Генерал-лейтенанта (может быть и Генерал-майор) вследствие высокого служебного положения, а также для предоставления большего выбора и возможности удержать в этой должности подходящих лиц»[13].

При планировании создания новой должности Министерством финансов Российской империи изначально установленное жалование было незначительным, те самые 18 тыс. руб. Аналогичную сумму получал начальник таможни, проживавший в пос. Дальнем. Жалование начальника Китайско-Восточной железной дороги было 40 тыс. руб. Как отмечал автор «Объяснительной записки», последний «…по своему

[8] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 183. Л. 36–45

[9] Там же. Л. 36.

[10] Наместничество Дальнего Востока // Энциклопедический словарь / издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефронъ (С.–Петербург): в 86 т. + 4 доп. СПб., 1906. Дополнительный том II. Кошбухъ–Прусикъ. С. 238.

[11] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 183. Л. 46.

[12] Временник Пушкинской комиссии. Выпуск 35. Болдинские рукописи Пушкина 1830 года. Научное описание / Т.И. Краснобородько, С.Б. Федотова. СПб., 2021. С. 20; *Фомкина М.И.* Судьба фотографических коллекций Александровского дворца в 1920–1930-е гг. (по материалам архивов Санкт-Петербурга) // Музей. Памятник. Наследие. 2020. № 2. С. 182, 184, 187. EDN: DYRGXG

[13] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 183. Л. 46.

служебному положению, деятельности и ответственности» не мог быть равен Генеральному Комиссару в Маньчжурии[14].

На расходы в связи с основной деятельностью Генеральный Комиссар получал 50 тыс. руб. в год, которые расходились в следующей пропорции: 30 тыс. руб. – для Мукденской провинции, 14 тыс. руб. – для Гиринской и 6 тыс. руб. – для Хейлунцзянской провинций. Средства Генеральным Комиссаром расходовались «…порядком, установленным для расходования сумм “на расходы, известные Его Императорскому Величеству”»[15]. Отметим, что к 1903 г. в трех названных провинциях при цзянь-цзюнях было по два Военных Комиссара, которые являлись военными представителями Российской империи[16].

Среди трат представителей российской военной администрации в Маньчжурии, т.е. Военных Комиссаров трех провинций и Генерального Комиссара, автор анализируемой записки отдельно выделяет статью «на подарки китайским властям», на которую по четырем должностям ушло 10 тыс. руб.[17]

Относительно аппарата Генерального Комиссара в Маньчжурии четких указаний в источниках не встречаем, но по косвенным упоминаниям можно предположить, что как минимум на начальном этапе в серьезном виде он не планировался. Судя по всему, Генеральному Комиссару подчинялись Военные Комиссары провинций. Известно, что при Военных Комиссарах были «письменные и словесные» переводчики. Планировался таковой и в проекте штатов Генерального Комиссара[18].

В проекте шла речь о «Помощнике» Генерального Комиссара, содержание которого определялось как «незначительное», в 6 тыс. руб. Им мог быть полковник по званию, который должен был выполнять функции Заведующего Канцелярией Генерального Комиссарства[19].

Содержание переводчиков, «письменного и словесного», в проекте планировалось в том же объеме, который соответствовал содержанию переводчиков Военных Комиссаров провинций, что, судя по всему, также вызывало определенные вопросы у автора рассматриваемого документа. Жалование первого составляло 3 тыс. руб. в год, второго соответственно – 2, 4 тыс. руб. Однако в таблице окладов встречаем, что «письменный» переводчик при Военных Комиссарах получал 3, 6 тыс. руб. в год, а «устный» – 3 тыс. руб. Встречается также и сумма в 3 тыс. руб. у «письменного переводчика»[20].

Отсутствие серьезного аппарата чиновников вызывало беспокойство у автора записки, который отмечал, что необходима должность «чиновника особых получений» при Генеральном Комиссаре. Это было предопределено

> …громадными расстояниями во вверенных ему в обеспечение областях и разбросанностью, подчиненных его ведению дел[21].

Жалование предложенному чиновнику по особым поручениям опять же предполагалось в 4 тыс. руб. в год[22].

[14] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 183. Л. 46.
[15] Там же. Л. 47.
[16] Там же. Л. 38.
[17] Там же. Л. 47.
[18] Там же.
[19] Там же. Л. 48–49.
[20] Там же. Л. 46, 48–49.
[21] Там же. Л. 47.
[22] Там же. Л. 49.

Итоговые штаты Генерального Комиссарства в Маньчжурии по должностям нами в источниках не обнаружены, однако известно, что итоговая сумма на финансирование «управления Маньчжурией» со стороны Российской империи определялась в 341 тыс. руб., из которых на три Военных Комиссарства (Гиринской, Мукденской и Хейлунцзянской провинций) отпускалось по 19,6 тыс. руб., на три управления дипломатических чиновников в Маньчжурии – также по 19,6 тыс. руб., на два Пограничных Комиссариатства в г. Благовещенске (Пограничное Комиссарство Амурской области) и урочище Новокиевское (Южно-Уссурийское пограничное Комиссарство) – по 10 тыс. руб. Итоговая сумма на названные подразделения, согласно источнику, называется в 157,6 тыс. руб.[23] Здесь ошибка в подсчетах автора документа. Совокупная сумма на содержание названных подразделений составляет 137,6 тыс. руб. Соответственно остаток составлял 203,4 тыс. руб. Судя по всему эти деньги и определялись на Генеральное Комиссарство.

Автор записки сетовал на то, что

> новый расход на управление Маньчжурией, состоящей из 3 громадных провинций с многочисленным населением, выделяется лишь в сумме <…> 203 400 руб.[24]

Здесь не совсем ясно, по какой причине автор записки не включает в состав «управления Маньчжурией» тех же Пограничных или Военных Комиссаров, а также дипломатических чиновников.

Следует отметить, что институт «Военных Комиссаров» создавался основательно, продуманно и обоснованно, были четко определены их функции и задачи, прописанные при создании института «Военных Комиссаров» в 1900 г.[25], чего нельзя сказать о предложенной новой должности «Генерального Комиссара».

Аппарат Военного Комиссара провинций севера и северо-востока Китая, помимо главы, Военного Комиссара в звании полковника, состоял из Помощника Комиссара – Заведующего Канцелярией Военного Комиссарства, секретаря, «письменного» переводчика, «словесного» переводчика («устного»), чиновников комиссаров с секретарями и «письменными переводчиками» при них[26].

Жалование Военного Комиссара провинции составляло 9 тыс. руб. в год, помощника Комиссара – 4,5 тыс. руб., секретаря – 3,6 тыс. руб., «письменного» переводчика – 3 тыс. руб., «устного» переводчика – 2,4 тыс. руб., чиновника комиссара – 4,5 тыс. руб., секретаря чиновника комиссара – 2,7 тыс. руб., «письменного» переводчика при чиновнике – 1,8 тыс. руб.[27]

Все чиновники как существовавших Военных Комиссарств, так и проектируемого Генерального Комиссарства при поездках по вверенной территории «прогонные» деньги получали или должны были получать «на общих основаниях»[28].

К моменту итогового обсуждения штатов Генерального Комиссарства в Маньчжурии финансовое содержание Военных Комиссаров провинций севера и северо-востока Китая и состав самих Комиссарств сохранились в первоначально предложенном виде[29].

---

[23] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 183. Л. 48.

[24] Там же.

[25] Военные комиссары // Военная энциклопедия: в 18 т. / под. ред. заслуженного профессора Николаевской Инженерной Академии, военного инжен., ген.-лейт. К.И. Величко, полковника В.Ф. Новицкого, преподавателя Николаевской инжен. Академии, воен. инжен., полковника А.В. фон-Шварца, полковника В.А. Апушкнина и капитана 2-го ранга Г.К. фон-Шульца. СПб., 1912. Т. 4. С. 563.

[26] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 183. Л. 48.

[27] Там же.

[28] Там же..

[29] Там же.

Автор записки приводит интереснейшие цифры по суммам на содержание отдельных территорий. Так, для содержания Квантунской области с населением в 300 тыс. чел. было необходимо 202 686 руб. 28 коп., на содержание пос. Дальний – 55 тыс. руб.[30] По мысли составителя записки, остававшихся после финансирования действовавших структур средств было очевидно недостаточно для финансирования содержания новой системы, которая должна была в себя включать звено «Генерального Комиссарства».

Необходимость появления нового института объяснялась в проекте «Наказа Генеральному Комиссару в Маньчжурии». Можем предположить, что «Объяснительная записка к проекту временных штатов Генерального Комиссарства в Маньчжурии» являлась приложением к проекту «Наказа». В исследовании мы обратились к ней, в первую очередь, поскольку такая логика изложения материала видится более верной.

В проекте «Наказа» говорилось следующее:

> Исключительное политическое положение Маньчжурии поневоле заставляет нас, с одной стороны, стремиться к полному влиянию, на все отрасли народной жизни этого края, а с другой – избегать всего, что могло бы послать повод к нареканиям со стороны иностранных правительств[31].

Смысл в создании «Генерального Комиссарства», по мнению автора текста «Наказа», заключался в необходимости введения единоначалия в управление Маньчжурией, чего не было до того момента. По сути отдельно, самостоятельно действовали три Военных Комиссарства (Гиринской, Мукденской и Хейлунцзянской провинций), три управления дипломатических чиновников в Маньчжурии и два Пограничных Комиссарства[32]. Генеральный Комиссар Российской империи в Маньчжурии должен был подчиняться непосредственно Наместнику на Дальнем Востоке[33].

Напомним, что Наместничество Дальнего Востока, просуществовавшее менее двух лет, охватывало как военно-административная единица огромную территорию в составе Приморской, Амурской, Забайкальской областей и острова Сахалин[34].

Таким образом, планировалась военно-управленческая вертикаль, в которой для Северного и Северо-Восточного Китая вводилась новая управленческая должность.

Автор или авторы проекта предполагали, что в руках Генерального Комиссара в Маньчжурии должна была сосредоточиться вся полнота власти. Они писали:

> …все дела касающиеся Маньчжурии, будут ли они политические, военные или коммерческие должны проводиться не иначе как через генерального Комиссара[35].

Деятельность института Военных Комиссаров (с 1900 по 1902 гг.) нашла следующую оценку в источниках:

> …разделение сношений, подавая повод к прискорбным личным столкновениям между представителями отдельных ведомств, не служило к пользе нашего престижа среди китайских властей[36].

---

[30] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 183. Л. 48.

[31] Там же. Л. 36.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] Приамурское Генерал-Губернаторство // Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефронъ (С.-Петербург): в 86 т. + 4 доп. т. СПб., 1898. Т. XXV. Праяга–Просрочка отпуска. С. 294.

[35] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 183. Л. 36.

[36] Там же.

Генеральному Комиссару должно было быть вменено руководство Военными Комиссарами провинций и их помощниками. Однако по два Военных Комиссара при каждом цзянь-цзюне трех провинций, как посчитали инициаторы проекта создания Генерального Комиссарства, было много, следовало оставить по одному[37].

На время отсутствия по служебным делам его должен был замещать помощник, который, как отмечалось выше, одновременно являлся Заведующим Канцелярии Генерального Комиссарства[38].

Предполагалось в дальнейшем разделение Генерального Комиссарства на отделы: 1. Общий («сосредоточены дела политического и торгового характера»); 2. Судебный («разные дела судебные»); 3. Военный («ведающий войсками»)[39].

Чем закончилась история с обсуждением проекта, кто его обсуждал и к какому решению пришли, на сегодня не ясно. Так или иначе, проект реализован не был.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что фонд «Коллекции рукописей Царскосельского дворца» Государственного архива Российской Федерации содержит важные, но пока недостаточно исследованные специалистами документы по истории Маньчжурии начала XX в. В исследовании мы остановились на ряде документов объемного дела «Секретные бумаги по Маньчжурии», которые включают в себя разноплановую информацию по проекту создания Генерального Комиссарства Российской империи в регионе. В то же время в деле имеются другие, не менее интересные для исследователей документы по вопросам, требующим к себе специального внимания.

Итогом исследования стало несколько выводов. К 1903 г. изменилась сама идея «Генерального Комиссарства». В первоначальном варианте 1898 г. для Ляодунского полуострова речь шла о том, что Генеральным Комиссаром станет лицо гражданское в противовес военной администрации, теперь же предлагалось назначить лицо военное. Суть предложения в обобщенном виде можно охарактеризовать как создание новой руководящей должности над Военными Комиссарами провинций Северного и Северо-Восточного Китая.

Необходимость создания института «Генерального Комиссара в Маньчжурии» в рассматриваемое время автором или авторами документов объяснялась особым положением региона и необходимостью наличия в нем сильной российской власти. Однако достаточно амбициозный и в значительной степени неплохо разработанный проект так и остался на бумаге, не найдя реального воплощения. В будущем важно было бы выяснить причину этого. Обнаруженные на сегодня источники ответа на данный вопрос, к сожалению, не дают. Наиболее вероятной причиной, по нашему мнению, могло стать изменение ситуации на Дальнем Востоке в связи с началом Русско-японской войны 1904–1905 гг., т.е. примерно в то время, когда Генеральное Комиссарство должно было начать активно функционировать. В пользу данного предположения говорит и факт довольно краткого существования Наместничества на Дальнем Востоке.

Дальнейшая работа с архивными документами указанного фонда может как дополнить данные проанализированных источников, так и дать новую информацию по проблемному полю исследования.

[37] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 183. Л. 36.

[38] Там же.

[39] Там же.

Поступила в редакцию / Submitted: 01.12.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.12. 2025
Принята к публикации / Accepted for publication: 7.03.2026

References

Baranov, I.G. *Administrativnoe ustroistvo Severnoi Man'chzhurii* [Administrative structure of Northern Manchuria]. Kharbin: [N.s.], 1926 (in Russian).

Datsyshen, V.G. "Russian-Chinese relations in 1881–1903." Doct. diss., Irkutsk State University, 2001 (in Russian).

Datsyshen, V.G. "Siberian Transit. The Great Tea Route and Railway Construction in Eastern Russia in the Second Half of the 19th Century." *The New Past*, no. 4 (2023): 20–35 (in Russian), https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-20-35

Datsyshen, V.G. "Russians in a Special Area of the Eastern Provinces of the Republic of China: Problems of Russian-Chinese Relations on the Chinese Eastern Railway in 1920–1924." *Modern History of Russia* 14, no. 3 (2024): 636–656 (in Russian), https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.307

Datsyshen, V.G. "Japanese in Harbin in the early 20th century. Russian-Japanese relations during the early history of the Chinese Eastern Railway." *Japanese Studies in Russia*, no. 2 (2025): 38–52 (in Russian), https://doi.org/10.55105/2500-2872-2025-2-38-52

Datsishen, V.G., and Dai, Jianbin. "V.D. Lachinov and D.P. Kazakevich – the First Managers of the Chinese Eastern Railway in the Emigrant Period of Harbin History." *Historical Courier*, no. 3 (2023): 95–102 (in Russian), https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-3-7

Du, Bingbing. *"Reform of the Administrative Apparatus of the Qing Empire (1901–1911)."* PhD thesis, RUDN University, 2006 (in Russian).

Gluzdovsky, V.E. *Primorsko-Amurskaia Okraina i Severnaia Man'chzhuriia* [Primorsko-Amurskaya Okraina and Northern Manchuria]. Vladivostok: tipografiia i tsink «Dalekaia okraina» Publ., 1917 (in Russian).

Lukoyanov, I.V. *'Ne otstat' ot derzhav…' Rossiia na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* ['Keeping up with the powers...' Russia in the Far East in the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2008 (in Russian).

Kostina, O.A. "Administrative reforms in Northeast China at the beginning of the 20th century." PhD diss., Saint Petersburg State University, 2007 (in Russian).

Krasnoborodko, T.I., and Fedotova, S.B. *Vremennik Pushkinskoi komissii. Vypusk 35. Boldinskie rukopisi Pushkina 1830 goda. Nauchnoe opisanie* [Proceedings of the Pushkin Commission. Issue 35. Pushkin's Boldino Manuscripts of 1830. Scientific Description]. St. Petersburg: Al'faret Publ., 2021 (in Russian).

Krushanov, A.I. *Istoriia Severo-Vostochnogo Kitaia: v 5 knigakh. Kniga 1. Man'chzhuriia v epokhu feodalizma (XVII – nachalo XX veka)* [History of Northeastern China: in 5 books. Book 1. Manchuria in the era of feudalism (17th – early 20th centuries)]. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1987 (in Russian).

Menshikov, P.N., Smolnikov, P.N., and Chirkov, A.I. Severnaia Man'chzhuriia. Girinskaia provintsiia [Northern Manchuria. Jilin Province]. Harbin: Izdanie Kommercheskoi chasti Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi Publ., 1916 (in Russian).

Menshikov, P.N., Smolnikov, P.N., and Chirkov, A.I. Severnaia Man'chzhuriia. Kheiluntszyanskaia provintsiia [Northern Manchuria. Heilongjiang Province]. Harbin: Izdanie Kommercheskoi chasti Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi, 1916 (in Russian).

Fomkina, M.I. "The fate of the Alexander palace photographic collections in the 1920–1930 (based on materials from the archives of Saint-Petersburg)." *Museum. Monument. Heritage*, no. 2 (2020): 178–190 (in Russian).

Spitsyn, A.V. "Administrativnoe ustroistvo Man'chzhurii [Administrative structure of Manchuria]." *Vestnik Azii*, no. 2 (1909): 26–54 (in Russian).

Spitsyn, A.V. *Administrativnoe ustroistvo Man'chzhurii* [Administrative structure of Manchuria]. Kharbin: russko-kitaiskaia gazeta "Iuan'-Dun'-Bao" Publ., 1909 (in Russian).

Timofeev, O.A. *Rossiisko-kitaiskie otnoshenia v Priamur'ye (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Russian-Chinese relations in the Amur region (mid-19th – early 20th centuries)]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2003 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Евгений Викторович Дроботушенко, кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, директор Гуманитарно-педагогического института имени Н.Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, Чита, ул. Александро-Заводская, 30; drzz@yandex.ru

Evgeny Viktorovich Drobotushenko, PhD in History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, Director of the N.G. Chernyshevsky Humanitarian-Pedagogical Institute, Transbaikal State University; 30, Alexandro-Zavodskaya Str., Chita, 672039, Russia; drzz@yandex.ru

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 410–425
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-410-425
EDN: LTBOLT

Научная статья / Research article

Начало Первой мировой войны по воспоминаниям российского посла в Вене Н.Н. Шебеко

Фёдор Александрович Селезнев

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
✉fseleznev@mail.ru

Аннотация: Исследование базируется на неопубликованных воспоминаниях и донесениях в МИД российского посла в Вене Н.Н. Шебеко. Свою задачу автор видел в том, чтобы выявить в мемуарах Шебеко важные и малоизвестные детали дипломатических коллизий, имевших место в июне–июле 1914 г. Эти факты рассматриваются в контексте актуальных проблем историографии июльского кризиса. Особое внимание уделено взаимоотношениям Н.Н. Шебеко с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, рассмотрены его предложения по решению конфликта между Россией и Австро-Венгрией в связи с выдвинутым Веной ультиматумом Сербии. По оценке Н.Н. Шебеко, австрийцы не хотели войны с Россией и очень ее боялись. Показано, как российский посол пытался довести до руководства МИД Австро-Венгрии понимание того, что Россия вступится за Сербию. Однако официальная Вена вплоть до начала российской мобилизации была уверена, что Россия уступит без войны. В целом, деятельность российского посла в Вене в период Июльского кризиса можно разделить на три этапа. Поначалу он не видел в происходящих событиях опасность вооруженного конфликта между Австро-Венгрией и Россией и в успокоительном духе информировал МИД. Это служит важным дополнительным свидетельством того, что Россия не готовилась к войне и не стремилась к ее развязыванию. На втором этапе Н.Н. Шебеко сосредоточил свои усилия на том, чтобы предупредить российский МИД об ультиматуме, который Австро-Венгрия собиралась предъявить Сербии. Он был уверен, что Россия в этой ситуации вступится за Сербию, и считал необходимым предупредить об этом официальную Вену, чтобы та умерила свою агрессивность по отношению к Белграду. На завершающем этапе июльского кризиса Н.Н. Шебеко продолжал искать компромисс между Россией и Австро-Венгрией.

Ключевые слова: Сараевское убийство, внешняя политика Российской империи, российские дипломаты, Великая война, российско-австрийские отношения

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00160, https://rscf.ru/project/24-28-00160/

Для цитирования: *Селезнев Ф.А.* Начало Первой мировой войны по воспоминаниям российского посла в Вене Н.Н. Шебеко // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 410–425. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-410-425
EDN: LTBOLT

© Селезнев Ф.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Outbreak of World War I According toemoirs of N.N. Shebeko, Russian Ambassador to Austria-Hungary

Fedor A. Seleznev

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia
✉fseleznev@mail.ru

Abstract: The study is based on on Russian Ambassador to Austria-Hungary N.N. Shebeko's unpublished memoirs and reports to the Ministry of Foreign Affairs. The author sets the task to reveal in Shebeko's memoirs important and little–known details of the diplomatic conflicts that took place in June-July 1914. These facts are considered in the context of the topical issues of historiography of the July crisis. Special attention is paid to Shebeko's relationship with Minister of Foreign Affairs S.D. Sazonov. The author considers Shebeko's proposals to resolve the conflict between Russia and Austria-Hungary due to the ultimatum issued by Vienna to Serbia. According to Shebeko, the Austrians did not want a war with Russia and were afraid of it. The author shows that the Russian ambassador tried to convey to the leadership of the Ministry of Foreign Affairs of Austria-Hungary the idea that Russia would stand up for Serbia. However, until the beginning of the Russian mobilization, the officials Vienna were confident that Russia would yield without any war. In general, the activities of the Russian ambassador to Austria-Hungary during the July crisis can be divided into three stages. At first, he saw no danger of an armed conflict between Austria-Hungary and Russia in the ongoing events and made reassuring reports to the Ministry of Foreign Affairs in Saint Petersburg. This is important additional evidence that Russia was not preparing for war and did not seek to unleash it. During the second stage, Shebeko focused his efforts on warning the Ministry of Foreign Affairs of Russia about the ultimatum which Austria-Hungary was going to issue to Serbia. He was sure that in this situation Russia would stand up for Serbia and considered it necessary to warn official Vienna about this so that it would moderate its aggressiveness towards Belgrade. During the final stage of the July crisis, N.N. Shebeko continued to seek a compromise between Russia and Austria-Hungary.

Keywords: Sarajevo assassination, Russian Imperial foreign policy, Russian diplomats, the Great War, Russo-Austrian relations

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00160, https://rscf.ru/project/24-28-00160/

For citation: Seleznev, F.A. "Outbreak of World War I According toemoirs of N.N. Shebeko, Russian Ambassador to Austria-Hungary." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 410–425 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-410-425 EDN: LTBOLT

Введение

Актуальность. Столетие Первой мировой войны, которое отмечалось в 2014 г., вновь привлекло внимание историков к этому эпохальному событию, во многом определившему историческую судьбу стран Европы в XX в. Особенно активно в указанном контексте изучались коммеморативные практики. Историки посвятили ряд значимых работ различным способам мобилизации коллективной памяти о событиях Первой мировой войны, прежде всего в сфере культуры[1]. При этом, как справедливо отмечает О.С. Поршнева, и в западной, и в российской историографии постсоветского периода утвердилось представление о Первой мировой войне как «забытой» для России[2]. Однако это утверждение справедливо лишь для культурной памяти

[1] *Hynes S.* A War Imagined: The First World War and English culture. London, 1990; *Winter J.* Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge, 1996.

[2] *Поршнева О.С.* Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 218. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235 EDN: FTIIUL

советского общества[3]. Что касается российской эмиграции 1920-х – 1930-х гг., то она, силясь представить из себя «другую» Россию, или даже «настоящую», «подлинную» Россию, усилиями своих идеологов компоновала такую картину прошлого, в которой обоснованию исторической правоты Российской империи в период 1914–1917 гг. придавалось особое значение. В этом отношении большой интерес представляют воспоминания российского посла в Вене Н.Н. Шебеко, пока еще не оцененные должным образом исследователями. Они представляют собой развернутый историософский нарратив, описывающий канун и начало Первой мировой войны. Учитывая, что вопрос о роли России в ходе июльского кризиса является одним из наиболее дискуссионных в отечественной исторической науке[4], актуальность введения в научный оборот мемуаров столь осведомленного российского дипломата даст новый импульс изучению данной проблемы.

Степень изученности проблемы. Работы, посвященные виновникам развязывания Первой мировой войны, занимают значительное место в ее историографии. Судя по обстоятельному разбору Е.В. Романовой, в современной западной литературе доминирует стремление связать возникновение июльского кризиса 1914 г. с амбициями европейских империй (Австро-Венгрии, Германии и России), доказав при этом, что «демократии» (Англия и Франция) «скорее реагировали на события, а не инициировали их»[5]. Причем значительная доля ответственности за фатальное развитие июльского кризиса 1914 г., ввергшего Европу в Первую мировую войну, возлагается на Россию.

По оценке В.В. Калашникова и О.И. Агансон, главным современным разработчиком концепции о «русских корнях» Первой мировой войны является Шон Макмикин[6]. Согласно точке зрения этого американского историка руководство Германии было уверено, что Россия не вступится за Сербию и согласится на «локализацию» австро-сербского конфликта. Однако Россия с самого начала решила использовать убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево для развязывания войны. Используя ошибки австрийских дипломатов, официальный Петербург втянул в войну как своих союзников, так и Германию[7].

В современной отечественной историографии подобные суждения не имеют сторонников. Так Т.М. Исламову политика российского самодержавия в отношении Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны, наоборот, виделась «импульсивной, иррациональной, нерасчетливой и не до конца продуманной»[8]. Однако этот важный тезис не был им подробно обоснован. Вообще, австро-русское противостояние, имевшее

[3] *Petrone K.* The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis, 2011; *Cohen A.J.* Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review. 2003. Vol. 62. № 1. EDN: WPDVCL; *Сенявская Е.С.* Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 31–37. EDN: JYALXH; *Колоницкий Б.И.* Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // Звезда. 2014. № 11. С. 199–216. EDN: JBWHYK

[4] *Романова Е.В.* Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М., 2008. С. 26.

[5] *Романова Е.В.* Современная западная историография о происхождении Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1914. № 4. С. 136. EDN: SKAFHT

[6] *Калашников В.В.* «Русские корни» Первой мировой войны в новейшей зарубежной историографии // Межвузовская научная конференция «Россия в Первой мировой войне: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. Санкт-Петербург 28 ноября 2014 года. СПб., 2015. С. 14. EDN: WAFNPJ; *Агансон О.И.* В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. СПб., 2022. С. 55–57. EDN: OEAANL

[7] *MacMeekin S.* July 1914: Countdown to War. New York, 2013. XVIII.

[8] *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 15. EDN: GGURHH

место накануне Первой мировой войны, исследовано явно недостаточно. В двух новейших обобщающих работах, посвященных отношениям России и Австро-Венгрии, конфликту двух империй в 1914 г. уделено непропорционально мало места[9]. В главе об июльском кризисе 1914 г. в одном из самых авторитетных отечественных изданий по истории Первой мировой войны речь о собственно австро-русских отношениях вообще не идет, и даже не упоминается имя российского посла в Вене[10].

Не привлекала пока должного внимание историков и его личность. Лишь недавно основные факты биографии Н.Н. Шебеко (1863–1953) кратко изложила Е.В. Евдокимова. Однако ее очерк носит обзорный характер. Приданный ему научно-справочный аппарат максимально упрощен и не содержит ссылок на конкретные страницы цитируемой литературы, в частности, франкоязычного издания воспоминаний Шебеко. О наличии русского текста мемуаров в указанной работе не упоминается[11]. Работа по углубленному изучению воспоминаний дипломата, которая существенно расширила наши знания о его жизненном пути, была начата лишь недавно[12].

Цель исследования – на основе анализа воспоминаний российского посла в Вене Н.Н. Шебеко определить степень единства в руководстве российского МИД по вопросу об отношениях с Австро-Венгрией в ходе июльского кризиса и прежде всего – характер взаимодействия между Н.Н. Шебеко и министром иностранных дел С.Д. Сазоновым.

Источниковая база. Впервые небольшой отрывок из мемуаров Н.Н. Шебеко, посвященный июльскому кризису 1914 г., был опубликован на французском языке в издании «La Revue de France» 15 мая 1933 г. и одновременно на русском языке в парижской эмигрантской газете «Возрождение»[13].

Отдельное издание воспоминаний Н.Н. Шебеко вышло в 1936 г. в Париже на французском языке с подзаголовком «Essai historique sur les origines de la guerre de 1914» («Исторический очерк причин войны 1914 года»)[14].

Русскоязычная рукопись мемуаров ныне хранится в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке[15]. Она является основой источниковой базы данной работы. Кроме того, мы использовали воспоминания коллег Н.Н. Шебеко по работе в МИД – С.Д. Сазонова[16], В.Д. Штрандтмана[17], А.В. Неклюдова[18].

---

[9] Россия и Австрия: Вехи совместной истории / отв. ред. Ст. Карнер, А. Чубарьян. М., 2019. С. 93; Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2020. Т. 1. Россия и Центральные державы. С. 168–196.

[10] Мировые войны XX века / отв. ред. Г.Д. Шкундин. М., 2002. Кн. 1. С. 101–132.

[11] *Евдокимова Е.В.* Последние послы Российской империи. История и судьбы. М., 2023. С. 9–38.

[12] *Князев М.А.* «Россия, видимо, переживает острый кризис, и никто не может угадать, чем все это кончится». Из писем первого секретаря посольства России во Франции Н.Н. Шебеко к жене. 1904–1905 гг. // Исторический архив. 2024. № 4. С. 166–175. EDN: PANXRF; *Селезнев Ф.А.* Российско-румынские отношения в период Балканских войн по воспоминаниям и донесениям посланника в Бухаресте Н.Н. Шебеко (1912–1913) // Новая и новейшая история. 2024. № 5. С. 126–138. https://doi.org/10.31857/S0130386424050107 EDN: ZFYYPU

[13] *Шебеко Н.Н.* От Сараево до объявления войны (неизданные воспоминания) // Возрождение. 1933. 18 мая; *Его же.* От Сараево до Великой войны // Возрождение. 1933. 20 мая; *Его же.* От Сараево до Великой войны // Возрождение. 1933. 23 мая; *Его же.* От Сараево до Великой войны // Возрождение. 1933. 26 мая.

[14] *Schebeko N.* Souvenirs: Essai historique sur les origines de la guerre de 1914. Paris, 1936.

[15] *Шебеко Н.* Воспоминания: исторический очерк причин войны 1914 года // Columbia University, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture. Bib id: 4078064.

[16] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991.

[17] *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014.

[18] *Necludoff A.* Diplomatic reminiscences. Before and during the World War, 1911–1917. London, 1920.

Учитывая субъективность воспоминаний как источника и тот факт, что память часто подводит мемуаристов, мы привлекли для сравнения тексты донесений Н.Н. Шебеко в МИД как опубликованные[19], так и хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (Ф. 133 – канцелярия министра). При этом поскольку автор не претендовал на рассмотрение австро-русского конфликта в целом, австрийские дипломатические документы нами не использовались.

Начало июльского кризиса: Шебеко успокаивает российский МИД

Точкой отсчета Июльского кризиса стало убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда 15 (28) июня 1914 г. в Сараево. По оценке советских историков, в Петербурге поначалу не придали серьезного значения этому террористическому акту, и «русская дипломатическая машина продолжала работать обычным ходом». Тем более, что «от посла в Вене поступали успокоительные сообщения»[20].

Действительно, прогноз развития событий, отправленный Н.Н. Шебеко в МИД 17 (30) июня 1914 г., носил оптимистический характер. Российский посол предполагал, что после гибели эрцгерцога и назначения нового наследника «направление австро-венгерской политики будет сдержаннее и спокойнее», «и к этому, несомненно, будет стремиться сам император Франц-Иосиф»[21]. Правда на следующий день, 18 июня, Н.Н. Шебеко докладывал о «большом возбуждении» в военных и клерикальных кругах Вены не только против Сербии, «но и против нас» и передавал слух о том, что будто бы австро-венгерское правительство «обратилось к белградскому кабинету с требованием принять меры для раскрытия всех нитей заговора, исходившего по их мнению из Белграда». Но в целом из сообщения российского посла вытекало, что Австро-Венгрия не способна к активным действиям: дни императора Франца-Иосифа «нужно считать сочтенными», отношения германского императора Вильгельма II и нового наследника престола не выстроены[22].

Успокоительный тон донесений Н.Н. Шебеко был вызван и тем, что Сараевское убийство внешне не отразились на российско-австро-венгерских отношениях. Однако негласно в правительственных и военных кругах Австро-Венгрии уже в первые дни после убийства Франца-Фердинанда рассматривалось применение самых жестких мер против Сербии, вплоть до немедленного начала военных действий против нее[23]. По мнению А.В. Игнатьева, Германия и Австро-Венгрия здесь действовали согласованно: ближайшими задачами центральных империй «было уничтожить Сербию как самостоятельный политический фактор». При это в Берлине и Вене исходили из того, что Россия, не готовая к войне, с этим смирится. Для достижения данной цели «считалось желательным захватить царское правительство врасплох». Поэтому «венская дипломатия не только не раскрывала до времени своих намерений, но и маскировала их успокоительными сообщениями»[24].

---

[19] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. (Далее – МОЭИ). Серия III. 1914–1917 гг. М.-Л., 1931, 1934. Т. IV, V.

[20] История дипломатии / под ред. акад. В.П. Потёмкина. М., 1945. Т. 2. С. 253. EDN: SGGZZJ

[21] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470, 1914 г. Д. 178. Л. 10.

[22] МОЭИ. Серия III. 1914–1917 гг. М.-Л., 1931. Т. IV. С. 78–79.

[23] *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 251. EDN: KVJHSB

[24] История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 428.

По крайней мере, министру иностранных дел Австро-Венгрии вполне удалось усыпить бдительность российского посла. Н.Н. Шебеко доносил министру иностранных дел С.Д. Сазонову 25 июня (8 июля) 1914 г.:

> Из разговоров моих с графом Берхтольдом я вынес впечатление, что австро-венгерское правительство не намерено предъявлять сербскому правительству никаких требований, несовместимых с достоинством соседнего государства[25].

Это писалось через день после того, как тот же Берхтольд, на проведенном у него 24 июня (7 июля) совещании заявил, что Сербии нужно выставить такие условия, чтобы принятие их «заранее было исключено»[26].

Не встревожила Шебеко даже достаточно шумная кампания в австрийской и венгерской прессе против российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига, якобы радовавшегося убийству эрцгерцога Фердинанда. Скоропостижная смерть Гартвига в австрийском посольстве 27 июня (10 июля) вызвала слухи о его возможном отравлении и новый всплеск взаимных обвинений в газетах Австро-Венгрии и Сербии. Сам Шебеко считал, что кончина российского дипломата была вызвана естественными причинами. В мемуарах он засвидетельствовал, что, принимая Н.Г. Гартвига у себя в посольстве в Вене за несколько недель до его смерти, «был поражен его больным видом и мучившей его сильной одышкой»[27].

Желание сербского правительства осуществить погребение Гартвига в Белграде и устроить ему в качестве друга страны похороны общенационального уровня, как вспоминал Николай Николаевич, способствовало «вторично возбуждению умов в Вене, начавшему было униматься»[28]. Тем более что посланник Австрии в Белграде барон Гизль под впечатлением слухов о подготовлявшемся будто бы разгроме возмущенными сербами австрийской миссии принял ряд мер, не только вызвавших панику среди австрийской колонии в Белграде, но и «некоторую тревогу в самой Вене». «Этим воспользовались воинствующие элементы, которые через посредство своих печатных органов возбудили снова общественное мнение страны против Сербии», – вспоминал Н.Н. Шебеко, отметив, что на венской бирже «несколько дней господствовала паника»[29].

Тут, как докладывал Н.Н. Шебеко в МИД 2 (15) июля 1914 г., австро-венгерские власти оценили опасность положения и приняли некоторые меры по «успокоению умов». К их числу российский посол отнес выступление главы правительства Венгрии графа Тисы в венгерском парламенте с «замечательно умеренною речью», а также появление в Вене и Будапеште правительственных сообщений, предостерегавших население против распространения ложных известий. Ситуация на бирже нормализовалась, император уехал на охоту, а министр обороны и начальник генерального штаба отправились в отпуск. Все это, по мнению Н.Н. Шебеко, доведенному им до МИДа, заставляло предполагать, что

> ведущееся в строгой тайне следствие по делу убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги ничего не обнаружило такого, что могло бы вызвать столкновение между Австро-Венгрией и Сербией[30].

---

[25] МОЭИ. Т. IV. С. 175.
[26] *Ефремов П.Н.* Внешняя политика России (1907–1914 гг.). М., 1961. С. 259.
[27] *Шебеко Н.* Воспоминания: исторический очерк причин войны 1914 года… Л. 176.
[28] Там же. Л. 179.
[29] Там же. Л. 179.
[30] МОЭИ. Т. IV. С. 283.

Для понимания логики, которой тогда руководствовался Н.Н. Шебеко, многое дает изложение его беседы с британским послом Морисом де Бунзеном в июне 1914 г. В разговоре с англичанином Шебеко «высказал сомнение, чтобы Австрия решилась на войну» с Сербией, поскольку «сербская война означает общую европейскую войну», ведь «изолированная борьба Австрии и Сербии невозможна, так как Россия будет вынуждена взяться за оружие»[31]. Эту же мысль (о том, что в случае войны Австро-Венгрии с Сербией Россия «принуждена будет с первого же дня вмешаться в конфликт, так что война между Австрией и Сербией означает всеобщую войну») Н.Н. Шебеко силился донести и до французского посла Дюмена[32].

Между тем в правительственных кругах Австро-Венгрии, делал вывод Шебеко, были уверены в том, что, как и во время Боснийского кризиса 1909 г., «миролюбие русского монарха одержит верх над всеми другими соображениями» и Россия не ввяжется в войну для защиты Сербии[33]. Поэтому в глубокой тайне в Вене вели подготовку ультиматума, который собирались в удобный момент предъявить Сербии. Его предварительные условия были согласованы 1 (14) июля 1914 г.[34]

Н.Н. Шебеко предупреждает российский МИД об австрийском ультиматуме Сербии

Сведения об австрийском ультиматуме Сербии дошли до Н.Н. Шебеко довольно быстро, 3 (16) июля 1914 г. В тот день он узнал от британского посла Мориса де Бунзена, что накануне, 2 июля, за завтраком у бывшего посла в Риме, графа Генриха фон Лютцова обсуждался текст ноты, которую официальная Вена в ближайшем будущем собиралась предъявить Белграду[35].

Зачем английский дипломат передал эту информацию своему российскому коллеге? Громоздкую, но не лишенную убедительности конструкцию, объясняющую стратегию британского внешнеполитического ведомства, построил Н.П. Полетика. Согласно его концепции англичане стремились вызвать столкновение между Тройственным союзом, с одной стороны, и Францией и Россией – с другой. Причем таким образом, чтобы Австро-Венгрия и Германия в глазах общественного мнения явно выглядели агрессорами, т.е. начали войну первыми. При этом русские и французы, к которым на последнем этапе намеревалась неожиданно для немцев присоединиться Великобритания, должны были успеть согласовать свои позиции во время визита президента Пуанкаре в Санкт-Петербург[36].

Понятно, что для выполнения названного условия российских дипломатов следовало известить о готовящемся австрийском ультиматуме. Эту задачу и выполнил Морис де Бунзен.

Как только Н.Н. Шебеко узнал, что австрийцами пишется нота, очень резкая по форме, он немедленно отправил телеграмму об этом министру иностранных дел С.Д. Сазонову. Особое внимание в ней посол обращал на то, что австро-венгерское правительство рассчитывает на невмешательство России. В связи с этим Н.Н. Шебеко писал С.Д. Сазонову:

---

[31] МОЭИ. Т. IV. С. 176.

[32] *Шебеко Н.* Воспоминания… Л. 173.

[33] Там же. Л. 168–169.

[34] *Полетика Н.П.* Сараевское убийство: исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в 1903–1914 гг. Л., 1930. С. 434.

[35] *Шебеко Н.* Воспоминания… Л. 181.

[36] *Полетика Н.П.* Возникновение Первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.). М., 1964. С. 455–514.

> Мне казалось бы желательным, чтобы венский кабинет был осведомлен в настоящую минуту перед принятием окончательного решения по сему вопросу, как отнесется Россия к факту предъявления им Сербии неприемлемых для достоинства этого государства требований[37].

Однако ответа на свою телеграмму Н.Н. Шебеко не получил, поскольку С.Д. Сазонов в то время отсутствовал в Петербурге. Министр уехал в свое имение, как считал В.И. Бовыкин, положившись на успокоительные сообщения Шебеко[38].

Дополнительно Н.Н. Шебеко рассказал о намерении австро-венгерского правительства выступить по окончании следствия с требованиями в Белграде 2-му секретарю российской миссии в Сербии Л.С. Зарину, приезжавшему в Вену. В этой беседе, как и в телеграмме Сазонову, Н.Н. Шебеко высказался за немедленное осведомление Вены, до принятия ею окончательного решения, «об отношении России к факту предъявления Сербии неприемлемых требований», поскольку пока руководство Австро-Венгрии «рассчитывает на невмешательство России»[39].

В Петербурге первым 3 (16) июля 1914 г. с донесением Н.Н. Шебеко ознакомился начальник канцелярии МИД М.Ф. Шиллинг. Сразу же, как пишет О.В. Павленко, «было решено дать понять через итальянского посла в Петербурге Карлотти, что Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целость и независимость Сербии»[40]. Барон Шиллинг передал эти слова Карлотти на великосветском вечере у графини Клейнмихель в тот же день вечером.

Однако данная реконструкция событий не подтверждается ни воспоминаниями Н.Н. Шебеко, ни «Дневником МИД», составленным М.Ф. Шиллингом. Наоборот, в «Дневнике МИД» прямо указано, что на вечере Карлотти первым спросил, как отнесется Россия к выступлению Австрии против Сербии[41]. Таким образом, Шиллинг лишь отреагировал на вопрос итальянца. Никаких самостоятельных комбинаций он по своему статусу осуществлять не мог. Однако, понимая всю важность донесения Н.Н. Шебеко, Шиллинг взял эту бумагу с собой на вокзал, где утром 5 (18) июля передал ее С.Д. Сазонову, возвращавшемуся из деревни. В тот же день сообщение посла в Вене было прочитано Николаем II. Царь сделал на телеграмме следующую отметку:

> По-моему, никаких требований одно государство предъявлять не должно другому, если, конечно, оно не решилось на войну[42].

П.В. Мультатули ошибочно отнес комментарий монарха к 12 (25) июля 1914 г. и счел реакцией на австрийский ультиматум Сербии[43]. Другие авторы вообще игнорируют эту запись Николая II. Между тем она чрезвычайна важна, поскольку, во-первых, показывает, что царь сразу уловил суть сообщения российского посла и осознал всю серьезность положения (Австро-Венгрия решилась на войну с Сербией!). Во-вторых, реплику императора надо понимать как возражение на успокоительные заверения Сазонова, который не придал сведениям Н.Н. Шебеко значения.

---

[37] МОЭИ. Т. IV. С. 299.

[38] *Бовыкин В.И.* Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века – 1917 год. М., 1960. С. 150.

[39] *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания... С. 259.

[40] *Павленко О.В.* Июльский кризис 1914 г.: по материалам новых архивных публикаций МИД РФ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 144. https://doi.org/10.28995/2073-6339-2022-3-141-154 EDN: KCIAST

[41] Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны : сб. документов. Тула, 2014. С. 24.

[42] МОЭИ. Т. IV. С. 299.

[43] *Мультатули П.В.* Внешняя политика Императора Николая II: этапы, достижения, итоги. М., 2019. С. 544.

Похоже, российский министр вообще не использовал их в беседе с послом Австро-Венгрии Сапари, состоявшейся 5 (18) июля. Это показывают выдержки из отчета Сапари, приводимые в книге Н.П. Полетики[44]. На эту мысль наводят и факты, имеющиеся в Поденной записи российского МИД, где зафиксировано признание С.Д. Сазонова М.Ф. Шиллингу о том, что изначально министр согласился с мыслью о необходимости предупредить Австро-Венгрию о решимости России ни в коем случае не допустить посягательства на независимость Сербии. С.Д. Сазонов «собирался в этом смысле высказаться самым решительным образом перед австро-венгерским послом». Но тот «поручился за миролюбие своего правительства» и был «кроток как ягненок». Поэтому российскому министру «не пришлось прибегнуть к угрозам»[45]. Иначе говоря, он не предупреждал австро-венгерского посла о решительной российской реакции на возможную агрессию против Сербии.

Между тем Н.Н. Шебеко, обеспокоенный отсутствием отклика руководства МИД на свое сообщение, решился лично явиться в Санкт-Петербург «для совместного с С.Д. Сазоновым обсуждения создавшегося положения»[46]. 8 (21) июля Николай Николаевич телеграфировал министру, что отправляется в отпуск[47].

Впоследствии Н.Н. Шебеко неоднократно упрекали за отъезд из Вены в такой острый момент. Например, его коллега по дипломатическому корпусу А.В. Неклюдов с возмущением писал, что посол в Вене за два дня до предъявления австрийского ультиматума Сербии отправился в свое поместье под Ярославлем[48].

Сам Н.Н. Шебеко не сообщает в воспоминаниях о том, успел ли он заехать в имение. Судя по кратковременности его пребывания в России – нет. Но даже визит в Петербург, несогласованный с министром, представлял угрозу для карьеры Николая Николаевича. Тем не менее, он пошел на этот риск, поскольку хотел предотвратить войну между Россией и Австро-Венгрией. Вечером 8 (21) июля 1914 г. Н.Н. Шебеко выехал из Вены[49].

В столице Н.Н. Шебеко, естественно, стремился, встретиться с С.Д. Сазоновым, но министр говорить с ним, видимо, не захотел. Только так можно понять телефонный звонок Николаю Николаевичу барона Шиллинга 11 (24) июля с предупреждением о необходимости немедленно вернуться к месту служения (т.е. в Вену)[50]. Тем не менее Н.Н. Шебеко явился в МИД и там дождался возвращения С.Д. Сазонова, ездившего на Елагин остров, где на даче у премьер-министра И.Л. Горемыкина около трех часов дня началось заседание Совета министров[51] (при этом Н.Н. Шебеко ошибочно указывает в мемуарах, что министры совещались в Петергофе)[52]. «Переговорив с министром иностранных дел и получив от него надлежащие указания, я в тот же вечер выехал обратно в Вену», – сообщает Николай Николаевич[53].

---

[44] *Полетика Н.П.* Возникновение Первой мировой войны… С. 389.

[45] Начало войны 1914 г. Поденная запись бывшего министерства иностранных дел // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 6–7.

[46] *Шебеко Н.* Воспоминания… Л. 186.

[47] МОЭИ. Т. IV. С. 361.

[48] *Necludoff A.* Diplomatic reminiscences. Before and during the World War, 1911–1917. London, 1920. P. 280.

[49] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470, 1914 г. Д. 3. Л. 45–48.

[50] Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны : Сб. документов… С. 26.

[51] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 197–198.

[52] *Schebeko N.* Souvenirs… P. 219.

[53] *Шебеко Н.* Воспоминания… Л. 188.

Н.Н. Шебеко в поисках компромисса между Россией и Австро-Венгрией

В Вене Н.Н. Шебеко появился 12 (25) июля 1914 г., вступив с 13 (26) июля в управление посольством. Этим числом помечена его первая после возвращения телеграмма в МИД из австрийской столицы. Посол сообщал, что в Австро-Венгрии объявлена частичная мобилизация (против Сербии) и «принят ряд чрезвычайных мер в условиях военного времени»[54].

Впрочем, австрийские власти не хотели, чтобы Россия видела в этом угрозу для себя. 13 (26) июля посол Австро-Венгрии Сапари имел продолжительный разговор в очень дружелюбном тоне с С.Д. Сазоновым, уверяя его, что мир «одинаково дорог для Австрии, как и для всех держав». Следом в российский МИД явился германский посол Пурталес, который сообщил, что, если венский кабинет согласен «несколько смягчить форму своих требований», что «по-видимому, не исключается», то «следовало бы, пожалуй, немедленно выяснить австрийские намерения по этому вопросу». Глава российского МИД ответил, что немедленно «телеграфирует в этом смысле Шебеко». И, действительно, в тот же день, 13 июля, С.Д. Сазонов направил Шебеко задание «в осторожной и дружелюбной форме» предложить Берхтольду снабдить австро-венгерского посла в Петербурге полномочиями на переговоры с российским министром о редактировании текста ноты[55].

Интересно, что Англия, до этого предпочитавшая держаться в стороне от конфликта, тут же предложила альтернативу прямому русско-австрийскому диалогу. Она взяла на себя инициативу по созыву в Лондоне конференции послов Франции, Германии, Италии, чтобы они вчетвером (т.е. с участием британского представителя) обсудили возможные выходы из создавшегося положения. Но С.Д. Сазонов заявил британскому послу в Петербурге Бьюкенену, что готов принять английское предложение, только, если бы «непосредственные наши объяснения с венским кабинетом не наладились», пока же они «начались благоприятно». 14 (27) июля циркулярная телеграмма об этом была послана Сазоновым в российские посольства, включая Вену[56].

Выполняя поручение своего начальника, Н.Н. Шебеко запросил встречу с руководством австро-венгерского МИД. 14 (27) июля 1914 г. Берхтольда в Вене не было, поэтому российского посла принял помощник министра, барон Маккио. Доклад Н.Н. Шебеко об этом разговоре опубликован, но в воспоминаниях дипломата содержатся не вошедшие в официальный отчет важные подробности. Приведем главные из них. Во-первых, Н.Н. Шебеко недвусмысленно предупредил Маккио о том, что «война между Австрией и Сербией ни в коем случае не может быть локализирована», поскольку «Россия, которая в течение последних кризисов несколько раз уступала, в этот раз не уступит»[57]. Кроме того, два дипломата обсудили известия о первых столкновениях между австрийскими и сербскими войсками, которые Н.Н. Шебеко «крайне удивили», так как он знал, что российское правительство

> дало Сербии совет оттянуть свои войска внутрь страны, чтобы избежать возможно дольше пролития крови и выиграть время для достижения соглашения[58].

[54] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470, 1914 г. Д. 3. Л. 12.
[55] МОЭИ. Серия III. 1914–1917 гг. М.-Л., 1934. Т. 5. С. 117–118.
[56] Там же. С. 143.
[57] *Шебеко Н.* Воспоминания… Л. 212.
[58] Там же.

Добиться его российский посол предлагал путем прямых переговоров австрийского посла в Санкт-Петербурге Сапари, наделенного соответствующими полномочиями, и С.Д. Сазонова[59]. На следующий день, 15 (28) июля 1914 г., Шебеко воздействовал в этом духе уже на Берхтольда. Тот, однако, ответил отказом, объяснив его тем, что обсуждение

> текста сербской ответной ноты, признанной венским кабинетом неудовлетворительной, никем в стране не было бы понято и не было бы одобрено[60].

Указанная формулировка показывает, что российская сторона в тот период предлагала обсудить не только австрийскую ноту, но и пункты сербского ответа на австрийский ультиматум. Скорее всего это был экспромт Н.Н. Шебеко, пытавшегося спасти русско-австрийский диалог. Но даже когда Берхтольд отверг такую возможность, известив российского посла о том, что Австрия объявляет Сербии войну, Николай Николаевич не опустил руки. Сначала он обратил внимание австрийского министра на опасность политики его страны для нее же самой, «указав на то, что Россия 1914 года – не Россия 1909 года»[61] (это было предупреждение о том, что Россия намерена вступиться за Сербию). Но наряду с «кнутом» российский посол показал и «пряник», прибавив, что

> база переговоров могла бы быть расширена пересмотром взаимоотношений между Россией и Австрией, что не только облегчило бы разрешение настоящего кризиса, но могло быть весьма полезно для будущего обоих государств[62].

Иначе говоря, российский посол предлагал не ограничиваться обсуждением австрийской ноты Сербии, а вести речь об общем соглашении между Петербургом и Веной. Есть все основания полагать, что мысль эта принадлежала Н.Н. Шебеко, а не С.Д. Сазонову. Она заинтересовала австрийского министра. «Граф Берхтольд выслушал меня с большим вниманием»[63], – вспоминал Николай Николаевич. Однако названная инициатива не получила продолжения, поскольку после того, как Австро-Венгрия объявила войну Сербии, С.Д. Сазонов счел, что в этой ситуации его непосредственные объяснения с австрийскими послом нецелесообразны – необходимо было «скорейшее воздействие Англии с целью посредничества»[64].

На другой день, 16 (29) июля, российский министр повторил эту мысль в телеграмме, отправленной российским представителям в Париже (Извольскому) и в Лондоне (Бенкендорфу). Сославшись на донесение Н.Н. Шебеко, из которого следовало, что «венский кабинет отклоняет обмен мнений между нами», С.Д. Сазонов доводил до подчиненных новую вводную: «всецело предоставляем Англии инициативу тех шагов, которые она признает целесообразными»[65].

Копия телеграммы был отправлена и Н.Н. Шебеко. Но непосредственно С.Д. Сазонов никаких указаний ему не дал, поэтому 16 (29) июля посол действовал, исходя из собственного понимания ситуации. Во-первых, он встретился с германским послом фон Чиршки (чтобы с его помощью склонить австрийцев к мирному разрешения кризиса); во-вторых, повидался с британским представителем Морисом

[59] *Шебеко Н.* Воспоминания… Л. 212.
[60] Там же. Л. 213.
[61] Там же. Л. 214.
[62] Там же.
[63] Там же. Л. 214.
[64] Начало войны 1914 г… С. 52; МОЭИ. Т. V. С. 180.
[65] МОЭИ. Т. V. С. 209.

де Бунзеном (для организации давления официального Лондона на Германию). Обе попытки оказались неудачными.

Чиршки заявил Н.Н. Шебеко, что, по его мнению, «всякое воздействие на Австрию обречено на неуспех». Подобная реакция не удивила посла. В глазах российского дипломата немецкий посол в Вене был «горячим сторонником если не инициатором активного выступления Австрии против Сербии». При этом, сохраняя объективность, Н.Н. Шебеко старался довести до Сазонова мысль о том, что «Австрии действительно трудно остановиться на намеченном ей пути». Николай Николаевич в своем донесении в Санкт-Петербург делал вывод о том, что в сложившейся ситуации одно «вмешательство четырех держав может еще предотвратить европейскую войну»[66].

Речь шла о намечавшемся в Лондоне совещании послов Италии, Германии, Франции. Н.Н. Шебеко приветствовал эту инициативу и особенно важной считал роль Великобритании. Морис де Бунзен в этой связи 16 (29) июля передал Николаю Николаевичу содержание беседы руководителя британского МИД Эдуарда Грея с германским послом в Лондоне князем Лихновским. Грей обращался к германскому правительству с просьбой повлиять на венский кабинет, дабы последний признал сербский ответ удовлетворительным или по крайней мере основой для переговоров. На это Н.Н. Шебеко нелицеприятно заметил Бунзену, что находит «предупреждение сэра Эдуарда Грея недостаточно конкретным, чтобы произвести на Германию должное впечатление»[67]. По мнению российского дипломата, спасти положение могло бы «более определенное заявление Англии, хотя бы в форме ультиматума». Бунзен, однако, возразил на это, что Англия большего сделать в данную минуту не может, так как общественное мнение страны не согласилось бы на войну для спасения Сербии[68].

Готовность воевать для защиты Сербии показала только Россия, начавшая мобилизационные мероприятия. Лишь теперь в Австро-Венгрии осознали, что им придется воевать не только с Сербией, но и с Российской империей. «С получением известия о русской мобилизации физиономия Вены сразу значительно изменилась», – вспоминал Н.Н. Шебеко. По его мнению, «беспечная веселость, присущая улицам этой столицы», резко исчезла:

> неожиданное известие о русской мобилизации и возможном вмешательстве России в австро-сербский конфликт поразил всех как раскат грома в ясном небе[69].

Ввиду сложившегося положения австрийский министр иностранных дел Берхтольд 17 (30) июля 1914 г. пригласил для разговора Шебеко и «в самой дружественной форме» сообщил ему о том, что из-за мобилизации вооруженных сил России Австрия видит себя принужденной также мобилизовать свои войска на ее границе. Берхтольд просил Шебеко передать С.Д. Сазонову, что эта мера не заключает в себе «ничего угрожающего по адресу России, против которой Австрия ничего не имеет, и с которой она продолжает желать поддерживать хорошие отношения». Далее министр вернулся к возможности обмена мыслями между Сапари и Сазоновым о переработке австрийской ноты и сообщил, что такие полномочия австрийскому послу в Петербурге уже даны. Общий вывод Шебеко был таким:

> Я вынес впечатление, что Берхтольд действительно желал бы прийти с нами к соглашению, но считает невозможным для Австрии прекратить свои операции против Сербии, не достигнув полного удовлетворения и серьезных гарантий для будущего[70].

[66] МОЭИ. Т. V. С. 229.
[67] *Шебеко Н.* Воспоминания… Л. 222.
[68] Там же.
[69] Там же. Л. 228.
[70] МОЭИ. Т. V. С. 272.

Сапари действительно 18 (31) июля 1914 г. явился к Сазонову, выразив готовность приступить к обсуждению австрийского ультиматума Сербии. Но натолкнулся на отказ: министр указал австрийскому послу на «предпочтительность ведения переговоров об этом в Лондоне при участии великих держав»[71]. Это было единоличное решение Сазонова, несогласованное с Николаем II. Тот его не одобрил, написав на телеграмме: «Одно не мешает другому – продолжайте разговоры с австрийским послом» [72]. Однако царь получил названную бумагу только 19 июля. Через несколько часов переговоры Сапари и Сазонова лишились смысла: в этот день Германия объявила войну России.

Австро-Венгрия, наоборот, и 18 (31) июля и 19 июля (1 августа) 1914 г. продолжала демонстрировать миролюбие по отношению к России. «Продолжаю дружественный обмен мнениями с Берхтольдом и его сотрудниками», – сообщал Шебеко 18 (31) июля из Вены. Позицию австрийцев он передавал так:

> Все они настаивают на отсутствии у Австрии каких-либо агрессивных намерений против России и каких-либо завоевательных стремлений относительно Сербии, но все настаивают также на необходимости для Австрии довести начатое дело до конца и дать Сербии серьезный урок, который должен быть некоторой гарантией для будущего[73].

В этой связи у Шебеко возникла новая идея по поводу предмета возможных русско-австрийских переговоров:

> Обсуждение вопроса о том, что Австрия разумеет под словом урок могло бы может быть служить базой для соглашения с нами и избежания надвигающегося Европейского пожара[74].

Не получив ответа от Сазонова, который, создается впечатление, зачастую игнорировал донесения посла в Вене, Шебеко 19 июля (1 августа) прямо поставил перед Берхтольдом вопрос «относительно размеров требуемого от Сербии удовлетворения». Определенного ответа министр не дал, но из разговора Шебеко понял, что

> Австрия не прочь была бы принять предложение, которое дало бы ей возможность выйти из настоящего положения без ущерба для ее самолюбия и престижа на Балканах и внутри страны[75].

Основой такого предложения, которое Н.Н. Шебеко в тот же день послал в Санкт-Петербург, стала мысль итальянского посла Аварны. Суть ее заключалась в следующем: после первой победы Австрии призвать ее удовлетвориться принятием официальным Белградом ее ноты, с тем,

> чтобы путем частного соглашения с Россией она не настаивала на исполнении пунктов своего ультиматума, явно нарушающих суверенные права Сербии[76].

В том же донесении российский посол дал критическую оценку поведению британских дипломатов, которые «открыто высказывают сочувствие Австрии», тем самым способствуя ее несговорчивости. У Н.Н. Шебеко не вызывало сомнения, что

[71] МОЭИ. Т. V. С. 293.
[72] Там же.
[73] Там же. С. 303.
[74] Там же.
[75] Там же. С. 341.
[76] Там же.

и жесткая позиция Германии была обусловлена надеждами на то, что Англия останется в стороне от конфликта[77].

Документы, направленные Шебеко в МИД 20 июля (2 августа), если они и существовали, нами не обнаружены. На основе донесения Сапари Берхтольду можно лишь предположить, что в этот день Н.Н. Шебеко получил предписание российского МИД спокойно оставаться в Вене, пока это не будет запрещено ему австрийцами[78].

21 (3 августа) никакого заявления о разрыве отношений с Россией все еще не последовало. По оценке Н.Н. Шебеко, в Вене царило подавленное настроение. В этой связи он писал:

> По всему видно, что войны с нами не хотели, ее очень боятся и недовольны грубым вызовом, брошенным нам Германией, сделавшим общую войну неизбежной[79].

Сам Н.Н. Шебеко, считал, что оттягивание Австрией объявления войны «имеет целью выиграть время для окончания своих военных приготовлений»[80]. Разрыв, однако, был неизбежен. Это было видно уже из того, что, как сообщал Николай Николаевич в МИД, австрийские власти начали арестовывать и всячески притеснять русских подданных, застрявших в Австро-Венгрии[81].

Интересна, однако, формулировка, которую использовал граф Берхтольд при последнем официальном свидании с Н.Н. Шебеко 23 июля (5 августа) 1914 г. Министр заявил, что прервать сношения с российским послом его принуждают (причем, к его сожалению) лишь «союзнические отношения, связывающие Австро-Венгрию с Германией»[82].

Заключение

Таким образом, деятельность российского посла Н.Н. Шебеко в Вене в период Июльского кризиса можно разделить на три этапа. В самом начале кризиса дипломат не видел в происходивших событиях опасности вооруженного конфликта между Австро-Венгрией и Россией и в успокоительном духе информировал МИД. На втором этапе Н.Н. Шебеко сосредоточил свои усилия на том, чтобы предупредить российский МИД об ультиматуме, который Австро-Венгрия собиралась предъявить Сербии. Он был уверен, что Россия в этой ситуации вступится за Сербию и считал необходимым предупредить об этом официальную Вену, чтобы та умерила свою агрессивность по отношению к Белграду. Однако министр иностранных дел С.Д. Сазонов уклонился от выполнения данного совета, сведя при этом до минимума контакты с послом в Вене. На третьем этапе, несмотря на отсутствие понимания со стороны министра, Н.Н. Шебеко упорно искал компромисс между Россией и Австро-Венгрией.

Таким образом, на основе анализа воспоминаний Н.Н. Шебеко можно сделать вывод о том, что во время Июльского кризиса не наблюдалось единства в руководстве российского МИД по вопросу об отношениях с Австро-Венгрией. Если Н.Н. Шебеко настаивал на продолжении двустороннего диалога Петербурга и Вены, то С.Д. Сазонов больше ориентировался на взаимодействие с Парижем и Лондоном.

[77] МОЭИ. Т. V. С. 341–342.
[78] Там же. С. 380–381.
[79] Там же. С. 386.
[80] Там же. С. 387
[81] АВПРИ. Ф.133. Оп. 470, 1914 г. Д. 3. Л. 40.
[82] *Шебеко Н.* Воспоминания… Л. 260.

Позиция самого царя Николая II, по нашей оценке, была ближе к линии Н.Н. Шебеко. В целом, воспоминания российского дипломата свидетельствуют о том, что нет никаких оснований утверждать (вслед за Шон Макмикином) о том, что Россия хотела использовать убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево для развязывания войны.

Поступила в редакцию / Submitted: 01.07.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.02.2026
Принята к публикации / Accepted for publication: 5.03.2026

References

Aganson, O.I. *V poiskakh ravnovesiia. Velikobritaniia i "balkanskii labirint," 1903–1914 gg.* [In Search of Balance. Great Britain and the "Balkan Labyrinth," 1903–1914]. St. Petersburg: Aleteyia Publ., 2022 (in Russian).

Bovykin, V.I. *Ocherki istorii vneshnei politiki Rossii. Konets XIX veka – 1917 god* [Essays on the History of Russian Foreign Policy. Late 19th Century – 1917]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo ministerstva prosveshcheniia RSFSR РСФСР Publ., 1960 (in Russian).

Chubar'yan, A.O. *Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny. Rossiia i Tsentral'nye derzhavy* [Russia in the System of International Relations on the Eve and During the First World War. Russia and the Central Powers]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2020 (in Russian).

Cohen, A.J. "Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union." *Slavic Review*, no. 1 (2003): 69–86.

Efremov, P.N. *Vneshnyaia politika Rossii (1907–1914 gg.)* [Russia's Foreign Policy (1907–1914)]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii Publ., 1961 (in Russian).

Hynes, S.A. *War Imagined: The First World War and English culture*. London: the Bodley Head, 1990.

Ignatiev, A.V. "Sergei Dmitrievich Sazonov [Sergei Dmitrievich Sazonov]." *Voprosy Istorii*, no. 9 (1996): 24–46 (in Russian).

Islamov, T.M. "Austria-Hungary in the First World War. The Collapse of an Empire." *Modern and Contemporary History*, no. 5 (2001): 14–46 (in Russian).

Kalashnikov, V.V. " 'Russkie korni' Pervoi mirovoi voiny v noveishei zarubezhnoi istoriografii ["Russian Roots" of the First World War in the Newest Foreign Historiography]." *Mezhvuzovskaia nauchnaia konferentsiia "Rossiia v Pervoi mirovoi voine: problemy istorii i istoriografii". Sbornik dokladov. Sankt-Peterburg 28 noiabrya 2014 goda*, 12–24. St. Petersburg: LETI Publ., 2015 (in Russian).

Karner, St., and Chubaryan, A. *Rossiia i Avstriia: Vekhi sovmestnoi istorii* [Russia and Austria: Milestones in a Shared History]. Moscow: Aspekt-press Publ., 2019 (in Russian).

Knyazev, M.A. " 'Russia has apparently been suffering a serious crisis, and nobody can guess how this is going to end.' From the letters written by the first secretary of the Russian embassy in France N.N. Shebeko to his wife. 1904–1905." *Historical Archives*, no. 4 (2024): 166–175 (in Russian).

Kolonitsky, B.I. "The First World War: the culture of the era and social memory." *Zvezda*, no. 11 (2014): 199–216 (in Russian).

MacMeekin S. *July 1914: Countdown to War*. New York: Basic Books, 2013.

Mintz, M.M. "Winter J., Prost A. The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present. (Abstract)." *Russia and the Contemporary World*, no. 2 (2014): 120–132 (in Russian).

Multatuli, P.V. *Vneshniaia politika Imperatora Nikolaia II: etapy, dostizheniia, itogi* [Foreign Policy of Emperor Nicholas II: Stages, Achievements, Results]. Moscow: Izdatel'stvo M.B. Smolina Publ., 2019 (in Russian).

Necludoff, A. *Diplomatic reminiscences. Before and during the World War, 1911–1917*. London: Murray, 1920.

Pavlenko, O.V. "The July crisis of 1914. According to the materials of the new archival publications of the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs." *RSUH/RGGU Bulletin Series Political Science. History. International Relations*, no. 3 (2022): 141–154 (in Russian), https://doi.org/10.28995/2073-6339-2022-3-141-154

Pisarev, Yu.A. *Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoi mirovoi voiny* [Great Powers and the Balkans on the Eve of the First World War]. Moscow: Nauka Publ., 1985 (in Russian).

Petrone, K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011.

Poletika, N.P. *Saraevskoe ubiistvo: issledovanie po istorii avstro-serbskikh otnoshenii i balkanskoi politiki Rossii v 1903–1914 gg.* [The Sarajevo Assassination: A Study in the History of Austro-Serbian Relations and Russia's Balkan Policy in 1903–1914]. Leningrad: Krasnaia gazeta Publ., 1930 (in Russian).

Poletika, N.P. *Vozniknovenie Pervoi mirovoi voiny (iiul'skii krizis 1914 g.)* [The Origin of the First World War (July Crisis of 1914)]. Moscow: Mysl' Publ., 1964 (in Russian).

Porshneva, O.S. "The Politics of Russian Memory: The Great War in the European Context." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (2021): 216–235 (in Russian), https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235

Romanova, E.V. *Put' k voine: razvitie anglo-germanskogo konflikta, 1898–1914 gg*. [The Path to War: The Development of the Anglo-German Conflict, 1898–1914]. Moscow: MAKS-Press Publ., 2008 (in Russian).

Romanova, E.V. "Modern Western Historiography on the Origins of the First World War." *Modern and Contemporary History*, no. 4 (2014): 127–143 (in Russian).

Sazonov, S.D. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1991 (in Russian).

Schebeko, N. *Souvenirs: Essai historique sur les origines de la guerre de 1914*. Paris: Biblioteque diplomatique, 1936 (in French).

Seleznev, F.A. "Russian-Romanian relations during the Balkan Wars in the to memoirs and reports of Nikolai Shebeko, envoy to Bucharest (1912–1913)." *Modern and Contemporary History*, no. 5 (2024): 126–138 (in Russian), https://doi.org/10.31857/S0130386424050107

Senyavskaya, E.S. "Historical memory of the First World War: features of formation in Russia and the West." *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (2009): 31–37 (in Russian).

Shkundin, G.D. *Mirovye voiny XX veka. Pervaia mirovaia voina: Istoricheskii ocherk* [World Wars of the Twentieth Century. The First World War: A Historical Essay]. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).

Shtrandtman, V.N. Balkanskie vospominaniia [Balkan Memories]. Moscow: Knizhnitsa Publ., 2014 (in Russian).

Winter, J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: [N.s.], 1996.

Информация об авторе / Information about the author

Фёдор Александрович Селезнев, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, руководитель Центра краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; fseleznev@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-0934-3312; SPIN-код: 6346-4054.

Fyodor Alexandrovich Seleznev, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History, Head of the Center for Local History Research at the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University; 23, Prospekt Gagarina Av., Nizhny Novgorod, 603022, Russia; fseleznev@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-0934-3312; SPIN-code: 6346-4054.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 25 No. 2 426–434
http://journals.rudn.ru/russian-history

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
SCHOLARLY LIFE

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-426-434
EDN: LXWXAU

Обзорная статья / Research article

Четвертая международная конференция по иранским исследованиям, Тегеран, 27–28 октября 2025 года

Владимир Иванович Белов [a], **Елена Михайловна Савичева** [a], **Хосейн Эбрахими** [b]

[a] Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
[b] Тегеранский университет, Тегеран, Иран
yurtaev-vi@rudn.ru

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Благодарности: Публикация осуществлена при поддержке Системы грантов научных проектов РУДН, проект № 102502-2-000.

Для цитирования: *Белов В.И., Савичева Е.М., Эбрахими Х.* Четвертая международная конференция по иранским исследованиям. Тегеран. 27–28 октября 2025 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 426–434. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-426-434 EDN: LXWXAU

Fourth Biennial Conference on Iranian Studies, Tehran, October 27–28, 2025

Vladimir I. Belov [a], **Elena M. Savicheva**, **Hossein Ebrahimi** [b]

[a] RUDN University, Moscow, Russia
[b] University of Tehran, Tehran, Iran
yurtaev-vi@rudn.ru

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Acknowledgements: This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 102502-2-000.

© Белов В.И., Савичева Е.М., Эбрахими Х., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

For citation: Belov, V.I., Savicheva, E.M., Hossein, E. "Fourth Biennial Conference on Iranian Studies (Tehran, October 27–28, 2025)." *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 426–434 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-426-434 EDN: LXWXAU

Одной из ключевых глобальных тенденций современной мировой политики является актуализация регионального уровня международных отношений. В условиях политической турбулентности в мире, экономической нестабильности и, как следствие, болезненной трансформации миропорядка идет активный поиск оснований для формирования новой системы региональных международных отношений, в том числе в Юго-Западной Азии, поскольку предыдущая, основанная на балансе сил, в целом демонтирована. Странам – лидерам региона, в том числе Ирану, а также России предстоит определить новую траекторию регионального развития, призванную создать условия для выживания народов региона в вооруженных конфликтах, урегулирования конфликтов и постконфликтного восстановления, обеспечения качества жизни на всей линии между полюсами бедности и богатства. Другими словами, ключевые государства Юго-Западной Азии призваны стать своего рода опорой нового регионального обустройства, центрами притяжения, что позволяет говорить о формирующемся полицентризме в региональных международных отношениях. Определяя свое позиционирование в возникающей системе внутрирегиональных связей, доминирующие в ней субъекты международных отношений (государства, региональные международные организации) в силу логики глобализации должны быть готовы к эффективному решению проблемы сопряжения четырех основных пространств развития (Север–Юг–Запад–Восток). Складывающийся при этом их имидж становится основанием для появления в регионе того или иного аттрактора, понимаемого как принципиальная парадигма и модель построения перспективного будущего.

Нацеленность на движение к партнерствам и союзам является одним из приоритетов внешней политики как России, так и Ирана, действующих в составе БРИКС и ШОС и участвующих, по сути, в формировании глобального межрегионального торгово-экономического союза. ЕАЭС также подписал соглашения о зоне свободной торговли с рядом стран (среди них – Иран), которые, не являясь членами Союза, получили льготный доступ на рынок ЕАЭС. Об активизации формирования региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах, создании разноформатных партнерств для решения общих проблем говорится и в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. (п. 12)[1].

Иран символизирует меняющийся мир, который все более обретает свои стабильные очертания. Присоединившись к международным объединениям БРИКС и ШОС, подписав Всеобъемлющее соглашение с Россией в 2025 г., Иран начал тестировать собственные сценарии региональной и глобальной интеграции. По мнению руководства Исламской Республики, обращение к активной региональной политике подкрепляется потенциалом растущей силы, позволяющим решать проблемы на локальном, региональном и мировом уровнях[2]. Регионализм в современной внешней политике Ирана связан с тремя сферами: 1) цивилизационная (ирано-шиитская цивилизация как неотъемлемая часть цивилизации Ближнего Востока); 2) геополитиче-

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 25.01.2026).

[2] 22.11.1398. Khamenei.ir / بیانیه «گام دوم انقلاب» خطاب به ملت ایران [Заявление «Второй шаг революции», обращенное к народу Ирана. 11.02.2019]. URL: https://khl.ink/f/41673 (дата обращения: 25.01.2026).

ская (связующее звено и военный лидер региона); 3) идеологическая (государственная идеология восходит к основаниям ислама шиитского толка). Регионализм, нацеленный на стратегическое партнерство на пространстве Юго-Западной Азии с ключевым участием Ирана, предполагает его эффективное взаимодействие со странами-цивилизациями (Россией, Индией, Китаем), входящими в региональные и межрегиональные интеграции, что ставит задачу моделирования эффективных подходов к развитию сотрудничества между ними при сохранении их собственной идентичности[3]. Это открывает возможность создания в Юго-Западной Азии региональной платформы для диалога и сотрудничества между странами как модуля перспективного евразийского стратегического партнерства и глобального сотрудничества. Осмысление исторического и регионального измерения внешней политики Ирана, опыта его участия в процессах регионализации имеет значимое практическое измерение в силу эффекта исторической синхронизации российской и иранской политической истории. Учет данного фактора, очевидно, необходим при выстраивании перспективных отношений между Россией и Ираном[4].

Международный научный форум в столице Ирана, проводимый раз в два года на платформе факультета мировых исследований Тегеранского университета, стал одним из самых значимых в мире научных мероприятий, посвященных иранским исследованиям. В конференции приняли участие видные ученые, дипломаты, общественные деятели и эксперты из Ирана, России, Индии, Китая, Пакистана, Турции, Ливана, Афганистана, Чили.

На открытии конференции выступили ведущие иранские ученые, в том числе д-р Мохаммад Самиеи (научный секретарь конференции), д-р Саид-Реза Амели (декан факультета мировых исследований Тегеранского университета и президент конференции), д-р Али Акбар Салехи (президент Фонда иранских исследований) и д-р Мохаммад-Реза Мохбер Дезфули (президент Академии наук Исламской Республики Иран).

Д-р Мохаммад Самиеи[5] начал свое выступление с выражения глубокой благодарности за продолжение этого важного академического мероприятия: «Я благодарю Всемогущего Бога за то, что мы принимаем четвертую конференцию по современным иранским исследованиям». Д-р Самиеи заявил, что современные иранистические исследования не ограничиваются историей страны; они направлены также на понимание реалий современного Ирана. Ни одна из проблем человечества не может быть решена в рамках одной дисциплины, поэтому ведущим в изучении современного Ирана выбран междисциплинарный подход. М. Самиеи отметил, что конференция собрала широкий круг ученых и экспертов в различных областях научного знания, таких как история, социология, политология, международные отношения, антропология, религиоведение, культурология и литература, создав богатый междисциплинарный диалог.

Д-р Саид-Реза Амели также тепло приветствовал иранских и зарубежных гостей конференции. В пленарном докладе «Всеобъемлющий характер иранской иден-

[3] *Belov V.* Iran in West Asia: Leadership and Identity // Contemporary Iranian Studies. 4th Biennial Conference 2025. October 27–28, 2025. Booklet 2: English Abstracts. Faculty of World Studies, University of Tehran. P. 11.

[4] *Юртаев В.И.* Россия и Иран: исторические параллели развития // Вестник РУДН. Серия: История России. 2012. № 2. С. 58. EDN: OXVJHZ

[5] سخنان دکتر رحیم مسعیی، دبیر علمی همایش اطلاعات ایران معاصر - دانشکده اطلاعات جهان [Пленарный доклад д-ра Мохаммеда Самиеи, ученого секретаря 4-ой международной конференции по современным иранским исследованиям, Тегеран, 26 октября 2025].

тичности в цивилизационной структуре Ирана» он предложил исходить из того факта, что в современном Иране открылась новая глава в эволюции «современной исламо-иранской цивилизации» и выделил шесть основополагающих компонентов иранской цивилизационной идентичности, которые сохраняли свою целостность на протяжении веков:

1. Миролюбивая и гармоничная идентичность (зороастрийская этика – принцип добрых мыслей, добрых слов и добрых дел; «цилиндр Кира Великого», признанный одной из самых ранних деклараций прав человека. В исламском учении божественные атрибуты Всемилостивого и Милосердного также подкрепляют эту традицию доброжелательности и мирного взаимодействия).

2. Монотеистическая и основанная на вере идентичность (на протяжении всей истории иранцы придерживались монотеизма как основополагающего убеждения. Монотеистические корни зороастризма, сосредоточенные вокруг Ахура Мазды, способствовали последующему принятию ислама, что углубило философские и мистические измерения иранской общественно-религиозной мысли. Такие ученые, как Аль-Фараби, Авиценна, Сухраварди и Мулла Садра, а также поэты – Хафез, Саади, Аттар и Руми – обогатили интеллектуальный ландшафт Ирана, сочетая рациональное исследование с божественным единством.

3. Космополитическая и открытая цивилизация (иранцы по своей природе космополитичны и открыты для диалога с внешним миром. Д-р Амели указал на непреходящий универсализм иранской цивилизации, что заключено в инклюзивных посланиях Корана – «О человечество» и «О вы, верующие»; а также классическом персидском гуманизме, примером которого служит знаменитый стих Саади «Люди – члены одного тела, созданные из одной сущности»).

4. Дух сопротивления несправедливости (культура сопротивления, историческая стойкость Ирана перед лицом вторжений сохранилась и в современную эпоху, проявившись в 12-дневной войне 2025 г.).

5. Глубокое чувство национальной самоидентификации и территориальной целостности (примерами проявления коллективного духа Ирана и привязанности иранцев к Родине были названы восстание в июне 1963 г., Исламская революция 1979 г. и общенациональные собрания в память о мученике генерале Сулеймани).

6. Рациональная и основанная на знаниях идентичность (иранская цивилизация всегда основывалась на разуме, учености и научных изысканиях. Уважение к знаниям объединяло иранское общество на протяжении веков. Сегодня Иран входит в десятку ведущих стран в нескольких научных областях – например, занимает шестое место в мире по количеству публикаций в области искусственного интеллекта. Этот интеллектуальный капитал необходимо лучше интегрировать в управление и процесс принятия решений для генерации нового цивилизационного творчества).

Третий пленарный доклад был представлен *д-ром Али Акбаром Салехи*[6], президентом Фонда иранских исследований. Он отметил важность рассмотрения Ирана как живой и динамичной реальности в современном мире, а не как статичного исторического конструкта, потому что Иран представляет собой живую и развивающуюся истину, которая постоянно воссоздавалась на протяжении истории, сохраняя при этом свою подлинную идентичность. По мнению А.А. Салехи, религия и традиции служат истинными столпами иранской идентичности, позволяя нации оставаться устойчивой перед лицом меняющихся идеологических и культурных тенденций. Для

[6] Keynote Speech by Dr. Ali Akbar Salehi // Fourth Biennial Conference on Iranian Studies. Tehran, October 26, 2025.

иранского народа характерна умеренность, терпимость и способность усваивать и локализовывать иностранные влияния, не теряя при этом своей подлинной сущности, что сделало Иран «землей, которая превратила многообразие в гармонию».

Завершил пленарное заседание конференции доклад президента Академии наук Ирана *д-ра Мохаммеда Резы Мохбера Дезфули*, в котором была подчеркнута важность древнего наследия Ирана в области научных исследований, а именно – основание Академии Гондишапура, которая признана ЮНЕСКО старейшим университетом в мире. Д-р Мохаммед Реза Мохбер Дезфули отметил в этой связи:

> В Гондишапуре знания выходили за рамки расы, религии и языка. Ученые из разных стран собирались там, чтобы вместе преподавать и проводить исследования. Этот дух интеллектуальной открытости и гуманизма является отличительной чертой иранской цивилизации. После подъема ислама произошло слияние иранской мысли и исламской мудрости. Этот синтез создал форму знания, направленную не просто на накопление информации, но и на возвышение человеческого духа и стремление к мудрости. Иран, благодаря силе своей культуры и интеллекта, превратил кризисы в возможности для возобновления научного и культурного расцвета. Этот внутренний динамизм – секрет цивилизационной стойкости Ирана[7].

Он отметил выдающийся научный прогресс Ирана после Исламской революции, подтвердив это следующими фактами: во время революции в Иране было всего 25 университетов. В настоящее время в стране насчитывается более 400 университетов и тысячи научно-исследовательских институтов. Число преподавателей увеличилось с менее чем двух тысяч до десятков тысяч профессоров и молодых исследователей. Доля Ирана в мировой научной продукции выросла с менее чем 0,1 % до более чем 2 %, а в ряде областей – таких как нанотехнологии, исследования стволовых клеток и оборонные технологии – Иран входит в число мировых лидеров.

В заключении ученый обратил внимание на то, что «ирано-исламская цивилизация учит нас, что наука должна служить человечеству, а не причинять ему вред. Подобно тому, как наша традиция объединяет знания с мудростью, мы должны теперь вновь связать науку с этикой – чтобы строить цивилизацию, а не кризис. Благодаря своему человеческому капиталу и цивилизационному наследию Иран может вновь сыграть значимую роль в современном мире и представить человечеству модель, которая гармонично сочетает науку, веру и культуру».

Д-р Сасан Карими в докладе «Выживание и развитие в современном Иране: взгляд на пятивековую историю внешних отношений Ирана» показал, что иранская цивилизация привнесла в современную эпоху свой собственный образ времени и, в отличие от многих других, не претерпела серьезных изменений. Это значение времени предполагает соразмерность процессов воспроизводства и развития определенной философски осмысленной перспективы для страны[8].

В центре внимания участников конференции были три основные темы: 12-дневная война 2025 г., отношения Ирана с Россией и Китаем и Иран и современный арабский мир.

В рамках конференции были организованы два специализированных круглых стола, посвященных 12-дневной войне против Исламской Республики Иран. Первый

[7] Keynote Speech by Dr. Mohammad Reza Mokhber Dezfouli // Contemporary Iranian Studies. 4th Biennial Conference 2025. October 26, 2025.

[8] Karimi Sasan. Survival and development in contemporary Iran Rooting out the duality of survival and development in Iran in the shadow of the civilizational meaning of the element of time and a look at the five-century history of Iran's foreign relations // Contemporary Iranian Studies. 4th Biennial Conference 2025. October 27–28, 2025. Booklet 2: English Abstracts. Faculty of World Studies, University of Tehran. P. 24.

круглый стол прошел с участием д-ра Меджида Тахт-Раванчи (заместителя министра иностранных дел ИРИ) и таких известных профессоров Тегеранского университета как д-р Эбрахим Мотаги и д-р Джахангир Карами. В работе второго круглого стола приняли участие д-р Фоад Изади (Тегеранский университет), д-р М.К. Саджадпур (профессор Института политических и международных исследований МИД ИРИ) и д-р Бехзад Ахмади (директор Института европейских и североамериканских исследований Тегеранского университета).

Особый интерес вызвала дискуссия об опыте Ирана как одного из региональных лидеров во взаимодействии с Россией в динамично меняющемся регионе Юго-Западной Азии.

Российскую сторону на конференции представляли ученые из Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). Профессор кафедры востоковедения и африканистики РУДН *В.И. Белов* в своем докладе «Иран в Западной Азии: лидерство и идентичность»» отметил, что усиление регионализма во внешней политике Ирана, связанное с построением иранской «экономики сопротивления»[9], означает курс Тегерана на расширение взаимодействия с государствами Юго-Западной Азии, особенно с мусульманскими соседями и странами арабского мира, а также с Российской Федерацией. Для России, Ирана и других государств региона это, в конечном счете, стало вызовом инновационного раскрытия накопленного в странах региона человеческого капитала как креативного ресурса для построения экологически ориентированной цивилизации мира. В этом контексте, учитывая совместные приоритеты России и Ирана, важнейшим направлением и инструментом развития стратегического партнерства является Международный транспортный коридор (МТК) «Север – Юг». Россия, вслед за Ираном, предлагает странам-участницам новое прочтение концепции МТК «Север – Юг», рассматривая его как своего рода интеграционное объединение. По сути, речь идет о формировании новых международно-ориентированных производственных и торговых полюсов, обеспечивающих рост: 1) товарооборота между Ираном и Россией, Ираном и Индией; 2) транзитной торговли Китая и Индии через Иран и Россию со странами Евросоюза, афро-азиатскими странами бассейна Индийского океана (от Южной Кореи до ЮАР), Южного Кавказа и Центральной Азии, с Афганистаном и Монголией. Активная позиция России и Ирана продиктована необходимостью сохранения выгодного для них баланса сил в Каспийском регионе в ситуации попыток формирования транзитно-торгового и военно-стратегического по возможному функционалу, геополитического в своем основании тюркского коридора между Турцией и Пакистаном через Азербайджан, Узбекистан и Афганистан. Подобная ситуация грозит Ирану изоляцией с севера и востока, а России – с юга, поскольку ведет к усилению геополитического влияния Турции и расширению НАТО на Восток[10].

В докладе отмечалась нацеленность Ирана в XXI в. на создание условий для становления «всемирной справедливой власти» (хокумат-э `адл-е джахани) через новое возвышение исламского государства. Интегральный эффект от участия Ирана в процессе глобализации созвучен свойственной исламу целостности (таухид), что способствует большему раскрытию потенциала Исламской Республики, которая

[9] *Belov V.I., Pichugin S.V., Ranjbar D.M.* Energy diplomacy and the formation of a “resistance economy” in Iran // Vestnik RUDN. International Relations. 2025. Vol. 25. № 3. P. 3. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-522-537 EDN: XZJVNV

[10] *Белов В.И.* Россия и Иран на пути к стратегическому партнерству // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248. С. 267–273. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-263-277 EDN: DPVMXW

в условиях переустройства мира является одним из глобальных центров, обеспечивающих стратегический баланс геополитических интересов разных цивилизаций Востока и Запада, Севера и Юга, как оплот движения к справедливому миропорядку[11].

В заключении было отмечено, что России и Ирану целесообразно продолжить долговременно ориентированную работу по синхронизации интересов сторон в региональном и международном контекстах. Заключив 17 января 2025 г. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, Россия и Иран показали свою готовность к евразийской экономической интеграции, которая все заметнее становится головным геостратегическим проектом, нацеленным на обеспечение технологического, финансового и интеллектуального суверенитета всех участников этого глобального по сути процесса становления новой системы хозяйствования и комплексной безопасности.

Е.М. Савичева, доцент кафедры востоковедения и африканистики РУДН, в своем докладе «Формирование международных транспортных коридоров в Евразии: Россия и Иран» обратила внимание на формирование новых транспортных маршрутов между Востоком и Западом как одной из главных тенденций на мировом транспортном рынке[12]. Международные транспортные коридоры имеют важное значение для создания развитой транспортной сети между странами, поскольку способствуют укреплению международного сотрудничества и формированию новых экономических, научных, технических и культурных связей между государствами. Их деятельность также важна для поддержания стабильности и безопасности на различных уровнях. Эксперт подчеркнула, что санкционное давление привело к изменению структуры и направлений грузоперевозок в России. При этом переориентация экспортных грузоперевозок в восточном и южном направлениях происходит ускоренными темпами. Особое внимание уделяется маршруту «Север–Юг» и Северному морскому транзитному коридору, поскольку цепочки поставок смещаются в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока.

Докладчик обратила внимание на деятельность мультимодального маршрута «Север–Юг» от Санкт-Петербурга до индийского порта Мумбаи протяженностью 7,2 тыс. километров. Маршрут включает три направления: транскаспийский (с использованием железных дорог и портов), западный и восточный (наземные пути). Одной из ключевых стран, расположенных вдоль этого маршрута, является Иран, который проявляет большой интерес к проекту, надеясь улучшить свою внешнеполитическую и экономическую ситуацию[13]. В мае 2023 г. Россия и Иран подписали документы о завершении строительства западного участка железной дороги Решт – Астара в Иране. Развитие МТК «Север–Юг» долгое время сдерживалось и продолжает сдерживаться экономическими санкциями США в отношении Ирана.

Е.М. Савичева пришла к выводу, что Евразийский транспортный каркас должен существовать в мощном комплексе, обеспечивая России и Ирану экономическую и политическую интеграцию в обширное евразийское пространство. В контексте формирования нового мирового порядка предпочтение того или иного конкурирующего логистического проекта может привести к трансформации торговли на обширной территории и изменению существующих центров силы.

---

[11] *Белов В.И.* Цивилизационные основания государства в Иране // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 6–19. https://doi.org/10.31249/kgt/2024.04.00 EDN: SVPEQS

[12] *Savicheva E., Tatlioglu E.* Black Sea–Caspian Region in Global Context: International Transport Corridors // Journal of Gazi Akademik View. 2025. Vol. 37. № 19. P. 1–22. http://doi.org/10.19060/gav.1836488 EDN: DNEKDD

[13] *Дунаева Е.В.* Россия и Иран на евразийском пространстве: контуры сотрудничества. 2024. М., 2024; *Марьясов А.Г.* Россия и Иран: взаимосвязанные геополитические интересы и региональное взаимодействие. 2024. М., 2024.

На заключительной сессии с докладом выступил д-р *Мохаммад Зариф* (министр иностранных дел Исламской Республики Иран в 2013–2021 гг.), который отметил национальную стойкость иранского народа во время 12-дневной войны, что не позволило врагу достичь своих целей. Иранцы, подчеркнул М. Зариф, никогда не сдавались и, сталкиваясь с вторжением или оккупацией, всегда оставались независимой нацией, будучи старейшей цивилизацией в мире: «Иранский народ – это главный сдерживающий фактор; он живой, динамичный и готов защитить свою страну. Иран обладает волей и способностью ответить; иранцы едины и способны защитить себя». Как подчеркнул М. Зариф, даже если вся инфраструктура и ядерные материалы Ирана будут уничтожены, научное измерение ядерной программы сохранится, поэтому для США было бы стратегически целесообразнее заключить соглашение с Ираном, что необходимо для обеспечения мирного использования этого потенциала. При этом отношения с Россией и арабскими соседями должны быть ориентированы на будущее, избегая исторических ловушек, и строиться на взаимном уважении, невмешательстве, территориальной целостности и региональном сотрудничестве. Д-р М. Зариф выступил с инициативой создания «Форума диалога мусульман Западной Азии» для преобразования враждебности в дружбу, используя региональное сотрудничество для взаимной выгоды[14].

По итогам конференции выступила ее исполнительный секретарь *д-р Ханифе Риги,* которая представила отчет секретариата и выразила благодарность исполнительному персоналу, отделу международных отношений, особо отметив г-на *Хоссейна Эбрахими* (одного из авторов данной публикации) и его команду, а также всех своих коллег и сотрудников факультета мировых исследований. Итоги работы секций конференции подвели модераторы. Профессор *М. Самиеи* выразил особое удовлетворение плодотворными результатами, которые были достигнуты в ходе обмена мнениями между участниками, и выразил надежду, что и в дальнейшем Тегеранский университет может быть постоянным центром, объединяющим усилия изучающих современный Иран исследователей в различных областях знания.

В целом, участники конференции высказались за обеспечение безопасности и формирование атмосферы доверия и конструктивного диалога в Юго-Западной Азии, за стабильный и свободный от конфликтов регион, открытый для широкого международного сотрудничества и взаимовыгодной всесторонней экономической кооперации, что является важным приоритетом внешней политики России и Ирана, значимой целью их регионального сотрудничества и деятельности по предотвращению и разрешению конфликтов. Отсюда – востребованность коллективных усилий на международном и региональном уровнях, способствующих сохранению в регионе подлинного мира, принципов добрососедства и устойчивого развития.

Поступила в редакцию / Submitted: 1.02.2026
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.02.2026
Принята к публикации / Accepted for publication: 7.03.2026

References

Belov, V.I. “Russia and Iran on the path toward strategic partership.” *The Scientific works of the Free Economic Society of Russia* 248 (2024): 263–277 (in Russian), https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-263-277

[14] ظ. فیرز .م .ا ران تسلیم نمی دوش [Зариф М. Иран никогда не сдастся]. URL: https://www.magiran.com/article/4643798 (дата обращения: 25.01.2026).

Belov, V.I. "Civilisational Foundations of the State in Iran." *Outlines of global transformations: politics, economics, law* 17, no. 4 (2024): 6–19 (in Russian), https://doi.org/10.31249/kgt/2024.04.00

Belov, V.I., Pichugin, S.V., and Ranjbar, D.M. "Energy diplomacy and the formation of a 'resistance economy' in Iran." *Vestnik RUDN. International Relations* 25, no. 3 (2025): 522–537. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-522-537

Dunaeva, E.V. *Rossiia i Iran na evraziiskom prostranstve: kontury sotrudnichestva. 2024* [Russia and Iran in the Eurasian space: contours of cooperation. 2024]. Moscow: Tsentr Primakova Publ., 2024 (in Russian).

Maryasov, A.G. *Rossiia i Iran: vzaimosviazannye geopoliticheskie interesy i regional'noe vzaimodeistvie. 2024* [Russia and Iran: Interrelated Geopolitical Interests and Regional Interaction. 2024]. Moscow: Tsentr Primakova Publ., 2024 (in Russian).

Savicheva, E., and Tatlioglu, E. "Black Sea–Caspian Region in Global Context: International Transport Corridors." *Journal of Gazi Akademik View* 37, no. 19 (2025): 1–22. https://doi.org/10.19060/gav.1836488

Yurtaev, V.I. "Iran and Russia: Historic Parallels of Development." *RUDN Journal of Russian History*, no. 2 (2012): 48–61 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Иванович Белов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; руководитель Центра исследования Глобального Юга Института научной информации по общественным наукам, Российская академия наук; 117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 51/21; yurtaev-vi@rudn.ru; https://orcid.org/0000-0001-6112-5550; SPIN-код: 4552-2182.

Vladimir Ivanovich Belov, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of Oriental and African Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; Head of the Center for Global South Studies, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 51/21, Nakhimovsky Prosp., Moscow, 117418, Russia; yurtaev-vi@rudn.ru; https://orcid.org/0000-0001-6112-5550; SPIN-code: 4552-2182.

Елена Михайловна Савичева, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и африканистики факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; savicheva@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8617-3508; SPIN-код: 6331-0848.

Elena Mikhailovna Savicheva, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Oriental and African Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; savicheva@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8617-3508; SPIN-code: 6331-0848.

Хосейн Эбрахими, доктор наук (международные отношения, общественная дипломатия), Тегеранский университет; Иран, Тегеран, ул. Шанздах-э-Азар; hosbari@yahoo.com

Hossein Ebrahimi, PhD in International Relation (Public Diplomacy), University of Tehran; Shanzdah-e-Azhar Str., Tehran, Iran; hosbari@yahoo.com